

ISSN 2411-1503

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Выпуск XXX

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2411-1503

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431
С689

Главный редактор:
А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:
*В.В. Горбунов, С.П. Грушин, К.Ю. Кирюшин,
Д.В. Папин, Н.Н. Серегин, Т.С. Паршикова,
В.П. Семibrатов, Т.В. Тишкина, Я.В. Фролов*

С689 **Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края.**
2024. Вып. XXX. — 380 с.

Издание содержит статьи, подготовленные на основе материалов докладов XXX Международного симпозиума «Сохранение и изучение культурного наследия Алтая». Рассматриваются различные вопросы, связанные с проблемами изучения и сохранения памятников археологии, истории, архитектуры и этнографии, а также с использованием объектов наследия в музейной деятельности и в сфере культурного туризма.

Издание подготовлено в рамках реализации госзадания по проекту «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000)

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИЗУЧЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ

<i>Айтбаев Т.А.</i> Параллели в традиционных молочных продуктах у кыргызов и тюркских народов Сибири	7
<i>Акматова К.К., Жапаров А.З.</i> Аконит иссык-кульский: опыт применения у кыргызов	11
<i>Ахмедова (Охунова) Г.А.</i> Влияние процессов глобализации на трансформацию предсвадебных обрядов узбеков города Ош (Киргизия)	17
<i>Маразыков Н.К., Садыкова М.Т.</i> Народные традиции и обряды при строительстве домов в Южном Кыргызстане	22
<i>Мукаева Л.Н.</i> Труды по геологии и горному делу в книжном собрании Гуляевых	30
<i>Назаров И.И.</i> Надежда Петровна Дыренкова и ее вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Южной Сибири	37
<i>Онников А.В.</i> Локтевская шлифовальная мельница на Алтае (краткий исторический очерк)	41
<i>Осмонова С.К.</i> Традиционные обряды и обычаи кыргызов, связанные с послеродовым периодом	52
<i>Пилипенко С.А., Дудченко У.Ю.</i> Подвиг и уважение: российско-корейская дружба жителей г. Новосибирска с лидерами Северной Кореи (взгляд через призму эпиграфических надписей и судьбу одного из жителей Новосибирска)	59
<i>Сатыбалдиева Ч.Т.</i> Традиционное ковроткачество кыргызов как культурное наследие южных областей Кыргызстана: методы исследований	66
<i>Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С.</i> Об актуальности экологической культуры Республики Алтай	72
<i>Целищева М.А.</i> Аптека Фрейдберга в Змеиногорске — пример общественного здания начала XX века, выполненного в формах эклектики с элементами кирпичного стиля	77
<i>Целищева М.А.</i> Две торговые лавки на базарной площади в Змеиногорске купца Воробьевского — история и современное использование	82
<i>Целищева М.А.</i> Дом купца А.В. Огурова в Змеиногорске — памятник деревянного зодчества начала XX в. в стиле эклектики с обилием оригинального резного декора	89

РАЗДЕЛ 2
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Бекетов А.В.</i> Некоторые особенности расположения и планиграфии курганных групп раннего железного века Приобского плато (по материалам Баевского района)	95
<i>Бекетов А.В., Телегин А.Н.</i> Реконструкция татуированного изображения на мумифицированном теле из кургана №1 могильника Ак-Алаха-3	101
<i>Белоусов Р.В.</i> Исследования археологических микрорайонов в Каменском Приобье осенью 2023 года (Каменский район Алтайского края)	106
<i>Бондаренко С.Ю., Тишкин А.А., Табалдиев К.Ш.</i> Графические прорисовки цифровых моделей объемных скульптур тюркского времени (по материалам Кыргызстана)	113
<i>Бородовский А.П.</i> Предметы с декором из символов и мотивов буддийской изобразительной традиции среди случайных находок эпохи средневековья на севере Верхнего Приобья	123
<i>Головченко Н.Н.</i> Опыт разработки базы данных предметного комплекса одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа	129
<i>Головченко Н.Н., Назаров К.А.</i> Находки керамики в с. Крутиха	134
<i>Горбунов В.В.</i> Поясная гарнитура эпохи Великого переселения народов из памятников Лесостепного Алтая	138
<i>Грушин С.П., Горбунов В.В.</i> Случайная находка железного наконечника стрелы из долины р. Сентелек	147
<i>Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К.</i> Исследования памятников тюркского времени в горном массиве Калмаккырган (Северо-Восточная Сарыарка): предварительное сообщение	152
<i>Дашковский П.К.</i> Новые данные радиоуглеродного датирования кургана афанасьевской культуры из могильника Инской Дол (Алтай)	160
<i>Демин М.А., Кунгуров А.Л.</i> Ранний керамический комплекс поселения «Талица-Переход»	165
<i>Демин М.А., Ситников С.М., Савко И.А.</i> Предварительные результаты раскопок грунтового могильника андроновской (федоровской) культуры Манжиха в Верхнем Причумышье	172
<i>Иванов Г.Е.</i> Кинжалы эпохи развитой бронзы из коллекции краеведа Г.А. Клюкина	181
<i>Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А., Гусев И.В.</i> Захоронение раннего железного века из Центрального Казахстана	186
<i>Лихачева О.С.</i> Древковое оружие ближнего боя большереченской культуры в экспозиции Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки	192

<i>Марсадоллов Л.С.</i> Древние меры длины для ряда стел из Балчикова-3 на Алтае (ответ П.И. Шульге)	199
<i>Марсадоллов Л.С., Тишкин А.А., Серегин Н.Н.</i> К истории изучения курганов в Яконуре на Алтае (к 85-летию экспедиции М.П. Грязнова)	209
<i>Пашкова А.Н.</i> История изучения памятников пазырыкской культуры сотрудниками Алтайского государственного университета в советское время ..	217
<i>Плотников Д.Р., Мороз Ю.М.</i> Усть-Барангол — новый памятник каменного века на Средней Катуні (по материалам раскопок 1956 г.)	222
<i>Радовский С.С.</i> Фрагмент бронзовых удил из северных предгорий Алтая	227
<i>Серегин Н.Н.</i> Тюркская оградка из урочища Карбан (по материалам работ М.Т. Абдулганеева)	231
<i>Серегин Н.Н., Горбунов В.В.</i> Раннетюркский ритуальный объект из Северного Алтая	239
<i>Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С.</i> Околокурганные объекты раннескифского времени на некрополе Карбан-I	246
<i>Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф.</i> Ярусные наконечники стрел начала раннего средневековья из северных предгорий Алтая (по материалам исследований некрополя Горный-10)	254
<i>Тишкин А.А.</i> Металлические удила со стремевидными окончаниями из местонахождения Гуселетово-VI (Романовский район Алтайского края): комплексное описание и рентгенофлюоресцентный анализ	261
<i>Тишкин А.А., Идэрхангай Т-О., Горбунов В.В., Эрдэнэпурэв П., Цэнд Д., Энхзул Ж.</i> Продолжение исследований на археологическом комплексе Хушуун дэнж-04 (Центральная Монголия)	267
<i>Тишкин А.А., Киреев С.М.</i> Рентгенофлюоресцентный анализ бабочковидных поясных блях из коллекции Н.С. Гуляева в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина	275
<i>Тишкин А.А., Лихачева О.С., Семибратов В.П.</i> Наконечники стрел из объекта культурного наследия федерального значения «Камешок-1, поселение»	280
<i>Умарова Р.Т.</i> Археологические исследования памятников города Ош и его окрестностей на Великом шелковом пути	288
<i>Эрдэнэпурэв Пурэвдорж.</i> О проблемах и опыте сохранения «оленных» камней в Центральной Монголии (на примере комплексов Дааган дэл и Ундур толгойн дэнж)	292

РАЗДЕЛ 3
МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ,
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ
В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

<i>Абдулина А.Т.</i> Программа «Сакральный Казахстан» в свете развития туризма	299
<i>Адьяшева Н.К.</i> Музеи Алтая: хранилища истории и культуры	306
<i>Алексеева В.Е.</i> Формирование антропологических коллекций из погребальных комплексов одинцовской культуры Верхнего Приобья	309
<i>Бичелдей У.П., Хумбун С.А.</i> Еще раз об одной буддийской тханке из коллекции Национального музея Республики Тыва: проблемы учета, атрибуции и хранения	316
<i>Куюков Р.В.</i> Конское снаряжение раннесредневековых тюрок в собрании НМРА: история формирования коллекции	321
<i>Му Цилэ.</i> «Оленные» камни в музеях Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая	329
<i>Тихонов С.С.</i> Большая речка: материалы архива М.П. Грязнова	333
<i>Тишкин А.А.</i> Чуйский «оленный» камень: история изучения и необходимость сохранения уникального изваяния	341
<i>Тишкина Т.В., Шорина Д.Е.</i> Выставки в музеях Барнаула, посвященные 85-летию Алтайского края: презентация историко-культурного наследия	348
<i>Филиппова О.Г., Головченко Н.Н., Чуваев Н.А.</i> Археологический десант: итоги реализации проекта по популяризации археологии Алтайского края	358
<i>Шастина Т.П.</i> Отзывы раннесоветской эпохи о туристических маршрутах Горного Алтая	365
<i>Шмидт А.В., Протодьяконов К.Е.</i> «50+»: выставочный проект, посвященный юбилею отделов археологии и палеонтологии в Музее Природы и Человека	371
Список сокращений	379

РАЗДЕЛ 1

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

ИЗУЧЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ

Научная статья / Article

УДК: 637.1(571.1/5)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.01

EDN: VXTTXK

ПАРАЛЛЕЛИ В ТРАДИЦИОННЫХ МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТАХ У КЫРГЫЗОВ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ

Тажибай Акматович Айтбаев

Ошский государственный университет, Ош, Кыргызская Республика

Резюме. На основе полевых материалов и источников, полученных в ходе экспедиций по разным областям Кыргызстана, были исследованы этнокультурные параллели в традиционных молочных продуктах у кыргызов и у тюркских народов Сибири. Кыргыз, как и другие тюркские народы, издавна отличались своим особым приготовлением молочных продуктов. Их традиционная система питания сохранила свои черты до настоящего дня. Она позволяет выявить сходства и различия с традициями в приготовлении молочных блюд у других народов, в том числе выявить параллели с тюркскими народами Сибири.

Ключевые слова: пища, молоко, национальная, кухня, навыки, умения, история, этнография, кыргызы, народы Сибири

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации госзадания по проекту «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Для цитирования: Айтбаев Т.А. Параллели в традиционных молочных продуктах у кыргызов и тюркских народов Сибири // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 7–11. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.01

PARALLELS IN TRADITIONAL DAIRY PRODUCTS AMONG THE KYRGYZ AND TURKIC PEOPLES OF SIBERIA

Tazhibai A. Aitbaev

Osh State University, Osh, Kyrgyz Republic

Abstract. The article, based on field materials and sources obtained during expeditions to different regions of Kyrgyzstan, explores ethnocultural parallels in the traditional dairy products of the Kyrgyz people and the Turkic peoples of Siberia. The Kyrgyz, like other Turkic peoples of Siberia, have long been distinguished by their peculiarities in the preparation of dairy products. Their traditional food system has retained its features to this day. It allows us to identify similarities and differences with traditions in the preparation of dairy dishes with other peoples, including identifying parallels with the Turkic peoples of Siberia.

Keywords: food, milk, national, cuisine, skills, abilities, history, ethnography, Kyrgyz, peoples of Siberia

Acknowledgments: the publication was prepared as part of the implementation of the state assignment for the project “Turkic World of the Great Altai: Unity and Diversity in History and Modernity” (registry number 850000F99.1. BN66AA04000).

For citation: Aitbaev T.A. Parallels in Traditional Dairy Products among the Kyrgyz and Turkic Peoples of Siberia. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:7–11. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.01

Кыргызы, как и другие тюркские народы Сибири, издавна отличались своим особым приготовлением молочных продуктов.

Система питания любого народа зависит от ряда факторов: естественно-географической среды, социально-экономических условий, этнических традиций, большую роль играет также направление хозяйства, его тип. Молоко было одним из повседневных продуктов питания кыргызов с древних времен. В жизни кыргызов скотоводство играло важную роль, поэтому обычный рацион состоял в основном из молочных угощений.

Кыргызы с древних времен доили коров, овец, кобыл, коз, яков и верблюдов и готовили различные блюда из молока и молочных продуктов, они пили сырое и вареное молоко. Кыргызы, как и другие тюркские народы Сибири, с древних времен знали качество, ценность и свойства молока и молочных продуктов.

Охарактеризуем основные виды молока и молочные продукты кыргызов.

Ууз — первое молоко после рождения теленка. Одним из первых молочных продуктов после рождения теленка является творог, приготовленный из молока ууз. Из вареного молока, выделялся при этом желтый творог. Варили его, не перемешивая, на сильном огне. По традиции первый изготовленный творог из молока ууз раздавали соседям.

Быштак — творог. Кыргызы, как правило, готовили творог из свежего молока. Они никогда не делали творог из простокваши. В кастрюлю наливали свежее молоко, а после того, как оно некоторое время прокипело, добавляли пару ложек простокваши или обычного кефира, после того как загустеет, еще раз кипятили, затем сливали в мешок и сверху ставили камень — груз. Когда сыворотка полностью стекает, творог приобретает твердую форму.

Творог у тегенитов называется *быштак*, а у телеутов — *пыштак*. Тубалары: когда молока было много, его сквашивали и делали творог *тварак*. Из сметаны *каймак* сбивали и топили масло *сайроу*. Многие делали *чеген* — квашеное молоко, гнали из него молочную водку *ара*. После сцеживания творожной массы *пожа* оставался творог *аарчы*, из которого изготавливали сырчик *курут* (Тюркские народы Сибири, 2016, с. 504).

Эжигей. Его обычно готовят из овечьего молока, иногда из козьего и молока яков. Основу эжигея составляет солод. Ученые отмечают, что слово *эжигей* имеет параллельное употребление в тюрко-монгольских языках: монгольском *ээзгий* — творог, тувинском — *ээжегей*, хакасском — *эчигей*, алтайском — *эжегей* (Джапанов, 2001, с. 77).

Для этого первое молоко ууз с добавлением солода и свернувшегося кефира, пока он еще теплый, выливают в вымытые бараньи кишки. Эту субстанцию потом вешают в тени на два-три дня. После высыхания такой продукт будет храниться в течение всего года. Для приготовления *эжигея* в котел наливают овечье молоко. Когда оно станет теплым, добавляют измельченные дрожжи. Простоквашу смешивают с теплым молоком, после свертывания молока огонь увеличивают, а массу варят до полного высыхания. Когда масса закипает, чтобы она не пригорела, подкладывают на дно котла ветку или циновку. Когда выварка молока высохнет и ее цвет станет бело-желтым — эжигей готов.

Айран. У кыргызов айран — кефир издревле изготавливали из молока овец, коз, коров и яков. Чтобы теплое молоко свернулось, в него помещали небольшой объем имевшегося айрана. После чего емкость укутывали и держали в тепле определенное время: летом 6–8 часов, осенью 10–12 часов. Об айране в народе ходят пословицы: «*Жаман катын айран уютса, иритет, тери аштаса чиритет*» («Если плохая жена заквасит кефир, он сгниет, если шкурку обработает — она тоже сгниет» (Кайыпов, 2011, с. 56). Из кефира можно приготовить твердый кефир — *сүзмө*, а из твердого кефира можно приготовить *курут* и *чалап* — жидкий напиток из твердого кефира. Если в суп добавляют кефир, то он называется *ак серке*, если в воду, то его называют *чалап*, если в него добавляют муку (*талкан*), то это называется *блюдо с айраном*, а если в суп добавляют *чалап* — это называется *ала дөң*.

Из традиционных молочных продуктов у телеутов были айран, напиток из кипяченого молока, или *чегень*. Также телеуты умели готовить сметану, варенец, сыры *пыштак* и *курут* (Тюркские народы Сибири, 2006, с. 202).

Сүзмө делают из всех видов кефира. Его готовят, разливая забродивший кефир в специально подготовленные мешочки — двухслойный мешочек из белой ткани, так, чтобы в нем поместилось пару ведер (10–15 л). В такой емкости кефир оставляют на 1–2 дня. В некоторых местах для *сүзмө* шили специальный шерстяной мешочек. Когда мешок наполнялся, его клали в большой котел, добавляли молоко и кипятили на огне. Вареную *сүзмө* охлаждали, сливали обратно в мешок и оставляли еще на 2–3 дня. Когда вода становилась желтой, добавляли соль и готовили *курут*.

Курут. Как было описано выше, из *сүзмө* делают *курут*. Когда *сүзмө* высыхает, достают из мешка и сушат на доске в специально изготовленных циновках и корзинах. Вареный, соленый, сушеный *курут* хранился долго. *Эме курут* ели с маслом и хлебом. Как отмечают исследователи, слово *курут* имеет параллельное употребление и у тюркских народов Сибири, алтайцев, телеутов, кумандинцев, теленгитов (Тюркские народы Сибири, 2006, с. 85).

Каймак — сливки, одно из древнейших традиционных блюд кыргызов. Чтобы получить сливки, после доения овечье, козье, коровье или ячье молоко для этого варят в котле, разливают по плоским деревянным тарелкам, выдерживают 6–8 часов, а затем снимают с молока сливки. Из сливок получали топленое масло *сары май* и начинку — *чөбөгө*. Аналогичное название

встречается у следующих народов: алтайцев, теленгитов, кумандинцев, шорцев, чулымцев, все называют *каймак* (Тюркские народы Сибири, 2006, с. 85).

Сары май — один из традиционных молочных продуктов кыргызов. Для того чтобы приготовить его, собирали сливки, затем их варили в котле, чтобы они не пригорели, перемешивали, затем с верхней части содержимого котла брали масло в отдельную миску, а масло, которое опустилось на дно, — в другую.

Масло хакасы употребляли в пищу в свежем или растопленном виде. Топленое масло заготавливали на зиму и хранили в специально приготовленных кишках или желудках барана или теленка (Патачаков, 1958, с. 68).

Карын май — это особый вид масла, который хранили в выделанном желудке овцы или козы. Такой желудок вымачивали в соленой воде, а потом надували его и подвешивали для высыхания. Позже его наполняли маслом и в таком виде хранили. Для потребления масла желудок разрезали и изымали оттуда масло. Часто это масло подавали к столу зимой, когда приходили гости и по праздникам.

Кумыз — кисломолочный напиток из кобыльего молока. Кыргызский народ издревле готовил кумыс из верблюжьего, конского и коровьего молока. Для приготовления настоящего кумыса используют чаще всего свежее кобылье молоко. Доят кобылу 4–5 раз в сутки, при этом каждый раз получают в среднем литр молока. Перед дойкой к кобыле подводят жеребенка — в противном случае кобыла не даст себя доить. Полученное молоко наливают в специальную емкость, где хранится небольшое количество предыдущего кумыса, которое выступает как закваска. А первичную закваску, т.н. «бродило», в разных местах готовят по-разному, используя для этого разваренное пшено, солод, кислое коровье молоко и т.п. Саму емкость — бурдюк готовили исключительно из натуральной кожи (большая емкость — *сабаа*, маленькая — *чанач*).

В прошлом кыргызам было известно изготовление молочной водки — *арак* из кумыса (Абрамзон, 1946, с. 39).

Хмельные напитки подразделялись на два типа: *бозо*, пиво, из которого перегоняли водку. Молочная водка — *арак*, перегонялась из кумыса на специальном аппарате — *канка чорго*. Существовали и другие способы получения хмельных напитков из кумыса и *бозо* без перегонки. Например, чтобы получить сильный хмельной напиток из кумыса, на дно бурдюка — *саба* клали очищенный корень растения *кучала* — *чилибуха*. Иногда, чтобы поднять крепость молочной водки, *чилибуху* бросали прямо в водку (Кочкунов, 2003, с. 13).

Таким образом, исходя из вышесказанного, делаем вывод, что система питания кыргызов зависела от естественно-географической среды и социально-экономических условий. Большое значение в сохранении этнических традиций играло и преобладание скотоводческого хозяйства, которое давало сырье для молочной продукции. Молоко было одним из повседневных продуктов питания кыргызов с древних времен. Приведенные параллели

с тюркскими народами Сибири говорят о том, что, несмотря на некоторые особенности традиционных молочных продуктов у кыргызов, они были все-таки единообразны в своей основе и у других народов.

Эти выводы дают нам основание констатировать, что истоки традиций уходят в глубокую древность, а многовековой процесс, связующий различные этнические пласты, привел к установлению тесных взаимосвязей кыргызов с другими этносами.

Список источников

- Абрамзон С.М. Очерки культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946. 124 с.
Джапанов А.А. Кыргыз тилиндеги сүттөн даярдалуучу тамак — аштар жана азыктар // Социальные и гуманитарные науки. 2001. №3–4. С. 75–78.
Кайыпов С.Т. Памир кыргыздарынын сүттөн жана эттен жасалган тамак — аштары: Этнографиялык изилдөө / жооп. ред.: Э.Ж. Маанаев, О.К. Каратаев. Бишкек, 2011. 214 с.
Кочкунов А.С. Традиционная пища кыргызов (некоторые вопросы типологии). Бишкек, 2003. С. 53–59.
Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом. Абакан, 1958. 103 с.
Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М., 2006. 677 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Тажибай Акматович Айтбаев, Ошский государственный университет, факультет истории и социальной работы, старший преподаватель; 723500, Кыргызская Республика, г. Ош, ул. Ленина, 331, ajtbaevtazibaj@gmail.com

Tazhibay A. Aitbaev, Osh State University, Faculty of History and Social Work, Senior lecturer; 723500, Kyrgyz Republic, Osh, st. Lenina, 331, ajtbaevtazibaj@gmail.com

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 582.675.1(575.2)(04)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.02

EDN: **VJMZYU**

АКОНИТ ИССЫК-КУЛЬСКИЙ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ У КЫРГЫЗОВ

Кулуйпа Каракойчиевна Акматова, Амантур Забирдинович Жапаров
Национальная академия наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан

Резюме. Медицинские и ветеринарные знания предков кыргызов, базирующиеся на многовековых наблюдениях и опыте, представляет немалый интерес для специалистов ряда дисциплин. Предлагаемая статья посвящена исследованию практики использования одной из разновидностей аконита в историческом прошлом и в настоящее время в лечении людей и животных. Перечисляются заболевания, для лечения

которых применялась многолетняя ядовитая трава, известная местному населению в основном под названием *уу коргошун*. Подчеркивается то, что народные врачеватели, оказывая помощь, одновременно предостерегали людей от существующей опасности для здоровья.

Статья написана на основе полевых этнографических материалов, собранных авторами в Иссык-Кульской и Чуйской долинах в последние годы.

Ключевые слова: кыргызы, аконит иссык-кульский (джунгарский, каракольский), *уу коргошун*, народные лекари, народные ветеринары, фармакологические кампании

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации госзадания по проекту «Тюркский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Для цитирования: Акматова К.К., Жапаров А.З. Аконит иссык-кульский: опыт применения у кыргызов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 11–17. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.02

ACONITE OF ISSYK-KUL: EXPERIENCE OF USE AMONG KYRGYZ PEOPLE

Kuluipa K. Akmatova, Amantur Z. Zhaparov

National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. The non-scientific medical and veterinary knowledge of Kyrgyz ancestors, which is grounded on centuries-long observations and experiences, is of significant interest to the specialists in a number of disciplines. The authors believe it is appropriate to explore more deeply specific, narrow topics, which are, of course, relevant to the respective common scientific issues. The proposed article is devoted to the research of the practice of use of one of aconite varieties in the historical past and at present in the treatment of humans and animals. It describes the types of diseases against which the perennial poisonous herb known to the local population mainly under the name of *Uu korgoshun* was used. It is emphasized that traditional healers, while rendering assistance, simultaneously warned people of the existing danger to their health. The article is based on field ethnographic materials collected by the authors in the Issyk-Kul and Chui valleys in recent years.

Keywords: Kyrgyz, Issyk-Kul aconite (*Aconitum soongaricum*, Dzungarian, Karakol), *Uu korgoshun*, traditional healers, traditional veterinarians, pharmacological campaigns

Acknowledgments: the publication was prepared as part of the Implementation of the State Assignment for the Project “Turkic World of the Great Altai: Unity and Diversity in History and Modernity” (registry number 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

For citations: Akmatova K.K., Zhaparov A.Z. Aconite of Issyk-Kul: Experience of Use among Kyrgyz People. *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:11–17. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.02

Традиционные знания, основанные на многовековом эмпирическом опыте, являются неотъемлемой частью историко-культурного наследия любого народа. Рациональный опыт, унаследованный от предков, развивается и постоянно совершенствуется последующими поколениями, поэтому нельзя говорить о статичности и застывленности народных знаний. Они могут

обогащаться в том числе путем заимствования некоторых навыков и знаний у носителей других культур. В полной мере это относится и ботаническим знаниям, благодаря чему люди могли узнать особенности тех или иных видов растений, фазы вегетирования, различать их полезные и вредные свойства. Кыргызский народ за время своей истории в результате практической деятельности углублял и расширял знания о флоре. Они не ограничивались лишь познаниями в ботанике, но активно применялись в жизни. Плоды некоторых растений шли в качестве добавки к горячей пище, а другие съедались в сыром виде. Кыргызы хорошо знали растения-красители и пользовались ими. Плоды, листья, корни трав, кустарников и деревьев использовались также в целях лечения человека и домашнего скота.

Одним из наиболее эффективных средств в народной медицине и ветеринарии предки кыргызов считали корень аконита (*aconitum*), получившего название «иссык-кульский корень». Растение известно также под названиями «аконит джунгарский» или «борец джунгарский» (*aconitum soongáricum*), а также «аконит каракольский» (*aconitum karakolicum*). У народа, населявшего северную часть республики, это растение получило название *уу коргошун*, что в буквальном переводе на русский язык означает «ядовитый свинец».

Предки в процессе многовекового взаимодействия со средой обитания, с ее природными богатствами на основе практического опыта стали понимать, насколько это растение может быть опасным для человека. Вероятно, именно этим объясняется кыргызское название, данное ему далекими предками. Само название должно было заставить задуматься о возможных последствиях применения этого растения. Ходят легенды среди народа, в которых рассказывается о его чудодейственных свойствах, а также о случаях со смертельным исходом в результате неправильного применения. Можно услышать и истории об использовании для отравления врагов. Скотоводы в ходе выпаса стад наблюдали, как животные отворачивались от этой травы, хотя встречались единичные случаи, когда некоторые из них все таки съедали ее, что приводило к смерти животного. В этой связи считаем необходимым отметить: кыргызы, обладавшие достаточными знаниями о ядовитых свойствах аконита, запрещали есть мясо отравившегося этой травой животного.

В русских письменных источниках данное растение встречается в основном под названием «иссык-кульский корешок». Э.И. Свирловский, совершивший в начале XX в. специальную поездку в Джергезское ущелье для выяснения возможности его сбора, писал: «Особый интерес представляет *Aconitum napellus* var. *tianschanic*. Lipsky (иссык-кульский корешок). Это растение распространено в довольно большом количестве в предгорьях окрестностей Пржевальска» (Свирловский, 1917, с. 18). Несколькими десятилетиями ранее А. Кушакевич, основываясь на рассказах местных жителей, кочующих со своими стадами, отмечал что, угорь-гасын (*уу коргошун*. — К.А., А.Ж.) в изобилии растет по горам и альпийским площадям (джайлау) Суок, Ногай-улькун, Бие-сиемась и др. (Кушакевич, 1873). В таких типах источников авторы пишут и об использовании аконита для самоубийства или отравления других.

Однако следует подчеркнуть, что в них не приводятся конкретные примеры действия со злым умыслом.

Народные лекари и ветеринары неплохо знали о полезных свойствах аконита для лечения людей и животных. Применение его требует, однако, четких знаний дозы, способов применения, продолжительности курса лечения и режима питания. Его причисляют к широко использовавшимся в традиционном народном целительстве кыргызов лекарственным средствам, успешно прошедшим испытание многовековым опытом (Тентигул кызы, 2018, с. 55; Јарагов, 2013). Анализируя собранный эмпирический материал, Г. Нуров пишет о том, что «все ядовитые и опасные при употреблении в большом количестве для здоровья и жизни больного лекарства считались горячими», относя к их числу *уу коргошун* (Нуров, №1638, с. 8).

По мнению народных целителей, в составе каждого растения содержатся различные вещества, и это предполагает, что одно и то же растение может использоваться в лечении различных заболеваний. *Уу коргошун* обладает антимикробным, противовоспалительным, обезболивающим, спазмолитическим, противоопухолевым, а также наркотическим действием. Растение используют при лечении кожных, костных, даже онкологических заболеваний.

Упомянутый выше А. Кушакевич обращает внимание читателей на знание о свойствах и опыт использования местным населением аконита иссык-кульского. В частности он пишет: «Употребление угорь-гасына давно известно между туземцами, которые считают его хорошим лечебным средством, как присыпка или прикладывание на раны лошадям или овцам; причем они кладут на рану весьма небольшой кусочек. Туземцы вообще считают сильно ядовитым не только корень, но и листья, стволы и цветы угорь-гасына, так что, по их рассказам, стоит съесть один кусочек, и человек немедленно умирает» (Кушакевич, 1873). В другом источнике отмечается, что кыргызы, хорошо знакомые с ядовитыми свойствами иссык-кульского корешка, «пользуются для лечебных целей, ...он употребляется ими в свежем виде для натирания опухолей. В виде отвара он принимается внутрь против разного рода заболеваний» (Свирловский, 1917, с. 19). Настояем аконита каракольского кыргызские лекари (*табыт*) лечили также бесплодных женщин, о чем, основываясь на этнографических данных и сведениях других источников, пишут современные авторы (Тентигул кызы, Бексултанова, 2021, с. 533).

Аконит продолжал иметь немалое значение в неофициальном целительстве на протяжении всего XX в. Особенно им пользовались при лечении запущенных заболеваний. В ходе полевых этнографических исследований летом 2014 г. нам удалось записать несколько примеров удачного применения аконита в советское время. Так, респондент Б. Самудинов (1947 г.р.), житель Кочкорского района, рассказал, как его мать выздоровела от тяжелой болезни, строго соблюдая предписания приглашенного лекаря из другой деревни по применению отвара *уу коргошуна* в 1957 г. Квалифицированный медик с высшим образованием З. Шамырканова (1946 г.р.) из Тюпского района привела конкретные примеры использования аконита с положительными

результатами в 1970–1980-е гг. в лечении от женских заболеваний, включая рак шейки матки одной пожилой женщины. Одна из больных, с кем она вынуждена была иметь дело по профессиональным обязанностям, излечилась с помощью этого ядовитого растения. Она рассказывала, что пила настой и ставила тампон с соблюдением доз и правил применения (Архив Фонда развития села (Rural Development Fund — RDF)).

Аконит иссык-кульский применяют и в наши дни, несмотря на функционирование официальных медицинских учреждений, обладающих квалифицированными специалистами и новейшим оборудованием. Исследователи отмечают применение настойки аконита каракольского на спирте при невралгиях, радикулите, ревматизме (Кенжебаева, Султанова, Ганыбаева, 2011, с. 143). Респондент К. Нурдинова (1949 г.р., село Кочкор, Кочкорский р-н), практикующая народное целительство, информировала нас о том, что в период пандемии COVID-19 она использовала наряду с некоторыми другими травами настойку иссык-кульского корня, которую готовила сама. Данное средство она давала только тем, кто находился в тяжелом состоянии. Другая собеседница рассказала о необходимости соблюдения правил сбора, сушки и приготовления настойки, о том, что больной должен строго принимать лекарство определенной температуры. «По народному рецепту, что я научилась готовить у предков моих, настойку надо пить горячей, ни в коем случае не холодной. Можно настоять на водке и можно пить отвар» (Архив Фонда развития села (Rural Development Fund — RDF)).

Народные ветеринары в лечении заболеваний скота широко использовали различные травы. К ним можно отнести гармалу (*адырашман*), подорожник (*бака жалбырак*), мяту (*жалбыз*), эфедру (*чекенди*) и др. Среди таких растений важное место занимал аконит, который применяли при суставоломе жеребят, рахите (*итий*) молодняка крупного рогатого и мелкого скота (Тулебаев, Салыков, 2016, с. 456). Порошок высушенных корней аконита каракольского применяли при гнойных, язвенных дерматитах, осложненной болезнью легких лошадей.

Кроме народных лекарей, потребности которых не очень велики, аконит востребован предприятиями других стран. По рассказу респондента К. Шаршеева (1956 г.р.) в восточной части, на территориях Ак-Суйского, Тюпского районов Иссык-Кульской котловины имелись сравнительно обширные участки, покрытые аконитом в сезон вегетации. В начале 1990-х гг. он, как и некоторые другие местные жители, участвовал в заготовке этого растения. Они косили аконит как обычную траву в ущельях, расположенных недалеко от населенных пунктов Ичке-Жергез, Кайырма-Арык, Челпек, а также в западной части ущеля Каракол. Скошенная трава подвергалась сушке, после чего ее отправляли на одну из фармацевтических фабрик Казахстана.

На данный момент ареалы произрастания этого растения из-за агрессивного сбора как частными лицами и фармакологическими компаниями, так и приезжими бизнес-группами сильно уменьшились. Об этом говорят результаты исследований Фонда развития села (Rural Development Fund —

RDF) в рамках проекта «Дальнейшие шаги по сохранению биологического и культурного разнообразия через традиционные знания в Кыргызской Республике». Сборщики трав и посредники торговцев фармакологических компаний из Китая после распада СССР хищнически выкапывали корни аконита. Ценность многолетней ядовитой травы для традиционной китайской медицины породила спрос, что привело к исчезновению данного природного сырья в Кыргызстане, остались лишь небольшие островки произрастания аконита. В последние годы в Кыргызстане заготавливают 40–50 т аконита, который продается в Узбекистан, Россию, Китай по низким закупочным ценам (<https://ru.sputnik.kg/20210228/kakie-kyrgyzstanskije-rasteniya-cenyatsya-za-rubezhom-1051603173.html>).

Как видим, существуют проблемы экологического и экономического характера, что следовало бы учитывать правительственным структурам, местным властям и людям, имеющим какое-либо отношение акониту.

Таким образом, многолетняя ядовитая трава аконит иссык-кульский была тем растением, в котором нуждались кыргызы. Аконит находился в числе эффективных лечебных средств народных целителей, владеющих достаточными знаниями по его использованию. Такие знания закладывались и углублялись в результате многолетних наблюдений и собственного опыта. Благодаря накопленным эмпирическим знаниям нередко излечивались различные заболевания, включая тяжелые. Уу коргошун, представляющий большую опасность для жизни человека, требовал особого внимания и четкого соблюдения правил применения. Его продолжают использовать в своих практиках некоторые народные целители, услуги которых остаются в определенной степени востребованными.

Список источников

Архив Фонда развития села. Папка №2, №3 Фермерские кооперативы и хранители ТЗ (Rural Development Fund — RDF).

Кенжебаева Н.В., Султанова Б.А., Ганыбаева М.Р. Сохранение традиционных знаний о лекарственных растениях Кыргызстана // Известия вузов. 2011. №3. С. 143.

Кушакевич А. Угорь-гасын, или Иссык-Кульский корешок // Туркестанские ведомости. 1873. №19. С. 75.

Нуров Г. Народная медицина в Киргизии // Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч.Т. Айтматова НАН КР, инв. №1638. 300 с.

Свириловский Э.И. Культура мака и добывание опия в Семиречье (отчет о командировке в Семиречье). Петроград, 1917. 39 с.

Тентигул кызы Н. Кыргыздардын салттуу дарыгерчилиги (XIX кылымдын аягы – XX кылымдын башы). Б., 2018., 190 с.

Тентигул кызы Н., Бексултанова Ч.Д. Эпос «Манас» как источник изучения народной медицины кыргызского народа // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7, №6. С. 527–536.

Тулбаев А.З., Салыков Р. Народная ветеринария // Кыргыз. М., 2016. С. 454–460.

Japarov A. The of Medical Herbs in Kyrgyz Traditional Medicine // ICH courier. 2013. Vol. 14. P. 6.

Информация об авторах / Information about the Authors

Кулуйпа Каракойчевна Акматова, Национальная академия наук Кыргызской Республики, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова, соискатель; 720071, Кыргызстан, г. Бишкек, пр-т Чуй, 265а, исследователь, kuluipa.kg@gmail.com

Kuluipa K. Akmatova, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Institute of History, Archaeology and Ethnology Named after B. Jamgerchinov, Applicant for a Degree; 720071, Kyrgyzstan, Bishkek, Chui Ave, 265a, researcher, kuluipa.kg@gmail.com

Амантур Забирдинович Жапаров, Национальная академия наук Кыргызской Республики, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова, Отдел этнологии, заведующий; 720071, Кыргызстан, г. Бишкек, пр-т Чуй, 265а, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-3093-2373>, amantourj@gmail.com

Amantur Z. Zhararov, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Institute of History, Archaeology and Ethnology Named after B. Jamgerchinov, Department of Ethnology, Head; 720071, Kyrgyzstan, Bishkek, Chui Ave, 265a, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-3093-2373>, amantourj@gmail.com

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 392.51(575.2)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.03

EDN: ASWECM

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ПРЕДСВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ УЗБЕКОВ ГОРОДА ОШ (КИРГИЗИЯ)

Гулида Абдраимджановна Ахмедова (Охунова)

*Кыргызско-Узбекский Международный университет им Б. Сыдыкова,
Ош, Кыргызстан*

Резюме. Исследование посвящено анализу влияния процессов глобализации на трансформацию предсвадебных обрядов узбеков города Ош. Работа освещает влияние мировых тенденций на традиционные обычаи и ритуалы, принятые в узбекском обществе. Изменение условий жизни, социально-экономические и культурные преобразования, забвение национальных традиций привели к потере и трансформации многих обрядов и обычаев жизненного цикла узбеков города Ош. Результаты исследования могут быть полезными для лучшего понимания динамики изменений в культурных практиках под воздействием глобализации, а также для сохранения и преобразования традиций в современном контексте.

Ключевые слова: свадьба, обряды, городское население, трансформация, калым, махр, кебин

Для цитирования: Ахмедова Г.А. Влияние процессов глобализации на трансформацию предсвадебных обрядов узбеков города Ош (Киргизия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 17–22. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.03

THE INFLUENCE OF GLOBALIZATION PROCESSES ON THE TRANSFORMATION OF PRE-WEDDING RITUALS OF UZBEKS IN THE CITY OF OSH (KYRGYZSTAN)

Gulida Abdraidmzhanovna Akhmedova (Okhunova)

Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov, Osh, Kyrgyzstan

Abstract. The study is devoted to the analysis of the influence of globalization processes on the transformation of pre-wedding rituals of Uzbeks in the city of Osh. The work highlights the influence of global trends on traditional customs and rituals accepted in Uzbek society. Changing living conditions, socio-economic and cultural transformations, oblivion of national traditions led to the loss and transformation of many rituals and customs of the life cycle of the Uzbeks in Osh.

The results of the study can be useful for better understanding the dynamics of changes in cultural practices under the influence of globalization, as well as for the preservation and transformation of traditions in the modern context.

Keywords: *wedding, rituals, urban population, transformation, bride price, mahr, kebin*

For citation: Akhmedova G.A. The Influence of Globalization Processes on the Transformation of Pre-Wedding Rituals of Uzbeks in the City of Osh (Kyrgyzstan). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024; XXX:17–22. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.03

Одним из этапов создания новой семьи является свадьба, которая во все времена сопровождалась всевозможными церемониями и обрядами. Суть всей свадебной обрядности составляла совокупность разнохарактерных обычаев, а сами ритуалы являлись разнообразной красочной и глубоко содержательной частью всего обрядового комплекса. За долгие годы многое изменилось в культуре и быту узбеков города Ош. Эти изменения тесно связаны с социально-экономическими и культурными преобразованиями, произошедшими в регионе. Изменениям подверглись и традиционные свадебные обряды. Многие обряды и обычаи изжили себя или трансформировались. Наряду с этим зародились новые, о которых не знали наши предки.

Свадебный цикл, как принято в этнографии, делится на три этапа: предсвадебный, свадебный и послесвадебный. К предсвадебному этапу узбекской свадьбы относятся: выбор невесты, сговор, сватовство, помолвка (обручение), преподношение подарков, подготовка приданого, кыз той (свадебная церемония в доме невесты), обряд заключения мусульманского брака (никаях) с выдачей кебина (предбрачный дар будущей жене для ее обеспечения на случай развода по инициативе мужа или вдовства). Эти ритуалы составляли целый комплекс предсвадебных обрядов в традиционной свадьбе узбеков.

Как и раньше, присмотрев сыну невесту, родители наводят справки о девушке. В современных невестах, как и ранее, ценятся хозяйственные навыки, аккуратность и чистоплотность, женственность, почтительность к старшим, целомудренность. Обращают внимание также на ее скромность, воспитанность и, конечно, красоту. К юноше чаще предъявляют такие требования, как воспитанность, сдержанность, почтительное отношение к старшим, от-

сутствие вредных привычек, опрятный внешний вид, умение вести себя в обществе, ответственность, владение профессией, работоспособность и др. В последнее время одним из главных требований в выборе брачного партнера является уровень образования (в том числе религиозного) молодых. Хотя какое-то время назад «родители юношей, напротив, старались не брать для сыновей девушек, которые учились, кончили вузы, считая, что такие девушки забывают традиции, что негативно влияет на их этические качества» (Ахмедова, 2022, с. 72). Современные родители, напротив, не хотят видеть в избранниках своих детей человека, который не имеет образования. Касается это как парней, так и девушек. Если для девушки наличие образования является желательным, то для юноши это обязательно, так как он должен будет содержать семью (Ахмедова, 2023, с. 114). Здесь следует заметить, что в ходе полевых исследований информаторы говорили о частых случаях, когда юноши, окончившие вузы, не работают по специальности, но могут содержать семью.

Инициатива в подборе невесты в основном исходит со стороны родственников парня. Но бывает, что семье парня предлагают определенную девушку. Если парня или его родных не устраивает предложенная кандидатура, то отказаться стараются в тактичной форме. Так и девушка, по требованию этикета, должна тактично отвергнуть неприглянувшегося парня.

В ходе сбора полевых материалов респонденты свидетельствовали и о том, что сегодня молодые люди присматривают себе пару самостоятельно, но все же советуются и с родителями. Если брак заключается по выбору родителей, то старшие родственники стремятся познакомить молодых и выяснить их симпатии друг к другу. Чаще всего современная молодежь знакомится в вузах, на работе, через общих друзей или родственников, на свадьбах и т.д. С появлением мобильных телефонов и интернета, распространением социальных сетей, разнообразных «мессенджеров» молодые люди общаются друг с другом напрямую, без посредников, путем обмена «эсэмэсками», фотографиями.

Как и прежде, основным мотивом добрачных встреч и ухаживаний остается намерение вступить в брак, создать семью.

Как мы отметили выше, важным предсвадебным моментом является сбор информации. Кому-то из близких родственников поручалось навести справки об отношении родных девушки к семье парня. Сегодня тоже начинают с этого этапа. Через соседей, родственников, знакомых стараются как бы вскользь упомянуть имя претендента или его родителей для того, чтобы проверить реакцию со стороны родственников невесты. Если не встречаются резкой неприязни с их стороны — тогда отправляют людей для более подробного разговора. Вообще, к выбору сватов для отправки в дом невесты во все времена относились очень серьезно. От их авторитета и умения вести переговоры часто зависел исход визита. Потому что это были уважаемые люди преклонного возраста, имеющие дружные и счастливые семьи (Алимова, 2012, с. 52).

Не допускалось, чтобы в составе сватов были люди, живущие в повторном браке, вдовцы или бездетные. Однако в случае, когда парень и девушка уже все решили между собой, этот этап значительно упрощается и носит

формальный характер, так как сваты идут в дом девушки, будучи твердо уверенными в ее согласии. В этот день иногда стороны преподносят друг другу небольшие подарки. А невесту одаривают более ценными подарками. После удачного сговора приступают к следующему этапу — официальному сватовству (помолвке). Если раньше между сватовством и помолвкой проходило некоторое время, то сегодня в городах эти церемонии (*эшик очти, пахта ташади, булди-булди*) объединяют в одну.

Следует отметить, что на данном этапе решался лишь один главный вопрос — согласие семьи девушки породниться с семьей юноши. После окончания сватовства следовала помолвка, известная под названием *фотиха туй*. Количество гостей — участников помолвки оговаривается сторонами заранее. В доме родителей невесты в день помолвки собираются близкие родственники и соседи, готовится обильное угощение, что определяется благосостоянием хозяев. Стороны готовят подарки друг другу. Обычно дарят красивые пледы, постельное белье, хрустальные вазы, набор посуды, мужчинам — рубашки и т.д. (Ташалиева, 2021).

Родственники парня преподносят невесте комплект золотых украшений. Здесь заметим, что объем подарков растет из года в год. С этого дня молодые считаются обрученными. Далее оговариваются сроки предстоящей свадьбы и идет подготовка к ней.

Родители невесты готовят ее приданое, что требует серьезных материальных расходов. Если раньше наши бабушки и прабабушки большую часть приданого для дочери или внуки накапливали постепенно еще с их раннего детства, то сегодня, когда мода меняется с каждым годом, откладывание приданого стало не актуальным. Меняется мода на все, что входит в приданое: посуду, ковры, мебель, одежду невесты. Количество и качество приданого, конечно же, зависит от материального состояния семьи девушки. Хотя сегодня и богатые, и не очень пытаются перещегоолять в этом друг друга, дабы не получить осуждения, особенно со стороны родственников жениха. За несколько дней до свадьбы происходит обряд заключения мусульманского обряда бракосочетания — *никах*. В последнее время мусульмане города Оша придают большое значение выполнению этого религиозного обряда, наряду с торжественной регистрацией брака в загсе (Осмонова, 2015).

По сведениям информаторов, обряд заключения мусульманского брака — *никах* происходит в день свадьбы. *Никах* обычно сопровождается выдчей кебина (*махр*). Кебин — это предписанное шариатом право женщины, которое является одним из условий для заключения мусульманского брака *никаха* (Амирханова, Магомедова, 2016, с. 31). У мусульманских народов, где в той или иной форме практикуется выкуп за невесту, эта традиция в сознании общественности стала ассоциироваться с шариатским условием заключения брачного союза — *махром*. Однако *махр* и *калым* различаются по многим параметрам (Информаторы: семья Умаровых).

Махр — это обязательная выплата женихом своей будущей невесте (только ей, а не семье). Он является одним из условий *никаха*. Условно го-

вора, калым — это плата ЗА невесту, а махр — выплата НЕВЕСТЕ. Поэтому стоимость махра определяет будущая супруга, а не ее семья, как в случае с калымом. Махром может служить все то, что подлежит купле-продаже. Если же в момент заключения брака махром оказалось то, что нельзя ни купить, ни продать, то, по мнению ученых, в этом случае следует выплатить махр мислий (махр, соответствующий уровню и статусу первоначальному, или принятый в этом регионе). Выплата махра преследует иные цели, нежели калым. Во-первых, это повеление Всевышнего не является компенсацией для семьи, денежной оценкой невесты. Махр символизирует решительность мужчины вступить в брак и его серьезное отношение к браку, умение выполнить требования и обеспечить семью. Во-вторых, махр направлен для защиты женщины в случае, если она останется без мужа. Поэтому распоряжаться имуществом или деньгами может только она, а не ее семья. Калым выплачивают до вступления молодых в брак. Махр обычно передают во время совершения никаха. Этот вид махра называется *махр муаджаль*, т.е. даруемый сразу. С позиции всех мазхабов, кроме ханафитского, никах без махра не является действительным. По мнению Абу Ханифы, такой брак нежелателен. Махр можно выплатить позже, но не сильно затягивая, если стороны договорились об этом. Такой вид получил название *махр муаххар* (Калым и махр...).

Родителям или близким родственникам девушки запрещается использовать для собственных нужд полученные от жениха в качестве кебинных денег средства, так как это будет считаться харамом (грехом). Как пишет Ф.А. Фиельструп, никах совершается в муллоу в отцовской кибитке. Невеста сидит за кошого справа внизу, жених среди народа. Кошого принадлежит невесте (Фиельструп, 2002, с. 36). Следует отметить, что такие компоненты предсвадебного этапа, как обычай избегания молодыми старших родственников друг друга, обычай пребывания в чужом доме и т.д., практически не сохранились сегодня в городе. Процессы глобализации внесли свои коррективы в эти этапы предсвадебных обрядов. Исследователи отмечают меньшую частоту избегания в городской среде, в молодых возрастных группах и в тех группах, принадлежность которых связана с более высоким уровнем образования, т.е. наблюдается общая тенденция к более свободному общению мужчин со старшими родственниками, отход от запрета есть с ними за одним столом. Все же эти красивые обычаи стараются не забывать и сохранять в Оше.

Таким образом, подытоживая, можно сказать, что многие традиционные предсвадебные обряды, формировавшиеся и практиковавшиеся веками у узбеков города Оша, не потеряли своего значения и в наши дни. Многие обычаи и традиции живут, несмотря на то, приносят они пользу обществу или нет. В то же время какие-то обычаи и обряды утрачены совсем, а какие-то подверглись трансформации, а также появились и новшества, не свойственные традициям наших предков. Этническая и культурная неоднородность городского населения Оша, глобализация повлияли на варибельность свадебных обрядов. Складываются и совершенно новые интернациональные традиции, соответствующие новому образу жизни узбеков города Оша.

Список источников

- Алимова Б.М. К проблеме традиций и инноваций в Дагестанской свадьбе // Вестник Института ИАЭ. 2012. №4. С. 51–62.
- Амирханова А.К., Магомедова П.М. Калым, кебин и приданое как элементы предсвадебного обряда в городах в Дагестане // Манускрипт. 2016. №11(73). Ч. 2. С. 30–34.
- Ахмедова Г.А. Ош шаарындагы өзбек элинде нике тоюна чейинки жана той менен байланыштуу үрп-адаттар // Вестник Ошского государственного педагогического университета им А. Мырсабекова. 2022. Вып. 20. С. 71–79.
- Ахмедова Г.А. Досвадебные и свадебные обычаи узбеков города Ош // Вестник Института познания истории. 2023. Вып. 1. С. 114–119.
- Информаторы: семья Умаровых. Т-4-2022, город Ош.
- Калым и махр, различия между ними // Islam.Global. URL: <https://islam.global/semya/semeynaya-zhizn/makhr-i-kalym-chto-polagaetsya-vyplatit-neveste/>
- Осмонова С.К. Традиционные свадебные обряды юго-запада Ферганской долины (конец XIX — начало XX вв.). Ош, 2015. 127 с.
- Ташалиева М.М. Памир өрөөнүндөгү кыргыздардын үйлөнүү тою салты (XIX к. аягы – XX к. башы). Бишкек, 2021. 224 б.
- Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002. С. 36–52.

Информация об авторе / Information about the Author

Гулида Абдраимджановна Ахмедова (Охунова), Кыргызско-Узбекский Международный университет им. Б. Сыдыкова, кафедра истории и философии, старший преподаватель; 723500, Киргизия, г. Ош, ул. Г. Айтиева, 27, gulida@mail.ru

Gulida A. Akhmedova (Okhunova), Kyrgyz-Uzbek International University Named after B. Sydykov, Department of History and Philosophy, Senior Lecturer; 723500, Kyrgyzstan, Osh, Aitiev St., 27, gulida@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 398.34(575.2)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.04

EDN: AASHWT

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОМОВ В ЮЖНОМ КЫРГЫЗСТАНЕ

Нурабидин Камчиевич Маразыков, Максатай Токторовна Садыкова

Ошский государственный университет, Ош, Кыргызстан

Резюме. В статье отражаются народные обычаи, приметы, традиции как само-блтная часть материальной культуры кыргызского народа; речь идет о националь-ных обрядах и обычаях, связанных со строительством традиционных домов и жилищ; подробно описываются ряд обрядов, относящихся к разным этапам строительства, начиная от выбора места и до заселения нового жилища. Автор делает вывод, что

народные обряды в практике возведения постоянных жилищ основаны на мировосприятии кыргызов с древних времен, что многие из них, как национальные духовные ценности, сохраняются в народной среде и в настоящее время. Идет дальнейший процесс эволюции обычаев и обрядов, пополняясь новыми формами.

Ключевые слова: обычаи, обряды, ритуалы, религиозные убеждения, рельеф, жертвоприношение, вероисповедание, очаг, благословление

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации госзадания по проекту «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Для цитирований: Маразыков Н.К., Садыкова М.Т. Народные традиции и обряды при строительстве домов в Южном Кыргызстане // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 22–30. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.04

FOLK TRADITIONS AND RITUALS IN THE CONSTRUCTION OF HOUSES IN SOUTHERN KYRGYZSTAN

Nurabidin K. Marazykov, Maksatay T. Sadykova

Osh State University, Osh, Kyrgyzstan

Abstract. This research article reflects folk customs, signs, traditions as an original part of the material culture of the Kyrgyz people; we are talking about national rituals and customs of the Kyrgyz people associated with the construction of traditional houses and dwellings; it describes in detail several rituals related to different stages of construction, from the choice of a place to the settlement of a new dwelling. The author concludes that folk rituals in the practice of erecting permanent dwellings are based on the worldview of the Kyrgyz since ancient times, that many of them, as national spiritual values, are preserved in the folk environment at the present time. There is a further process of evolution of customs and rituals, replenished with new forms.

Keywords: customs, rites, rituals, religious beliefs, relief, sacrifice, religion, hearth, blessing

Acknowledgments: the publication was prepared as part of the implementation of the state assignment for the project “Turkic World of the Great Altai: Unity and Diversity in History and Modernity” (registry number 850000F.99.1. BN66AA04000).

For citations: Marazykov N.K., Sadykova M.T. Folk Traditions and Rituals in the Construction of Houses in Southern Kyrgyzstan. *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:22–30. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.04

Строительство домов является неотъемлемой частью культуры многих народов, включая кыргызский, проживающий в южных регионах Кыргызстана. В южном Кыргызстане, где географические и климатические условия создают особые вызовы для жилищного строительства, народные традиции и обряды играют важную роль в процессе возведения домов и жилищ.

Эта статья посвящена изучению и описанию народных традиций и обычаев, связанных со строительством домов в Южном Кыргызстане. Анализируются различные аспекты национальных обрядов, начиная от выбора места для строительства и заканчивая церемониями посвящения и заселения

новых жилищ. Цель исследования — раскрыть уникальные культурные особенности и традиции, которые формировались и передавались из поколения в поколение в течение многих веков.

Изучение этих традиций и обычаев не только способствует лучшему пониманию культурного наследия кыргызского народа, но и помогает сохранить его для будущих поколений. Кроме того, оно позволяет понять влияние социальных, экономических и экологических факторов на жилищную практику кыргызского общества.

В рамках нашего исследования в качестве основного источника данных использовались документальные источники, включая этнографические и антропологические исследования, а также публикации и архивные материалы, касающиеся традиций и обычаев кыргызского народа.

Дополнительные данные были собраны путем проведения полевых исследований в южных регионах Кыргызстана. В рамках этих исследований были организованы интервью с представителями местного населения, а также наблюдения за различными этапами строительства домов и жилищ. Это позволило получить первичную информацию о народных обычаях, традициях и обрядах, связанных с жилищным строительством.

В процессе исследования учитывались исторические, культурные и социальные контексты, а также современные изменения, влияющие на жилищную практику кыргызского народа.

Одним из ярких проявлений материальной культуры кыргызов является традиционное постоянное жилище — дом *уй*. Он представляет собой особое явление архитектуры и народно-прикладного искусства. В течение XX в. завершился длительный исторический процесс перехода к оседлости, коренным образом изменился этнокультурный облик кыргызского народа. Юрта больше не является постоянным жилищем, хотя и сохранила свое утилитарное значение в быту. Она используется в летнее время на пастбищах, в юрточных лагерях как жилье для туристов, выставляется в качестве музейного экспоната.

Все кыргызское население в настоящее время живет в домах стационарного типа, построенных преимущественно по европейским стандартам. Однако только на юге Кыргызстана можно встретить дома, построенные в соответствии с архитектурно-строительными традициями древних и средневековых народов среднеазиатского междуречья.

С древних времен кыргызы формировали собственные традиции, ритуалы и уклад жизни. Многие обычаи и обряды были связаны с традиционным жилищем — юртой. Со временем, с переходом к оседлому образу жизни и строительству постоянных жилищ, многие обычаи и обряды, связанные с юртой, были адаптированы и перенесены на дома стационарного типа.

Определенные обряды сопровождали каждый этап строительства жилища. Так, при определении места, где будет построен новый дом, соблюдались общепринятые требования. Существовал запрет на постройку дома у обочины дороги или рядом со старым кладбищем или могилой. Перспек-

тивное место выбиралось в силу экономическо-культурного и географического положения; в первую очередь учитывался рельеф местности и его природные условия.

Необходимо было соблюдать следующее:

- 1) выбранное место не должно быть рядом с грудой пепла, песка и гравия, а почва не должна быть влажной;
- 2) место обязательно должно быть твердым, солнечным и просторным;
- 3) место для строительства должно быть выбрано вдали от кладбищ и могильников.

В горных районах для строительства жилья выбирались земли у подножия холмов, удобные для выпаса скота и недалеко от водных потоков или источников.

По словам жителей территорий, занимающихся земледелием, будущий дом должен находиться на холме, на расстоянии от притока воды, но при этом для пахотных земель использовались земли, расположенные недалеко от воды.

Земля, выделенная для строительства дома, часто выбиралась по совету старейшины деревни. Чтобы построить новый дом вместо старого, нужно было сначала задобрить духов умерших предков, помолиться, принести в жертву животное. В противном случае считалось, что духи предков не поддержат и не отнесутся благосклонно к деяниям живых и в новом доме не будет благополучия и счастья.

Большинство поселений находится в ранее не освоенных районах, и чтобы построить новый дом, сначала нужно было очистить и освятить это место, что требовало больших усилий и времени. Для того чтобы задобрить «истинных» хозяев этих мест — джиннов, злых духов, проводились жертвоприношения, сопровождавшиеся различными причитаниями и заклинаниями.

Перед началом любой работы каждый должен был получить благословение родных, близких и соседей. Для этого нужно было пригласить их всех на специальную трапезу, где обсуждали предстоящую работу и каждый давал советы и делился своим опытом. В конце трапезы все благословляли хозяина и молились, чтобы задуманная работа успешно завершилась в кратчайшие сроки.

Подобные традиции до сих пор бытуют на юге Кыргызстана при строительстве нового дома. Наряду с этим долгое время в поверьях южных кыргызов существенное место занимали пережитки шаманизма. Объектами поклонения служили горы, камни, огонь, вода, небо, представители флоры и фауны.

Позже, после перехода кочевников к оседлому образу жизни, при строительстве жилых домов появляются новые обычаи, суеверия, заимствованные у оседлых узбеков и таджиков. Например, был заимствован обычай коллективного труда *ашар* при выполнении трудоемких работ: закладка фундамента, возведение стены или покрытие кровли. По случаю начала строительства

совершали жертвоприношение — *тулоо*, первый колышек обливали *айраном*, совершали обряд *уй ак жолтой болсун*, после завершения строительства устраивали большой праздник — *уй тою*.

По мнению исследователя Т. Назаралиева, строительство жилищ на юге Кыргызстана, как правило, начинали с понедельника, потому что, как и другие народы Средней Азии, кыргызы считали понедельник благоприятным и счастливым днем, когда родился пророк Мухаммед (Назаралиев, 1969). Перед началом строительных работ мулла или аксакал читал молитву, после чего производился обряд жертвоприношения. Также перед строительством полагалось облачить строящего человека в почетный халат *кийит*.

Однако данное утверждение, по мнению многих ученых, считается ошибочным. Работы начинались не в понедельник, а в субботу, и день рождения пророка Мухаммеда приходится на пятницу. Именно в этот день мусульмане отправляются в мечети на пятничный намаз и все важные дела откладываются на следующий, субботний день. Об этом гласит и народная поговорка «суббота — начало работы» («*иштин башы ишемби*»).

Возведение фундамента происходило в торжественной обстановке. На помощь созывались родственники, соседи и даже муллы. День начала работы определяли муллы. По народным приметам «счастливым днем» считалось воскресенье, так как именно в этот день произошло создание вселенной, которое было завершено в пятницу. Считалось благоприятным начинать строительство дома не просто в «счастливый день», но и в «счастливый час». Если вдруг по каким-то непонятным причинам в соответствующий день не наступал «счастливый час», то строительство дома откладывалось до следующего «счастливого» случая. Но это было очень редко. В назначенный день в течение «счастливого часа» владелец дома должен был принести прочную веревку и глиняный горшок с благовониями и освятить землю, тем самым изгоняя злых духов, моля о благосклонности святых духов и душ умерших предков. Горшок при этом нужно было поставить в определенное место, но обязательно к юго-западу, в сторону *киблы*.

Этот обряд свойствен не только югу Кыргызстана, он характерен и для жителей Таджикистана и Узбекистана. Как утверждает исследователь А.К. Писарчик, основываясь на полевых материалах, строительство жилищ начиналось в субботу, а новоселье отмечали в четверг (пайшамба) (Писарчик, 1958, с. 432).

Дома должны были соответствовать условиям гор, располагаться вдоль берегов рек, в плоскостях на подножиях гор или недалеко от родников, чтобы сподручнее было пользоваться водой и поить скот.

Каждый человек, прежде чем построить дом, проверял правильность расположения дома по религиозным соображениям, т.е. дома строились к юго-западу от восхода солнца. В этом направлении, по поверьям мусульман, находились *кибла*, или святыня всех мусульман — город Мекка. При таком расположении дома лучи утреннего солнца падали на обе стороны дома, а при заходе солнце освещало его западную часть. Таким образом до-

стигалось максимальное освещение дома солнечными лучами. К тому же кыргызы выбирали места, наиболее защищенные от ветра и природных катаклизмов, чему помогал богатый народный опыт, накопленный веками.

На выбранном для строительства месте выкапывалось углубление в виде плана будущего дома, вокруг которого собирались аксакалы. Один из самых почтенных давал благословение строителям, семье хозяина и закладывал камень в угол фундамента. За ним следовали и остальные аксакалы. Оставшуюся часть фундамента закладывали сами хозяева дома. При этом они клали в фундамент монеты, полудрагоценные камни, металл, чтобы в будущем в доме всегда был достаток. Иногда заливали кровью жертвенного животного или клали шерсть, дабы иметь свое поголовье домашнего скота. Покровителям камня, глины и дерева Азирети Нух, Азирети Иса и Доот Баба обычно приносили в жертву барана черной масти.

Материалом для основания дома служили речные камни и камни с горных склонов. Хозяева просили помощи и поддержки у покровителя Азирети Иса. Собранные со склонов гор камни символизировали нерушимость и крепость дома и семьи. Старейшины благословляли, чтобы дом был «крепким и нерушимым, как гора, и чтобы дети (т.е. дети хозяина) росли сильными и крепкими как горы». В фундамент и стены будущего дома клали и *чүкө* — альчики, своего рода талисманы, приносящие поголовье скота. Считалось, чем больше клали альчиков, тем больше будет в доме домашнего скота.

В период строительных работ к хозяину приходили близкие и друзья на *уста корду* (досл. смотрины мастеров). Гости обычно приносили угощения, подарки мастерам, строителям и хозяевам. Этот обряд выражал неравнодушные родственников, друзей, соседей и поддержку хозяев, обремененных строительством.

Определенным обрядам и приметам люди следовали и при возведении стен жилищ. Так, по углам устанавливали вертикальные балки для каркаса дома, одну из которых специально ставили криво, с тем, чтобы не сглазили работу мастера (*уста*). Между балками по диагонали ставили длинные палки, в редких случаях их обвязывали красной ниткой или тряпкой, что как бы обуславливало крепкую и дружную семью, которая будет проживать здесь. Если во время работы хозяин ссорился с мастером или не оплачивал полностью его работу, то мастер закладывал в стену продырявленное куриное яйцо. Через некоторое время яйцо протухало и издавало тошнотворный запах, который невозможно было удалить, кроме как разрушить дом и построить заново. В редких случаях мастер закапывал под фундаментом и человеческие останки, выкопанные из старых могил. Такой ритуал должен был принести несчастье хозяевам дома.

Ритуалы и обряды кыргызов, связанные с заселением в новый дом, с течением времени были переняты у других народов, тем самым дополняя и обогащая традиционную культуру. Раньше при переселении на новое место проживания к новоселам съезжались соседи, родные и близкие в целях знакомства и поздравления. Новоселы справляли особую церемонию *уй или*

казан майлоо (празднование новоселья или нового дома). Облачившись в парадные белые одежды, они встречали гостей и в жертву приносили животное светлой масти, чтобы в новом жилище было спокойствие и благополучие. Гости при входе в дом поздравляли новоселов со словами «*жаны конушунар кут болсун*» (да будет благословенным новое жилище), дарили подарки, посуду и домашнюю утварь.

После окончания строительства территория вокруг дома приводилась в порядок, двор подметали новой метлой, чтобы очистить от всякой нечисти и злых духов. Хозяева приглашали всех сородичей и соседей. Гостей устраивали во дворе и проводили большую праздничную трапезу. Перед трапезой старейшины села благословляли хозяев, желали счастья и благополучия в новом доме. Изгнать нечистую силу из дома предоставляли пожилой женщине *байбиче* (хозяйке дома) или молодой женщине, которые посредством различных заклинаний окуривали дом изнутри специальными горными травами или веткой арчи.

Перед входом в дом расстилали белый хлопчатобумажный материал, кошму и первым делом вносили зерна пшеницы, ибо считалось, сколько зерна войдет в этот дом, настолько полным будет домашний склад. Зерна символизировали сытость. После в дом входил самый старший член семьи. Иногда, чтобы у молодых была счастливая жизнь и чтобы они имели много детей, первым в дом заводили детишек, которые кувыркались, и вокруг них разбрасывали сладости. После такого ритуала приглашали гости, резали животное белой масти. На дастархан кислого и горького не ставили, все должно было быть сладким. Первым порог переступал аксакал села и у входа он благословлял новый дом и новоселов.

У кыргызов кладка печей и очагов тоже сопровождалась различными ритуалами. Так, очаговый камень возлагал известный в аиле аксакал или человек с многолетней, крепкой и счастливой семьей. Такие мероприятия сопровождалась специальными обрядами. Постоянно горящий очаг символизировал нерушимость и крепость большой семьи, рассматривался как место приготовления ритуальной пищи, поклонения и жертвоприношения.

У южных кыргызов при отделении старшего женатого сына в новый дом очаг там разжигали из огня, принесенного из родительского дома. Если умирал кто-нибудь из членов семьи, то гасили огонь в очаге, выносили из дома горящую золу и не готовили еду в течение трех дней. В случае других неприятностей, например болезни члена семьи, приглашали в дом знатного *бакшы* (шамана, знахаря), который зажигал сухие ветки арчи и обводил дымящуюся чашу вокруг больного три раза сначала в одну сторону, затем в другую, тем самым изгоняя нечистую силу, принесшую болезнь. Затем окуривал жилище, чтобы болезнь более не могла прийти в этот дом. Для семьи очаг и зола были объектами особого отношения. Люди свято верили, что от них зависит благополучие и счастье в доме.

Существовали и другие поверья, которым следовали кыргызы, стараясь уберечь семью, дом от внешних воздействий. Часто хозяева на балках выве-

шивали рога архара или козла в сторону дороги, что отождествлялось со свободой в природе и горах, выражало продолжение рода и тесную связь человека с окружающей средой. Выставляли также специальные камни, имеющие свойство оберега от дурного глаза. Еще кыргызы вывешивали собранные в пучок или в ряд просушенные острые перцы, чтобы сохранить семью от злых языков и сплетен. Символом богатства, единства и благополучия считалось осиное гнездо, возведенное в доме.

Для защиты дома кыргызы вешали на стенах дома шкуры, когти животных или птиц. Чаще всего это были шкуры медведя, волка, барса, коготь беркута, альчик волка и др. Считалось хорошим знаком, если чужая собака находила приют во дворе дома, так как собака не имеет дурных намерений. В темное время запрещалось подметать комнату или двор, выносить сор из дома, чтобы не вымести все благополучие. Также нельзя было обхватывать проем двери, стоять на пороге и пинать дверь: можно стать препятствием для добра, входящего в дом, или пинком изгнать благо из дома. Обычно не здоровались и не прощались, стоя на пороге, не разговаривали, не заходя в дом, не садились на порог. В представлении народа стоять на пороге — это удел врагов.

Исследование народных традиций и обрядов при строительстве домов в Южном Кыргызстане позволило нам ближе познакомиться с уникальным культурным наследием этого региона. Мы обнаружили, что каждый этап строительства жилища сопровождается целым комплексом обычаев и ритуалов, имеющих глубокие исторические корни и тесную связь с природными и социокультурными особенностями южного Кыргызстана.

Основные принципы выбора места для строительства, а также требования к самому строению передаются из поколения в поколение и играют важную роль в формировании кыргызской идентичности. Несмотря на изменения в социально-экономической среде и развитие технологий, многие из этих традиций и обрядов сохраняются и до сих пор оказывают влияние на жизнь местного населения.

Наше исследование подтверждает значимость сохранения и изучения народных обычаев и традиций для понимания и сохранения культурного наследия Кыргызстана. Благодаря этим знаниям мы можем лучше оценить ценность культурного многообразия и способствовать его сохранению для будущих поколений.

Список источников

Назаралиев Т. Диний ишенимдердин курулуш иштерине тийгизген таасири жөнүндө // Дин жана диний калдыктар. Фрунзе, 1969. С. 127–129.

Писарчик А.К. Примечания и дополнения // Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып. 2. Сталинабад, 1958. С. 277–486.

Информация об авторах / Information about the Authors

Нурабидин Камчиевич Маразыков, Ошский государственный университет, доцент; 723500, Кыргызская Республика, г. Ош, ул. Ленина, 331, кандидат исторических наук, nuran1970@mail.ru

Nurabidin K. Marazykov, Osh State University, Associate Professor; 723500, Kyrgyz Republic, Osh, st. Lenina, 331, Candidate of Historical Sciences, nuran1970@mail.ru

Максатай Токторовна Садыкова, Ошский государственный университет, преподаватель; 723500, Кыргызская Республика, г. Ош, ул. Ленина, 331, maksats2023@gmail.com

Maksatay T. Sadykova, Osh State University, Teacher; 723500, Kyrgyz Republic, Osh, st. Lenina, 331, maksats2023@gmail.com

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024*

Научная статья / Article

УДК: 94(571.15):550.823

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.05

EDN: ADEPJY

ТРУДЫ ПО ГЕОЛОГИИ И ГОРНОМУ ДЕЛУ В КНИЖНОМ СОБРАНИИ ГУЛЯЕВЫХ

Лариса Николаевна Мукаева

Национальная библиотека имени М.В. Чевалкова, Горно-Алтайск, Россия

Резюме. Национальный музей имени А.В. Анохина Республики Алтай владеет бесценным сокровищем: Гуляевской коллекцией — книжным собранием семьи Гуляевых. В статье рассматривается важнейшая составляющая книжного собрания Гуляевых — труды по геологии и горному делу, представляющие раритеты, редкие книжные памятники для научного мира России. Литература по геологии и горному делу Гуляевской коллекции, представленная в фондах Национального музея, может стать источниковой основой для воссоздания современными исследователями научной картины истории горной промышленности России и Алтая в досоветское время.

Ключевые слова: книжное собрание Гуляевых, Горный Алтай, Национальный музей имени А.В. Анохина

Для цитирования: Мукаева Л.Н. Труды по геологии и горному делу в книжном собрании Гуляевых // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 30–36. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.05

WORKS ON GEOLOGY AND MINING IN THE GULYAEVS' BOOK COLLECTION

Larisa N. Mukaeva

National Library Named after M.V. Cevalkov, Gorno-Altaysk, Russia

Abstract. The National Museum of the Altai Republic named after A.V. Anokhin owns an invaluable treasure — the Gulyaev collection — the book collection of the Gulyaevs' family. The article examines the most important component of the Gulyaevs' book collection — works on geology and mining, representing rarities, rare book monuments unique to the Russian book and scientific world. The literature on geology and mining of the Gulyaev

collection, presented in the funds of the National Museum, can become a source basis for modern researchers to recreate the scientific picture of the history of the mining industry of Russia and Altai in pre-Soviet times.

Keywords: Gulyaev Book Collection, Gorny Altai, Anokhin National Museum

For citation: Mukaeva L.N. Works on Geology and Mining in the Gulyaevs' Book Collection. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:30–36. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.05

Одной из не до конца изученных тем в творческой биографии алтайских исследователей и краеведов Степана Ивановича и Николая Степановича Гуляевых является функциональная структура книжного собрания семьи Гуляевых, переданного в 1919 г. в фонды Ойротского краеведческого музея (ныне Национального музея Республики Алтай), одной из составляющих которого являются труды по геологии и горному делу.

Библиотека была гордостью этой династии замечательных исследователей Алтая и Сибири. Она «представляла собой одно из самых крупных книжных собраний Сибири второй половины XIX в.», при Степане Ивановиче в ней насчитывалось 1128 книг (Белекова, 2018). Николай Степанович, унаследовавший это семейное достояние, по признаниям современников, преумножил его до громадных размеров (Николай Степанович..., 1919, с. 65). Как показывают архивные источники, он продолжал пополнять свою библиотеку интересными изданиями и в годы Первой мировой войны, по крайней мере, последние издания, приобретенные им, датируются 1916–1917 гг. Библиотека, которую собирали отец и сын Гуляевы, представляла прекрасный подбор изданий по естественным, гуманитарным наукам и технике (Белекова, 2018), по своему составу она была разнообразной и включала книги, научные журналы, ученые записки, описания, обзоры, статистические, исторические, географические сочинения, труды путешественников, художественные произведения отечественного происхождения, а также зарубежные издания, кроме того, при ней имелись геологическая, этнографическая, палеонтологическая коллекции.

Значительную часть гуляевской библиотеки составляла литература по геологии, минералогии и горному делу. Проживая в Барнауле — административном центре важнейшего для России в XIX в. Алтайского горнопромышленного региона, главными отраслями которого являлись горнорудная промышленность, цветная и черная металлургия, Степан Иванович и Николай Степанович Гуляевы в течение многих лет занимались сбором опубликованных источников и исследовательских трудов, научных сочинений и учебной литературы по различным аспектам горнозаводского дела, геологии и минералогии России, Алтая, а также истории отечественного горного дела. Геология и минералогия была предметом исследования Н.С. Гуляева, перу которого принадлежат работы: «Кольванская шлифовальная фабрика на Алтае. Краткий исторический очерк, составленный к столетию фабрики», доклад

«Салаирские рудники в начале XIX столетия и современное их положение» (1900), прочитанный на заседании Общества любителей исследования Алтая. Для горного инженера В.П. Мамонтова он подготовил описание залежей каменного угля и железных руд в Кузнецком уезде Алтайского округа (Тишкина, 2010, с. 33). Его перу принадлежит работа «Архив Главного управления Алтайского округа, исторический очерк его прошлого и настоящего» (1916). Заметим, что отец и сын Гуляевы охотно предоставляли книги из своей библиотеки ученым, путешественникам, посещавшим Алтай, барнаульским краеведам и другим заинтересованным лицам.

Не случайно Николая Степановича, как видного знатока Алтая, прекрасно разбирающегося в отечественной и региональной литературе, в 1895 г. пригласили на работу в архив Главного управления округа для наведения порядка в фондах, а через год его утвердили архивариусом, на этой должности он проработал всю оставшуюся жизнь за исключением мая — сентября 1918 г., когда он был уволен по распоряжению советских властей.

Несмотря на престижную работу, финансовое положение семьи во втором десятилетии XX столетия стало ухудшаться. Об этом свидетельствуют введенные исследователем В.Ф. Гришаевым в научно-практический оборот архивные документы, раскрывающие картину затруднительного положения Гуляевых. Николай Степанович неоднократно обращался в Главное управление округа с просьбами о получении пособия или ссуды с отсрочкой на несколько лет на ремонт ветшающего дома, обучение детей, лечение пошатнувшегося здоровья; он «в последние годы жизни сильно бедствовал» (Гришаев, 2010, с. 37–38). Тяжелое положение Николая Степановича Гуляева в конце жизни подтверждает исследовательница Т.В. Тишкина, детально занимавшаяся биографией алтайского краеведа, она пишет, что он испытывал «нужду и лишения» (Тишкина, 2010, с. 34).

В это тяжелое для семьи Гуляевых время к Николаю Степановичу с интересным предложением обратилась Алтайская горная дума (в 1918 г. ее сменила Каракорум-Алтайская окружная управа (1918–1919 гг.), с председателем которой Г.И. Гуркиным его связывали дружеские отношения. Суть этого предложения заключалась в следующем: Алтайская горная дума (1917 г.), Каракорум-Алтайская окружная управа (1918–1919 гг.), придававшие большее значение делу народного просвещения и образования, попытались осуществить идею создания уездного музея, выкупив для этой цели библиотеку и коллекции Гуляевых, которые должны были стать основными фондами. По этому вопросу в 1917 г. между Н.С. Гуляевым, Г.И. Гуркиным и А.В. Анохиным (первым заведующим музеем, созданным в 1918 г.) завязалась переписка. По свидетельству исследовательницы Э.А. Белековой, в октябре 1917 г. Н.С. Гуляев получил предложение администрации Алтайской горной думы возглавить «историко-справочную библиотеку», основой которой должны были стать как раз его книжное собрание и остальные коллекции (Белекова, 2018). Сильно бедствовавший Николай Степанович при согласии остальных членов семьи, пытаясь поправить финансовое положение, принимает судь-

боносное решение о продаже своих книг и коллекций Алтайской горной думе (Каракорум-Алтайской управе) (Тишкина, 2010, с. 34).

Переговоры о продаже библиотеки и коллекций Каракорум-Алтайской окружной управе начались в августе 1918 г., когда в Барнаул к Николаю Степановичу прибыл зав. отделом народного образования Каракорум-Алтайской управы, приват-доцент Московского университета Б.Ф. Добрынин. Он осмотрел коллекцию, для себя отобрал 36 книг, оценив их в 400 руб., деньги он передал Николаю Степановичу. Поскольку Гуляеву состояние здоровья уже не позволяло самостоятельно вести переговоры, то эту миссию на себя взяла его дочь Антонина Николаевна (по мужу — Ветринская). Сам договор о приобретении коллекций и библиотеки Гуляевых Каракорум-Алтайской земской управой был заключен 29 октября 1918 г., а спустя месяц, 30 ноября 1918 г. Николай Степанович Гуляев скончался. Переговоры тем не менее после смерти Гуляева продолжились, а 3 января 1919 г. заинтересованные стороны заключили акт, по которому Каракорум-Алтайской управе были проданы все книги Гуляевской библиотеки, а также геологическая, этнографическая, палеонтологическая коллекции, названные в акте музеем, за 25 тыс. руб. В акте специально подчеркивалось, что библиотека и музей будут носить имена их основателей — отца и сына Гуляевых (Гришаев, 2010, с. 40). Со стороны Каракорум-Алтайской земской уездной управы акт подписали ее уполномоченные: С.И. Гуркин (младший брат Григория Ивановича Гуркина), Е.А. Якимов, со стороны семьи Гуляевых — дочь и наследница Николая Степановича А.Н. Ветринская. Каракорум-Алтайская управа обязывалась выплатить 25 тыс. руб. с рассрочкой на три года: 13 тыс. в 1919 г., по 6 тыс. — в 1920 г. и 1921 г., но успела осуществить только три платежа на общую сумму в 10 тыс., остальные 15 тыс. руб. наследники Николая Степановича Гуляева так и не получили (Белекова, 1918; Гришаев, 2010, с. 40; История создания..., 2018).

По акту Каракорум-Алтайской земской управе передавались 1311 книг, перечисленные в 25 списках, архив из 74 папок, 113 предметов по археологии, минералогии и 12 таблиц, все это было доставлено в Улалу (ныне г. Горно-Алтайск) в начале января 1919 г. Что касается книг, то вместо 1311 экз., музей получил 1295. В своей объяснительной записке А.Н. Ветринская пояснила этот факт тем, что Николай Степанович при своей жизни передал во временное пользование частным лицам 16 книг, не возвращенных к моменту подписания акта (Белекова, 2018).

К акту прилагался документ — опись книгам библиотеки Н.С. Гуляева под наименованием «Список книг, взятых в Каракорум-Алтайскую музей-библиотеку 11/24 августа 1918 г. от Н.С. Гуляева», ныне хранящийся в Государственном архиве Алтайского края; аналог этого списка, переданный в Каракорум-Алтайскую управу, не сохранился. Данная опись Гуляевской библиотеки состоит из 25 списков. Труды по геологии и горному делу в книжном собрании Гуляевых перечислены в списке №10 «Геология и горное дело», в него вошли листы 0033, 0034, 0036, и «Опись книгам библиотеки Н.С. Гу-

лява» — лист 0009 периодических изданий по горному делу» (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–36).

Лист 0033 включает 30 наименований изданий — это книги и карты общего характера по горнозаводскому делу и геологии страны, отдельные нормативно-правовые документы из области горного законодательства России досоветского времени, статистические и картографические работы и труды по истории горного дела. Литература общего характера представлена сочинениями: «Руководство к геогнозии. Ч. 1» (1842), составленное генерал-майором, профессором Петербургского университета Д. Соколовым, «О действии горных заводов за ... год 1859», работой Б. Котты «Глетчеры», 33 экземплярами практического пособия «Руководство к горному искусству» (1880) автора-составителя Ю.И. Эйхвальда, трудом «Палеонтология России» (1854) Э.И. Эйхвальда, работой «Искусство горного железодельного производства. Ч. III» (1770) Ф.И. Канкрин и другими книжными документами.

Различным аспектам деятельности горнопромышленных регионов: Урала, Кузбасса и других округов страны посвящены книги «О золотопромышленности на Урале. Ч. 2» Г. Романовского», пособие для экскурсий «Геологический очерк окрестностей Москвы» (1907) А.П. Павлова, «О развитии горного дела в Богословском горном округе за последние семь лет с 1881 по 1888 г.» (1888) А.А. Ауэрбаха. Большую научно-практическую ценность представляет доклад профессора П.П. Гудкова «Тельбесский железорудный район» на пяти страницах (1916), издание «Юрская флора Кузнецкого бассейна. Ч. 5» (1869) и др.

Из интересных нормативно-правовых документов следует отметить такие книжные памятники, как «Инструкция Зырянскому заводскому управлению» (1894), «Распоряжения правления о горных заводах» (1868), «Проект устава о горнозаводских лесах» (1866), «Журнал комитета по пересмотру Горного устава» (1862, 1863) и др.

Труды по истории отечественного горного дела, перечисленные в листе 0033, представлены редкими памятниками, из которых наиболее ценными и редкими книжными изданиями являются сочинение И.Ф. Германа «Сочинения о сибирских рудниках и заводах, собранные надворным советником и академиком Иваном Германом» в трех частях (1797), книга «Демидовы, их жизнь и деятельность: Биографический очерк» (1891) В.В. Огаркова, труд «Исторические основания русских горных заводов» Н.Н. Блинова и 22 брошюры «К истории горного дела».

Лист 0034 включает 33 наименования интереснейших изданий по горной статистике, истории и состоянию российской и сибирской золотопромышленности, такие как «Опыт горной статистики» (1878) И. Боголюбского, «О предлагаемых изменениях в Устав о золотопромышленности» (1864), «Сведения о добыче золота в Забайкалье, Амурской области, Приморском крае» (1894) И. Боголюбского, «Свод действующих указаний о частной золотопромышленности (1978, 1883), «Положение о частной золотопромыш-

ленности в казенных землях Сибири» (1838), «Очерк золотопромышленной Олекмы» (1884) В. Аврамова, «Современные условия золотопромышленности в Минусинском уезде Енисейской губернии» (1903) К.Н. Гульчинского, а также другие издания по горной тематике.

Лист 35, состоящий из 32 наименований, и лист 0036 — из 34 содержат перечни разнообразных изданий по геологии России, Урала, Сибири, Алтая 2-й половины XIX — начала XX в., по российской минералогии, цветной и черной металлургии, открытиям месторождений драгоценных и полудрагоценных камней.

Лист 0009 представляет собой «Опись книгам библиотеки Н.С. Гуляева, отдел Издания периодические». В этой описи учтены выпуски «Горного журнала (1827, 1838, 1853, 1860, 1862, 1864, 1867, 1873, 1875, 1877, 1884, 1879–1884, 1891–1896 гг.), «Указатель статей Горного журнала с 1825 по 1849 год» (1850) составителя Р.О. Кемпиньски. Кроме «Горного журнала», Каракорум-Алтайская окружная управа получила выпуски редких периодических изданий, таких как «Записки Императорского Петербургского Минералогического общества. Вторая серия (1861–1883)», журнал «Материалы для геологии России», оба эти журнала издавались Императорским Минералогическим обществом; журнал «Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги за 1896 г.», ценнейшие «Труды Геологической части Кабинета Его Величества (1896–1915)». Всего в описи значится 29 наименований периодических изданий.

Итак, в списке №10 «Геология и горное дело» описи Гуляевской библиотеки, составленной в 1918–1919 гг., значилось 130 книг по геологии и горному делу и 29 наименований повременных изданий: «Горный журнал», «Записки Императорского Российского Минералогического Общества», «Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги», «Труды Геологической части Кабинета Его Величества», всего 159.

К сожалению, социокультурные реалии, существовавшие в то время в Горном Алтае (Каракорумском уезде, затем Ойротской автономной области), не благоприятствовали бережному отношению и сохранению Гуляевской библиотеки. Во введенном исследователем В.Ф. Гришаевым в научно-практический оборот документе «Отчет Ойротского областного краеведческого музея за 1948 г.» описана непростая судьба книжного собрания Гуляевых, попавшего в Горный Алтай. Библиотека Гуляева размещалась в неподобающих для хранения книг помещениях, сырых и влажных комнатах, в сараях и амбарах. Книги постоянно перевозили с одной локации на другую, расхищали, «разбазаривали» (Гришаев, 2010, с. 41–42). До сих пор не известна судьба 200 книг, похищенных приват-доцентом Б.Ф. Добрыниным. В 1920 г. руководство области распорядилось отправить для слушателей педагогических курсов в с. Чемал 80 книг, которые так назад и не вернулись. Часть библиотеки некоторое время находилась в Народном доме с. Алтайское (ныне с. Алтайское Алтайского района Алтайского края), посетители которого беспрепятственно брали книги и не возвращали. Весной 1921 г. по распоряжению Алтайского

губернского отдела народного образования рукописи Гуляевых общим весом около шести пудов отправили из Ойротского краеведческого музея в Барнаульский архив, а часть библиотеки передали в Чемальскую школу. В итоге богатые библиотека и архив, приобретенные у Н.С. Гуляева, оказались расхищенными (Тишкина, 2007, с. 155).

В настоящее время из 1295 книг, переданных в 1919 г. Каракорум-Алтайской управе, в фондах Национального музея Республики Алтай имени Анохина осталось 162 единицы хранения, оцифрованных в рамках совместного проекта Национального музея и Национальной библиотеки Республики Алтай имени Чевалкова. Ныне они составляют «Гуляевскую коллекцию», размещенную на сайтах данных учреждений культуры РА. Из 162 экспонатов к трудам по геологии и горному делу относятся 23 книги и шесть выпусков журнала, что составляет около пятой части от поступления 1919 г. Тем не менее, несмотря на значительное сокращение книжного собрания С.И. и Н.С. Гуляевых, их наследие составляет редкие книжные документы фондов Национального музея Республики Алтай имени А.В. Анохина, нуждающиеся в дальнейшем изучении.

Список источников

Белекова Э.А. Судьба библиотеки и архива С.И. и Н.С. Гуляевых // Национальный музей республики Алтай имени А.В. Анохина. 2018 г. URL: <https://www.musey-anohina.ru/index.php/muzey-anokhina-100-let/item/697-sudba-biblioteki-i-arkhiva-s-i-i-n-s-gulyaevykh>

ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–36.

Гришаев В.Ф. Алтайские краеведы. Барнаул, 2010. 225 с.

История создания Национального музея Республики Алтай имени Анохина // Национальный музей имени Анохина. URL: <http://www.musey-anohina.ru/index.php/muzey-anokhina-100-let/item/664-100-let-natsionalnomu-muzeyu-imeni-a-v-anokhina-istoki-i-nachalo>

Николай Степанович Гуляев : некролог // Сибирский рассвет. 1919. №1. С. 65–68.

Тишкина Т.В. Археологические коллекции Н.С. Гуляева в собраниях музеев России // Известия Алтайского государственного университета. 2007. №4/2. С. 152–156.

Тишкина Т.В. 160 лет со дня рождения исследователя Алтая, краеведа Н.С. Гуляева (1851–1918) // Алтайский край, 2011 : календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, 2010. С. 32–35.

Информация об авторе / Information about the Author

Лариса Николаевна Мукаева, Национальная библиотека имени М.В. Чевалкова, научно-методический отдел, научный сотрудник; 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, пр-т Коммунистический, 32, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-9409-3217>, larnika777@yandex.ru

Larisa N. Mukaveva, National Library Named after M.V. Chevalkov, Gorno-Altaysk, Russia, Scientific and Methodological Department, Research Associate; 649000, Russia, Gorno-Altaysk, 32 Kommunisticheskij Ave, PhD (History), Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-9409-3217>, larnika777@yandex.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article
УДК: 39(571.53)
DOI: 10.14258/2411-1503.2024.06
EDN: EIУJET

**НАДЕЖДА ПЕТРОВНА ДЫРЕНКОВА И ЕЕ ВКЛАД
В ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРА
ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Иван Иванович Назаров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В публикации представлены основные сведения о жизни и научном творчестве Надежды Петровны Дыренковой. Н.П. Дыренкова известна как этнограф и фольклорист, она собрала в 1920–1930 гг. уникальные материалы, отражающие особенности этнографии и устного народного творчества тюркских народов Южной Сибири. Ею были составлены первые учебники алтайского, хакасского и шорского языков. Она подготовила и опубликовала фундаментальное издание «Шорский фольклор». Целый ряд ее статей раскрыли особенности традиционного мировоззрения, шаманизма, семейных и брачных отношений, а также песенных традиций тюрков Саяно-Алтая и Киргизии. Н.П. Дыренкова скончалась в 1941 г. в Ленинграде, не успев реализовать свои начинания. Ее научное наследие еще требует изучения, а собранные ею уникальные фольклорные материалы нуждаются во введении в научный оборот.

Ключевые слова: этнография, тюркология, фольклор, тюркоязычные народы, экспедиции, Южная Сибирь, Алтай, кумандинцы, шорцы, алтайцы, хакасы

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации госзадания по проекту «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Для цитирования: Назаров И.И. Надежда Петровна Дыренкова и ее вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Южной Сибири // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 37–41. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.06

**NADEZHDA PETROVNA DYRENKOVA AND HER CONTRIBUTION
TO THE STUDY OF ETHNOGRAPHY AND FOLKLORE
OF THE TURKIC PEOPLES OF SOUTH SIBERIA**

Ivan I. Nazarov

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The publication provides basic information about the life and scientific work of Nadezhda Petrovna Dyrenkova. N.P. Dyrenkova is known as an ethnographer and folklorist, who in 1920–1930 collected unique materials reflecting the features of ethnography and oral folk art of the Turkic peoples of Southern Siberia. She compiled the first textbooks of the Altai, Khakass and Shor languages. She prepared and published the fundamental publication “Shor Folklore”. A number of her articles revealed the features of the traditional worldview, shamanism, family and marriage relationships, as well as the song traditions of the Turks of Sayan-Altai and Kyrgyzstan. N.P. Dyrenkova died in 1941 in Leningrad without

having time to implement all her projects. Her scientific heritage still requires study, and the unique folklore materials she collected need introducing into scientific circulation.

Keywords: Ethnography, Turkology, folklore, Turkic-speaking peoples, expeditions, Southern Siberia, Altai, Kumandins, Shors, Altaians, Khakassians

Acknowledgments: the publication was prepared as part of the implementation of the state assignment for the project “Turkic World of the Great Altai: Unity and Diversity in History and Modernity” (registry number 850000F.99.1. BN66AA04000).

For citations: Nazarov I.I. Nadezhda Petrovna Dyrenkova and Her Contribution to the Study of Ethnography and Folklore of the Turkic Peoples of South Siberia. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Alai Krai*. 2024;XXX:37–41. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.06

В 2024 г. исполнится 125 лет со дня рождения Надежды Петровны Дыренковой — известного советского этнографа, тюрколога, фольклориста, автора учебников тюркских языков народов Южной Сибири. Жизненный путь этого человека был наполнен яркими и драматичными сюжетами и демонстрирует особенности научных исследований в первые десятилетия XX в., является примером искреннего служения науке и стремления изучить и сохранить богатый мир духовной культуры тюркских народов Южной Сибири. Основные вехи жизненного пути и научной биографии Н.П. Дыренковой были отражены в ряде публикаций (Дьяконова, 1989, с. 3–14; Решетов, 1995, с. 40–41; Табыкова, 2000, с. 39; Попов, 2003, с. 17–25; Арзютов, Невская, Павлинская, 2012).

Надежда Петровна родилась 31 мая 1899 г. в д. Соснинка Новгородской губернии в семье лесопромышленника. После окончания гимназии в Ленинграде Н.П. Дыренкова работала учителем в Советской трудовой начальной школе в городе Луга Ленинградской области. Осенью 1920 г. Лужский отдел народного образования направил ее в Ленинградский педагогический институт, откуда она затем перевелась на этнографический факультет Географического института, который успешно окончила в 1925 г.

В годы обучения в вузе Н.П. Дыренкова выбрала этнографию в качестве главного занятия своей жизни. Она вошла в плеяду виднейших советских этнографов, получивших специальное образование в 20–30-е гг. XX в. под руководством выдающихся ученых того времени — Л.Я. Штерберга и В.Г. Богораза. Свои первые научные шаги Н.П. Дыренкова, будучи еще студенткой, стала делать в области этнографии тюркских народов Южной Сибири и по настоянию своих учителей Л.Я. Штерберга и В.Г. Богораза включила в круг своих интересов изучение языков этих народов. По тюркским языкам ее готовили выдающиеся тюркологи того времени — академик А.Н. Самойлович и профессор С.Е. Малов.

После окончания этнографического факультета по предложению Л.Я. Штерберга Н.П. Дыренкова была оставлена на факультете младшим ассистентом. С 1928 г. она занимает должность старшего ассистента и затем становится доцентом названного факультета. В конце 1920-х — 1930-е гг. Н.П. Дыренкова вела семинары и читала лекционные курсы по различным вопросам этнографии и языкознания тюркских народов Сибири в Ленинградском государственном университете, Ленинградском историко-лингвистическом

институте, Институте народов Севера, а также преподавала шорский, алтайский и хакасский языки. В те же годы ее, как сложившегося специалиста-этнографа, приглашают на должность практиканта в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), где она проработала с 1931 вплоть до 1941 г. в качестве старшего научного сотрудника сектора Сибири. За время работы в названном выше музее она прошла аспирантуру при АН СССР, куда поступила по рекомендации академика А.Н. Самойловича. В 1935 г. ей присуждают ученую степень кандидата наук по этнографии без защиты диссертации.

По настоянию Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза Н.П. Дыренкова, еще будучи студенткой, начала заниматься активной экспедиционной работой. На протяжении всей своей недолгой жизни Надежда Петровна придавала огромное значение сбору фольклорного и этнографического материала. В общей сложности она занималась активными поездками для сбора этнографических и фольклорных сведений у тюркских народов 18 лет. Только за время с 1924 по 1932 г. она совершила шесть экспедиций, из них три в разные годы — в Горную Шорию, затем на Алтай, в Хакасию и Киргизию.

Особенно результативными оказались ее экспедиционные поездки по сбору фольклорных материалов у тюркских народов Сибири. На языках носителей ею были записаны различные жанры фольклора шорцев, телеутов, кумандинцев, челканцев, теленгитов, чулымских тюрок. Из огромного фольклорного наследия, записанного Н.П. Дыренковой, было опубликовано, к сожалению, немного. Самый известный ее фундаментальный труд, вышедший при жизни исследовательницы, — это книга «Шорский фольклор» (1940). Значительная часть собранного Н.П. Дыренковой полевого материала, подготовленные и не изданные ею работы хранятся сегодня в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге. В 2012 г. часть этих материалов и статей была опубликована сотрудниками этого музея в виде отдельной книги под названием «Тюрки Саяно-Алтая» (Дыренкова, 2012). Содержащиеся в этом издании дневниковые записи исследовательницы и этнографические материалы рисуют образ бесстрашной и непрехотливой путешественницы, способной в тяжелейших условиях общаться с различными собеседниками, фиксировать уникальные произведения устного народного творчества, описывать яркие явления традиционной культуры тюркоязычных народов Центральной Азии.

Н.П. Дыренкова, как признанный специалист в области быта, языка и фольклора тюркских народов Сибири, была привлечена к работе Всесоюзного Центрального Комитета Нового алфавита при Совете Национальностей ЦИК СССР. Она участвовала в разработке алфавитов и первых учебников по языкам тюркских народов Сибири, часть из которых были изданы при жизни ученой, а некоторые уже после ее смерти: «Грамматика ойротского языка» (1940) и «Грамматика шорского языка» (1941), «Грамматика хакасского языка» (1948), «Тофаларский язык» (1963).

В области этнографии Н.П. Дыренкова известна прежде всего как специалист по традиционной культуре тюркских народов Сибири. Она подготовила

и опубликовала на основе собственных полевых материалов ряд научных статей, ставших со временем классическими работами. К этим научным публикациям Н.П. Дыренковой и сегодня обращаются специалисты, занимающиеся проблемами традиционных систем мировоззрения, культов, семейно-брачных отношений, шаманства (1937, 1949). Некоторые из этих статей: «Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев» (1936), «Кумандинские песни “taqraq”» (1941), «Охотничьи легенды кумандинцев» (1949) — были посвящены этнографии и фольклору кумандинцев. Они написаны на основе материалов, которые Надежда Петровна собирала во время поездок по территории Алтайского края и Горного Алтая.

Среди опубликованных Н.П. Дыренковой есть такие значимые статьи, как «Культ огня у алтайцев и телеут» (1927), «Умай в культе сибирских тюрков» (1928), «Получение шаманского дара у турецких племен» (1930), «Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири» (1929), которые стали известными не только среди советских специалистов, но и привлекли своими оригинальными материалами внимание зарубежных исследователей. Всего же за свою короткую жизнь Н.П. Дыренкова опубликовала чуть более 30 работ по этнографии, языку и фольклору тюркских народов Саяно-Алтая.

Умерла Н.П. Дыренкова в блокадном Ленинграде, на своем рабочем месте — в Музее антропологии и этнографии, 28 октября 1941 г. Ее имя указано в числе 33 сотрудников этого музея, сложивших свои головы в Ленинграде во время блокады, на памятной доске, размещенной в Кунсткамере.

Надежда Петровна Дыренкова, создавшая первые грамматики алтайского, хакасского и шорского языков, собравшая большой объем сведений по устному народному творчеству и этнографии тюрков Саяно-Алтая, внесла большой вклад в изучение традиционной культуры коренного населения Сибири. Ее фигура занимает достойное место среди ученых-сибиреведов начала XX в., а сохранившееся научное наследие еще требует глубокого осмысления.

Список источников

Арзютов Д., Невская И., Павлинская Л. Надежда Петровна Дыренкова: очерк жизни и научной деятельности // Тюрки Саяно-Алтая: статьи и этнографические материалы. СПб., 2012. С. 19–88.

Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеутов // Сб. МАЭ. Л., 1927. Т. VI. С. 63–78.

Дыренкова Н.П. Умай в культе турецких племен // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Кн. II. С. 134–139.

Дыренкова Н.П. Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири // Культура и письменность Востока. Кн. 4. Баку, 1929. С. 119–126.

Дыренкова Н.П. Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен // Сборник МАЭ. Л., 1930. Т. IX. С. 267–291.

Дыренкова Н.П. Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев // Советская этнография. 1936. №6. С. 101–115.

Дыренкова Н.П. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков (духи emegender ~ örökenner) // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936). М.; Л., 1937. С. 123–145.

Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940. 303 с.

Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н.П. Дыренковой. М.; Л., 1940. 448 с.

- Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941. 308 с.
- Дыренкова Н.П. Кумандинские песни «таҕрақ» // Советский фольклор. 1941. №7. С. 82–90.
- Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948. 123 с.
- Дыренкова Н.П. Материалы по шаманству у телеутов // Сборник МАЭ. М.; Л., 1949. Т. X. С. 108–190.
- Дыренкова Н.П. Охотничьи легенды кумандинцев // Сборник МАЭ. М.; Л., 1949. Т. XI. С. 110–132.
- Дыренкова Н.П. Тофаларский язык // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 5–23.
- Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб., 2012. 408 с. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VI).
- Дьяконова В.П. Надежда Петровна Дыренкова — к 90-летию со дня рождения // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 3–14.
- Попов А.А. О действительных героях и мнимых // Из истории Кунсткамеры. 1941–1945. СПб., 2003. С. 17–25.
- Решетов А.М. Отдание долга. Ч. I: Памяти сотрудников Института этнографии, погибших в блокадном Ленинграде // Этнографическое обозрение. 1995. №2. С. 40–41.
- Тыбыкова Л.Н. Дыренкова Н.П. (1899–1941) (Материалы к энциклопедическому справочнику «Республика Алтай») // Кан-Алтай (ежеквартальный журнал). 2000. №19. С. 39.

Информация об авторе / Information about the Author

Иван Иванович Назаров, Алтайский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии, институт истории и международных отношений, директор; 656049 Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61, nazarov@mail.asu.ru

Ivan I. Nazarov, Altai State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Director of the Institute of History and International Relations; 656049 Russia, Barnaul, pr. Lenina, 61, nazarov@mail.asu.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 903:621.926.48(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.07

EDN: ELVPZZ

ЛОКТЕВСКАЯ ШЛИФОВАЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА НА АЛТАЕ (краткий исторический очерк)

Анатолий Викторович Онников

Независимый исследователь-краевед, Рубцовск, Россия

Резюме. В публикуемом очерке кратко представлена история Локтевской шлифовальной мельницы, строительство которой заложило начало камнерезного производства на Алтае. Основанием для такой деятельности стало открытие в XVIII в.

многочисленных месторождений и проявлений поделочных камней. Отдельное внимание уделено мастеру-камнерезу Филиппу Васильевичу Стрижкову, который создавал специальные приспособления для обработки камня и изготовил ряд знаменитых изделий. Под его руководством выполнялись традиционные и оригинальные заказы, а также осуществлялось системное обучение. Локтевская шлифовальная мельница проработала всего 14 лет и была перенесена в поселок Кольвань, где аналогичное производство организовывалось уже на усовершенствованной основе. Причиной переноса стало несколько существенных факторов. Кольванскую шлифовальную фабрику запустили в 1802 г., а управляющим назначили Ф.В. Стрижкова. Это способствовало расцвету камнерезного искусства на Алтае.

Ключевые слова: Алтай, село Локоть, шлифовальная мельница, история, Ф.В. Стрижков, Кольванская шлифовальная фабрика, камнерезное искусство

Для цитирования: Онников А.В. Локтевская шлифовальная мельница на Алтае (краткий исторический очерк) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 41–52. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.07

LOKTEV GRINDING MILL IN ALTAI (Brief Historical Sketch)

Anatoly V. Onnikov

Independent Researcher-Local Historian, Rubtsovsk, Russia

Abstract. The published essay briefly presents the history of the Loktev grinding mill, the construction of which laid the foundation of stone-cutting production in Altai. The basis for such activity was the discovery in the 18th century of numerous deposits and manifestations of ornamental stones. Special attention is paid to the master stone-cutter Philip Vasilievich Strizhkov, who created special devices for stone working and made a number of famous products. Under his guidance traditional and original orders were fulfilled and systematic training was carried out. The Loktev grinding mill worked for only 14 years and was moved to the village of Kolyvan, where similar production was organised on an improved basis. The transfer resulted from several significant factors. The Kolyvan grinding factory was launched in 1802, and F.V. Strizhkov was appointed the manager. This contributed to the flowering of stone-cutting art in Altai.

Keywords: Altai, Lokot village, grinding mill, history, F.V. Strizhkov, Kolyvan grinding factory, stone-cutting art

For citation: Onnikov A.V. Loktev Grinding Mill in Altai (Brief Historical Sketch). *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:41–52. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.07

Введение

Много статей написано о Кольванском камнерезном заводе им. И.И. Ползунова. Но мало кто знает, что впервые камнерезное производство на Алтае создавалось не в Кольвани, а в старинном русском селе Локоть, которое расположено на правом берегу р. Алей, где река круто меняет западное течение на северо-восток, образуя поворот, или локоть. Из-за этой особенности село, завод и шлифовальная мельница получили свое название.

Камнерезное искусство Алтая представляет собой одну из замечательных страниц истории русской художественной культуры. Во 2-й половине XVIII в. Россия достигла существенных успехов в просвещении и распространении специализированного образования. Этот период характеризуется быстрым развитием культуры и искусства. Императрица Екатерина II (Великая) заботилась и о полезных промыслах.

На основе привлеченной литературы (см. список источников) представим краткий очерк об истории становления камнерезного производства на Алтае, уделив основное внимание Локтевской шлифовальной мельнице.

Поиски цветных камней

В XVIII в. минералы в России были в моде и пользовались большим спросом у придворных вельмож. Сведения о цветных камнях Алтая значительно расширились во времена правления Екатерины II. Императрица с истинным увлечением и любовью относилась к резным цветным камням. Она могла часами их рассматривать. Необычайно красивые в полированном виде алтайские поделочные камни послужили замыслам императрицы превратить эти камни в прекрасные вазы, чаши, торшеры и другие произведения камнерезного искусства для заполнения внутреннего архитектурного пространства и создания интерьеров строящихся монументальных дворцов в Петербурге и роскошных особняков загородных резиденций русских царей.

Особенно плодотворная деятельность по поиску цветных камней осуществлялась в то время, когда управляющим Колывано-Воскресенскими горными заводами был Г.С. Качка. Весной 1786 г. он снарядил девять поисковых партий, начальниками которых были хорошо образованные специалисты. Поисковые партии отправлялись в разные горные районы Алтая. В результате их деятельности обнаружено более 200 проявлений и месторождений высокодекоративных разновидностей поделочных камней и несколько десятков месторождений металлических руд.

Партией П.И. Шангина открыто 145 проявлений и месторождений красивых камней, в том числе порфиров и яшм, по речке Коргон (приток Чарыша), ставших известными в Европе. В том же году там была заложена каменноломня по добыче поделочного камня.

Партией Ф. Риддера найдено 65 проявлений и месторождений, в том числе очень красивой риддерской брекчии, найденной на правом берегу ручья Брексы, в 10 км северо-восточнее г. Лениногорска.

Партией, возглавляемой В.С. Чулковым, открыт черный порфир в окрестности с. Локоть, напоминающий базальты Египта, и устьяновская испещренная (с мелкими пятнами) яшма в долине р. Алей у деревни Устьянка.

Еще в 1781 г., во время путешествия по северо-западной части Алтая, в высоких горах Тигирецкого хребта французским ученым, ботаником и минералогом, членом-корреспондентом академии наук Е.Л. Патреном были зафиксированы залежи полупрозрачного опалесцирующего кварца нежно-розового цвета, зеленоватого берилла, голубого аквамарина и других ми-

нералов в гранитных пегматитах. Е.Л. Патрен некоторое время работал в ведомстве Кольвано-Воскресенских горных заводов.

В 1788 г. П.И. Шангин открыл редкую по красоте и ставшую знаменитой белую яшму (цвета слоновой кости), пронизанную изящными бурьми и черными дендритами, по ручью Хаир-Кумир. По мнению академика А.Е. Ферсмана, она занимает одно из первых мест в ряду алтайских яшм.

В 1789 г. штейгер (горный мастер) Кузинский открыл красивейшую ревневскую зелено-волнистую яшму в верховьях речки Логовушки, у подножья горы Ревных, в 25 км к востоку от Змеиногорска. Рисунок зелено-волнистой яшмы напоминает рисунок малахита или бывает настолько причудлив, что напоминает переливы волн морского прибоя.

В конце XVIII в. у деревни Курьи неизвестным рудовозом было открыто проявление брекчии. Мрамор в окрестности Змеиногорска известен еще с 1840-х гг., как и проявление яшмы, обнаруженной дроворубами на берегу р. Чарыш у деревни Карповой.

В 1797 г. на немецком языке была издана минералогическая карта района между Иртышом и Катунью с демонстрацией проявлений и месторождений цветных камней (яшм, порфиров, брекчий, горного хрусталя, других минералов и горных пород), составленная замечательным исследователем П.И. Шангиным. Богатейшие залежи великолепных яшм, порфиров и брекчий всевозможных цветов и оттенков открыты на Алтае к концу XVIII в. Это были разные по генезису минеральные образования, сложные и многообразные по своему составу. Для них характерно то, что все они обладают мелкозернистостью, обрабатываются очень трудно и принимают полировку высокого качества.

Художественная обработка камня

Обработкой ювелирных (драгоценных, ювелирно-поделочных) камней в России занимались Петергофская и Екатеринбургская гранильные фабрики, которые в разные годы 1-й половины XVIII в. назывались шлифовальными мельницами. Они работали от ветряной мельницы или большого колеса, приводимого в движение потоком воды. Старейшая из них, Петергофская, основана по указу Петра I в 1725 г.

Организаторами камнерезного производства на Алтае стали выпускники Московского университета горные инженеры В.С. Чулков и П.И. Шангин. В 1786 г. (9 октября) был утвержден штат работавших на Локтевской шлифовальной мельнице, которая, хотя и подчинялась управляющему сереброплавильного завода В.С. Чулкову, стала самостоятельным предприятием. Указанную дату следует считать годом начала камнерезного производства, зарождения камнерезного искусства на Алтае. Для налаживания обработки камня с Петергофской гранильной фабрики были привлечены мастер-камнерез Петр Бакланов и подмастерье Михаил Денисов. На Локтевском заводе М. Денисов появился 1 июля 1786 г., а П. Бакланов прибыл 13 августа.

В июне 1786 г. сероглазый и русоволосый ученик горного мастера из Змеиногорска 17-летний Филипп Васильевич Стрижков находился в Барна-

уле и ждал решения об отправке его на учебу в Петербургское горное училище. Но в конце июня его решили отправить на Локтевский завод учеником к мастеру-камнерезу П. Бакланову. С ранних лет Ф.В. Стрижков работал на горнозаводских работах. В 1784 г. являлся золотопромывальщиком на Змеиногорском руднике, где он окончил горную школу, научился писать и считать, «...а также рисовать и чертежи разными машинными устройствами сочинять».

Петергофскому мастеру-камнерезу подбирали смысленых и обученных грамоте учеников не моложе 15 лет с окрестных рудников. До 16 лет они считались подростками. Среди них оказались Алексей Басманов, Петр Мурзинцев, Иван Окулов, Степан Попов, Иван Толстов, Михайло Тычинин и Андрей Усов. Зачисление в ученики считалось устройством на работу. Параллельно подыскивали учеников камнелому Андрею Голыбину. Первыми камнетесами стали работники рудников: Василий Девятов, Кузьма Ивачев, Иван Нахалов, Николай Поздников, Андрей Плотников, Алексей Репин, Семен Соколов и Моисей Соколин.

В апреле 1786 г. под руководством Андрея Голыбина началась добыча черного порфира. Пока строилась шлифовальная мельница (по образцу Петергофской и Екатеринбургской гранильных фабрик), обработка камня осуществлялась во времянке, пристроенной к наливному колесу. Шлифовальная мельница работала от гидросиловых установок завода, которые представляли собой колеса большого диаметра и приводились в движение от отводного канала, вода в который поступала из р. Алей. Первые две вазы высотой в аршин и две столешницы изготовили из черного порфира. Шлифовальная мельница была запущена в работу поздней осенью или в декабре. В январе 1787 г. семь художественных изделий уже отправили в Петербург.

С 1 мая по 25 сентября 1787 г. П.И. Шангин вместе с другими специалистами занимался устройством шлифовальной мельницы. Использовался богатый опыт В.С. Чулкова, руководившего строительством Локтевского завода с 1781 по 1783 г., с учетом последних достижений при строительстве гидротехнических сооружений и заводского оборудования.

Работая в течение пяти лет под руководством опытного мастера-камнереза, Ф.В. Стрижков развил способности к черчению и рисованию, проявленные еще в Змеиногорской горной школе. Он изучил особенности твердых пород поделочного камня, их свойства, научился ценить и понимать камень, выявлять шлифовкой и полировкой скрытую красоту камня и умело использовать природный рисунок. С 1792 г. Ф.В. Стрижков заменил П. Бакланова, стал фактически руководителем камнерезного производства и получил звание «каменодельного подмастерья».

Обработка камня шла довольно успешно. Год от года росло и развивалось камнерезное производство, увеличивалось количество изготовленных художественных изделий. Поступали все новые и новые заказы. Значительно увеличился поток разнообразных поделочных камней. Поступала сапфировая красная яшма, коргонская серо- и темно-кофейная копейчатая и темно-ко-

фейная древовидная яшма, коргонский порфир красного, серо-фиолетового и темно-кофейного цвета, светло-коричневая хаир-кумирская брекчия и др. Под специальные заказы поступали цветные камни с Урала, в том числе популярный ювелирный и поделочный малахит ярко-зеленого цвета (в XVIII в. в России малахит считался драгоценным камнем). Обрабатывалась также орская яшма с пестро-цветными разнообразными рисунками, разноцветные с причудливыми рисунками агаты, просвечивающие теплых тонов сердолики и халцедон из-за иртышских степей. Великие мастера русского классицизма предлагали рисунки проектов для каменных изделий. Среди них отметим В.Ф. Бренна, Чарлза Камерона, Джакомо Кваренги и А.Н. Воронихина.

В 1788 г. мастер-камнерез П. Бакланов изготовил две вазы из копейчатой яшмы, богато украшенные декоративной бронзой золоченой, и вазу из красного коргонского порфира, украшенную золоченой бронзой. На плинте большинства ваз стояли подписи колыванских заводов «м. Бакланов», где буква «м» обозначает «мастер». В те годы была изготовлена и изящная ваза-кратер из красного порфира высотой 59 см. Вазы часто изготавливались в двух экземплярах. Это было связано с поломками почти готовых изделий из-за несовершенного производства работ.

Много труда и энергии вложил Ф.В. Стрижков в создание специальных приспособлений для обработки камня, облегчая тяжелый труд камнерезов и резко ускоряя процесс обработки. В 1793 г. он разработал проект универсальной сверлильной машины для обработки внутренней и наружной поверхности изделий. Впервые стали появляться возможности обработки крупных изделий. В.С. Чулков, любивший и понимавший камнерезное производство, продолжал всячески поддерживать талантливого механика-изобретателя и мастера-камнереза, оказывать ему необходимую помощь. Особое внимание Ф.В. Стрижков уделял безаварийности работы станков и механизмов, быстрой замене вышедших из строя деталей.

В ноябре 1793 г. началась машинная обработка изделий из камня с изготовления ваз яйцевидной формы. В 1794 г. были выполнены следующие вазы: из серо-фиолетового порфира высотой 57 см, украшенная золоченой бронзой; из темно-фиолетового порфира высотой 93 см; из хаир-кумирской брекчии высотой 48 см; из риддерской брекчии на постаменте из коргонского порфира. Автором и исполнителем их являлся Ф.В. Стрижков.

В ноябре 1794 г. Ф.В. Стрижкова отправили в Петербург с поручением доставить новые вазы, изготовленные на машинах. Они вызвали восхищение в Кабинете. Были заказаны еще более сложные в исполнении и более крупные изделия. Вазы, как и другие художественные произведения из камня, стали излюбленными предметами убранства дворцовых залов. В том же месяце Ф.В. Стрижков был представлен к званию унтер-шихтмейстера.

В 1795 г. Ф.В. Стрижков изготовил вазу из красного порфира, с которой его отправили в Петербург и на Петергофскую гранильную фабрику для ознакомления с выпуклой резьбой из слоистого разноцветного камня (камеля). Попутно он посетил Екатеринбургскую гранильную фабрику и ознакомился

с машинным способом обработки каменных изделий. Полученные знания дали возможность перенести опыт лучших уральских мастеров на Локтевскую шлифовальную мельницу.

С 1792 по 1800 г. под руководством Ф.В. Стрижкова камнерезы работали над большим настольным украшением (специфическое изделие для конца XVIII — начала XIX в. из цветного камня). Длина его составила 4,16 м, ширина — 0,5 м, высота — до 0,6 м. Выполненное в камне настольное украшение отвечало модной в те годы страсти коллекционирования минералов. Для изготовления использовались сибирские и уральские камни. Автором проекта предположительно считается крепостной художник графа Н.П. Шереметева. Это украшение предназначалось для середины большого парадного стола дома графа в Петербурге на Фонтанке. Оно состоит из круглого в плане храма, триумфальной арки, колонн с вазочками, обелисками, чашечками на подставках, фигурками из золоченой бронзы (Аполлона, Антея, Геракла, Афродиты и Флоры), установленными на плато, покрытое малахитовой мозаикой. По периметру к плато примыкают 40 сфинксов из золоченой бронзы на опорах из цветного камня, окруженных по периметру плато висячей цепной гирляндой. Колонны, вазочки и чашечки в сочетании с другими цветными камнями изготовлены из тигирецкого нежно-розового кварца. Сложное сооружение, объединяющее в единую композицию архитектурные и скульптурные формы, показывает мастерство художников. На пьедестале арки вырезана надпись: «Кольванских заводов 1800 г.м. Стрижков». Центральная часть украшения в 1800 г. была отправлена в Петербург. Это единственное украшение, дошедшее до нас в полном виде и сохранившееся в Русском музее.

Локтевскими мастерами было изготовлено 12 небольших ваз из темно-красного большереченского порфира, гольцовской яшмы, розового кварца, риддерской зеленой брекчии и фиолетового порфира для графа А.Р. Воронцова, русского государственного деятеля и дипломата. Будущий канцлер сам выбирал рисунки проектов ваз. С 1786 по 1800 г. мастерами было изготовлено 70 изделий из розового кварца, в том числе шесть ваз высотой от 30 до 42 см. Последние четыре вазы были изготовлены в 1801 г., две из красно-фиолетового порфира и две из волнистой яшмы были отправлены в Петербург в 1802 г. За 9 лет (с 1786 по 1795 г.) на шлифовальной мельнице изготовлено 257 изделий, в том числе 67 ваз, 10 небольших колонн, пять каминов и семь столешниц. Созданных из самых твердых пород подолочного камня Алтая, прочность которых обеспечивает практически вечную жизнь изделию.

Первые локтевские вазы имели замкнутую яйцевидную форму, характерную для строгого классицизма. Вазы-чаши, широко раскрытые сверху, станут более характерными для алтайского камнерезного искусства с начала XIX в. Лишь небольшая часть ваз украшалась декоративной позолоченной бронзой в Петергофе. Характерная черта локтевских ваз и ваз-чаш — это простота и лаконичность форм. Они привлекают взоры красотой и разнообразием природного рисунка и цветовой гаммой раскраски камня. Классические вазы стали вершиной мастерства локтевских камнерезов.

С Ф.В. Стрижковым связано становление камнерезного производства. Благодаря его техническим изобретениям для художественной обработки твердых пород поделочного камня мастерами были освоены сложные формы каменных изделий.

К концу XVIII в. сложился профессиональный коллектив мастеров, искусство которых достигло высокой степени совершенства, становилось потомственным и переходило из поколения в поколение локтевских, а затем и колыванских камнерезов.

Локтевская шлифовальная мельница — первое за Уралом предприятие, где формировалась механизированная обработка художественных изделий из цветного камня. Там набирались опыта будущие мастера-камнерезы, обучаясь сложному и трудному искусству резьбы по камню.

Изделия из камня были дорогими, так как на всех этапах добычи, транспортировки и обработки камня преобладал тяжелый труд. Несовершенные станки, механизмы для обработки камня начинали только внедряться. При обеске заготовок по шаблону рабочие портили глаза, кремневая пыль, оседавшая на легких, вызывала профессиональное заболевание — силикоз.

Непредвиденные катаклизмы мешали работе шлифовальной мельницы. Так, в мае 1793 г. управляющий заводом В.С. Чулков сообщал начальнику Колывано-Воскресенских заводов Г.С. Качке, что 3 мая паводок достиг наибольшей высоты (на 0,53 м больше, чем в предыдущем), шлифовальная мельница и плавильное отделение сереброплавильного завода были затоплены более чем на 0,7 м, а мост через р. Алей был унесен за деревню. Мастеровым приходилось работать в сырых и холодных помещениях при тусклом мерцании свечей, ощущалась большая нехватка профессионально грамотных мастеров — исполнителей заказов Кабинета и частных лиц. Не было упорядочено образование мастеров и рабочих. Работа производилась благодаря практическим навыкам, без всяких знаний.

Небольшая шлифовальная мельница просуществовала 14 лет. Много изделий того времени сохранилось в Павловском дворце-музее, государственном Русском музее в Санкт-Петербурге и других музеях страны.

Основание Колыванской шлифовальной фабрики

Отсутствие в окрестностях села Локоть богатых месторождений поделочного камня вынуждало завозить его с отдаленных каменоломен. Нехватка энергии воды для нужд растущего камнеобрабатывающего производства, отвлечение рабочих рук с плавильного завода от основной работы (выплавка меди, свинца и серебра), — все это побудило руководство подыскать для будущей шлифовальной фабрики более подходящее место. Еще до 1798 г. Ф.В. Стрижков детально разработал проект будущей Колыванской шлифовальной фабрики. 12 марта 1800 г. Колыванский серебро- и медеплавильный завод, расположенный на правом берегу речки Белой, был закрыт, служащие были переведены на Локтевский завод. В этом же году по распоряжению Кабинета руководство Колывано-Воскресенских горных заводов поручило

маркшейдеру Мейшнеру и шихтмейстеру Ф.В. Стрижкову определить место для шлифовальной фабрики и составить план и смету на ее строительство. Здание первого серебро- и медеплавильного завода в Сибири, построенного в селе Кольвань Акинфием Демидовым в 1727 г., получившего название Кольвано-Воскресенского, пришло в непригодность. Было решено на его месте построить, согласно плану, двухэтажное здание шлифовальной фабрики. Работы по строительству фабрики были поручены служащему Вяткину, «знающему механическое мастерство». Укладку из гранита произвести локтевскому унтер-шихтмейстеру Девяткину под наблюдением Ф.В. Стрижкова. Весной 1801 г. вынесено решение о переносе шлифовальной мельницы в Кольвань. В том же году Ф.В. Стрижков приступил к строительству шлифовальной фабрики. За один год удалось оборудовать Кольванскую фабрику, начиная с возведения стен и механизмов для художественной обработки каменных изделий. Большое количество окон в новом здании фабрики обеспечивало хорошее освещение. Мелкие станки располагались у окон, а в середине были установлены машины для обработки крупных изделий. Механизмы фабрики были устроены по образцу Петергофской гранильной фабрики. Многие из них были усовершенствованы Ф.В. Стрижковым. Так, валы у станков на Локтевской шлифовальной мельнице были деревянные, а на Кольванской фабрике Ф.В. Стрижков сделал их железными, заменил цепи пеньковыми и ременными канатами, что позволило рационально разместить станки, а валы к ним провести под полом.

С февраля 1802 г. Кольванская шлифовальная фабрика начала самостоятельное существование. На полную мощность фабрика заработала 1 августа 1802 г. Управляющим Кольванской шлифовальной фабрикой был назначен макшейдер Филипп Васильевич Стрижков. Создав лучшую технику для обработки твердых пород камня, Филипп Васильевич продолжал обучать и воспитывать мастеров-камнерезов.

Кольвань стала третьим, после Петергофа и Екатеринбурга, российским и крупным мировым центром художественной обработки камня. В начале 1-й половины XIX в. происходил яркий расцвет камнерезного искусства Алтая. Кольванские камнерезы достигли высокого мастерства в искусстве резьбы по камню, а во 2-й половине XIX в. получили награды и признание на всемирных выставках в Лондоне, Париже, Вене, Чикаго и на всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве. Созданные алтайскими камнерезами изящные, классических форм, вазы и чаши, торшеры и другие выдающиеся по своей художественной ценности крупные и мелкие произведения заняли достойное место среди шедевров русского декоративно-прикладного искусства конца XVIII и XIX в.

Гордость кольванских камнерезов — неповторимая по красоте и грациозности овальная чаша из зелено-волнистой ревневской яшмы («Царица ваз»). Чашу по проекту русского архитектора А.И. Мельникова высекали из монолита в течение 14 лет (с 1829 по 1843 г.). Вес ее свыше 11 тонн, высота

2,58 м, большой диаметр чаши 5,06 м. Эта величайшая в мире чаша отличается благородством формы и совершенством отделки.

«Царица ваз» является одним из государственных символов Алтайского края, она изображена на флаге региона, гербе и ордене «За заслуги перед Алтайским краем».

ПРИМЕЧАНИЯ

Бренна Винченцо (в России — **Викентий Францевич**) (1745–1820), художник-декоратор и архитектор. По происхождению итальянец. С 1783 по 1802 г. работал в России. Участвовал в строительстве и отделке помещений дворцов в Павловске и Гатчине, Михайловского замка в Петербурге.

Воронихин Андрей Никифорович (1759–1814), русский архитектор и художник, с 1800 г. преподавал в Академии художеств. Автор проекта Казанского собора, Горного института, участвовал в создании архитектурных ансамблей в Павловске и Петербурге.

Воронцов Александр Романович (1741–1805), русский государственный деятель и дипломат. С 1802 по 1804 г. — канцлер.

Демидов Акинфий Никитович (1678–1745), основатель Алтайского горнозаводского производства. Свою деятельность начал при Петре I.

Екатерина II Великая (1729–1796), российская императрица с 1762 г. Немецкая принцесса Софья Фредерика Августа, жена Петра III.

Качка Гавриил Симонович (1739–1818), начальник Кольвано-Воскресенских горных заводов с 1785 по 1798 г. Сын горного инженера из Венгрии, прибывшего в Россию при Петре I. Родился на Урале. Службу на Алтае начал штейгером на Змеиногорском руднике.

Камерон Чарлз (1730–1812), архитектор, представитель классицизма. По происхождению шотландец, с 1779 г. работал в России. В 1802–1805 гг. — главный архитектор Адмиралтейской коллегии. Автор проектов парковых павильонов в Павловске.

Кваренги Джакомо (1744–1817), архитектор и график. По происхождению итальянец, в России работал с 1780 г. По его проектам построены Александровский дворец в Царском Селе (ныне г. Пушкин), Ассигнационный банк, Эрмитажный театр. Смольный институт в Петербурге и Английский дворец в Петергофе (ныне Петродворец).

Мельников Авраам (Абрам) Иванович (1784–1854), архитектор, представитель позднего ампира. По его проектам построены Никольская церковь (ныне Музей Арктики) в Санкт-Петербурге, собор в Кишиневе, ансамбль полукруглой площади в Одессе. Автор проектов архитектурных частей многих скульптурных памятников И.П. Мартоса.

Петр I Великий (1672–1725), русский царь с 1682 г. (правил самостоятельно с 1689 г.), первый российский император (с 1721 г.), младший сын Алексея Михайловича. Выдающийся политический и военный деятель России.

Ползунов Иван Иванович (1728–1766), гениальный русский изобретатель-самоучка, один из создателей теплового двигателя и первой в России паровой машины. Родился в Екатеринбурге в семье солдата горной роты. С 1748 г. работал на Алтае. Умер от чахотки 16 мая 1766 г. Работал в Барнауле. Дело Ползунова на десятки лет было предано забвению. Лишь в XX в. имя гениального изобретателя было заново вписано в историю отечественной техники. Советское правительство в 1949 г. присвоило имя И.И. Ползунова Колыванскому камнерезному заводу (бывшей шлифовальной фабрике). Имя его носит корабль торгового флота. В 1961 г. решением правительства имя И.И. Ползунова присвоено Алтайскому политехническому институту, а в 1964 г. дано название улице, на которой он жил во время создания своего гениального проекта. В 1980 г., накануне 250-летия Барнаула, перед главным корпусом политехнического института был открыт памятник И.И. Ползунову.

Риддер Филипп — начальник поисковой партии в юго-западной части Алтая и первооткрыватель золотосеребряных руд в верховье реки Ульбы. Его именем названо месторождение зеленой брекчии, Рудный поселок, впоследствии город, переименованный в 1941 г. в Лениногорск.

Стрижков Филипп Васильевич (1769–1811), выдающийся мастер-камнерез, механик, изобретатель, художник, создатель и руководитель Колыванской шлифовальной фабрики, возникшей по инициативе Г.С. Качка. Ф.В. Стрижков родился в семье мастера-работавшего на Сузунском медеплавильном заводе. Бергмейстер Ф.В. Стрижков умер 8 мая 1811 г. в Змеиногорском госпитале, в расцвете творческих сил, было ему всего 42 года.

Ферман Александр Евгеньевич (1883–1945), советский геохимик и минералог, академик Российской Академии наук с 1919 г., академик АН СССР, знаток драгоценных и поделочных камней.

Чулков Василий Сергеевич (1746–1807), выпускник Московского университета, основатель Локтевского сереброплавильного завода. С 1783 г. — начальник Колывано-Воскресенских горных заводов.

Шангин Петр Иванович (1748–1816), выпускник Московского университета. Специалист горнозаводского производства. Канцелярия Колывано-Воскресенских горных заводов использовала его в поисковых партиях по поиску цветных камней и металлических руд. В 1795 г. избран член-корреспондентом Российской академии наук. С 1799 г. управлял горнозаводскими делами всех Колывано-Воскресенских горных заводов. П.И. Шангин умер в Барнауле 3 июля 1816 г. Одна из улиц Барнаула носит его имя.

Список источников

Барсанов Г.П., Яковлева М.Е. Минералогия яшм СССР. М., 1978. 86 с., 4 ил.

Гуляев Н.С., Ивачев П.А. Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае: краткий исторический очерк, составленный к 100-летию фабрики 1802–1902 гг. Барнаул, 1902. 70 с.

Данилевский В.В. История гидросиловых установок России до XIX века. М.; Л., 1940. 206 с.: ил.

Камбалов Н.А., Сергеев А.Д. Первооткрыватели и исследователи Алтая. Барнаул, 1968. 72 с.

Краткая художественная энциклопедия. Искусство стран и народов мира: архитектура, живопись, скульптура, графика, декоративное искусство. Т. 3. М., 1971. 768 с.

Пронина И.А. Декоративное искусство в Академии художеств. Из истории русской художественной школы XVIII и первой половины XIX веков. М., 1983. 312 с.: ил.

Родионов А.М. Колывань камнерезная. Барнаул, 1986. 296 с.

Розен М.Ф. Очерки и библиография исследований природы Алтая // Известия Алтайского Географического общества СССР. Вып. 12. Барнаул, 1970. 255 с.: ил.

Савельев Н.Я. Сыны Алтая и Отечества. Ч. I. Барнаул, 1985. 376 с.: ил.

Семенов В.Б. Малахит: Камни Урала. Т. I. Свердловск, 1987. 240 с.: ил.

Информация об авторе / Information about the Author

Анатолий Викторович Онников, независимый исследователь-краевед; Россия, г. Рубцовск; lyudmila.onnikova@yandex.ru

Anatoly V. Onnikov, Independent Researcher-Local Historian; Russia, Rubtsovsk, lyudmila.onnikova@yandex.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 39(575.2)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.08

EDN: EPFIYW

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ КЫРГЫЗОВ, СВЯЗАННЫЕ С ПОСЛЕРОДОВЫМ ПЕРИОДОМ

Самара Курбанаалиевна Осмонова

Ошский государственный университет, Ош, Кыргызстан

Резюме. В данной статье на основе этнографических материалов и источников были исследованы традиционные обряды и обычаи кыргызов, связанные с послеродовым периодом. Их изучение связано не только с научными этнографическими фактами, но и с практическим значением, поскольку в семейной и общественной жизни кыргызов сохранилось множество остатков архаических явлений и институтов вплоть до конца XIX — начала XX в., которые требуют тщательного анализа. Изучение проблем цикла обычаев и обрядов, связанных с послеродовым периодом, представляет большой интерес для рассмотрения остатков архаичных институтов и форм ранних религий. Процесс рождения связан с особой ситуацией, поскольку он означает повышение опасности для матери и ребенка в это время, их особую уязвимость. Процесс рождения ребенка связан с выполнением детальных ритуалов, включающих ряд обязательных ритуальных действий, направленных на обеспечение благополучия ребенка и всей семьи.

Ключевые слова: ребенок, обряды-обычаи, традиция, ритуал, роженица, культура, представления, поверия

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации госзадания по проекту «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Для цитирования: Осмонова С.К. Традиционные обряды и обычаи кыргызов, связанные с послеродовым периодом // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 52–59. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.08

TRADITIONAL RITUALS AND CUSTOMS OF THE KYRGYZ PEOPLE ASSOCIATED WITH THE POSTPARTUM PERIOD

Samara K. Osmonova

Osh State University, Osh, Kyrgyzstan

Abstract. The article, based on ethnographic materials and sources, considers the traditional rites and customs of the Kyrgyz people associated with the postpartum period. Their study is associated not only with scientific ethnographic facts, but also with practical significance, since in the family and social life of the Kyrgyz, many remnants of archaic phenomena and institutions were preserved until the end of the 19th — beginning of the 20th centuries, which require careful analysis. The study of the problems of the cycle of customs and rituals associated with the postpartum period is of great interest for considering the remains of archaic institutions and forms of early religions. The process of birth is associated with a special borderline situation, since in the mythological picture of the world it means an increase in danger for the mother and child at this time, their special vulnerability. The process of giving birth to a child is associated with the performance of detailed rituals, including a number of mandatory ritual actions aimed at ensuring the well-being of the child and the entire family.

Keywords: child, rites and customs, tradition, ritual, woman in labor, culture, ideas, beliefs

Acknowledgments: The publication was prepared as part of the implementation of the state assignment for the project “Turkic World of the Great Altai: Unity and Diversity in History and Modernity” (registry number 850000F.99.1. BN66AA04000).

For citations: Osmonova S.K. Traditional Rituals and Customs of the Kyrgyz People Associated with the Postpartum Period od. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:52–59. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.08

Многие родильные ритуалы кыргызов, связанные с общей системой поверий и представлений, сложились у них еще в домусульманский период. Позже под влиянием ислама эти представления претерпели значительные видоизменения. В некоторых родильных ритуалах кыргызов отразился синкретизм религиозных представлений.

Период родов считался очень опасным для женщины. С наступлением родов роженица оказывалась как бы в состоянии между жизнью и гибелью. Лишенные медицинской помощи, женщины у кыргызов старались помочь себе своими средствами, в основном сводившимися к разным религиозным и магическим действиям. При родах помогала женщина, которая уже многократно принимала роды, — повитуха, *киндик эне, умай эне*. Следует отме-

тить, что женщина, принявшая ребенка, считалась близкой родственницей ребенка и его семьи. Даже повзрослев, он либо она почитали ее (*киндик эне*) как мать, помогали ей в случае отсутствия сына либо дочки материально, перед свадьбой обязательно готовили для нее одежду с ног до головы — *сарпаяк*. Неудивительно, что повивальные бабки были уважаемы и почитаемы, с ними поддерживали дружеские отношения все люди данного айыла и целого округа. В прошлом женщины рожали, стоя на коленях и опираясь на *бакан*. *Бакан* использовали в быту, особенно при строительстве юрты. Об этом свидетельствует и эпос кыргызов «Манас» (Манас, 1978, с. 54–56). В рассматриваемое время схожие ритуалы широко бытовали и у других народов, например, хакасские женщины рожали стоя на коленях, держась за березовую жердь (Бутанаев, 1988, с. 207).

Если роды затягивались, то женщина ложилась на войлок либо одеяло, а помогающие ей, взявшись за его концы, перекачивали ее из стороны в сторону. Для упрощения предродовых мук кыргызы прибегали к обширному арсеналу магических средств и способов помощи женщине, развязывали узлы не только на одежде, но и повсеместно в доме все, что можно было развязать. Наши полевые материалы свидетельствуют, что особенно необходимые приемы применяли при особо сложных, затянувшихся родах. Так, приглашали в дом супруга, принуждали жену трижды переступить через супруга. Считалось, что ее муки перейдут супругу и она родит легко, это не только ускоряло роды, но и отгоняло «нечистую силу», которая могла бы навредить женщине и ребенку. В комнату в качестве оберега вносили оружие или нож, а также окуривали ее можжевельником.

Были и иные ритуалы и традиции, призванные содействовать упрощению родов. Не менее ответственным моментом, чем роды, было выделение последа. *Киндик эне* считала, что если он долго не выходит, это угрожает жизни матери. Послед должен был выйти после того, как перерезали пуповину. В тех случаях, когда отделение последа задерживалось, производили действия, которые ускоряли данный процесс. Считалось, что с последом необходимо обращаться так же, как и с ребенком. Послед заворачивали в чистую ткань и закапывали под деревьями, которые дают плоды, — это могла быть яблоня и т.д. Это говорило о том, что женщина была плодovitой, как яблоня. Пуповину повитуха обрезала ножом и перевязывала веревкой. Пуповину, которая высохла и упала, хранили и использовали в целебных целях в первые месяцы жизни ребенка. Если у него болел живот, его массировали пуповиной. Кроме того, по данным наших информаторов, когда ребенок подрастал, пуповину использовали для лечения овец, коз и телят. Эти традиции сохранялись среди части женщин старшего поколения до недавнего времени.

Ребенка через несколько дней после рождения купали в подсоленной воде, а еще добавляли золотые и серебряные украшения (у золота и серебра, по поверьям, были отличные качества, которые помогают быть здоровым), после этого насухо вытирали и смазывали маслом руки и ноги, считая это целебным. Купание должно было содействовать росту, а смазывание маслом —

хорошему сну. После родов роженице давали приготовленную из пшеничной муки молочную кашу *атала*.

У кыргызов как в прошлом, так и в сейчас в данном регионе не принято до рождения готовить ребенку одежду, дабы не нанести ущерб матери и младенцу. По свидетельству информаторов, в первые дни новорожденного пеленали остатками ношенной одежды. Пеленание охраняло не только от холода, но и предохраняло тело малыша от повреждений при неосмотрительном обращении. Спустя три дня после рождения ему шили собачью рубашку — *ит кыйнок* (Абрамзон, 1990, с. 282). По обычаю эту рубашку надевали сначала на собаку, а потом на ребенка, чтобы он был живучим, как собака.

Первое укладывание в колыбель было одним из значимых событий в жизни ребенка. Это поручали старшим многоопытным женщинам, у которых были удачные семьи и много детей. Женщины обязаны были перед укладыванием совершить омовение, как перед намазом *даарат алуу*, и уложить ребенка в первой половине дня. При этом событии присутствовали женщины (близкие, родственницы, соседки). В качестве угощения резали барана, варили суп, пекли лепешки и национальные сладости. Следует подметить, что кыргызы относились к колыбели *бешик* с любовью и почтением и очень высоко ценили ее: она давала матери возможность заниматься своими хозяйственными делами, уложив в нее ребенка, и даже в случае необходимости брать с собой в поле, в горы и в гости. Как было подмечено, конструкция колыбели обеспечивала возможность ребенку в течение долгого времени оставаться чистым и сухим, это также позволяло матери передохнуть и выспаться ночью. В первом укладывании ребенка в *бешик* принимали участие только женщины. Женщины приходили не с пустыми руками: приносили куски материи или одежду для ребенка, масло, муку и др. Повитухе семья, в которой родился ребенок, дарила одежду с ног до головы и давала зерно. Для собравшихся варили суп из бараньего мяса; обилие еды означало, что в перспективе ребенок будет жить в достатке.

Устройство кыргызской колыбели *бешик* заслуживает особого внимания. Ее конструкция представляет собой деревянную кровать со спинками на дугообразных полозьях, которые дают возможность ее раскачивать. На дно колыбели кладется одеяло *бешик тошок*, набитое ватой, и устраивается отверстие, в котором укрепляется трубчатая кость *шимек* для стока мочи в керамический сосуд *тубөк*. Такие сосуды специально изготавливались кыргызскими гончарами.

Обычные колыбели *бешик* используются и сейчас. Ребенка в колыбели туго пеленали с помощью двух широких поясов-свивальников *бортко*, а под тот, что перетягивал ноги, подкладывали также материал для отделения ног друг от друга. Концы свивальников *бортко* надевались на деревянную палку *сабоо*. На концы *боо* пришивались тесемки, которые, после того как ребенка перевязывали, проводили под колыбелью, а после этого концы тесемок завязывались на перекладине колыбели *бешик*. Колыбель делали из особых пород дерева, в основном из можжевельника арча: говорили, что арча полезна для

здоровья малыша и в ней не бывает колыбельных червей, которые могли бы навредить малышу. Соответствующая форма колыбели была призвана, по представлениям кыргызов, не допустить искривления шейного и других отделов позвоночника. Конструкция колыбели была комфортной и для кормления ребенка грудью, и для поддержания общения с ним; она сводила к минимуму число сменных пеленок и т.д.

Традиционную колыбель можно было легко переносить с места на место, взять с собой на кочевья, в поле, перенести во двор, т.е. она была постоянно рядом с матерью.

С колыбелью *бешик* у кыргызов было связано много поверий и обычаев: запрещалось качать пустую колыбель, если даже это делал несмышленный ребенок, запрещалось трогать и завязывать *бешик*, когда в колыбели не было ребенка, а еще переносить ребенка должен был только один человек, запрещалось двоим поднимать колыбель. Колыбель не обновляли, а передавали из дома в дом. Особой популярностью пользовалась колыбель, в которой пребывало много детей, выросших здоровыми. Колыбель с ребенком, как правило, ставили изголовьем на запад *кыбыла*.

Следует отметить, что сходные колыбели широко распространены в Центральной Азии и у других тюркоязычных народов, кроме того, у них с колыбелью связаны, как и у кыргызов, бесчисленные поверья, запреты, ритуал первого укладывания, популярный у большинства народов, использующих колыбель (Бутанаев, 1988, с. 214).

Как отмечают исследователи, 40 дней женщина считается не чистой, не спит с мужем, не молится, но особой изоляции не подлежит (Фиельструп, 2002, с. 67). Как только заканчивался период «очищения матери и ребенка» (40 дней), по традиции проводили церемонию *кыркы-чыкты*. Бабушки и старшие женщины дома готовили 40 лепешек, купали в 40 ложках воды, надевали рубашку, сшитую из обрезков разных материалов, которую собирали на различных семейных торжествах, таких как свадьба или первое укладывание в колыбель младенца и т.д.

Первые 40 дней жизни считались особенно опасными для жизни ребенка и матери. На это время мать освобождали от любой работы, а для ребенка в качестве оберега использовали нож, оружие и другие предметы, которые изгоняли нечистую силу.

Близость матери и ребенка, особенно в первые 40 дней после рождения, была особенно значимой для их грядущих взаимоотношений. Мать становилась основным источником благ, жизненных потребностей, одним-единственным кормильцем и собеседником. Эта привязанность детей к матери сохраняется у кыргызов на всю жизнь. Мать входила в жизнь маленького ребенка как главный источник добра и эмоционального тепла.

Следует отметить, что жизнь ребенка с особой тщательностью оберегали не только первые 40 дней — его не выносили на улицу до 3 месяцев, старались по мере возможности не показывать посторонним, не пересекали с ним улицу. Посетить дом родителей роженице с ребенком, по свидетель-

ству многих наших информантов, разрешалось лишь через год. Невзирая на скудость средств ухода за ребенком, старались постоянно содержать ребенка в чистоте и сухости. Так, в колыбели постоянно применяли трубочку для выведения мочи (*шибек*), тело ребенка ежедневно смазывали маслом, перхоть с головки также удаляли с помощью смазывания маслом. Старались часто купать, чтобы хорошо спал и рос. Возможно, в традиционном ограничении контактов ребенка с другими взрослыми в период 40 дней и позднее заключены определенные утилитарные цели народного воспитания. Данный период был ориентирован на запоминание ребенком вначале основного компаньона по общению — матери. Если исходить из современного материала, кормящая мать была основным воздействующим на ребенка началом. Безусловно, ребенок запоминает образ матери, так как в первые месяцы после рождения она кормит его грудью некоторое количество раз в сутки, каждый раз, как он заплачет.

Уход за детьми у кыргызов не считался обязанностью лишь матери, значительной была в семье помощь по уходу, воспитанию ребенка бабушки по папе. Бабушка гуляла с ребенком, ухаживала за ним, рассказывала различные истории и сказки. Эта традиция сохранилась и в наше время. Отец не допускал проявлений нежности по отношению к детям, особенно к сыну, поскольку тому предстояло исполнять роль главы семейства, он должен был в перспективе стать носителем стойкого характера. Обращение с сыном должно было быть, по воззрениям кыргызов, в некоторой степени даже суровым. С дочкой, как показывают наши материалы, отцы обходились менее строго, мягче, поясняя это тем, что дочка должна будет уйти в чужую семью, где ее, как правило, ожидает жизнь более трудная, чем в родительском доме.

Мужчины в воспитании маленьких детей участия не принимали, это было фактически полностью делом женщины. По этикету отец ребенка не показывал своей привязанности к детям, не ухаживал за ними, не ласкал их, особенно в присутствии родителей и посторонних. Это строго осуждалось старшими. Такие же нормы существовали и для матери ребенка, без особой надобности она не должна была много находиться рядом с ребенком. Соблюдение указанных норм понималось скорее не как обязанность, а как правило хорошего тона. Проявления материнских чувств обязаны были, по нормам этикета кыргызов, контролироваться, их не следовало показывать прилюдно. Знаменательно, что ребенка в семье кыргызов, как и у всех народов, объединяли с благодатью, которая пришла в семью. Семья непременно подмечала удачное окончание родов: свершалось пожертвование, раздавалась милостыня в соседние дома, а также предпочтительно в те семьи, где еще не родился ребенок. Состоятельные семьи в первую осень того года, когда родился ребенок, устраивали празднества, *жентек той*. Устраивалось жертвоприношение: в зависимости от состояния резали скотину. Особый священный смысл вкладывали кыргызы в сам процесс ритуального угощения: *талкан* делали из кукурузы либо пшеницы, топленое масло готовили только во время *тоя жентек*, его готовила бабушка со стороны матери ребенка.

В период вынашивания ребенка, как уже отмечалось, не акцентировали внимания на том, кого ожидают — мальчика либо девочку. Впрочем, желанным для кыргызов всегда было рождение мальчика, особенно сына-первенца, наследника. Все родственники и соседи спешили поздравить родителей, за уведомление о рождении сына *сүйүнчү* первые принесшие эту счастливую весть получали подарки: дорогую вещь, скот — в зависимости от состояния. По свидетельству информантов, рождению дочки отцы частенько были не рады — радовались только в том случае, когда родился сын.

Рождение сына говорило о том, что, создав позднее семью, он продолжит род. Сын был наследником имущества, с ним объединяли продолжение хозяйственной традиции семьи, он был хранителем семейной чести, опорой и защитником семьи. И самое главное, предпочтительное отношение к рождению мальчиков объединяют и с религиозными мотивами, по шариату умерших родителей мог хоронить только сын, он же отвечал на похоронах «буду платить я» на вопрос, если есть долг у родителей. Считалось неправильным, если это делал не сын. Как в прошлом, так и сейчас именно на сына возлагается ответственность за совершение поминальных ритуалов, связанных с расходами. Кроме того, рождение сына определяло место женщины в доме. Эта традиция уходит корнями в древние времена. Рождение девочки не было столь счастливым событием. Если же у мужей рождались только девочки, это расценивалось как горе. Дочку считали гостьей в семье, а родители, имевшие лишь дочерей, на старости лет оставались без кормильца, продолжателя рода.

Таким образом, ритуалы и традиции, связанные с рождением и первым периодом жизни ребенка, являлись признаком сохранения в рассматриваемое время достаточно архаичных ритуальных комплексов. Это же можно сказать и в отношении других народов. В этом традиционном цикле отражались также особенности общественных взаимоотношений в кыргызском обществе, в частности патриархальные черты, характерные для кыргызской семьи данного периода, об этом говорит предпочтительное отношение к рождению мальчика. Вместе с тем наши полевые материалы указывают на опыт кыргызского народа, воплощенный в правилах, соблюдавшихся женщинами, нормы и правила, которых необходимо было придерживаться в послеродовой период. Однако даже разумные в своей основе традиции и ритуалы в соответствии с определенным уровнем социально-экономического улучшения кыргызского социума рассматриваемого периода дополнялись массой магических ритуалов и действий, чтобы обеспечить здоровье, жизнь ребенка и матери в первые месяцы после родов.

Список источников

- Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990. 480 с.
- Бутанаев В.Я. Традиционное воспитание детей народов Сибири. Л., 1988. 251 с.
- Манас. 1-к. (Сагымбай Орозбак уулунун вар. боюнча). Фрунзе, 1978. 452 б.
- Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века М., 2002. 300 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Самара Курбаналиевна Осмонова, Ошский государственный университет, кафедра истории Кыргызстана и археологии, этнологии, доцент; 723500, г. Ош, ул. Ленина, 331; кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0009-0004-8965-316X>, sosmonova@oshsu.kg

Samara K. Osmonova, Osh State University, Department of History of Kyrgyzstan and Archaeology, Ethnology, Associate Professor; 723500, Osh, Lenin street 331; Candidate of Historical Sciences, Docent, <https://orcid.org/0009-0004-8965-316X>, sosmonova@oshsu.kg

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 902 (571.15)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.09

EDN: EWIGRG

ПОДВИГ И УВАЖЕНИЕ: РОССИЙСКО-КОРЕЙСКАЯ ДРУЖБА ЖИТЕЛЕЙ Г. НОВОСИБИРСКА С ЛИДЕРАМИ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ (взгляд через призму эпитафических надписей и судьбу одного из жителей Новосибирска)

Сергей Алексеевич Пилипенко, Ульяна Юрьевна Дудченко
*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия*

Резюме. В статье рассматриваются актуальные вопросы российско-корейского сотрудничества через призму эпитафических памятных надписей, оставленных на стенах городов Сибири и Дальнего Востока, и в частности г. Новосибирска. Эпитафика — это наука о надписях на различных поверхностях, изготовленных из разных материалов. Текст, как правило, составлен на двух языках. Содержание текстов отражает различные аспекты взаимодействия, преимущественно лидеров Северной Кореи и россиян. От фиксации факта посещения того или иного места до изложения конкретных исторических событий. Фиксация фактов взаимодействия различных этнических групп на территории Сибири является актуальным вопросом для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Россия, Корея, Сибирь, эпитафика, Ким, Новосибирск

Для цитирования: Пилипенко С.А., Дудченко У.Ю. Подвиг и уважение: российско-корейская дружба жителей г. Новосибирска с лидерами Северной Кореи (взгляд через призму эпитафических надписей и судьбу одного из жителей Новосибирска) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 59–66. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.09

FEAT AND RESPECT: RUSSIAN-KOREAN FRIENDSHIP BETWEEN NOVOSIBIRSK RESIDENTS AND NORTH KOREAN LEADERS

(a Look Through the Prism of Epigraphic Inscriptions and the Fate of One of the Residents of Novosibirsk)

Sergey A. Pilipenko, Ulyana Yu. Dudchenko

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article examines current issues of Russian-Korean cooperation through the prism of epigraphic memorial inscriptions left on the walls of cities in Siberia and the Far East, and in particular, Novosibirsk. Epigraphy is the science of inscriptions on various surfaces made of different materials. The text is usually written in two languages. The content of the texts reflects various aspects of interaction, mainly in relation to the leaders of North Korea and the Russians. From recording the fact of visiting a particular place to describing specific historical events. Fixing the facts of the interaction of various ethnic groups in Siberia is an urgent issue for further research.

Keywords: Russia, Korea, Siberia, epigraphy, Kim, Novosibirsk

For citation: Pilipenko S.A., Dudchenko U.Yu. Feat and Respect: Russian-Korean Friendship Between Novosibirsk Residents and North Korean Leaders (a Look Through the Prism of Epigraphic Inscriptions and the Fate of One of the Residents of Novosibirsk). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:00–00. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.09

Наша Родина является многонациональным государством, населенным многими народами, в том числе корейцами. Новосибирск не является в этом плане исключением. И хотя большую часть корейской диаспоры составляют выходцы с территории Казахстана, а имеющиеся в наличии национально-культурная автономия и молодежный центр «Ачим» поддерживают в основном связь с Южной Кореей, в нашем городе имеется очень интересный пласт мемориальных — двуязычных памятных знаков, связывающих наш город и область с историей Северной Кореи.

Всего нами выявлено четыре таких таблички, и по содержанию их можно разделить на две группы.

К первой относятся таблички, отражающие факты присутствия первых лиц Северной Кореи. Ко второй группе относится табличка, свидетельствующая о личных контактах одного из первых лиц Северной Кореи с одним из жителей г. Новосибирска.

Не секрет, что железная дорога является важным звеном сообщения от Владивостока до Москвы, и расположение нашего города на одном из оживленных ее участков приносит нам много интересных возможностей и встреч.

Отношения России с Королевством Кореей и корейцами, которые эмигрировали на территорию России из-за засухи и голода начиная с середины XIX в. Конкретно с Северной Кореей СССР установил дипломатические отношения с 1947 г., года основания Северной Кореи, с Южной Кореей — только после 1990 г., так как СССР ее официально не признавал.

СССР, как и Китай, принимал непосредственное участие в Корейской войне, помогая отстоять независимость, начиная с ее официального разделения в 1945 г.

Именно к этому времени относится первая точка соприкосновения судеб будущего руководителя КНДР Ким Ир Сена и новосибирца Якова Тихоновича Новиченко.

Яков Тихонович родился в семье украинских переселенцев, отец погиб в Первую мировую войну. В 7 лет стал круглым сиротой, жил у дяди, работал пастухом, батрачил, работал на строительстве железной дороги, затем — в колхозе. В 1938 г. был призван в Красную армию, служил на Дальнем Востоке. Участвовал в советско-японской войне в августе 1945 г. В Пхеньяне прибыл с группой советских войск, сражавшихся в Корее. В 1946 г. на митинге в Пхеньяне в честь годовщины «Движения 1 марта» спас Ким Ир Сена от взрыва гранаты, брошенной из толпы, схватив ее рукой и накрыв своим телом. Жизнь Новиченко спасла, закрыла область сердца, толстая книга («Брусиловский прорыв») под шинелью. В результате ранения потерял кисть правой руки, левый глаз, получил множественные осколочные ранения¹.

Демобилизовавшись в 1947 г., Яков Новиченко вернулся домой, в с. Травное Новосибирской области, окончил заочно Новосибирский аграрный институт. В 1984 г. во время визита в Советский Союз лидер КНДР Ким Ир Сен разыскал Якова, после чего Новиченко со всей семьей каждый год выезжал отдыхать в Северную Корею. 28 июля 1984 г. ему присвоили звание Героя Труда КНДР. На офицера запаса обратили внимание и советские чиновники, предоставив квартиру в Новосибирске (рис. 1.-1).

Яков Новиченко скончался в 1994 г., через пять месяцев после смерти Ким Ир Сена.

В открытых источниках указывается, что в честь Якова Тихоновича Новиченко в г. Новосибирске установлен памятник. Однако это не так. Нами была обнаружена памятная доска на торцевом фасаде одного из домов по улице Красноярской, буквально через дом-два от Дворца культуры железнодорожников г. Новосибирска, в полукилометре от железнодорожного вокзала «Новосибирск главный».

Аккуратная памятная табличка украшена портретом героя с двумя надписями: на корейском и русском языках (рис. 1.-2).

В 2001 г. Ким Чен Ир на поезде направлялся с официальным визитом в Москву, совершил кратковременную остановку в нашем городе. Вообще все представители семейства Ким перемещаются по России только на спецпоезде, поэтому неизбежно проезжают через многие города России, в том числе и наш. Во время своего приезда Ким Чен Ир пожелал подняться на крышу привокзальной гостиницы и проехал на метро до площади Ленина. То есть фактически побывал в центре г. Новосибирска.

¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE_%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%A2%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87; <https://weekend.rambler.ru/people/50279939-russkiy-spasitel-kim-ir-sena-kakoy-podvig-sovershil-leytenant-yakov-novichenko>

Рис. 1. Ким Ир Сен беседует с Яковом Новиченко (1);
памятная доска в честь Я.Т. Новиченко (2)

Fig. 1. Kim Il Sung talks with Yakov Novichenko (1);
commemorative plaque in honor of Ya. T. Novichenko (2)

16 сентября 2019 г. в присутствии официальных лиц г. Новосибирска и исполняющего обязанности посла Корейской народной республики в РФ в холле станции метро «Площадь Ленина» была открыта памятная доска, вторая по счету из двуязычных русско-корейских (рис. 2.-1).

Рис. 2. Ким Чен Ир выходит из метро в г. Новосибирске (1); памятная доска в честь посещения станции метро «Площадь Ленина» в г. Новосибирске (2)
 Fig. 2. Kim Jong Il leaves the subway in Novosibirsk (1); a commemorative plaque in honor of visiting the Lenin Square metro station in Novosibirsk (2)

Лаконичная надпись гласит: «Председатель Государственного комитета обороны Корейской Народно-Демократической республики товарищ Ким Чен Ир посетил станцию метро „Площадь Ленина“ Новосибирского метрополитена 11 августа 2001 года». Возможно, интерес был вызван желанием

сравнить метро г. Пхеньяна с нестоличным метрополитеном нашего города? К тому же единственным пока за Уралом (рис. 2.-2).

Ким Чен Ир, посетив Новосибирск, не забыл и о родственниках Нови-ченко. Им были переданы подарки. А в сентябре 2008 г. по приглашению Ким Чен Ира дочери и внуки Новиченко посетили празднование 60-летия КНДР¹.

7 октября 2015 г. в честь пребывания в Новосибирске руководителей КНДР Ким Ир Сена и Ким Чен Ира установили на железнодорожном вокзале «Новосибирск-Главный» две памятные двуязычные таблички. На открытии двух мемориальных досок были чрезвычайный и полномочный посол КНДР в России Ким Хен Джун, заместитель начальника Западно-Сибирской железной дороги Александр Грицай, сибирский представитель МИД Николай Афонасов, а также жители города.

По словам Николая Афонасова, в 2015 г. прошло много мероприятий, посвященных Году дружбы между Россией и КНДР, в том числе «связанных с окончанием Второй мировой войны и с 70-летием освобождения Кореи». «Сегодняшнее мероприятие также вошло в эту программу и является свидетельством дальнейшего укрепления связей между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой», — сказал Афонасов.

Обе таблички закреплены на фасаде здания железнодорожного вокзала, справа от выхода на путь №1 (рис. 3.-1).

Рис. 3. Памятные таблички лидерам Северной Кореи Ким Ир Сenu и Ким Чен Иру на фасаде железнодорожного вокзала г. Новосибирска
Fig. 3. Commemorative plaques to North Korean leaders Kim Il Sung and Kim Jong Il on the facade of the Novosibirsk railway station

¹ <https://weekend.rambler.ru/people/50279939-russkiy-spasitel-kim-ir-sena-kakoy-podvig-sovershil-leytenant-yakov-novichenko>.

На табличках отображены две однотипные, лаконичные надписи. На первой: «Президент Корейской Народно-Демократической Республики товарищ Ким Ир Сен останавливался на этом вокзале 21 мая 1984 года». На второй: «Председатель государственного комитета обороны Корейской Народно-Демократической республики товарищ Ким Чен Ир останавливался на этом вокзале 11 августа 2001 года»¹.

Таким образом, в нашем распоряжении имеется четыре двуязычные памятные таблички. Две из них выполнены из черного гранита, две других — бронзовые.

Для нас представляет интерес второй язык на этих табличках — корейский.

Современный корейский язык обозначается алфавитом в 40 букв (17 согласных, 19 гласных и 4 сонорных). Да, именно букв, а не иероглифов, как многие думают. По официальной версии, распространенной в Корее, алфавит — *хангыль*, был изобретен в 1444 г. по инициативе короля Седжона Великого (1419–1450), время которого считается золотым веком в корейской культуре. *Хангыль* был возведен в ранг государственного письма указом государя Хунмин чоным («Наставление народу о правильном произношении»). В эдикте говорилось: «Звуки речи в [нашей] стране в отличие от Китая не передаются надлежащим образом письменными знаками. Поэтому... я заново создал 28 знаков. Желая лишь, чтобы всем людям было легко овладеть [ими] и удобно пользоваться каждый день» (Сун, 2018, с. 4–5).

По мнению ряда ученых, корейский язык на самом деле, скорее всего, произошел от монгольского квадратного письма. Созданная на его основе графика была призвана противостоять более древнему «конкуренту» во всех областях корейской культуры, китайскому языку. Это было необходимо, так как периодически Корея попадала в сильную зависимость от Китая. Таким образом, создание *хангыля* являлось своеобразным способом обрести независимость и сохранить свою культуру. Однако вскоре китайский язык (*ханмун* по-корейски) был вытеснен из официального обращения, уйдя в народную среду. Во время японской оккупации 1905–1945 гг. *хангыль* приобрел форму протеста. И после разделения Кореи на север и юг претерпел небольшие изменения в алфавитах родственных государств. Текст выявленных двуязычных табличек, возможно, также несет на себе этот отпечаток. Поскольку надписи текстов отражают официальные события, связанные с нахождением первых лиц Северной Кореи в нашем городе, скорее всего, содержание текстов согласовывалось с корейской стороной. Следовательно, корейская часть текста, возможно, отражает северокорейскую лексику. Но этот вопрос является следующим этапом исследования российско-корейских отношений на основе анализа эпиграфических источников. Подобные памятные доски выявлены нами и в других городах России. И их изучение также является актуальным вопросом.

¹ ngs.ru/text/gorod/2019/09/06/66224608/?shareRecordImage=e57ec177545c5cb-6c1049706eebe3cfa&utm_source=sharephotopreview&utm_medium=ngs.ru&utm_campaign=66224608; http://tass.ru/sibir-news/2324130.

Для нас же главное то, что в нашем городе присутствуют не только формальные памятные двуязычные свидетельства пребывания первых лиц Северной Кореи, но и свидетельства глубокого их уважения к подвигу нашего земляка Якова Тихоновича Новиченко и трогательного проявления внимания к судьбам членов его семьи. А это дорогого стоит.

Список источников

Сун Чун Ин, Погадаева А.В. Корейский язык. Тренажёр по письму и чтению. М., 2018. С. 4–5.

Информация об авторах/ Information about the Authors

Сергей Алексеевич Пилипенко, Новосибирский государственный университет экономики и управления, кафедра философии и гуманитарных наук, преподаватель; 630007, Россия, г. Новосибирск, а/я №211, <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>, Pilipenkosergej@mail.ru

Sergey A. Pilipenko, Novosibirsk State University of Economics and Management, Department of Philosophy and Humanities, Lecturer; 630007, Russia, Novosibirsk, a/z No. 211, <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>, Pilipenkosergej@mail.ru

Ульяна Юрьевна Дудченко, Новосибирский государственный университет экономики и управления, студент; 630007, Россия, г. Новосибирск, ул. Ломоносова, 56, исследователь, <https://orcid.org/0000-0001-7256-8381>, dudchenkou125@gmail.com

Ulyana Y. Dudchenko, Novosibirsk State University of Economics and Management, Student; 630007, Novosibirsk, 56 Lomonosova str., Russia, Researcher, <https://orcid.org/0000-0001-7256-8381>, dudchenkou125@gmail.com

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 39(575.2):745.52

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.10

EDN: EXKPBS

ТРАДИЦИОННОЕ КОВРОТКАЧЕСТВО КЫРГЫЗОВ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЮЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ КЫРГЫЗСТАНА: МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Чыныхан Топчубаевна Сатыбалдиева

Ошский государственный университет, Ош, Республика Кыргызстан

Резюме. В статье повествуется о методах исследования тенденций традиционного ковроткачества, как культурного наследия южных районов Кыргызстана. При работе с данной проблемой были применены ряд эмпирических и теоретических методов исследований. В ходе работы было выявлено, что ковроткачество является ценным историко-этнографическим источником. Кроме того, в процессе традиционного ковроткачества происходит этносоциализация женской части населения, особенно молодых девушек и женщин.

Ключевые слова: наука, методы, исследование, культурное наследие, ковроткачество, традиция

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации госзадания по проекту «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Для цитирования: Сатыбалдиева Ч.Т. Традиционное ковроткачество кыргызов как культурное наследие южных областей Кыргызстана: методы исследований // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 66–71. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.10

TRADITIONAL CARPET WEAVING OF THE KYRGYZ PEOPLE AS CULTURAL HERITAGE OF THE SOUTH KYRGYZSTAN REGIONS: RESEARCH METHOD

Chynykhan T. Satybaldieva

Osh State University, Osh, Republic of Kyrgyzstan

Abstract. This article describes the methods of researching trends in traditional carpet weaving as cultural heritage of the southern regions of Kyrgyzstan. A number of empirical and theoretical research methods were used in the study of this problem. In the course of research, it was revealed that carpet weaving is a valuable historical and ethnographic source. Besides, traditional carpet weaving resulted in the ethno-socialization of the female part of the population, especially young girls and women.

Keywords: science, method, research, cultural heritage, carpet weaving, tradition

Acknowledgments: the publication was prepared as part of the implementation of the state assignment for the project “Turkic World of the Great Altai: Unity and Diversity in History and Modernity” (registry number 850000F.99.1. BN66AA04000).

For citations: Satybaldieva Ch.T. Traditional Carpet Weaving of the Kyrgyz People as Cultural Heritage of the South Kyrgyzstan Regions: Research Method. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja* 2024;XXX:66–71. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.10

В качестве методологической и теоретической основы исследования ковров и ковровых изделий рассматривалась этническая культура как процесс ее пространственного развития на протяжении определенного периода времени, т.е. мы опирались на исторический принцип.

Важнейшим моментом использования методологии является постановка проблемы, установление предмета исследования, формирование научной теории, а также достижение истинности результата, полученного в процессе исследования. Эмпирические науки имеют дело со знанием, полученным в результате материальной практики или благодаря некоторому непосредственному контакту с действительностью. Теоретическое знание является результатом обобщения эмпирических данных. На теоретическом уровне формулируются законы науки, дающие возможность идеализированного описания, объяснения и предсказания эмпирических ситуаций, т.е. познания сущности явлений. Всякое теоретическое знание в конечном счете опирается на эмпирическую действительность (Крампит, 2008, с. 8–9).

Этнологические исследования часто использовались для дальнейшей разработки или анализа собранных полевых материалов о кочевой жизни кыргызов, причем особо важную роль среди источников играли материалы и данные, собранные в ходе этнографических экспедиций.

При изучении искусства ковроткачества был использован ряд этнографических методов исследования: теоретические и эмпирические (Кравец, 1991, с. 13–15). Например, посредством теоретического метода были проанализированы работы и научные статьи других ученых по теме, а также проведен анализ в историко-этнографическом направлении. В результате рецензировано несколько научных монографий, статей и публикаций, посвященных проблеме ковроткачества в Средней Азии. С помощью индуктивных методов были систематизированы знания, полученные в результате исследований о ковроткачестве, а в заключение были представлены научные гипотезы, основанные на общих определениях из известных личных мнений, и установлено, что характеристики кыргызских ковров — часть общего искусства ковроткачества в Средней Азии.

С помощью дедуктивных методов установлено, что ремесла племен, расположенных на территории Кыргызстана, имеют уникальный характер. Это мнение было преподнесено автором как истина, основанная на принципах регулярности и последовательности, и соответственно был сделан логический вывод о том, что данное ремесло свойственно лишь некоторым племенам южных районов Кыргызстана, а не кыргызам в целом. Ковроткачеством занимаются в Лейлекском, Кадамжайском, Баткенском районах Баткенской области и на территории Ноокатского, Чон-Алайского районов Ошской области.

В результате эмпирического исследования автору удалось интерпретировать семиотическое значение ковровых изделий и их орнаментальных композиций *кёчёт*. Изучение ковров и ковровых изделий проводилось в два эмпирических этапа. На первом этапе внимание было уделено процессу сбора фактов ковроткачества, было собрано много информации. А на втором этапе эмпирического исследования наблюдали поведение ковровщиц, вырабатывали и оценивали первые выводы. Полученные факты тщательно описывали, классифицировали и определяли взаимосвязи между ними.

В результате эмпирического исследования подтверждено, что современное искусство ковроткачества у населения Баткенского и Лейлекского районов Баткенской области сохранилось в традиционном виде.

Установлено, что кроме кыргызов, проживающих на территории Кыргызстана, ткачеством шерстяных ковров никто не занимается. Даже местные информаторы подтвердили, что жители соседней республики покупают кыргызские ворсовые ковры (ПМА №1). И в настоящее время установлено, что практически во всех селах Лейлекского района развито и сохранилось искусство ткачества как ремесла, пригодного для получения дополнительного дохода.

В результате того же эмпирического исследования было проанализировано ковроткачество в Чон-Алайском районе Ошской области Кыргызстана. На сегодняшний день определены способы приготовления средств для тка-

чества ковров в современных бытовых условиях. Кроме того, мы стали свидетелями параллельного развития традиционной культуры и современной культуры в Чон-Алайской долине. Девочки, которые приехали из деревень в городскую местность, освоили городскую жизнь; отправляясь в деревню, они могут активно подключаться к традиционному образу жизни, стирая шерсть и прядя ее, а также ткут традиционные ворсовые ковры.

Автор входил в сообщество, занимающееся ковроткачеством на юге Кыргызстана, юго-западе Ферганской долины, непосредственно общался с умелыми мастерицами и проводил наблюдения. Поучаствовал в их работе по ковроткачеству, увидел своими глазами все детали его процесса, пообщался с мастерицами, провел опрос. Основным методом исследования автора является изучение процесса подготовки шерсти — первого этапа ковроткачества, согласно его этнологическим исследованиям, в местах деятельности ковровщиц, в домах, методом участия (включая метод наблюдения).

Поскольку основным предметом научной работы является кустарное ковроткачество, то помимо проведения интервью было рассмотрено трудовое поведение мастериц, начиная с подготовки инструментов и оборудования для изготовления ковров. Здесь были получены сведения об очистке, смягчении и стирке овечьей шерсти, специально предназначенной для изготовления ковров. Выяснилось, что если вода, используемая для стирки шерсти, будет слишком горячей, качество шерсти изменится и она станет непригодной для прядения. Приведены также способы сушки мытой шерсти, способы ее окрашивания в зависимости от качества после сушки, естественного состояния и физических характеристик.

Широко используются методы интервьюирования и опроса. В частности, с помощью неформального интервью был изучен процесс прядения шерсти, изготовления нитей и волокон ковра с участием ремесленников и женщин, занимающихся ковроткачеством. Изучены конструкция горизонтального типа для ткачества, подготовка инструментов, их названия и формы для ковроткачества. На основе ряда комплексных методов исследования были получены сведения о подготовке и крашении шерстяной пряжи.

Корни ткацкого ремесла идут из глубокой древности — при раскопках древних поселений на территории Кыргызстана археологи находили остатки шерстяных тканей, результаты их анализа не исключают местного производства: их техника прядения и ткачества была очень простой (Брыкина, 1974, с. 98).

Определены традиционные способы подготовки видов нитей, использовавшихся кыргызами в период ковроткачества. В традиционном ковроткачком ремесле заранее заготавливались и изучались преимущественно шерстяные нити: ворс, основа (*эриш*) и уток (*аркак*) ковра. Установлено, что подготовка шерстяных нитей для традиционного ковроткачества — это обычно задача, требующая много времени и труда. Поэтому часто к ней привлекалась молодежь, дети и женщины. Ковроткачество не является работой, которую может выполнить один человек, в этом ремесле участвуют соседи и родственники.

Пряжу для ткачества изготавливают из шерсти, хлопка и шелка.

Для пряжи из шерсти: 1) шерсть промыть и высушить, взбить до получения пушистой массы, т.е. бить специально подготовленными ветками кустарника таволги (*сабоо*); 2) рыхление шерсти, вытягивание ее вручную, сворачивание в клок (*туйдок*); 3) скручивание шерсти в крученую нить с помощью мотка (*келебе*); 4) окрашивание готовой шерсти.

Чтобы получить хлопковую нить: 1) очистка хлопка от семян (зерен), отбивание полученного волокна, распушение его палочками и завязывание в небольшие жгуты; 2) прядение, скручивание и превращение хлопчатобумажных волокон в нити; 3) наматывание ниток на крючки и подготовка ковра; 4) процесс крашения готовых хлопчатобумажных нитей и сушки их на солнце. При подготовке хлопчатобумажных нитей для ковроткачества исследовали, зависят ли их размеры и вес от размера ковра.

Автор полностью убежден, что ковроткачество — это не только изготовление ковров и ковровых изделий, но и социализация молодых девушек в обществе, приведение их во взрослую жизнь, подготовка к будущей жизни, подготовка к тому, чтобы стать хозяйкой дома и хранительницей очага. Автор стал свидетелем традиционного механизма получения необходимых красителей для ковров из окружающей флоры. В частности, большой объем информации был получен при участии в создании совместно с ковровщицами специального цеха по ковроткачеству (проксимальными методами). Простой горизонтальный ткацкий станок, распространенный среди домашних ковровщиц, в основном изготавливается из дерева и металла, с деревянными боковинами, сверху и снизу, а также тонкими балками, служащими для натягивания пряжи, вводимой в цех параллельно им. Эта конструкция была сделана из прямоугольных деревянных рам, и станок было легко переносить с одного места на другое. Для устойчивости и прочности стык балок фиксируется к земле с помощью анкеров; в любом случае эта конструкция должна быть изготовлена из прочной, надежной, крепкой древесины, так как в процессе ткачества ковра эффект натяжения очень силен.

Этнографические экспедиционные исследования и метод сбора данных являются наиболее надежными и эффективными. Особую актуальность приобретают методы исследования современного процесса ковроткачества и связанных с ним тенденций. В ходе исследования путем наблюдения зафиксированы мнения респондентов о влиянии шерсти на здоровье. В то же время этот метод не позволяет активно вмешиваться в изучаемый процесс, изменять его или намеренно создавать определенные ситуации, проводить точные измерения. Поэтому результаты наблюдения должны быть подкреплены данными, полученными с помощью других методов этнологического исследования.

В ряде случаев методы антропологических исследований сыграли очень важную роль в вопросе изучения функциональных свойств ковра и ковровых изделий. Метод сбора антропологических данных считается очень важным в этнологических исследованиях в области ковроткачества, поскольку определена деятельность женщин, девушек и девушек-подростков, степень смешения

или изоляции. Было замечено, что с помощью данного метода изучались вопросы взаимной социализации посредством ковроткачества и народного образования, а также воспитания. Приходили близкие соседи и пожимали руки, затем приходили близкие родственники, получали благословение от людей с добрыми пожеланиями — и начинали ткать ковры (ПМА — №2). Было замечено, что ковроткачество не является работой, которую можно выполнить в одиночку, изготовление ковра и его подготовка требуют сил почти всей семьи.

Наши исследования проводились стационарным методом и сопровождались глубоким и длительным процессом исследования проблемы. Интервью с респондентами обычно записывались в личные блокноты автора или с помощью аудиоустройств (Антипина, 1962, с. 11–14). Кроме того, сохранились дневники наблюдений, а также этнографические коллекции тканых сувениров, предметов быта и культуры.

В итоге можно констатировать, что женщины юга Кыргызстана сохраняют и развивают традиции этого ремесла, часто передавая опыт старших поколений от матери к дочери. По-прежнему ковроткачество считается массовым искусством, которым владеет большинство женщин юго-западной части Кыргызстана. В каждой деревне есть прекрасные мастера, которые ткут ковры не только для своей семьи, но и на заказ (Антипина, 1962, с. 71).

В результате наших исследований и на основе фактических материалов были проведены научно-содержательный анализ эмпирических и фактических работ, сопоставление исторических сведений с помощью более глубоких методов наблюдения. Здесь исследовалась деятельность и обряды ткачих — от подготовки до завершения ковроткачества. Были опрошены несколько информаторов Ошской и Баткенской областей и получены факты, помогающие понять концептуальное и конкретное развитие традиционного ковроткачества.

Список источников

Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов (по материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизский ССР). Фрунзе, 1962. 288 с.

Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974. 128 с.

Кравец А.С. Методология науки. Воронеж, 1991. 146 с.

Крампит А.Г. Методология научных исследований: учеб. пособие. Томск, 2008. 164 с.

Полевые материалы автора №1. Баткенский район.

Полевые материалы автора №2. Ноокатский район.

Информация об авторе / Information about the Author

Чыныхан Топчубаевна Сатыбалдиева, Ошский государственный университет, кафедра истории Кыргызстана и археологии, этнологии, доцент; 723500, Кыргызстан, г. Ош, ул. Раззакова, 21, кандидат исторических наук, chynyhan@bk.ru

Chynykhan T. Satybaldieva, Osh State University, Department of History of Kyrgyzstan and Archaeology, Ethnology, Associate Professor; 723500, Kyrgyzstan, Osh, Razzakova street 21, Ph.D. Sc, chynyhan@bk.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Надежда Алексеевна Тадина¹, Тенгис Степанович Ябыштаев²

¹Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

²Независимый исследователь, Горно-Алтайск, Россия

Резюме. В условиях глобализации современного общества актуально изучение опыта сохранения природной среды и навыков природопользования. Экологические традиции алтайцев обусловлены образом жизни в природных условиях предгорья и горной части республики. На основе собранных сведений заключается, что, с одной стороны, сложившаяся экологическая культура алтайцев наложила отпечаток на ментальность народа и способы ведения им домашнего хозяйства. С другой стороны, в ней создалась традиция одухотворения священных мест — у источника, на перевале и др., где принято соблюдать определенные правила поведения: не шуметь в лесу, в горах, не сорить и не оставлять огня. Сложившееся отношение к природе выражено в ритуале угощения хозяев местностей, повязывания ритуальных лент, испрашивая благополучия.

Ключевые слова: республика, политика, алтайцы, экологическая культура, картина мира

Для цитирования: Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Об актуальности изучения экологической культуры Республики Алтай // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 72–77. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.11

THE RELEVANCE OF THE STUDYING ECOLOGICAL CULTURE OF THE ALTAI REPUBLIC

Nadezhda A. Tadina¹, Tengis S. Yabyshtaev²

¹Gorno-Altaiisk State University, Gorno-Altaiisk, Russia

²Independent Researcher, Gorno-Altaiisk, Russia

Abstract. In the context of modern society globalization, it is important to study the experience of preserving the natural environment and environmental management skills. The ecological traditions of the Altai people are determined by the way of life in the natural conditions at the foothills and mountainous part. Based on the information collected, it was noted that, on the one hand, the established ecological culture of the Altai people has left its mark on the people's mentality and their ways of running a household. On the other hand, it has developed into a tradition of spiritualizing sacred places — at the water spring, at the pass and other places where it is customary to observe certain rules of behavior — do not make noise in the forest, in the mountains, do not litter and do not leave a fire. The existing attitude towards nature is expressed in the ritual of treating local owners, tying ritual ribbons, accompanied by words of asking for well-being.

Keywords: republic, politics, Altai people, ecological culture, picture of the world

For citation: Tadina N.A., Yabyshtaev T.S. The Relevance of the Studying Ecological Culture of the Altai Republic. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:72–77. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.11

Экологическая культура представляет собой систему социальных отношений, общественных и индивидуальных морально-этнических норм, взглядов, установок человека по отношению к природе. Один из идеальных вариантов, когда общество ориентировано на гармоничный диалог с окружающей природной средой. Проблема сохранения нематериального культурного наследия является актуальной в Республике Алтай, поэтому в 2022 г. был принят региональный закон «О регулировании некоторых вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Республики Алтай и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Алтай» (О регулировании...).

О ситуации, сложившейся в Российской Федерации в начале XXI столетия, свидетельствует принятый в 2012 г. указ, называемый «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года». В нем отмечается: «Экологическая ситуация в Российской Федерации характеризуется высоким уровнем антропогенного воздействия на природную среду и значительными экологическими последствиями прошлой экономической деятельности» (Основы государственной политики...). Приведены принципы реализации государственной политики в области экологического развития России:

— научно-обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях устойчивого развития и обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности;

— приоритетность сохранения естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов.

Для решения поставленных задач государственной политики в области экологического развития необходимо развитие экологического образования и воспитания в школьной и студенческой среде. С этой целью актуализируется проблема изучения экологического опыта народов России. Имеется в виду тот факт, что за прошедший исторический период сложился специфический опыт сохранения природной среды, в которой необходим определенный навык природопользования. В общественном сознании вырабатываются традиционные средства познания природы, отношения к ней и сохранения ее посредством мифов, легенд, ритуалов, обычаев, что и передается подрастающему поколению. Неслучайно выработано представление о «правильном» отношении человека к природе. Осуществление норм экологической культуры происходит через установки и убеждения, принятые в народе.

Экологические традиции алтайцев обусловлены образом жизни в природных условиях региона. Северная часть Республики Алтай предгорная,

а южная — гористая. Предгорная сторона покрыта густым малопроезжим лесом, называемым алтайцами *йви*, а русскими — тайгой. Местное население предгорья издавна разводит небольшое количество скота, так как окружающая тайга способствует занятиям охотой и собирательством даров природы — кедрового ореха, ягод, грибов и пр. В результате сохранение и бережное отношение к тайге было обосновано всей жизнью северных алтайцев — тубаларов, челканцев, кумандинцев. Обширная и густая тайга, в которой проживает человек, способствует занятию охотничьим промыслом. Традиции бережного отношения к окружающей природе наложили отпечаток на ментальность и способы ведения домашнего хозяйства.

В южной горной части Республики Алтай природная среда способствует ведению комплексного скотоводческого хозяйства. С наступлением весны скот — табуны лошадей, отары овец, стада коров и телят перегоняют на пастбища высокогорья, на альпийские луга. Оставшаяся семья в поселках и деревнях занимается огородничеством, что не утратило важности до сих пор. Осенью стада возвращают на зимовку в долины, где находятся села, где в течение летнего периода приготовлены необходимые корма. Несмотря на различия ведения домашнего хозяйства в южной и северной части региона, у алтайцев сохранились традиции экологического отношения к окружающей природной среде. Издавна сложилась традиция почитания Алтая как божества, одухотворение священных мест — у источника, на перевале и др., поэтому принято соблюдать правила поведения: не шуметь в лесу, в горах, не сорить и не оставлять огня. Такое отношение к природе выражено в ритуале угощения хозяев местности, повязывания ритуальных лент, испрашивая благополучия.

Для местного ландшафта характерно чередование горных хребтов (Катунский, Аргутский, Семультинский и др.), межгорных степей (Уймонская, Чуйская и др.) и речных долин (Урскульская, Каракольская, Чарышская и др.). В традиционном мировоззрении алтайцев образ родины-Алтая одухотворен и состоит из двух взаимосвязанных половин: тайги, которой покрыты горы, и рек, текущих с гор. Самая полноводная р. Катунь берет начало у высокой вершины Сибири — Белухи, вошедшей в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Основа развития экологической культуры алтайцев проявляется в традиции одухотворения природы, что мы видим на примере антропоморфизации горы (Тадина, 2011, с. 149–150). Ее вершина называется «головой», ее северный склон, поросший лесом, — «хребтом», южная сторона с солнцепеками — «передней», подножье горы — «подолом», нижний выступ — «ногой», верхний выступ — «плечом». Другой пример: исток реки также может быть назван «головой» реки. И таких примеров можно привести несколько. С другой стороны, некоторые горные вершины являются родовыми, что связано с территорией формирования того или иного сёока-рода алтайцев. К примеру, гора Бабырган у границы Майминского района с Алтайским краем является родовой горой сёока-рода тодош, самого многочисленного у алтайцев. Горная вершина у Семинского перевала, названная на карте региона горой Сарлык, алтайца-

ми называется *Јал Мӱнкӱ*, что означает «вечная грива», она является родовой вершиной сёока-рода майман. Две вершины Терехтинского хребта в долине р. Урсул у с. Ело Онгудайского района: *Тӱмечин* — сёока-рода тӱёлӱс, другая, *Тоотой*, — сёока-рода кыпчак. Одна из сторон почитания родовых вершин состоит в экологичном отношении к окружающей природе, потому что через родовые вершины не прокладывают дорогу, она стоит в стороне, обожеествляемая в представлении представителей алтайских сёоков-родов.

Официальным документом по сохранению культурных и природных ландшафтов, образа жизни местного населения и его обычаев является «Реестр культурных объектов и достопримечательных мест Республики Алтай». Он подготовлен с учетом традиционных представлений алтайцев, выраженных понятием *байлу јер* (почитаемые места), обозначающим горы, перевалы, целебные источники, места молений божеству Алтаю, исторических событий и освященные родовые территории. Согласно реестру насчитывается 340 сакральных объектов. В каждом из 10 административных районов около 30 культурных объектов: почитаемые горы, родовые вершины, перевалы, родники, целебные источники, освященные места у села, у дороги (Об утверждении...).

На многих сайтах Интернета освещены экологические проблемы Республики Алтай и предложено решение их правовым путем, созданием волонтерских отрядов, разъяснением приезжим правил посещения природных объектов. Такая ситуация свидетельствует о том, что в современном обществе актуален вопрос об отношении человека к окружающей природе. Этот многофакторный процесс развития экологической культуры складывается из национальных и общечеловеческих ценностей, материальных и духовных притязаний, информационной, образовательной, правовой жизни общества. Он охватывает ценности, связанные с эстетическим восприятием природы, бережным к ней отношением, пониманием необходимости сохранения и восстановления природных ресурсов. К составляющим частям экологической культуры относятся (Громов, 2018):

— экологические знания (информация об экологических законах взаимоотношений человека с окружающей средой, об ее состоянии, о способах и формах оптимального воздействия человека на природу и т.д.);

— экологические интересы (осознанная потребность в оптимизации взаимоотношений человека к природе);

— экологические ценности (эталонные отношения человека к природе, которые являются значимыми для человека и позволяют ему оптимизировать эти отношения);

— экологическая ориентация (направленность человека на гармонизацию своих отношений с природной средой);

— экологические убеждения (устойчивые представления человека о необходимости рационализации и оптимизации своих отношений с природной средой, которым он следует в жизни);

— экологический опыт (совокупность умений и навыков, полученных человеком во взаимодействии с природной средой);

- экологические символы (знаковые метафоры, на которые ориентируется человек при выстраивании своих отношений с природной средой);
- экологические стереотипы (привычные формы взаимодействия человека с природной средой).

Алтайцы почитают Алтай в конкретных священных местах, которые обычно находятся близ сел, по дороге, как, например, по Чуйскому тракту. Объектами поклонения выступают источники, подножие гор, вершины. Каждый из них выступает локальным звеном в целостной системе почитания природы. В традиционном мировоззрении алтайцев конкретные природные объекты символизируют Алтай с его реками и горами, тайгой и речными долинами. Все священные места алтайцев находятся у дороги, что неслучайно. С дорогой связаны планы на будущее, перемены в жизни, исполнение желаний. Ритуальные действия почитания Алтая совершаются не в каждой поездке, а в особых случаях — когда впервые едут через перевал, впервые везут новорожденного, сопровождают новобрачных, во время сватовской поездки, жизненно важной поездки — поступить в вуз, поправить здоровье и пр. Почитание осуществляется путем:

1) повязывания белых лент (*жалама*) из нестираной ткани. Под влиянием бурханизма закрепилась традиция повязывания двух лент (*кыйра*);

2) испрашивания у божества Алтая благодати (шепотом или про себя);

3) кропления молоком (или молочным напитком) на четыре стороны света, начиная с восточной;

4) соблюдения ритуального поведения — не шуметь, не смеяться, не ругаться, не думать о неприятном, а также не сорить, не оставлять огня;

5) оставлять в священной воде четное количество белых монет (к примеру, для «хозяйки» источников — бусы и другие украшения).

В перечисленные поездки принято отправляться с наступлением новолуния, при этом соблюдается граница между миром живых и миром умерших. Тот, у кого из родных кто-то умер, считается «ритуально грязным» и называется *чыгымду*, он должен в течение года соблюдать запреты: не полагается участвовать в ритуалах почитания священных мест. Соблюдение этих правил играет важную роль: от щепетильности их исполнения зависит само существование мира, иначе нарушится мировой порядок (Тадина, Ябыштаев, 2020, с. 234–235).

Анализ собранных сведений позволяет утверждать, что экологическую культуру следует рассматривать как культуру отношения общества к природе, сформировавшуюся в прошлом и сохранившуюся в основных проявлениях в наши дни. В основном экологические традиции представляют собой этносоциальную и этнокультурную систему накопления опыта и передачи его из поколения в поколение. Под таким опытом подразумеваются сложившиеся представления, традиции и обычаи бережного отношения к окружающей природе, и их изучение в наши дни актуально.

Список источников

Громов Е.В. Ценностное содержание экологической культуры // Философские науки. 2018. №15. URL: <http://novaum.ru/public/p827> (дата обращения: 20.01.2024).

О регулировании некоторых вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Республики Алтай и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Алтай // Altairpublic.ru. URL: <https://altai-republic.ru/upload/iblock/35c/kick2lnmbr63ie2dv4eh6qqgtm1megko/113-rz-2022.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).

Об утверждении государственного реестра объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай (с изм. на 12.07.2019): Постановление Правительства Республики Алтай от 12.07.2019 №187 // Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/422451614> (дата обращения: 20.01.2024).

Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 30.04.2012 // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902369004> (дата обращения: 20.01.2024).

Тадина Н.А. Картина мира как основа коммуникативной культуры алтайцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №1 (14). С. 127–140.

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. К проблеме охраны сакральных объектов Республики Алтай // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2019 г. Вып. 15. Барнаул, 2020. С. 231–236.

Информация об авторах / Information about the Authors

Надежда Алексеевна Тадина, Горно-Алтайский государственный университет, кафедра истории и археологии, доцент; 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-1363-8735>, ntadina@yandex.ru

Nadezhda A. Tadina, Gorno-Altai State University, Department of History and Archaeology, Associate Professor; 649000, Gorno-Altai, st. Lenkina, 1, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-1363-8735>, ntadina@yandex.ru

Тенгис Степанович Ябыштаев, независимый исследователь; 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, 16-7, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-9200-5954>, teng7891@mail.ru

Tengis S. Yabyshtaeв, independent Researcher; 649000, Gorno-Altai, st. Ulagasheva, 16-7, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-9200-5954>, teng7891@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 72 (571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.12

EDN: FTCUFC

АПТЕКА ФРЕЙДБЕРГА В ЗМЕИНОГОРСКЕ — ПРИМЕР ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДАНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА, ВЫПОЛНЕННОГО В ФОРМАХ ЭКЛЕКТИКИ С ЭЛЕМЕНТАМИ КИРПИЧНОГО СТИЛЯ

Марина Александровна Целищевa

*Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтая», Барнаул, Россия*

Резюме. В рамках выполнения гранта Губернатора Алтайского края и в связи с необходимостью ускорения развития культурно-познавательного туризма в реги-

оне была проведена работа по изучению архивно-библиографического материала по объекту культурного наследия, бывшей аптеки провизора Фрейдберга в Змеиногорске. Автор рассматривает историю и современное использование данного объекта. Долгое время после национализации здания в 1920 г. в нем находилась советская аптека, затем здание передали Райпотребсоюзу под магазин промышленных товаров. В настоящее время оно находится в частной собственности, входит в состав комплекса исторического центра г. Змеиногорска, в нем также расположен магазин.

Ключевые слова: частная аптека, советская аптека, магазин промышленных товаров, памятник архитектуры, объект культурного наследия

Для цитирования: Целищева М.А. Аптека Фрейдберга в Змеиногорске — пример общественного здания начала XX века, выполненного в формах эклектики с элементами кирпичного стиля // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 77–82. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.12

FREIDBERG'S PHARMACY IN ZMEINOGORSK — AN EXAMPLE OF A PUBLIC BUILDING OF THE EARLY 20TH CENTURY MADE IN ECLECTICS WITH BRICK-STYLE ELEMENTS

Marina A. Tselishcheva

*Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage",
Barnaul, Russia*

Abstract. As part of the Altai Krai Governor's grant and to accelerate cultural and educational tourism development in the region, the author studied archival and bibliographic material on the cultural heritage site — the former Freidberg's pharmacy in Zmeinogorsk. In this article the author considers the object's history and modern use. For a long time after the nationalization of the building in 1920, a Soviet pharmacy shop had been situated there; then, the district consumer union got the building for a store of general merchandise. Currently, the building is in private, a part of the complex of Zmeinogorsk Historical Center, and it also houses a store.

Keywords: Private pharmacy, Soviet pharmacy, a store of general merchandise, architecture monument, cultural heritage site

For citation: Tselishcheva M.A. Freidberg's Pharmacy in Zmeinogorsk — an Example of a Public Building of the Early 20th Century Made in Eclectics with Brick-Style Elements. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:77–82. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.12

Каменное двухэтажное здание в Змеиногорске было построено в начале XX в. провизором Моисеем Ниселевичем Фрейдбергом, использовалось под аптеку на первом этаже и жилые помещения — на втором. В 1908 г. М.Н. Фрейдберг имел аптеку в Змеиногорске (Москва-Сибирь..., 1908, ч. 2, с. 188). В дальнейшем помимо аптеки Фрейдберг имел кирпичный завод. Так, в 1909 г. змеиногорский уездный исправник обратился с рапортом к Томскому губернатору в котором сообщил, что провизор М.Н. Фрейдберг и инженер В.И. Груз направили ему прошение сдать в аренду земельный участок под устройство кирпичного завода. Со стороны исправника препятствий не было (ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 288. Л. 1). В 1910 г. провизору Моисею Ниселевичу Фрейдбергу и Вильгельму Иоанновичу Грузу было выдано разрешительное свидетельство от 27.10.1910

(№15492) на право возведения кирпичного завода рядом с селом Змеиногорским (ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 288. Л. 9). Из составленной в 1911 г. Ведомости арендуемых и свободных земель Кольванского лесничества следовало, что у М. Фрейдберга на земельном участке в Змеиногорске находилась усадьба — жилой дом и надворные постройки, размер участка составлял 802 кв. сажени, арендовал он его у Кабинета по контракту с 1909 по 1912 г. с оплатой по 8,02 руб. в год (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3282. Л. 32об.).

Из Сибирского торгово-промышленного ежегодника за 1914–1915 гг. мы можем узнать, что помимо аптеки Фрейдберга в это время в Змеиногорске была еще одна сельская аптека — при больнице. Дополнительно М.Н. Фрейдберг в Змеиногорске торговал канцелярскими товарами (Сибирский..., 1914, с. 164). Из составленного 16 сентября 1915 г. списка земель Усадебно-центральной части Змеиногорской земельной дачи, сданных Кабинетом в аренду, следовало, что на базарной площади имелся земельный участок под названием «Фрейдберская», размером 195 кв. арш., арендуемая М. Фрейдбергом на срок с 1913 по 1919 г. с оплатой по 117,0 руб. в год. Второй участок на базаре Фрейдберг арендовал в размере 216 кв. арш., на срок с 1914 по 1920 г. с оплатой по 216,0 руб. в год (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3800. Л. 12об., 13об.). Во втором списке, составленном 23 ноября 1915 г., земель, окружавших с. Змеиногорское, с указанием, кому сданы земли в аренду в Верх-Корболихинской даче, указан и провизор М. Фрейдберг, который арендовал 2,99 десятины под кирпичный завод сроком с 1912 г. по 1924 г. с оплатой по 30,0 руб. в год (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3800. Л. 48об.). В 1917 г. была составлена Ведомость помещений в Змеиногорском уезде, обложенных сбором. У М.Н. Фрейдберга имелась вольная аптека в здании, которое оценили в 483,0 руб., с оплатой за 1915–1916 гг. по 9,66 руб. в год (ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Д. 156. Л. 124об.).

Двухэтажное кирпичное здание было национализировано в 1920 г. Из составленной в этом году стат. карточки (№1386) следовало, что на базарной площади находится здание частной аптеки, каменное, нежилое, передано на баланс отдела здравоохранения (ГААК. Ф.Р. 212. Оп. 1. Д. 300. Л. 12). В марте 1925 г. управляющим барнаульского Аптекоуправления З.С. Вернером в присутствии управляющего Змеиногорской аптекой В.Т. Злобина был составлен Акт проверки деятельности учреждения, где было отмечено, что здание под аптеку было специально построено. Весы и разновесы проверены в 1923 г. На момент осмотра в ней работало пятеро служащих, из них один фармацевт, работали в одну смену с 9-00 до 15-00 или с 15-00 до 19-00, ночного дежурства не было. Из числа поступающих рецептов 80% были сложными, остальные простые. Выручка кассы хранилась у управляющего и по мере накопления сдавалась в сберкассу. Поступающий в аптеку товар принимался комиссией. К акту прилагался поэтажный план аптеки, где было указано, что на втором этаже находилась квартира заведующего, а на первом — сама аптека (ГААК. Ф.Р. 17. Оп. 2. Д. 6. Л. 8, 44). В это время рядом с аптекой находился древесный базар. Так, в 1925 г. на заседании Президиума Змеиногорского райисполкома (протокол №27 от 01.09.1925) был рассмотрен проект распределения мест на

базарной площади. Мясные лавки необходимо было перевести на северную сторону базарной площади рядом с лавкой Кредитного Товарищества. Древесный базар перевести на западную сторону аптеки. А скотный базар разместить позади магазина бывшего Колесова (ГААК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 10. Л. 17). В 1925 г. Президиум Змеиногорского РИК (протокол №35 от 20.10.1925) утвердил договор на сдачу в аренду здания аптеки (ГААК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 10. Л. 39). В 1928 г. на заседании Президиума Змеиногорского райисполкома (протокол №65 от 31.05.1928) заслушали вопрос о работе аптеки (ГААК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 37. Л. 65). В дальнейшем здание передали Райпотребсоюзу. В 1994 г. здание в составе комплекса исторического центра г. Змеиногорска поставили на государственную охрану. На момент постановки на государственный учет оно находилось на балансе Райпотребсоюза, в нем располагался магазин «Промтовары».

Здание расположено в историческом центре города Змеиногорска, на пересечении улицы Щорса и переулка Горного, юго-восточным фасадом обращено на торговую площадь, а северо-восточным — на красную линию улицы Щорса. Из-за перепада рельефа нижний этаж со стороны юго-восточного фасада решен как цоколь. Двухэтажное кирпичное здание с цокольным этажом, в плане прямоугольной формы. Вход в подвал осуществляется через небольшую пристройку, устроенную с правого фланга фасада. Стены и декоративные элементы выполнены из красного кирпича лицевой кладки. Крыша вальмовая с выносным чердачным окном со стороны северо-восточного фасада. Кровля из листового металла, водосток организованный. В подвале кирпичные коробовые своды. Здание венчает развитой профилированный карниз небольшого выноса, включающий, сухарики и ряд поребрика. Междуетажный пояс декорирован сухариками. Карнизы и пояса раскрепованы в местах лопаток. Лопатки, фланкирующие фасады и акцентирующие средние оси продольных фасадов, декорированы накладным кирпичным декором в уровне второго этажа. По осям лопаток в уровне кровли размещены парапетные тумбы с металлическими вазонами, декор которых включает сухарики. Продольный северо-западный фасад симметричен и выполнен в семь осей проемов. Его центральная ось выделена пилястрами и акцентирована фигурным аттиком с небольшим слуховым окном лучковой формы в тимпане. Атик декорирован сухариками, прямоугольным декором в виде алмазной грани в тимпане и фланкирован тумбами, украшенными сухариками и кругами из лекального кирпича. Декор пилястр только на этом фасаде включает филенки, городчатый орнамент, кирпичные ромбы и круги. По второй и шестой осям устроены дверные проемы с заполнением коваными полотнищами ворот. Над дверными проемами в уровне второго этажа выполнен накладной кирпичный декор, рисунка, аналогичного верхней части пилястр. Декоративное оформление прямоугольных оконных проемов первого и второго этажей идентично. Декор включает высокие замковые камни по центру клинчатых перемычек, доходящие до уровня карниза, и уступчатые подоконные полочки, дополненные зубчиками. Окна второго этажа меньше по высоте, почти квадратные. Заполнение окон с шестичастной расстекловкой, на первом этаже проемы дополнены коваными ставнями. Продольный юго-западный фасад

украшен аналогично, в настоящее время скрыт за пристроенным объемом. На торцевом северо-восточном фасаде в уровне первого этажа два ложных проема, обрамленных рамочными наличниками, в уровне второго — два прямоугольных оконных, их декоративное оформление аналогично северо-западному фасаду. Плоскость юго-западного фасада без декоративного оформления. Первоначальные интерьеры на первом и втором этажах не сохранились.

Приказом управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 24 декабря 2014 г. (№550) был утвержден предмет охраны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах территории объекта культурного наследия регионального значения «Комплекс исторического центра г. Змеиногорска», состоящий из восьми объектов, куда вошло и здание «Аптека Фрейдберга». В настоящее время здание находится в частной собственности, в нем располагается магазин. В 2021 г. был утвержден акт государственной историко-культурной экспертизы проекта зон охраны объекта культурного наследия регионального значения «Комплекс исторического центра г. Змеиногорска», расположенного в г. Змеиногорске Змеиногорского района Алтайского края, в который входит и объект культурного наследия «Аптека Фрейдберга», по адресу: ул. Щорса, 1 (пер. Горный, 1). В 2022 г. Алтайохранкультура предписала собственнику выполнить капитальный ремонт здания на основе проектной документации. В 2022–2023 гг. коллективом, в который вошел и автор, был выполнен проект «Змеиногорск исторический», предусматривающий создание системы информационного экс-

Объект культурного наследия «Аптека Фрейдберга», XIX в., по адресу: Алтайский край, Змеиногорский район, г. Змеиногорск, ул. Щорса, 1 (пер. Горный, 1). Вид с севера. Фото 2022 г.

Cultural heritage site 'Freidberg's Pharmacy', the 19th century, at: Shchorsa ul. 1 (Gorny per. 1), Zmeinogorsk, Zmeinogorsky District, Altai Krai. View from the north. Photo by 2022

курсионного обслуживания, основными компонентами которой являются: электронная база данных, аудиогиды, QR-коды на объектах историко-культурного наследия, создание интерактивной карты Змеиногорска с QR-кодами, в ходе работы была осуществлена видео- и фотосъемка 24 объектов культурного наследия Змеиногорска (Змеиногорск исторический). Проект был осуществлен при поддержке гранта Губернатора Алтайского края.

Объект культурного наследия «Аптека Фрейдберга» является примером общественного здания конца XIX — начала XX в., выполненного в формах эклектики с элементами кирпичного стиля. Имеет градостроительное значение, находясь в историческом центре города и формируя торговую площадь и перекресток улиц.

Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 27 ноября 2015 г. №23825-р объект был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера **221410178860025**.

Список источников

Змеиногорск исторический [Электронный ресурс]. URL: <https://zmeinogorsk-historical.ru/>
«Москва — Сибирь»: адресная и справочная книга: посредник — указатель торгово-промышленных фирм... на 1909 г. М., 1908. 606 с.

Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1914/1915 гг. СПб., 1914. 1677 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтай», историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14, <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage”, Historian; 656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14, <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024*

Научная статья / Article

УДК: 72 (571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.13

EDN: GACMDQ

ДВЕ ТОРГОВЫЕ ЛАВКИ НА БАЗАРНОЙ ПЛОЩАДИ В ЗМЕИНОГОРСКЕ КУПЦА ВОРОБЬЕВСКОГО — ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Марина Александровна Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

Резюме. В рамках выполнения проекта «Змеиногорск исторический», который был осуществлен при поддержке гранта Губернатора Алтайского края, автор рассма-

тривает историю и современное использование двух объектов культурного наследия, состоящих на государственной охране. Две торговые каменные лавки, построенные купцом П.В. Воробьевским в начале XX в., расположены в историческом центре Змеиногорска. В лавках купец торговал бакалейными, галантерейными, железоскобяными товарами, золотом, серебром, канцелярскими товарами, мануфактурой и порохом. После национализации в 1920 г. в лавках находились магазины Змеиногорского потребительского общества, затем районного потребительского союза. В настоящее время здания находятся в частной собственности.

Ключевые слова: торговые купеческие лавки, Змеиногорское потребительское общество, районный потребительский союз, памятник архитектуры, объект культурного наследия, проект «Змеиногорск исторический»

Для цитирования: Целищева М.А. Две торговые лавки на базарной площади в Змеиногорске купца Воробьевского — история и современное использование // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 82–88. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.13

TWO TRADING SHOPS OF THE MERCHANT VOROBYEVSKY ON THE MARKET SQUARE IN ZMEINOGORSK — HISTORY AND MODERN USE

Marina A. Tselishcheva

*Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage”,
Barnaul, Russia*

Abstract. In this article, the author considers the history and modern use of two cultural heritage sites under state protection. The study is a part of the Zmeinogorsk Historical project, supported by the Governor of the Altai Krai grant. Two trading stone shops built by the merchant P.V. Vorobyovsky at the beginning of the 20th century are located in the historical center of Zmeinogorsk. The shops sold groceries, haberdashery, ironclad goods, gold, silver, stationery, manufactory, and gunpowder. After nationalization in 1920, the shops of the Zmeinogorsk consumer society, then the district consumer union, were located there. The buildings are currently privately owned.

Keywords: Trading Merchant shops, Zmeinogorsk Consumer Society, district consumer union, architectural monument, cultural heritage site, the Zmeinogorsk historical project

For citation: Tselishcheva M.A. Two Trading Shops of the Merchant Vorobyevsky on the Market Square in Zmeinogorsk — History and Modern Use. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:00–00. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.13

Змеиногорск — город с богатейшей историей, связанной с развитием на Алтае горнорудной промышленности, именами великих изобретателей, организаторов производства XVIII–XIX вв. В городе сохранилась часть производственной структуры, памятников промышленной и гражданской архитектуры, составляющих культурное наследие России. В конце XVIII — начале XIX в. формируется исторический центр Змеиногорска. На начало XX в. приходится расцвет строительства купцами торговых каменных лавок на базарной площади.

Павел Венедиктович Воробьевский — бийский купец, выходец из Владимирской губернии, обосновавшийся в с. Змеиногорском с 1877 г., торговал мануфактурными товарами, золотом и серебром (ГААК. Ф. 233. Оп. 16.

Д. 165. Л. 29). В октябре 1894 г. бийская городская Управа составила список лиц, выбравших купеческое гильдейское свидетельство по Змеиногорску. Так, П.В. Воробьевский выбрал свидетельство и два билета, его брат В.В. Воробьевский также выбрал свидетельство и два билета (ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 1. Л. 5). В 1896 г. купец П.В. Воробьевский заключил контракт с Главным управлением Алтайского округа на аренду земельного участка в размере 238 кв. арш. на базарной площади в Змеиногорске в восьмом ряду под номером 2 под постройку каменной лавки на 30 лет (с 01.01.1896 по 01.01.1926), арендная плата составляла 238 руб. в год с повышением через каждые 10 лет на 10% от первоначальной суммы. П.В. Воробьевский не имел права отказаться от арендованного участка ранее окончания контракта, в противном случае каменная лавка поступала в собственность Кабинета Его Величества. По контракту купец не имел права устраивать на арендуемом им участке другие промышленные и торговые заведения без разрешения Главного управления (ГАОК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2472. Л. 15–16). В рапорте управляющего Змеиногорским имением в Главное управление Алтайского округа от 4 мая 1899 г. (№7753) было отмечено, что контрагент Воробьевский до сих пор не перестроил деревянную лавку на базаре на каменную (ГАОК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2472. Л. 8). По данным податного инспектора бийского участка Павел Венедиктович Воробьевский выбрал купеческое гильдейское свидетельство на 1903 г. (№778 от 12.12). Такое же купеческое гильдейское свидетельство на 1903 г. выбрал и его брат Василий Венедиктович Воробьевский (№782). Оба брата проживали в Змеиногорске (ГАОК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 112. Л. 10). В 1908 г. семья купца торговала в Змеиногорске железом, чугуном и мануфактурными товарами (Москва — Сибирь..., 1908, ч. 2, с. 188). В 1914–1915 гг. П.В. Воробьевский в с. Змеиногорском торговал бакалейными, галантерейными, железоскобяными товарами, золотом, серебром, канцелярскими товарами, мануфактурой и порохом (Сибирский..., 1914, с. 164–165). Из составленного 16 сентября 1915 г. списка земель Усадебно-центральной части Змеиногорской земельной дачи, сданных Кабинетом в аренду, следовало, что на базарной площади имелся земельный участок под названием «Воробьевская», размером 0,49 дес., который арендовал Павел Воробьевский сроком с 1910 г. по 1916 г., с оплатой 11,9 руб. в год (ГАОК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3800. Л. 11об.). По данным Всероссийской сельскохозяйственной, земельной и городской переписи за 1917 г. в Змеиногорске проживал купец Павел Венедиктович Воробьевский, русский, прибывший в Сибирь в 1867 г. из Владимирской области, а в данном поселении проживал с 1877 г. На момент составления анкеты ему было 63 года, его жене Анастасии — 52 года, у них было пятеро сыновей и пять дочерей. Один из сыновей был врачом, другой — инженером. Среди дочерей было две курсистки (проходили обучение). Имел двух лошадей, трех коров, две телеги на деревянном ходу (ГАОК. Ф. 233. Ф. 16. Д. 165. Л. 97–98).

После национализации в 1920 г. две бывшие торговые лавки Воробьевского на базарной площади в Змеиногорске использовались под магазины. В 1994 г. здания были поставлены на государственную охрану (Целищева, 2011,

с. 49). Приказом управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 24 декабря 2014 г. (№550) был утвержден предмет охраны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах территории объекта культурного наследия регионального значения «Комплекс исторического центра г. Змеиногорска», состоящий из восьми объектов, куда вошли и бывшие лавки купца Воробьевского. В 2021 г. был утвержден акт государственной историко-культурной экспертизы проекта зон охраны объекта культурного наследия регионального значения «Комплекс исторического центра г. Змеиногорска», расположенного в г. Змеиногорске Змеиногорского района Алтайского края, в который входят и объекты культурного наследия «Лавка торговая купца Воробьева (Воробьевского)» (пер. Горный, 3) и «Лавка торговая Воробьева (Воробьевского)» (ул. Семипалатинская, 1). Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 28 апреля 2022 г. (№223) было утверждено охранное обязательство на «Комплекс исторического центра г. Змеиногорска». В 2022–2023 гг. в рамках выполнения гранта Губернатора Алтайского края был подготовлен проект «Змеиногорск исторический», в который вошли 24 объекта культурного наследия г. Змеиногорска, в том числе и две бывшие лавки купца.

**«Лавка торговая купца Воробьева (Воробьевского)», XIX в.,
Алтайский край, Змеиногорский район, г. Змеиногорск, пер. Горный, 3:
история и современное использование**

Здание было построено в начале XX в., расположено в историческом центре города, на пересечении улицы Щорса и переулка Горного. Главным юго-западным фасадом обращено на торговую площадь, боковым северо-западным — вдоль красной линии застройки пер. Горного. Одноэтажное кирпичное здание, прямоугольное в плане, со срезанными углами по юго-западному торцевому фасаду. В 1920 г. здание национализировали. В дальнейшем нем располагался магазин Змеиногорского потребительского общества. Так, в сентябре 1924 г. на заседании Президиума райисполкома Змеиногорска (протокол №18) утвердили договор Райкомхоза с обществом потребителей по сдаче в аренду магазина (быв. Воробьевского) (ГААК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3. Л. 162; Д. 10. Л. 25об.). Из отчетного годового доклада о работе Змеиногорского общества потребителей за 1925/1926 г. мы можем узнать, что членов-пайщиков в этот период было 836 чел., паевый капитал увеличился за год с 2717 руб. до 2857 руб., в среднем на каждого пайщика приходилось по 3,03 руб. Потребительское общество в это время носило имя В.И. Ленина (ГААК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 14. Л. 188). В декабре 1926 г. на заседании Президиума Змеиногорского райисполкома утвердили договор по сдаче Змеиногорскому потребительскому обществу в аренду магазина б. Воробьевского на новый срок (ГААК. Ф. 674. Оп. 5. Л. 5. Л. 106). В 1930/1931 гг. правление Змеиногорского райпо состояло из трех человек, председателем правления был Игнатов (ГААК. Ф. 674. Оп. 5. Д. 12. Л. 36). В 1933 г. райпо было переименовано в Змеиногорский райпотребсоюз (ГААК. Ф. 674. Оп. 6. Д. 28. Л. 1–2). В 1992 г. был составлен исторический паспорт на здание, где отмечено, что на данный момент оно принадлежит Райпотребсоюзу, в нем расположены магазины промышлен-

ных товаров. В 1994 г. здание поставили на государственную охрану. При постановке на гос. учет его ошибочно назвали «Лавка торговая купца Воробьева», вместо купца Воробьевского. В 1990-х гг. оно перешло в частную собственность, в нем находятся различные магазины. В 2022 г. Алтайохранкультура предписала собственнику устранить причины протечек кровли и в дальнейшем выполнить капитальный ремонт здания на основе проектной документации.

Объект культурного наследия является образцом торгового здания конца XIX — начала XX в., выполненным в эклектичных формах, имеет градостроительное значение, формируя торговую площадь исторического центра города. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 20 ноября 2015 г. №19968-р был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 221410178860015.

Рис 1. Объект культурного наследия «Лавка торговая купца Воробьева (Воробьевского)», XIX в., по адресу: Алтайский край, Змеиногорский район, г. Змеиногорск, пер. Горный, 3. Общий вид. Фото 2022 г.

Fig. 1. Cultural heritage site Trading Shop of the Merchant Vorobyev (Vorobyevsky), the 19th century, at: Gorny per. 3, Zmeinogorsk, Zmeinogorsky District, Altai Krai. General view. Photo by 2022

«Лавка торговая Воробьева (Воробьевского)», XIX в. Алтайский край, Змеиногорский район, г. Змеиногорск, ул. Семипалатинская, 1: история и современное использование

Здание расположено в историческом центре города, главным северо-западным фасадом выходит на красную линию улицы Семипалатинской. Из-за перепада рельефа со стороны юго-западного и юго-восточного фасадов имеется цокольный этаж. Одноэтажное кирпичное здание с цокольным этажом в плане прямоугольной формы. Планировка первого этажа — зального типа с двумя разновеликими прямоугольными помещениями, разделенными большим арочным проемом. Вход в помещения цокольного этажа осуществляется через пристроенный к юго-восточному фасаду объем.

Торговую каменную лавку П.В. Воробьевский построил в начале XX в. На плане за 1908 г. отражено, что П. Воробьевскому в 1 участке по контракту на срок с 1909 г. по 1915 г. Кабинетом отдан в аренду участок земли под усадьбу и склад товаров, товарные кладовые, в т.ч. дом и надворные постройки общей площадью 1185 кв. с. В 1911 г. купец платил годовую арендную плату за землю в сумме 11,9 руб. На участке находился дом и надворные постройки (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3282. Л. 41об.). Из ведомости за 1917 г. мы можем узнать, что П.В. Воробьевский в Змеиногорске имел лавку, которая была оценена в 14 630 руб. (оклад 146,3 руб.) и четыре складских помещения для товара (ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Д. 156. Л. 123об.). В 1917 г. здание отапливалось печами и имело керосиновое освещение (ГААК. Ф.Д. 233. Оп. 6. Д. 74. Л. 51–53). В 1920 г. здание было национализировано и передано на баланс отделу здравоохранения. Из ведомости домовладений за 1920 г. следовало, что бывший дом Воробьевского располагался на ул. Семипалатинской (кв. 93), был на балансе отдела здравоохранения, в нем располагался сам отдел здравоохранения, магазин, мастерская и склад (ГААК. Ф.Р. 212. Оп. 1. Д. 300. Л. 81). В 1925 г. на заседании Президиума Змеиногорского райисполкома было принято решение о заключении с председателем ЕПО Паниным договора на сдачу в аренду кирпичного магазина с подвалом быв. Воробьевского (ГААК. Ф.Р. 674. Оп. 1. Д. 3. Л. 162; Д. 10. Л. 25; Оп. 5. Д. 5. Л. 106). В 1926 г. в здании провели ремонт (ГААК. Ф.Р. 674. Оп. 1. Д. 4. Л. 231). В 1930 г. общество было реорганизовано в Райпо, затем в 1933 г. — в Райпотребсоюз (ГААК. Ф.Р. 674. Оп. 5. Д. 12. Л. 36; Оп. 6. Д. 28. Л. 1; Ф.Р. 212. Оп. 1. Д. 303). В 1931 г. в бывшем магазине Воробьевского, арендуемом с 1924 г. обществом потребителей, было три отдела: бакалейный, галантерейный и железоскобяной (ГААК. Ф.Р. 674. Оп. 5. Д. 14. Л. 223). Согласно решению народного суда Змеиногорского района Алтайского края от 27 августа 1947 г. здание было закреплено за Змеиногорским райпотребсоюзом. В 1994 г. его поставили на государственную охрану. При постановке на гос. учет ошибочно назвали «Лавка торговая Воробьева» вместо «Воробьевского». В этот момент здание находилось на балансе Райпотребсоюза, в нем располагался магазин «Книга» и др. До начала 1990 гг. в здании с одной стороны располагался книжный магазин, с другой — магазины культтоваров и обуви. В настоящее время в нем находятся различные магазины, в том числе магазин автозапчастей. Склад райпо, пристроенный к зданию до 1960 г., в 2000 г. был продан новому собственнику под цех полуфабрикатов и магазин. На данный момент к зданию сделаны поздние кирпичные пристройки к восточному и южному фасадам. Ко входам на северном фасаде подведены широкие каменные крыльца. Заложены почти все окна цокольного этажа, утрачены кованые решетки в расщеп, бывшие на этих проемах. Утрачены кованые ставни с окон первого этажа; установлены поздние металлические решетки в этих окнах. Перекрытия цокольного этажа современные, из монолитного железобетона. В 2022 г. Алтайохранкультура составила акт технического состояния от 25 февраля (№02-06/06), в котором предписала собственнику (Змеиногорское райпо) выполнить ремонт здания.

Здание является образцом кирпичного торгового помещения конца XIX — начала XX в., выполненного в формах эклектики с доминирующими мотивами барокко, декоративное убранство которого отличается нарядностью и оригинальностью. Имеет градостроительное значение, находясь в историческом центре города и формируя торговую площадь. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 20 ноября 2015 г. №19968-р объект был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера **221510178860095**.

Рис. 2. Объект культурного наследия «Лавка торговая Воробьева (Воробьевского)», XIX в., по адресу: Алтайский край, Змеиногорский район, г. Змеиногорск, ул. Семипалатинская, 1. Вид с севера. Фото 2022 г.

Fig. 2. Cultural heritage site Trading Shop of the Merchant Vorobyev (Vorobyevsky), the 19th century, at: Semipalatinskaya ul. 1, Zmeinogorsk, Zmeinogorsky District, Altai Krai. View from the north. Photo by 2022

Список источников

«Москва — Сибирь»: адресная и справочная книга: посредник — указатель торгово-промышленных фирм... на 1909 г. М., 1908. 606 с.

Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1914/1915 гг. СПб., 1914. 1677 с.

Целищева М.А. Исторический центр г. Змеиногорска в конце XIX — начале XX в. // Ползуновский альманах. 2011. №2. С. 46–49.

Информация об авторе / Information about the Author

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая», историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14, <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage”, Historian; 656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14, <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024*

Научная статья / Article
УДК: 72 (571.150)
DOI: 10.14258/2411-1503.2024.14
EDN: GAKBVA

ДОМ КУПЦА А.В. ОГУРОВА В ЗМЕИНОГОРСКЕ — ПАМЯТНИК ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА НАЧАЛА XX В. В СТИЛЕ ЭКЛЕКТИКИ С ОБИЛИЕМ ОРИГИНАЛЬНОГО РЕЗНОГО ДЕКОРА

Марина Александровна Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

Резюме. На основе впервые привлекаемых архивных материалов из Государственного архива Алтайского края автор рассматривает историю и современное использование объекта культурного наследия, бывшего жилого дома купца А.В. Огурова, находящегося в Змеиногорске. Дом является ценным памятником деревянной архитектуры рубежа XIX и XX столетий. Для него характерен обильный и оригинальный резной узор. Символично, что один из лучших в художественном отношении объектов культурного наследия города передан детской школе искусств. Данное исследование было проведено в рамках выполнения гранта Губернатора Алтайского края в связи с необходимостью ускорения развития культурно-познавательного туризма в регионе.

Ключевые слова: жилой дом, памятник деревянной архитектуры, объект культурного наследия, виноторговец, городская больница, детская школа искусств

Для цитирования: Целищева М.А. Дом купца А.В. Огурова в Змеиногорске — памятник деревянного зодчества начала XX в. в стиле эклектики с обилием оригинального резного декора // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 89–94. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.14

THE HOUSE OF THE MERCHANT A.V. OGUROV IN ZMEINOGORSK — THE MONUMENT OF WOODEN ARCHITECTURE OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY IN THE ECLECTICS WITH AN AMBUNDANCE OF ORIGINAL CARVED DECORATION

Marina A. Tselishcheva

*Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage”,
Barnaul, Russia*

Abstract. On the grounds of the new archives from the State Archive of the Altai Krai, in this article, the author considers the history and modern use of the cultural heritage site — the former residential building of the merchant A.V. Ogurov located in Zmeinogorsk. The house is a valuable monument of wooden architecture at the turn of the 19th and 20th centuries. An abundant and original carved pattern characterizes the building. Nowadays, symbolically, the children’s art school is located in this, one of the best artistic objects of the city’s cultural heritage. This study was a part of the Governor of the Altai Krai grant in connection with the need to accelerate the development of cultural and educational tourism in the region.

Keywords: residential building, wooden architectural monument, cultural heritage site, wine merchant, city hospital, children’s art school

For citation: Tselishcheva M.A. The House of the Merchant A.V. Ogurov in Zmeinogorsk — the Monument of Wooden Architecture of the Beginning of the 20th Century in the Eclectics with an Abundance of Original Carved Decoration. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:89–94. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.14

Одноэтажный деревянный жилой дом в центре Змеиногорска был построен в конце XIX в. — начале XX в. и принадлежал семье Огуровых.

Огуров Александр Васильевич (30.04.1862 — ?) — бийский купец 2-й гильдии, проживал в Змеиногорске, принадлежал к торговому сословию (Скубневский, Старцев, Гончаров, 1996, с. 75). С конца XIX в. в основном занимался виноторговлей. Так, в 1892 г. в Змеиногорске А.В. Огуров держал оптовый винный склад. По данным бийской городской Управы А.В. Огуров в 1894 г. выбрал через Змеиногорское волостное правление купеческое гильдейское свидетельство и получил билет (ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 1. Л. 5). В 1897 г. за земельный участок, на котором располагался оптовый винный склад с производительностью 20,0 тыс. ведер в год, купец платил Кабинету арендную плату в размере 100,0 руб. в год. В этом же году управляющий Змеиногорским имением направил рапорт в Главное управление Алтайского округа (от 23.09.1897) с просьбой повысить плату за земельный участок с винным складом до 150,0 руб. в год (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2404. Л. 11, 29об.). В 1898 г. виноторговец А.В. Огуров заплатил за аренду земельных участков, на которых располагались пять питейных заведений, более 300 руб. (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2404. Л. 71). В 1899 г. купец написал прошение о том, чтобы ему разрешили построить в Змеиногорске на арендуемом им месте каменную лавку вместо деревянной. За этот земельный участок в размере 340 кв. арш. А.В. Огуров (договор был по 01.01.1906 г.) платил Кабинету по 460,0 руб. в год. В рапорте управляющего Змеиногорским имением в Главное управление Алтайского округа от 9 февраля 1899 г. (№155) было отмечено, что ходатайство Огурова признается заслуживающим уважения, так как постройка каменных зданий вместо деревянных в пожарном отношении весьма желательна и заслуживает поощрения (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2472. Л. 1). В 1901 г. за аренду земельного участка в Змеиногорске, где располагался оптовый винный склад, купец заплатил 159,0 руб. (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2404. Л. 108). На плане части Змеиногорского селения с показанием местности для отвода земельного участка под строительство казарм для местной команды за 1902 г. указан и винный склад Огурова (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2453. Л. 122). В 1902 г. в Змеиногорске был построен казенный винный склад № 7 (Целищева, 2017, с. 282), возможно, поэтому в дальнейшем Огурову пришлось отказаться от винной торговли. В 1902 г. бийский 2-й гильдии купец А.В. Огуров заключил с Главным управлением Алтайского округа контракт сроком с 1903 по 1921 г. на аренду участка земли в размере 420 кв. арш. на базарной площади (9-й ряд, №1) в Змеиногорске для устройства на нем каменного магазина для торговли разными товарами с оплатой 460,0 руб. в год. Через каждые 6 лет плата должна была увеличиваться на 10%. На арендованном участке, кроме торговой лавки, без разрешения Главного управления купец не имел права открывать

другие фабрично-заводские заведения, а также отдавать в наем возведенные уже строения для торговли в них крепкими напитками. По контракту Огуров не имел права отказаться от арендованного участка ранее оговоренного срока, в противном случае все возведенные строения должны быть снесены с участка в шестимесячный срок со дня отказа от участка или все постройки и сооружения поступали безвозмездно в собственность Его Величества (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2472. Л. 52–53). На плане 1908 г. на земельном участке размером в 705 в.с., арендованном у Кабинета А.В. Огуровым, указан дом с надворными постройками, с оплатой 8,08 руб. в год (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3282. Л. 39об.).

В Змеиногорске проживали родственники А.В. Огурова. Это следует из составленного в 1911 г. списка жителей Змеиногорска, где указано, что в селе проживал Огуров Ефим Васильевич (40 лет) — бийский купеческий сын, его мать Анастасия Ивановна (70 лет) и его сестра Елизавета Васильевна (25 лет), они имели одно место земли свое и один земельный участок арендовали у Кабинета, размером 270 кв. арш., по контракту с 1903 по 1920 г. с оплатой по 3,13 руб. в год, где размещались надворные постройки (ГААК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 226. Л. 100об.; Ф. 4. Оп. 1. Д. 3282. Л. 39об.). До этого, в 1894 г. Анастасия Ивановна Огурова выбрала купеческое гильдейское свидетельство. В 1917 г. Е.В. Огуров заполнил анкету сельскохозяйственной переписи населения с. Змеиногорска (ГААК. Ф. 233. Оп. 16. Д. 169. Л. 71).

В Сибирском торгово-промышленном ежегоднике на 1914/1915 гг. указано, что в Змеиногорске А.В. Огуров торговал мануфактурными товарами, а А.И. Огурова торговала бакалейно-колонияльными товарами (Сибирский..., 1914, с. 164). Купец торговал также тканями Никольской мануфактуры Морозовых — одной из крупнейших фабрик России. Имел большую семью: жена Ольга Петровна (р. 1877); дети — Елена (р. 1898), Анастасия (р. 1899), Пелагея (р. 1901), Василий (р. 1902), Иван (р. 1905), Анна (р. 1910), Варвара (р. 1911). Его жена Ольга была родной сестрой бийского 1-й гильдии купца А.П. Фирсова, который не имел своих детей (в г. Бийске сохранился «Пассаж Фирсова» на ул. Л. Толстого, 146). В это время А.В. Огуров имел 0,2 десятины земли под усадьбу, хозяйство состояло из семи голов крупного рогатого скота и двух телег на железном ходу. А также он арендовал у Кабинета два земельных участка: один — под названием «Огуровская», размером 0,11 дес. и сроком с 1913 по 1925 г. с оплатой 60,0 руб. в год, и второй — «Суховская», размером в 0,29 дес., с 1912 по 1936 г. с оплатой по 67,0 руб. в год. Дополнительно на базарной площади арендовал участок земли «Огуровская» в размере 420 кв. арш. на срок с 1903 по 1921 г. с оплатой в размере 508,2 руб. в год (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3800. Л. 11об., 12об.)

Александр Васильевич помимо торговли занимался и благотворительностью, состоял в обществе Красного креста, созданном в период Первой мировой войны. Из поданного 30 ноября 1915 г. заявления в Бийскую городскую Управу от бийского 2-й гильдии купца А.В. Огурова, проживавшего во 2 ч. с. Змеиногорского, мы можем узнать, что на данный момент его жене Ольге Петровне было 38 лет и у них было семеро детей (ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 321).

Л. 65). Из составленной в 1917 г. Ведомости помещений в Змеиногорском уезде, обложенных сбором, следовало, что А.В. Огуров имел в Змеиногорске лавку, которую оценили в 5743 руб., с оплатой за 1916 г. 114,86 руб., а также три склада для товаров с оценкой в 1480 руб., 853 руб. и 428 руб., с оплатой соответственно в 29,6, 17,6 и 8,56 руб. в год (ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Д. 156. Л. 123об.). По данным Всероссийской сельскохозяйственной, земельной и городской переписи за 1917 г. в Змеиногорске проживал купец Александр Васильевич Огуров, 1862 г. рождения, русский, в составе переселенцев прибыл в Сибирь в 1874 г. из Владимирской губернии, имел трех лошадей, четырех коров, две телеги на железном ходу, торговал мануфактурными и галантерейными товарами (ГААК. Ф. 233. Оп. 16. Д. 169. Л. 113–114).

Дом А.В. Огурова был национализирован в 1920 г. и передан отделу здравоохранения под заразный барак больницы. В составленной статистической карточке (№918) отмечено, что в жилом деревянном одноэтажном доме (кв. 93) было две квартиры, а также на усадьбе находилось пять амбаров (ГААК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 303. б/л). В дальнейшем в нем долгие годы размещался «заразный барак» (туберкулезное) и хирургическое отделения городской больницы (ГААК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 303. б/л). В то же время в бывшей лавке Огурова на базарной площади располагалась артель «Партизан» (ГААК. Ф. 674. Оп. 5. Д. 5. Л. 100). Так, президиум Змеиногорского райисполкома в 1926 г. на своем заседании (протокол №3 от 23.03.1926) утвердил договор на сдачу артели «Партизан» в аренду кирпичного магазина бывшего Огурова на базарной площади.

Распоряжением администрации города Змеиногорска от 4 декабря 1991 г. (№306) здание передано комитету по культуре с размещением в нем детской художественной школы. В 1994 г. здание поставили на государственную охрану как памятник архитектуры. Одноэтажное, на высоком кирпичном цоколе, почти квадратное в плане здание с подвалом в восточной части. План дома усложнен тем, что к южному фасаду пристроена веранда с большим развернутым по горизонтали окном, объединенным общим рамочным наличником и крыльцом в пять ступеней. С восточной стороны к южному фасаду примыкают небольшие сени с крыльчком. Сруб дома обшит досками, углы обозначены пилястрами с резным накладным растительным узором. Своеобразие архитектурному объему придает высокая кровля, отмеченная по центру северного, восточного и южного фасадов фигурными щипцами, со слуховыми оконными проемами. Северный уличный фасад имеет симметричную композицию центральной части, выделенную щипцом, пилястрами и тумбами. Семичастные прямоугольные окна обрамлены рамочными наличниками с замковым камнем с вензелем владельца дома (изображающим буквы «А», «В» и «О») и резным накладным орнаментом в верхней его части. Окна южного фасада декоративных наличников не имеют. Развитый карниз декорирован резным подзором, по периметру щипцов — пропиленная резьба. В интерьере сохранились утермарковская и голландские печи с барельефами на литых дверцах, в парадном зале имеются карнизные тяги и потолочная розетка.

В 2002 г. был произведен ремонт стропильной системы и замена кровли основного объема на оцинкованную сталь. В ходе ремонта крыши со стороны северного фасада были восстановлены две надкарнизные шатровые башенки из оцинкованной стали с вазонами с муфтированным основанием. В 2008 г. специалисты НПП «Наследие» обследовали здание. В помещениях первоначальной одноэтажной постройки (Блок А) располагались классы и мастерские МОУ ДОД «Детская художественная школа» г. Змеиногорска. В подвальном помещении располагались столярная мастерская и хранилище пиломатериалов. В помещении веранды (Блок Б) располагались фонды школы и был организован подъем на чердак. Первоначальный тамбур не эксплуатировался. Через пристроенный тамбур (блок В) осуществлялся спуск в подвал под первоначальным объемом. В 2009 г. была проведена реставрация здания, 1 сентября 2009 г. состоялось торжественное открытие вновь отремонтированной школы. В настоящее время в здании располагается муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Змеиногорская детская школа искусств».

В 2015 г. приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 19 августа 2015 г. (№365) был утвержден предмет охраны, границы территории и режим использования территории объекта культурного

Объект культурного наследия «Дом купца А.В. Огурова», конец XIX в., по адресу: Алтайский край, Змеиногорский район, г. Змеиногорск, ул. Семипалатинская, 1а. Общий вид. Фото 2022 г.

Cultural heritage site The House of the merchant A. V. Ogurov, late the 19th century, at: Semipalatinskaya ul. 1a, Zmeinogorsk, Zmeinogorsky District, Altai Krai. General view. Photo by 2022

наследия (ОКН). В 2021 г. приказом Управлением государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 9 ноября 2021 г. (№980) было утверждено охранное обязательство ОКН. Приказом Алтайохранкультуры от 11 июля 2022 г. (№496) установлены зоны охраны ОКН. В этом же году утвердили Проект размещения информационной надписи на ОКН. В 2022 г. в связи с необходимостью ускорения развития культурно-познавательного туризма в регионе Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая» предложила создание в г. Змеиногорске локальной системы информационного экскурсионного обслуживания, доступного для жителей не только края, но и России. Работа по данному проекту проводилась по нескольким направлениям, таким как подготовка сайта для г. Змеиногорска с указанием 24 объектов культурного наследия (где указан и бывший дом купца А.В. Огурова), состоящих на государственной охране, создание интерактивной карты Змеиногорска с QR-кодами, установление табличек с QR-кодами на объектах историко-культурного наследия города (Целищева, 2023, с. 222–223).

Объект является памятником деревянной жилой архитектуры конца XIX — начала XX в. в стиле эклектики с обилием оригинального резного декора. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 20 ноября 2015 г. №19862-р был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 221410138560005.

Список источников

Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1914/1915 г. СПб., 1914. 1677 с. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: энциклопедия. Барнаул, 1996. 112 с.

Целищева М.А. Памятник промышленной архитектуры «Змеиногорский №7 казенный винный склад»: история, современное использование и проблемы музеефикации / A monument of industrial architecture «State wine warehouse no. 7 of the city zmeinogorsk»: history, present use and problems of museification // Интеграция образования в этнокультурное развитие регионов Большого Алтая и Казахстана. Павлодар, 2017. С. 282–291.

Целищева М.А. «Змеиногорск исторический» — проект, впервые выполненный в Алтайском крае с привлечением современных технологий // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2023. С. 222–227.

Информация об авторе / Information about the Author

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая», историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14, <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage”, Historian; 656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14, <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024*

РАЗДЕЛ 2

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Научная статья / Article

УДК: 902(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.15

EDN: GLKWBC

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ И ПЛАНИГРАФИИ КУРГАННЫХ ГРУПП РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИБОБСКОГО ПЛАТО (по материалам Баевского района)

Александр Васильевич Бекетов

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье дается развернутая характеристика археологической карте Баевского района Алтайского края. Определяются закономерности расположения разновременных и поликультурных памятников на его территории в связи с особенностями рельефа и гидрологической картой района. Выдвигается предположение о возможности датировки некоторых недатированных курганных групп Баевского района на основании сходства их планиграфии с планиграфией курганных групп района, датированных ранним железным веком. Приводятся результаты мониторинга состояния памятников. Дается характеристика степени разрушения памятников археологии на территории района в результате воздействия природного и антропогенного факторов. Вводятся в научный оборот данные об объектах археологии, выявленных на территории района в ходе полевых работ в июле 2023 г.

Ключевые слова: археология, лесостепь, разведка, Баевский район, курган, поселение

Для цитирования: Бекетов А.В. Некоторые особенности расположения и планиграфии курганных групп раннего железного века Приобского плато (по материалам Баевского района) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 95–101. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.15

SOME FEATURES OF THE LOCATION AND PLANOGRAPHY OF THE BURIAL GROUPS OF THE EARLY IRON AGE OF THE PRIBOBSKY PLATEAU (According to the Materials of the Bayevsky District)

Alexander V. Beketov

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This article provides a detailed description of the archaeological map of the Bayevsky district of the Altai Territory. The regularities of the location of multi-temporal and multicultural sites on its territory are determined in connection with the features of the relief and the hydrological map of the area. An assumption is put forward about the possibility of

dating some undated burial groups of the Bayevsky district based on the similarity of their planography with the planography of the burial groups of the district dated to the Early Iron Age. The results of monitoring the condition of the sites are presented. The characteristic of the degree of destruction of archaeological sites in the district resulting from the influence of natural and anthropogenic factors is given. The data on archaeological sites identified on the territory of the district during field work in July 2023 have been introduced into scientific circulation.

Keywords: archaeology, forest-steppe, exploration, Bayevsky district, kurgan, settlement

For citations: Beketov A.V. Some Features of the Location and Planography of the Burial Groups of the Early Iron Age of the Priobsky Plateau (According to the Materials of the Bayevsky District). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:95–101. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.15

В настоящее время на территории Баевского района Алтайского края известно 38 разновременных памятников археологии, 29 (76%) из которых представлены курганными группами (рис. 1) (Бекетов, 2023, с. 7–12; Брусник, 2010, с. 90–94; Кирюшин, Удодов, Шамшин, 1990, с. 100–105; Редников, 2009, с. 5–12; Телегин, 2018, с. 34–36).

К сожалению всего восемь (27%) курганных групп из 29 были датированы, на основании чего можно сказать, что на территории района известны пять курганных групп эпохи ранней и поздней бронзы, две курганные груп-

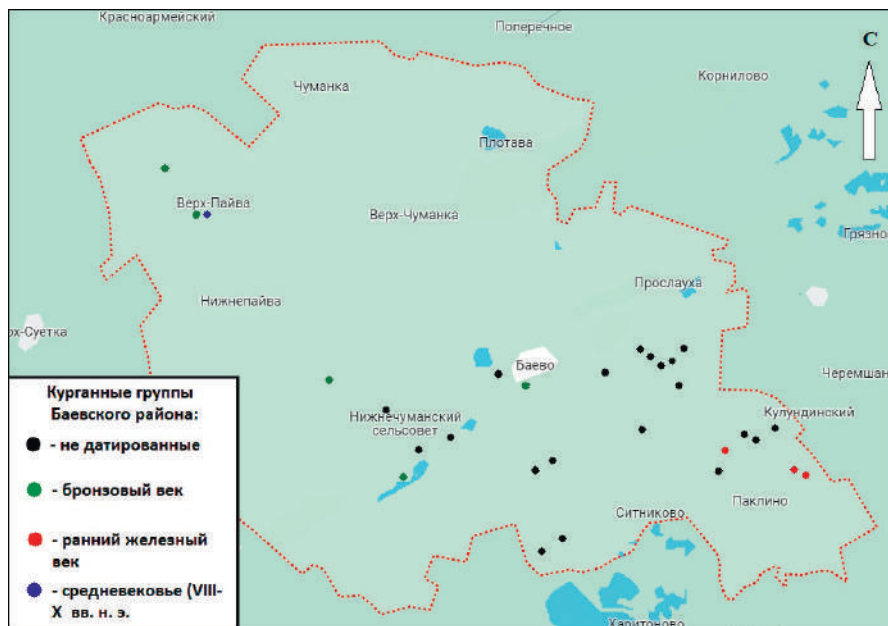

Рис. 1. Расположение курганных групп на территории Баевского района
Fig. 1. The location of the burial groups on the territory of the Bayevsky district

пы раннего железного века и одна средневековая курганная группа (Кирюшин, Удодов, Шамшин, 1990, с. 100–105; Телегин, 2018, с. 36).

Как правило, для курганных некрополей Приобского плато характерна связь их расположения с рельефом и гидрологией местности, а точнее — расположение их на естественных возвышенностях. Не исключение и территория Баевского района. В физико-географическом отношении она является частью обширной Кулундинской низменности, расположенной на юго-западе Западно-Сибирской низменности. Рельеф низменности слабоволнистый, с плоскими западинами и полузамкнутыми широкими понижениями, с развитием низких слабовыраженных грив северо-восточного простирания, на которых и располагается основная масса курганных некрополей района.

Что касается планиграфии курганных групп, то общих черт в организации курганных цепочек бронзового века и средневековья не прослеживается из-за высокой степени разрушения памятников (Баево-2, Преображенка-1, Верх-Пайва и т.п.) в результате воздействия антропогенного фактора. Однако для двух курганных групп (Паклино-1, Сафроново-2), датируемых ранним железным веком, характерно простирание курганных цепочек с ориентацией по линии СВ–ЮЗ (рис. 2), т.е. параллельно линиям рельефных грив, а также линиям простирания бассейнов крупных рек (Кулунда) и озерно-болотных комплексов (оз. Мостовое, оз. Чернаково, оз. Ситниково, оз. Лотошное и т.д.) (Кирюшин, Удодов, Шамшин, 1990, с. 100–105; Телегин, 2018, с. 36). Вероятно, данная планиграфическая особенность ориентации погребальных комплексов может являться признаком погребального обряда определенной археологической культуры раннего железного века.

Не исключено, что данный планиграфический признак может быть применен для условной датировки некоторых из недатированных курганных групп района. К таковым можно отнести курганные группы Капустинка, Ситниково-1, Ситниково-2, Рыбные Борки-2, Сафроново-1 и Башлыки-1 (рис. 3) (Бекетов, 2023, с. 7–12; Брусник, 2010, с. 90–94; Редников, 2008, с. 5–12). Во всех перечисленных курганных группах курганы располагаются цепочками по линии СВ–ЮЗ. Расположение курганов в вышеназванных группах относительно друг друга, также соответствует характеристикам курганных групп раннего железного века.

Исходя из планиграфических особенностей недатированных курганных групп (21 группа), можно сказать, что они представлены: одиночным курганом, тремя курганными группами с ориентацией по линии СЮ (Баево-1, Ситниково-3, Паклино-2), курганной группой с ориентацией курганной цепочки по линии СЗ–ЮВ (Баево-2). Ориентацию остальных 19 курганных групп определить на данный момент не является возможным из-за высокой степени разрушения памятников (Бекетов, 2023, с. 7–12; Брусник, 2010, с. 90–94; Кирюшин, Удодов, Шамшин, 1990, с. 100–105; Редников, 2008, с. 5–12; Телегин, 2018, с. 34–36).

Вместе с тем большая часть известных на сегодняшний день курганных могильников Баевского района (21 из 30) располагается в легкодоступных местах (вблизи дорог общего пользования и населенных пунктов). Этот факт

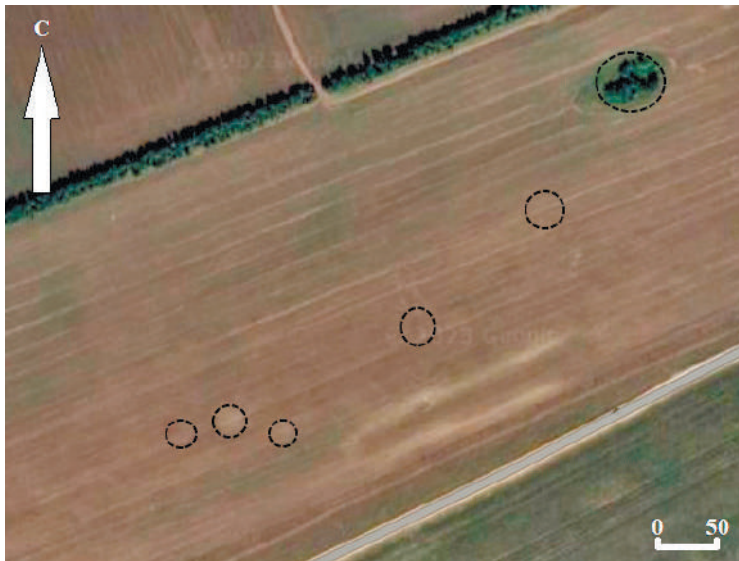

Рис. 2. Курганная группа Сафроново-2 (космоснимок от 06.08. 2021)
 Fig. 2. The Safronovo-2 burial group (satellite image from 06.08.2021)

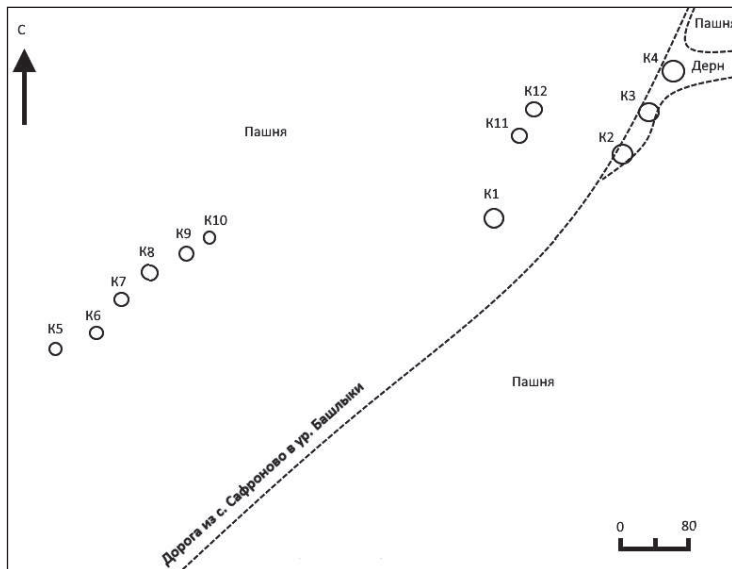

Рис. 3. План-схема курганной группы Башлыки-1
 Fig. 3. Schematic diagram of the Bashlyki-1 burial group

позволяет предположить, что сплошное археологическое обследование территории района не проводилось, а значит, большое количество памятников археологии, вероятно, еще не обнаружено. Таким образом, актуальным остается вопрос проведения на территории района археологических разведок. Одна из таких была осуществлена в июле 2023 г. Степным отрядом АлтГПУ на территории Баевского района, в окрестностях с. Ситниково.

Полевые работы предполагали решение двух задач.

Первая из них — натурное обследование четырех курганов Ситниково-III, выявленных автором в 2022 г. в окрестностях с. Ситниково. Необходимость проведения повторного изучения этих объектов была обусловлена тем, что в момент их обнаружения в 2022 г. данный вид работ был существенно затруднен наличием высокой и густой растительности (Бекетов, 2023, с. 7–12).

В процессе повторного обследования указанных объектов (курганы №1–4) были выявлены еще три ранее не известных кургана (курганы №5–7).

Курган №1 расположен в 11 км к север–северо-востоку от с. Ситниково. На момент его обнаружения в 2022 г. был самым северным в группе. Размеры насыпи: диаметр около 35 м, высота около 1 м. Поверхность насыпи хорошо задернована, опаживается, на ней отчетливо читаются три грабительские воронки диаметром 0,9–1 м и глубиной 50–130 см.

Курган №2 расположен в 116 м к югу от кургана №1. Размеры насыпи: диаметр около 19 м, высота около 0,2 м. Поверхность насыпи распахана, вскрыта глиняная линза.

Курган №3 расположен в 80 м к юг–юго-западу от кургана №2. Размеры насыпи: диаметр около 19 м, высота около 0,2 м. Поверхность насыпи распахана, вскрыта глиняная линза.

Курган №4 расположен в 70 м к юг–юго-востоку от кургана №3. Диаметр 43 м. Высота 0,6 м. Поверхность насыпи распахана, на ней отчетливо читается грабительская воронка диаметром 0,3 м и глубиной 40 см, вскрыта глиняная линза.

Курган №5 расположен в 266 м к север–северо-западу от кургана №4. Размеры насыпи: диаметр около 17 м, высота около 0,1 м. Поверхность насыпи распахана, вскрыта глиняная линза.

Курган №6 расположен в 284 м к юг–юго-востоку от кургана №5. Размеры насыпи: диаметр около 25 м, высота около 0,2 м. Поверхность насыпи распахана.

Курган №7 расположен в 200 м к юг–юго-западу от кургана №6 на целинном участке между двумя распаханными полями. Размеры насыпи: диаметр около 27 м, высота около 1,3 м. Поверхность насыпи хорошо задернована, в ее центре отчетливо читаются две грабительские воронки диаметром 30–45 см и глубиной 0,1 м.

Второй задачей археологической разведки являлся визуальный осмотр окрестностей с. Ситниково и бывш. деревни Красный Урал на предмет наличия здесь объектов археологии.

По информации, полученной от В.И. Бекетова (работника местного фермерского хозяйства), в окрестностях этих сел на полях, занятых под пашню, визуально прослеживаются насыпи нескольких курганов.

В ходе визуального обследования указанной территории было обнаружено два объекта археологического наследия.

Первый из них, **Башлыки-2**, представляет собой одиночный курган, расположенный в 4 км к север–северо-западу от с. Ситниково, в 376 м к восток–северо-востоку от полевой дороги, ведущей от с. Ситниково к Кулундинскому магистральному каналу, на участке, занятом под пашню. Размеры насыпи: диаметр около 14,5 м, высота около 0,8 м. Поверхность насыпи хорошо задернована, опахивается. В центре насыпи вкопана железобетонная вставка от знака триангуляции.

Второй объект, **Белая Грива-1**, также представляет собой курганный группу, состоящую из 12 курганов, расположенных цепью север-юг на участке, занятом под пашню, в 9,3 км к северу от с. Ситниково:

Курган №1 расположен в 400 м к западу от полевой дороги, ведущей из ур. Башлыки в ур. Белая Грива. Размеры насыпи: диаметр около 20 м, высота около 0,1 м. Поверхность насыпи распахана.

Курган №2 расположен в 64 м к юг–юго-востоку от кургана №1. Размеры насыпи: диаметр около 17 м, высота около 0,2 м. Поверхность насыпи распахана.

Курган №3 расположен в 50 м к юг–юго-западу от кургана №2. Размеры насыпи: диаметр около 20 м, высота около 0,1 м. Поверхность насыпи распахана.

Курган №4 расположен в 60 м к юго-западу от кургана №3. Размеры насыпи: диаметр около 18 м, высота около 0,1 м. Поверхность насыпи распахана.

Курган №5 расположен в 40 м к юго-востоку от кургана №4. Размеры насыпи: диаметр около 21 м, высота около 0,3 м. Поверхность насыпи распахана. В центре насыпи читается грабительская воронка диаметром 40 см и глубиной 24 см.

Курган №6 расположен в 90 м к запад–юго-западу от кургана №5 в лесополосе. Размеры насыпи: диаметр около 20 м, высота около 0,3 м. Большая часть поверхности насыпи хорошо задернована, но её юго-западная полая распахивается.

Курган №7 расположен в 90 м к восток–юго-востоку от кургана №6. Размеры насыпи: диаметр около 19 м, высота около 0,3 м. Поверхность насыпи распахана.

Курган №8 расположен в 64 м к югу от кургана №7. Размеры насыпи: диаметр около 18 м, высота около 0,2 м. Поверхность насыпи распахана.

Курган №9 расположен в 140 м к юго-востоку от кургана №8 в лесополосе. Размеры насыпи: диаметр около 28 м, высота около 1,3 м. Большая часть поверхности насыпи хорошо задернована, но юго-западная и северо-восточная полая распаханы.

Курган №10 расположен в 112 м к восток–юго-востоку от кургана №9. Размеры насыпи: диаметр около 30 м, высота около 1,3 м. Поверхность насыпи распахана. В центре насыпи читается грабительская воронка диаметром 50 см и глубиной 40 см.

Курган №11 расположен в 130 м к запад–юго-западу от кургана №10. Размеры насыпи: диаметр около 17 м, высота около 0,15 м. Поверхность насыпи распахана.

Курган №12 расположен в 40 м к юг-юго-востоку от кургана №11. Размеры насыпи: диаметр около 20 м, высота около 0,2 м. Поверхность насыпи распахана.

К сожалению, все вышеперечисленные планиграфические особенности курганных групп Ситниково-III и Белая Грива-I не позволяют их датировать. Однако сам факт их обнаружения подтверждает то, что территория Баевского района остается не до конца обследованной на предмет наличия памятников археологии.

Список источников

Бекетов А.В. Новые объекты на археологической карте Баевского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 7–12. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.01

Брусник Н.Д. Неизвестные страницы истории. Барнаул, 2010. 117 с.

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Баевский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. С. 100–105.

Редников А.А. Отчет об археологической разведке в Баевском районе Алтайского края осенью 2008 года. Барнаул, 2009. 41 с. // Архив Музея археологии и этнографии АлтГУ. №243.

Телегин А.Н. К археологической карте Баевского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2018. Вып. XXIV. С. 34–36.

Информация об авторе / Information about the Author

Александр Васильевич Бекетов, Алтайский государственный педагогический университет, Институт истории, социальных коммуникаций и права, студент; 656006, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, sasha.beketov.2004@bk.ru

Alexander V. Beketov, Altai State Pedagogical University, Institute of History, Social Communications and Law, student; 656006, Barnaul, Russia, 55, Molodezhnaya str., sasha.beketov.2004@bk.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 903.5

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.16

EDN: GTDIUE

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТАТУИРОВАННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ НА МУМИФИЦИРОВАННОМ ТЕЛЕ ИЗ КУРГАНА №1 МОГИЛЬНИКА АК-АЛАХА-3

Александр Васильевич Бекетов, Андрей Николаевич Телегин
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассматриваются результаты графической реконструкции поврежденного татуированного изображения с предплечья левой руки мумифицированного тела женщины из кургана №1 могильника Ак-Алаха-3 из раскопок

Н.В. Полосьмак на плато Укок в 1993 г. В качестве образцов для реконструкции были привлечены художественные образы из кургана №2 могильника Пазырык, кургана №1 могильника Ак-Алаха-3, могильника Туэкта-1, кургана №2 могильника Казыл-Джар-IV и могильника Новый Шарап. Разрабатываются два варианта графической реконструкции (фантастический хищник, фантастическое травоядное). Приводится детальное описание выполненных реконструкций. Производится анализ разработанных графических реконструкций, в результате которого определяется, что наиболее верной реконструкцией является образ одиночного фантастического травоядного.

Ключевые слова: реконструкция, художественные образы, курган, татуировка, Пазырык, Ак-Алаха-3, Казыл-Джар, Новый Шарап, Туэкта

Для цитирования: Бекетов А.В., Телегин А.Н. Реконструкция татуированного изображения на мумифицированном теле из кургана №1 могильника Ак-Алаха-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 101–106. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.16

RECONSTRUCTION OF A TATTOOED IMAGE ON A MUMMIFIED BODY FROM BURIAL MOUND №1 OF THE AK-ALAKHA-3 BURIAL GROUND

Alexander V. Beketov, Andrey N. Telegin

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article discusses the results of the graphic reconstruction of the damaged tattooed image from the forearm of the left hand of the mummified body of a woman from burial mound No. 1 of the Ak-Alakh-3 burial mound from the excavations of N.V. Polosmak on the Ukok Plateau in 1993. Artistic images from burial mound No. 2 of the Pazyryk burial mound, burial mound No. 1 of the Ak-Alakh-3 burial mound, Tuekta-1 burial mound, burial mound No.2 burial grounds of Kazyl-Jar-IV and the New Sharap burial ground. Two variants of graphic reconstruction are being developed (a fantastic predator or fantastic deer). A detailed description of the completed reconstructions is performed. The analysis of the developed graphic reconstructions is carried out, as a result of which it is determined that the most correct reconstruction is the image of a single fantastic animal.

Keywords: reconstruction, artistic images, mound; tattoo, Pazyryk, Ak-Alakha-3, Kazyl-Jar, New Sharap, Tuekta

For citations: Beketov A.V., Telegin A.N. Reconstruction of a Tattooed Image on a Mummified Body from Burial №1 of the Ak-Alakha-3 Burial Ground. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:101–106. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.16

Погребальные комплексы пазырыкской археологической культуры Горного Алтая содержат в себе богатейший, во многом уникальный археологический материал, обладающий огромным источниковым потенциалом.

Одним из таких уникальных феноменов пазырыкских древностей являются татуированные изображения на мумифицированных телах погребенных (Руденко, 1953, с. 272–326).

Изучая половозрастную принадлежность татуированных изображений фантастических животных, мы установили, что грифоны (тигриный, львиный) характерны только для мужской татуировки, а фантастические олени — как для мужской, так и для женской (Бекетов, 2023; Телегин, Дьяков, 2018).

К сожалению, некоторые изображения сохранились лишь частично, поэтому их половозрастная интерпретация, возможна лишь при условии предварительной графической реконструкции.

Одним из таких изображений является образ фантастического животного, нанесенный на предплечье левой руки погребенного в кургане №1 могильника Ак-Алаха-3. В рисунке хорошо прослеживаются очертания туловища со стилизованным изображением головы грифа на спине и перекрученным крупом, когтистые лапы, длинный хвост кошачьего хищника (барс?) и олени рога, увенчанные стилизованными изображениями грифовых голов (рис. 2.-1). Изображение головы, часть переднего завитка рога и передняя правая лапа животного, к сожалению, не сохранились (Полосьмак, 2000).

Определяя видовую принадлежность утраченного изображения головы, можно предположить два варианта. В первом случае это могла быть голова кошачьего хищника (рис. 2.-2). В пользу такой реконструкции можно привести несколько аналогий. Две из них происходят из погребальных комплексов пазырыкской культуры Горного Алтая: первая — кожаная аппликация из погребения Туэкта-I (рис. 1.-1) (Руденко, 1960), изображающая кошачьего хищника с рогами оленя, увенчанными стилизованными грифовыми головками, вторая — металлическая пластина из кургана №2 могильника Казыл-Джар-IV (рис. 1.-2), изображающая кошачьего хищника с оленьими рогами (Могильников, 1983). Еще одна подобная находка происходит из погребения каменной культуры Новосибирского Приобья Новый Шарап (Молодин, Полосьмак, 2003). Это металлическая бляха, изображающая кошачьего хищника со стилизованными оленьими рогами (рис. 1.-3). Второй вариант реконструкции предполагает, что утраченная часть образа животного являла собой изображение головы оленя с клювовидной мордой. В пользу этого предположения можно привести ряд аналогий: первая — татуированное изображение фантастического оленя с плечевого сустава женской мумии из кургана №1 могильника Ак-Алаха-3 (рис. 1.-4) (Полосьмак, 2001), вторая — татуированное изображение с плеча женской мумии из кургана №2 могильника Пазырык (рис. 1.-5) (Руденко, 1948), третья — татуированное изображение с плеча мужской мумии из кургана №2 могильника Пазырык (рис. 1.-6) (Руденко, 1952).

Что касается утраченного изображения правой передней конечности, то оно, с большой долей вероятности, являло собой, как и три сохранившиеся, когтистую лапу (рис. 2.-2-3). Утраченные на татуировке два передних завитка рога, как и в приведенных выше аналогиях, были противопоставлены остальным завиткам (рис. 2.-2-3).

Все перечисленные изображения фантастических оленей содержат перекрученный круп, рог, увенчанный стилизованными грифовыми головками, стилизованную грифовую головку на спине, морда оленя — клювовидная (рис. 1.-4-6). Единственным отличием реконструируемого изображения фантастического оленя из кургана №1 могильника Ак-Алаха-3 от привлеченных аналогий является то, что в первом случае передние и задние конечности жи-

Рис. 1. Образы животных в изобразительном искусстве пазырыкской археологической культуры: 1 — фантастический хищник из могильника Туэкта-1; 2 — фантастический хищник из кургана №2 к.г. Казыл-Джар-1V; 3 — образ фантастического хищника из могильника Новый Шарап; 4 — фантастический олень из кургана №1 могильника Ак-Алаха-3; 5 — фантастический олень из кургана №2 к.г. Пазырык; 6 — фантастический олень из кургана №2 могильника Пазырык; 7 — лошадь (кулан) из кургана №2 к.г. Пазырык; 8 — баран из кургана №2 к.г. Пазырык; 9 — баран из кургана №1 могильника Ак-Алаха-3

Fig. 1. Images of animals in the fine art of the Pazyryk archaeological culture: 1 — A fantastic predator from the Tuekta-1 burial ground; 2 — A fantastic predator from kurgan No. 2 K.G. Kazyl-Jar-1V; 3 — an image of a fantastic predator from the Novy Sharap burial ground; 4 — A fantastic deer from kurgan No. 1 of the Ak-Alakha burial ground-3; 5 — fantastic deer from kurgan No. 2 K.G. Pazyryk; 6 — fantastic deer from kurgan No. 2 K.G. Pazyryk; 7 — horse (kulan) kurgan No. 2 K.G. Pazyryk; 8 — ram from kurgan No. 2 K.G. Pazyryk; 9 — ram from kurgan No. 1 burial ground Ak-Alakha-3

вотного представлены когтистыми лапами, а во всех остальных — ногами копытного (рис. 2.-1).

Наряду с оленями, материалы пазырыкской археологической культуры содержат многочисленные образы других травоядных с перекрученным крупом (олень, лось, баран (рис. 1.-7-9)), но никогда — кошачьих хищников.

Рис. 2. Татуированное изображение из кургана №1 могильника Ак-Алаха-3 и варианты его реконструкции: 1 — оригинал; 2 — первый вариант реконструкции; 3 — второй вариант реконструкции

Fig. 2. Tattooed image from burial mound No. 1 of the Ak-Alakha-3 burial ground and its reconstruction options: 1 — the original; 2 — the first reconstruction option; 3 — the second reconstruction option

Таким образом, можно, с большой долей уверенности утверждать, что утраченный фрагмент рисунка представлял собой изображение головы оленя с клювовидной мордой (рис. 2.-3).

Поскольку в реконструированном образе животного преобладают видовые признаки оленя (рога, туловище и голова), то он, вероятнее всего, является собой образ фантастического оленя с морфологическими признаками кошачьего хищника и хищной птицы (рис. 2.-3).

Список источников

Бекетов А.В. Образы фантастических животных в мужских и женских погребальных комплексах пазырыкской археологической культуры: сходства и различия // 300-летие Российской академии наук — археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия. Новосибирск, 2023. С. 438–440.

Могильников В.А. Курганы Казыл-Джар-I–VIII — памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 3–39.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Археологические комплексы эпохи раннего железа плоскогорья Укок как источник интеграционных исследований // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск, 2003. С. 14–62.

Полосьмак Н.В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3 // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 57–85.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 335 с.

Руденко С.И. Второй пазырыкский курган. Л., 1948. 73 с.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. Л., 1952. 268 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. Л., 1953. 403 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая скифского времени. Л., 1960. 360 с.

Телегин А.Н., Дьяков Н.Р. К вопросу о гендерных сходствах и различиях в татуировках кочевников Алтая сакского времени // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год. Вып. 13. Барнаул, 2018. С. 80–83.

Информация об авторах / Information about the Authors

Александр Васильевич Бекетов, Алтайский государственный педагогический университет, Институт истории, социальных коммуникаций и права, студент; 656015, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, sasha.beketov.2004@bk.ru

Alexander V. Beketov, Altai State Pedagogical University, Institute of History, Social Communications and Law, student; 656015, Barnaul, Russia, 55 Molodezhnaya str., sasha.beketov.2004@bk.ru

Андрей Николаевич Телегин, Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, старший преподаватель; 656015, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, varvar100@yandex.ru

Andrey N. Telegin, Altai State Pedagogical University, Department of National History, Senior Lecturer; 55 Molodezhnaya str., 656015, Russia, Barnaul, varvar100@yandex.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 902.2(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.17

EDN: IMZRSU

ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МИКРОРАЙОНОВ В КАМЕНСКОМ ПРИОБЬЕ ОСЕНЬЮ 2023 ГОДА (Каменский район Алтайского края)

Роман Владимирович Белоусов

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. В публикации представлены результаты исследований Каменского отряда археологической экспедиции Алтайского государственного педагогического университета в 2023 г. Экспедиция проводила изучение археологических микрорайонов на правом берегу реки Оби в северных районах Алтайского края. Основное внимание было уделено скоплению археологических памятников вокруг реки Аллак. Описывается обнаруженный в 2023 г. курганный могильник Аллак-4, а также используются архивные материалы 30-х гг. XX в., которые ранее не были представлены в археологических публикациях. Выявленные материалы позволяют дополнить научные данные об археологических объектах на правом берегу Каменского Приобья и предполагают возможность выделения нового археологического микрорайона — в устье реки Аллак.

Ключевые слова: археологический микрорайон, археологические памятники, курганный могильник, Каменское Приобье, ранний железный век, эпоха средневековья, эпоха поздней бронзы

Для цитирования: Белоусов Р.В. Исследования археологических микрорайонов в Каменском Приобье осенью 2023 года (Каменский район Алтайского края) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 106–113. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.17

**RESEARCH INTO ARCHAEOLOGICAL MICRODISTRICTS
IN THE KAMENSKY OB REGION IN THE AUTUMN OF 2023
(Kamensky District of the Altai Territory)**

Roman V. Belousov

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The publication presents the results of the research into the Kamensky detachment of the archaeological expedition of the Altai State Pedagogical University in 2023. The expedition conducted a study of archaeological microdistricts on the right bank of the Ob River in the northern regions of the Altai Territory. The main attention was paid to the accumulation of archaeological sites around the Allak River. The Allak-4 burial mound discovered in 2023 is described, and archival materials from the 30s of the 20th century, which had not been previously investigated, are also used. The revealed materials allow us to supplement scientific data on archaeological sites on the right bank of the Kamenskoye Ob region and suggest the possibility of allocating of a new archaeological microdistrict at the mouth of the Allak River.

Keywords: archaeological microdistrict, archaeological sites, burial mound, Kamenskoye Ob, early Iron Age, the Middle Ages, the Late Bronze Age

For citation: Belousov R.V. Research into Archaeological Microdistricts in the Kamensky Ob Region in the Autumn of 2023 (Kamensky district of the Altai Territory). *Sohranenie i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:106–113. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.17

Осенью 2023 г. Каменский отряд археологической экспедиции Алтайского государственного педагогического университета (далее — АлтГПУ) проводил археологические исследования в Каменском Приобье — на участке Верхней Оби, расположенном на севере Алтайского края и на юге Новосибирской области. Работы проводились в Каменском и Крутихинском районах Алтайского края. Целью исследования был осмотр известных памятников археологии, уточнение данных об их местонахождении и состоянии. В ходе работ осмотрены археологические памятники на правобережье реки Оби, в промежутке между с. Аллак и с. Малетино (Белоусов, 2023, с. 100–110).

На вышеописанном участке правобережья Каменского Приобья выявлено около 30 объектов археологического наследия, большинство из которых открыты Алексеем Павловичем Уманским в хронологическом промежутке 1960–1980-х гг. (Уманский, 1972а, б; Грязнов и др., 1973; Уманский, Брусник, 1982; Уманский, 1987; Уманский, Бородаев, 1991; Уманский, Телегин, 1995; Уманский, 1995; 2001).

На правобережье Каменского Приобья в настоящее время известно несколько археологических микрорайонов, два из которых имеют правовой статус «комплекса памятников» или «ансамбля». Это археологический микрорайон в урочище Раздумье (ансамбль: «Комплекс памятников», II тыс. до н.э. — II тыс. н.э., IV–II вв. до н.э., III–I вв. до н.э., состоящий из «Курганной группы “Раздумье-VI”»; «Могильника “Раздумье-2”»; «Курганной группы

“Раздумье-IV”»; «Могильника “Раздумье-16”») и археологический микрорайон у с. Соколово (Белоусов, 2022а, б).

Учитывая признаки, которые весьма подробно изложены в специальной литературе для выделения археологических микрорайонов, к имеющимся двум выделенным микрорайонам на правом берегу Каменского Приобья (АМР Раздумье; АМР Соколово) можно добавить как минимум еще два археологических микрорайона — Аллакский и Дресвянский (рис. 1) (Большаник, Жук, Матющенко, 2001, с. 20–40; Бородовский, 1998; Тишкин, Серегин, Матренин, 2016, с. 3–6, 78–83; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2020, с. 3–56; Белоусов, 2023).

Аллакский археологический микрорайон располагается в устьевой зоне р. Аллак при впадении ее в р. Обь. В данной местности терраса р. Обь приобрела вид мыса, ограниченного с севера и запада течением р. Аллак, а с юга — системой поймы р. Обь. На этом мысе находятся выявленные объекты археологии: городище Аллак-1, поселение Аллак-2 и поселение Аллак-3 (Шамшин, 1993; Памятники истории и культуры..., 1990, с. 37–38; Шамшин и др., 1999; Белоусов, 2001, с. 150–153).

В августе 2023 г. Каменским отрядом археологической экспедиции АлтГПУ при движении от с. Аллак к станции Плотинной был осмотрен одиночный курган. Курганный могильник расположен в 2,5 км на запад-юго-запад от кладбища с. Аллак и в 1 км к восток-северо-востоку от мачты ЛЭП через р. Обь, в 80 м к северу от кромки террасы р. Оби, высотой до 15 м, вблизи грунтовой дороги из с. Аллак на станцию Плотинная. Насыпь кургана до 16 м в диаметре, высотой до 0,7 м. Поверхность хорошо задернована, на кургане растут сосны (рис. 2; 3). Работы 2023 г. не выявили каких-то ярких культурно-хронологических черт могильника, поэтому памятник можно датировать в широких пределах ранним железным веком — эпохой средневековья.

В вышедшем в 1990 г. сборнике «Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая», являющемся до настоящего времени наиболее полным сводом археологических объектов в северных районах Алтайского края, не имеется сведений о нахождении курганных могильников по правобережью р. Оби от границ Новосибирской области до с. Дресвянка (Памятники истории и культуры..., 1990, с. 37–38; Грязнов и др., 1973). Нет таких данных и в материалах по картографированию объектов археологического наследия, проведенного в Каменском районе в 1990–1994 гг. (НОА. ИА. РАН. Ф-1. Р-1. №922. Л. 27; Уманский, Телегин, 1995; Матющенко, 2003; Бородаев, Рудометов, 1991; Белоусов, 2023).

При работе в Каменском районном архиве (Комитет по делам архивов администрации Каменского района) с фондами Каменского краеведческого музея (фонд №294Г) выявлены сведения об изучении в указанной местности курганных групп в 20–30-х гг. XX в. В частности, обнаружено письмо директора Каменского музея «т.[оварища] Якубского» (полное имя и отчество обнаружить не удалось), датированное весной 1935 г. (март — апрель) заведующему Аллакской школы (КДААКР. Ф. 294Г. Оп. 1. Д. 18. Л. 40). В нем «т. Якубский» сообщает о намерении сотрудников музея летом 1935 г. осуще-

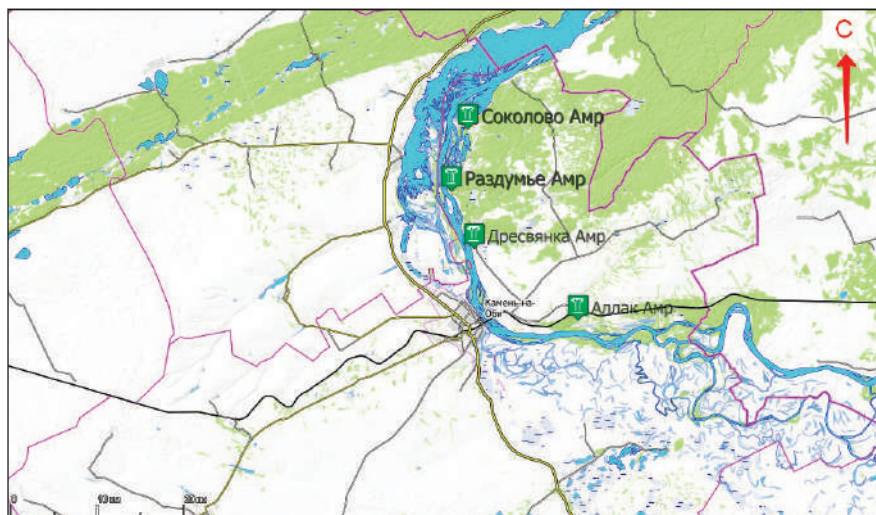

Рис. 1. Фрагмент карты края и Новосибирской области с обозначением археологических микрорайонов на правом берегу Приобья

Fig. 1. A fragment of the map of the Altai Territory and the Novosibirsk region with the designation of archaeological microdistricts on the right bank of the Kamenskoye Ob District

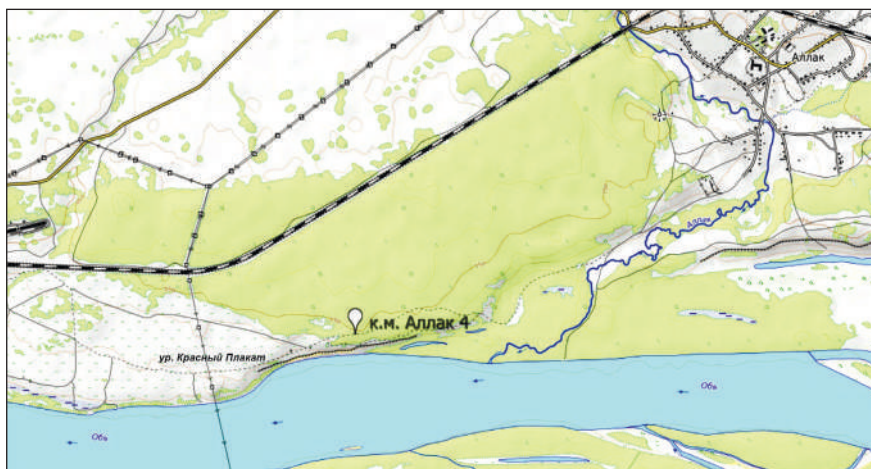

Рис. 2. Фрагмент карты правобережья Каменского района Алтайского края с местонахождением курганного могильника Аллак-4

Fig. 2. A fragment of the map of the right bank of the Kamensky district of the Altai Territory with the location of the burial mound Allak 4

Рис. 3. Вид кургана с севера. Съемка Р.В. Белоусова
Fig. 3. View of the mound. View from the north. Shooting of R. V. Belousov

свить раскопки курганов и в связи с предстоящими работами просит предоставить «в срок до 15 мая 1935 года» данные об археологических объектах, расположенных в селе и вблизи него. Музейный работник указывает, что «по сведениям, имеющимся в Каменском музее, вблизи с. Аллак имеется 10 курганов, которые расположены на Аллакской земле, занятой под Плакатскую поскотину» (КДААКР. Ф. 294Г. Оп. 1. Д. 18. Л. 40).

При этом необходимо подчеркнуть, что «г. Якубский» говорит о «сведениях, имеющихся в Каменском музее», не называя их источник. По данным того же фонда выявлено, что широкомасштабные археологические работы в этом районе проводил П.И. Юхневич в 1922–1934 гг., в том числе на средства Общества изучения Сибири, находясь в весьма активной переписке и встречаясь лично с Н.К. Ауэрбахом (Бородовский, Белоусов, 2005, с. 29–32). В архивных материалах отложились данные о том, что в январе — марте 1932 г. П.И. Юхневич готовит «Печатный отчет об археологических исследованиях 1929–1930 гг.», и «пересъемку топографических карточек по археологии» (КДААКР. Ф. 294Г. Оп. 2. Д. 25. Л. 22–24). После ухода П.И. Юхневича с поста директора Каменского народного музея часть его фонда, по-видимому, осталась в музее, и именно эти данные легли в основу запроса «т. Якубского» весной 1935 г.

В указанном письме директору Аллакской школы «т. Якубский» упоминает еще об одном археологическом объекте в устье р. Аллак: «Кроме того при слиянии р. Аллак с р. Обью находится стоянка древнего человека, относящаяся, по всей вероятности, к ново-каменному веку» (КДААКР. Ф. 294Г. Оп. 1. Д. 18. Л. 40). В устье р. Аллак со 2-й половины XX в. различные исследователи изучали ряд археологических объектов, в том числе поселение позднебронзовой эпохи Аллак-III (НОА. ИА. РАН. Ф-1. Р-1. №922. Л. 24; Шамшин, 1993; Папин, Шамшин, 2001; Федорук, 2010, с. 2–30). Именно оно с большой долей вероятности и упоминается в письме «т. Якубского» директору Аллакской школы.

В письме «т. Якубского» фигурирует «Плакатская поскотина», под которой может подразумеваться территория возле деревни Красный Плакат, использовавшаяся для выпаса скота. Выявленное курганное сооружение располагается в 1 км к востоку от урочища Красный Плакат, где ранее была деревня, на границе соснового бора. По нашему мнению, местонахождение обнаруженного некрополя вполне подходит под описание «Плакатской поскотины», упомянутой в рассматриваемом источнике.

Учитывая архивные материалы, напрямую связывающие курганные могильники вблизи бывшего поселка Красный Плакат с селом Аллак, мы посчитали уместным дать вновь обнаруженному осенью 2023 г. курганному могильнику наименование — курганный могильник Аллак-4.

Список источников

Белусов Р.В. Археологическая разведка в Каменском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 150–153.

Белусов Р.В. Некоторые результаты мероприятий по государственному надзору на объектах археологического наследия Алтайского края в 2021 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022а. Вып. XXVIII. С. 13–20.

Белусов Р.В. Некоторые результаты изучения археологических памятников в Каменском Приобье в 2021–2022 годах // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2022 г. Вып. 17. Барнаул, 2022б. С. 56–61.

Белусов Р.В. Некоторые результаты археологических работ осенью 2023 г. в Каменском Приобье (Алтайский край) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2023 г. Вып. 18. Барнаул, 2023. С. 100–110.

Большаник П.В., Жук А.В., Матющенко В.И. Нижнетарский археологический микрорайон. Новосибирск, 2001. 256 с.

Бородаев В.Б., Рудометов П.Л. Некоторые итоги обследования памятников обского Правобережья в Каменском районе // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 30–33.

Бородовский А.П. Корреляция расположения участка старого Московского тракта в верховьях р. Чаус с локализацией археологических микрорайонов // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1998. С. 10–14.

Бородовский А.П., Белусов Р.В. П.И. Юхневич и формирование основ охраны историко-культурного наследия Верхнеобского региона // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIV. Барнаул, 2005. С. 29–32.

Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири: научные труды. Новосибирск, 1973. С. 3–45.

Кириунин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П. Тывтескенский археологический микрорайон Северного Алтая: культурно-хронологические комплексы поздней древности и раннего средневековья. Барнаул, 2020. 296 с.

Комитет по делам архивов администрации Каменского района. Ф. 294Г. Оп. 1. Д. 18 «Материалы по краеведческой и массовой политико-просветительской работе». Л. 40.

Комитет по делам архивов администрации Каменского района. Ф. 294Г. Оп. 1. Д. 22 «План работы директора музея на февраль-март 1932 года». Л. 22–24.

Матющенко В.И. Исследование Дресвянского могильника в 1975 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул, 2003. С. 94–99.

Научно-отраслевой архив института археологии Российской академии наук. Ф-1. Р-1. №922 «Комарова М.Н. Отчет Каменского отряда Новосибирской экспедиции об археологическом обследовании в 1953 г. зоны затопления Каменской ГЭС». 41 л.

Памятники истории и культуры Северо-западного Алтая: методические материалы к обсуждению макета свода памятников. Барнаул, 1990. 131 с.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселение Аллак-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 122–126.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Матренин С.С. Уркошский археологический микрорайон (Центральный Алтай). Барнаул, 2016. 208 с.

Уманский А.П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ — «кокуев» // Вопросы археологии Сибири: научные труды. Новосибирск, 1972а. С. 47–59.

Уманский А.П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972б. С. 22–26.

Уманский А.П. Археологические памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 81–99.

Уманский А.П. Курган раннежелезного века из урочища Раздумье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 110–118.

Уманский А.П. Аварийные раскопки в урочище Раздумье в 1965–1966 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 104–113.

Уманский А.П., Бородаев В.Б. Погребение раннескифского времени близ села Красный Плакат // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. 1991. С. 36–39.

Уманский А.П., Брусник Н.Д. Соколовские курганы // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 187–202.

Уманский А.П., Телегин А.Н. Два кургана раннего железного века близ села Дресвянка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 119–123.

Федорук А.С. Отчет об аварийных раскопках поселения Аллак-III в Каменском районе Алтайского края в сентябре 2008 года. Барнаул, 2010. 176 с.

Шамшин А.Б. Аллак-III — поселение эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу на реки Оби // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1993. С. 39–43.

Шамшин А.Б., Авраменко В.И., Дуда Я.В., Цивцина О.А. Мониторинг состояния некоторых археологических памятников в окрестностях города Камня-на-Оби // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул, 1999. С. 85–90.

Информация об авторе / Information about the Author

Роман Владимирович Белоусов, Алтайский государственный педагогический университет, лаборатория исторического краеведения, ведущий специалист по научно-методической работе; 656015, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная 55, <https://orcid.org/0000-0002-5779-0176>, rombelousov@yandex.ru

Roman V. Belousov, Altai State Pedagogical University, Laboratory of Historical Local Lore, Leading Specialist in Scientific and Methodological Work; 656015, Barnaul, 55 Molodezhnaya str., Russia, <https://orcid.org/0000-0002-5779-0176>, rombelousov@yandex.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 903.27(575.2)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.18

EDN: ITUTYF

ГРАФИЧЕСКИЕ ПРОРИСОВКИ ЦИФРОВЫХ МОДЕЛЕЙ ОБЪЕМНЫХ СКУЛЬПТУР ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ (по материалам Кыргызстана)

**Сергей Юрьевич Бондаренко¹, Алексей Алексеевич Тишкин¹,
Кубатбек Шакиевич Табалдиев²**

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан

Резюме. В настоящее время идет активное использование цифровых технологий в ходе археологических исследований. Уже накоплен определенный опыт получения цифровых копий древних каменных изваяний, которые демонстрируются в виде 3D-моделей, а рендеры различного плана публикуются. Апробируются алгоритмы получения графических прорисовок выбитых изображений. Однако существует необходимость аналогичной фиксации объемных каменных скульптур. В данной публикации описаны различные способы выделения выбитых форм на каменных поверхностях и рассмотрен разработанный способ формирования графического рисунка, в том числе на объемных объектах. Такой алгоритм основан на технологии машинного обучения и демонстрируется на примере двух изваяний тюркского времени, находящихся в музейных комплексах Кыргызстана.

Ключевые слова: Кыргызстан, каменное изваяние, тюркское время, фотограмметрия, 3D-модель, графический рисунок

Благодарности: работа выполнена в рамках реализации госзадания Алтайского государственного университета по проекту «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1.БН66АА04000).

Для цитирования: Бондаренко С.Ю., Тишкин А.А., Табалдиев К.Ш. Графические прорисовки цифровых моделей объемных скульптур тюркского времени (по материалам Кыргызстана) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 113–123. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.18

GRAPHIC DRAWINGS OF DIGITAL MODELS OF THREE-DIMENSIONAL SCULPTURES OF THE TURKIC PERIOD (Based on Materials from Kyrgyzstan)

Sergey Yu. Bondarenko¹, Alexey A. Tishkin¹, Kubatbek Sh. Tabaldiev²

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Kyrgyz-Turkish University “Manas”, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. Currently, there is an active use of digital technologies in archaeological research. A lot of experience has already been gained in obtaining digital copies of ancient stone sculptures, which are demonstrated in the form of 3D-models, and renderings of various plans are published. Algorithms for obtaining graphical renderings of embossed images are being tested. However, there is a need for similar fixation of three-dimensional stone sculptures. This publication describes various ways of highlighting embossed shapes on stone surfaces and considers the developed method of forming a graphic pattern, including on three-dimensional objects. This algorithm is based on machine learning technology and is demonstrated by the example of two statues of the Turkic period located in museum complexes in Kyrgyzstan.

Keywords: Kyrgyzstan, stone sculpture, Turkic time, photogrammetry, 3D-model, graphic drawing

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the implementation of the state task of the Altai State University on the project “The Turkic World of the “Bolshoy Altai”: Unity and Diversity in History and Modernity” (registration number 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

For citation: Bondarenko S.Yu., Tishkin A.A., Tabaldiev K.Sh. Graphic Drawings of Digital Models of Three-Dimensional Sculptures of the Turkic Period (Based on Materials from Kyrgyzstan). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:113–123. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.18

В последнее десятилетие фотограмметрия стала важным инструментом для исследователей, поскольку она обеспечивает возможность точного документирования и анализа различных объектов и артефактов. Эта технология произвела своеобразную революцию, существенно расширив возможности для более полного изучения археологических источников. Одним из основных применений фотограмметрии является фиксирование памятников или артефактов. Традиционные методы документирования (обычное фотографирование, планы, чертежи и эскизы) являются субъективными и к тому же могут быть неточными. С помощью фотограмметрии создаются цифровые копии в виде детализированных 3D-моделей высокой степени достоверности. Эти модели обеспечивают неизменность данных при длительном хранении и могут использоваться как источник информации в течение многих последующих лет. Фотограмметрия играет важную роль в анализе археологических источников. Созданные 3D-модели могут быть использованы для проведения измерений и изучения формы любого объекта, а также для выявления закономерностей и взаимосвязей между его различными элементами

и др. Такая информация имеет решающее значение для понимания контекста и для формулировки обоснованных заключений.

Фотограмметрия, несомненно, является ценным инструментом для археологии. Созданные с ее помощью цифровые копии, обладая высочайшей точностью соответствия, кроме вышеуказанных и других способов применения, позволяют разрабатывать новые подходы и методы исследований. В данной статье рассмотрим возможности автоматизированного анализа формы каменного изваяния и выделения на его поверхности выпуклых и вогнутых изображений. Определение границы между нетронутой частью камня и рельефом, созданным человеком, в том числе микро топографическим, является довольно сложной задачей. Известно несколько алгоритмов косвенного решения подобной задачи, разработанных еще при начальных опытах цифрового картографирования (Bennett et al., 2012). Они показали, что, используя большинство доступных методов, можно добиться определенных результатов, которые связаны только с увеличением степени видимости такой границы человеческим глазом. Данные методы визуализации «гомогенизируют» особенности рельефа и позволяют четко отличать их от окружающего пространства. Наиболее известными и основными среди них являются коэффициент обзора неба sky-view factor (SVF) (Kokalj, Zakšek, Oštir, 2013) и локальная модель рельефа local relief model (LRM). Но логика их работы имеет недостатки, заключающиеся в том, что SVF очерчивает в основном вогнутые элементы поверхности, в то время как LRM в некоторых ситуациях вообще не обеспечивает корректного очертания зоны изменений. Подобные ограничения создают необходимость разработки узкоспециализированных методов.

Хороших результатов при выявлении и фиксации выбивок на камнях достигли сотрудники Лаборатории RSSDA (г. Москва; <https://rssda.su/>). Применение ими методов «негативной» и «позитивной» (с обращенными нормальными) полигональной трехмерной модели эстампажей (Свойский, Романенко, Миклашевич, 2018) с последующим построением карты высот (Свойский и др., 2019) и методов компьютерной визуализации может иметь широкий диапазон использования. Применение относительно стандартных способов демонстрации поверхности модели с присвоением условного цвета или с искусственными тенями, формируемыми путем перемещения виртуального источника освещения (Авдеев, Свойский, 2019), тоже неплохо увеличивает видимость изображений. Помещая цифровую модель в искусственную окружающую среду и изменяя там направление освещения, можно рассмотреть детали, видимые только в определенных комбинациях угла падения света и угла зрения. Такого добиться на реальном объекте в полевых условиях сложно. Указанная методика, в совокупности с применением карт высот была успешно апробирована на «оленных» камнях (Тишкин и др., 2020). Использовался и другой способ выделения, названный методом «обработки алгоритмом интегральной фильтрации» (Свойский, Леванова, Романенко, 2021).

Вышеперечисленные и другие разработки позволяют получить новые данные об объектах исследований. Они существенно повышают степень детализации и сохраняют цифровую копию для дальнейшего изучения. Однако описанные методы направлены в основном на увеличение видимости, но не способны самостоятельно отделить сделанные искусственно изменения от основной незатронутой поверхности. На основе идей, заложенных в известных технологиях, обозначилась необходимость выполнить задачу создания алгоритма автоматизированной прорисовки изображений, имеющихся на каменных изваяниях. Основное требование для разработки метода заключалось в том, чтобы не предусматривалась ручная прорисовка контуров, которая является трудоемкой и субъективно-неоднозначной деятельностью, требующей большого опыта и определенных навыков. Актуальность разработки автоматического алгоритма обусловлена не только тем, что его использование позволяет исследователю существенно сократить время, но и дает возможность более точно и корректно интерпретировать полученные данные, а также служить инструментом разрешения споров. При этом объект должен сохранить трехмерную структуру для его всестороннего изучения с возможностью вращения, приближения и получения визуализации разных видов, множества ракурсов и деталей. Применение метода должно относиться ко всей модели и к отдельным ее частям, содержащим необходимую для исследования информацию.

Разработка необходимой методики выделения выбитых форм осуществлялась с использованием алгоритмов машинного обучения, способных выполнить две взаимосвязанные задачи: распознавать зону выбивки и присваивать цвета (темные для полигонов в зоне выбивки и светлые для фоновой поверхности). Данные задачи являются в какой-то мере вероятностными, поэтому компьютерная программа способна в случае неявного отнесения пиксела выделять его 50-процентным серым цветом для принятия решения самим исследователем, концентрируя его внимание на данном участке поверхности. Алгоритм сам анализирует данные, классифицирует, фильтрует и преобразует их. Затем извлекается нужная информация, происходит обратное преобразование и принятие решений.

Машинное обучение представляет собой важную область IT-технологий, ориентированную на создание систем, которые способны работать с нечеткими данными. Количество алгоритмов обучения увеличивается с каждым годом. Для распознавания зон нами использовался известный принцип логистической регрессии (Logistic Regression). Он применим для решения задач двоичной классификации, с помощью которой можно оценить, к какой категории (элемент или фон), принадлежит конкретная точка поверхности. Эффективность логистической регрессионной модели оценивалась матрицей ошибок. Однако такой способ выдает только бинарные ответы «да — нет», поэтому часть информации может быть утеряна или возникает вероятность генерирования ложных показателей. Поэтому дополнительно использовался алгоритм k-ближайших соседей (K-Nearest Neighbors), способный помочь

решить задачу классификации созданием еще одной пограничной категории. Указанная комбинация методов при контроле и правках исследователями показала неплохие результаты (Тишкин, Бондаренко, Тишкин мл., 2023; Тишкин, Табалдиев, Бондаренко, 2023), существенно ускорив работу и позволяя относительно быстро увидеть общую картину изображений на поверхности каменного изваяния. Несмотря на то что алгоритмы были направлены на определение именно выбивок, т.е. на определение наличия впадин на основной поверхности, они хорошо себя показали и при выделении объемных многоуровневых поверхностей (Тишкин, Бондаренко, 2023). В целом такая ситуация, с учетом многообразия форм каменных изваяний, на которых проводилось тестирование алгоритмов машинного обучения, не является неожиданной. Для машинной логики любое отклонение формы под углом, превышающим базовый на расчетном участке, является признаком определения, и алгоритм пометит данный участок светлым или темным цветом в зависимости от степени и знака изменения формы.

Продемонстрируем результаты экспериментального тестирования разработанного алгоритма на двух объемных каменных скульптурах тюркского времени из Кыргызстана. При этом не планируется культурно-хронологическая и другая идентификация этих раннесредневековых статуй. Главная цель — всесторонне продемонстрировать их графические прорисовки, полученные на основе сформированных цифровых копий, для дальнейшей научной интерпретации.

Первое изваяние находится в стеларии под открытым небом на территории хорошо известного Археолого-архитектурного комплекса «Башня Бурана» (Чуйский район, Чуйская область, Кыргызская Республика). Скульптуры туда в основном были привезены из Чуйской долины. Для создания цифровой копии (рис. 1) было сделано 550 снимков данного изваяния. Фотограмметрия производилась фотоаппаратом Sony ILCE-7RM2 с объективом 55 mm и кольцевой вспышкой. На основе обработанных данных получена 3D-модель «оленного» камня, которая содержит более 200 млн полигонов на общую площадь поверхности около 600 тыс. кв. мм.

Выбивка на изваянии глубокая и четкая, поэтому алгоритм машинного обучения смог точно определить различия в геометрии и построить соответствующие виды, а также присвоить цвета полигонам на 3D-модели объекта (рис. 2). Все углубления более темные, выпуклости светлые, фон серый.

Изваяние вкопано в землю. Видимые габариты его такие: высота 65 см, ширина 39,5 см и толщина 23,5 см. Скульптура имеет в сечении овальную форму и полукруглую верхнюю часть (рис. 1.-1; 2.-1). На лицевой поверхности (рис. 1.-2; 2.-2) выбита часть человеческой фигуры. Ее видимая высота составляет 58 см (от нижней до верхней точки). Максимальная ширина 33 см. Голова (размерами 33×31 см) отделена от туловища выемкой-желобком шириной 1,6–1,8 см. Низ подбородка выпуклый за счет углубления фона вокруг него. Глаза миндалевидной формы немного опущены к переносице. От крыльев носа в стороны расходятся выемки, обозначающие усы. Выпуклой

Рис. 1. Рендеры ортогональных видов скульптуры с подсветкой контуров
 Fig. 1. Rendering of orthogonal sculpture views with contour illumination

Рис. 2. Прорисовка формы (чем светлее цвет, тем выпуклее точка, и наоборот)
 Fig. 2. Drawing shapes (the lighter the color, the more convex the dot and vice versa)

формой показаны дугообразные брови. Рот небольшой, оконтурен слаборе-
льефными выпуклыми губами. На обоих ушах (размерами 6,5×3 см) имеются
характерные серьги (рис. 1.-2; 2.-1, 2, 3, 5). На шее расположен ромбовидный
кулон размерами 6,5×5 см. Ниже обозначен вырез ворота и хорошо видны
контурные выбивки, обозначающие одежду (рис. 2.-2). В правой согнутой руке
человек держит сосуд в виде кубка (размерами 9,5×9,5 см), а левая рука с от-
ставленным большим пальцем расположена в районе пояса. Судя по всему,
одежда имеет рукава, так как на выбивке выше запястий видно характерное
расширение (рис. 1.-2; 2.-2). На задней стороне изображения отсутствуют
(рис. 1.-4; 2.-4). Отметим только наличие выемки естественного происхожде-
ния в верхней части изваяния (рис. 1.-1, 4, 5; 2.-1, 4, 5).

Вторая скульптура (рис. 3 и 4) находится в музее Центра кочевой цивили-
зации им. Курманжан Датки Министерства культуры, информации и ту-
ризма Кыргызской Республики (с. Чон-Сары-Ой, Иссык-Кульский район,
Иссык-Кульская область). Она помещена в ящик, сделанный из ламиниро-
ванных древесно-стружечных плит, наполненный песком и крупными куска-
ми камня, которыми изваяние тюркского времени закреплено в вертикаль-
ном положении. Из-за этого фотограмметрию нижней части (около 15 см)
выполнить не удалось. Для документирования основной части было сделано
550 фотоснимков тем же фотооборудованием. В результате была получена
высокополигональная модель, состоящая из около 150 млн полигонов на
480 тыс. кв. мм поверхности.

Отснятая часть скульптуры имеет такие размеры: высота 59 см, ширина
30 см, толщина 27 см. Это изваяние сделано очень качественно и имеет хо-
рошую сохранность. Поэтому выделение и прорисовка выступающих частей
и впадин у него стала простой задачей анализа геометрии (рис. 4).

Голова изображенного человека сверху выглядит куполообразной
(рис. 3.-1; 4.-1). Внизу на лицевой стороне она отделена наклонно выбитой
выемкой шириной 2–3 см (рис. 1.-2–4, 8, 9; 2.-2–4, 8, 9), которая, возможно,
имитирует ворот одежды. Сзади этот желобок расположен горизонтально
(рис. 1.-5–7; 2.-5–7). Глаза выпуклые, сферические, миндалевидной формы
(размерами 7,7×2,5 см). Нос прямой, длиной 10,5 см. Сверху он переходит
в волнообразные брови с общим разлетом в 24 см (толщиной около 1 см).
Внизу у носа виден губной желобок, упирающийся в усы, которые имеют об-
щую длину около 25 см (толщина в среднем около 1 см). Рот сформирован
верхней линией усов и отстоящей нижней губой. Его длина 6 см, ширина 3 см.
Внизу ото рта очерчена зона, которая больше похожа на аккуратно оформ-
ленную бороду (рис. 1.-2, 3, 9; 2.-2, 3, 9).

Под подбородком находится, вероятнее всего, изображение кубка вы-
сотой 8 см (шириной верху 7,5 см и внизу 2 см), разделенное полосой на рас-
стоянии 2 см от низа. Двумя параллельными полосами выбит пояс шириной
5–6 см (рис. 1.-2–9; 2.-2–9). На лицевой стороне изваяния верхняя полоса те-
рется в поверхностной точечной выбивке, которая покрывает часть извая-
ния и на прорисовке выделена более темным цветом (рис. 1.-2; 2.-2). На левом

Рис. 3. Рендеры цифровой копии объемной скульптуры
 Fig. 3. Renderings of a digital copy of a three-dimensional sculpture

боку изваяния имеются выбитые изображения, которые трудно идентифицировать (рис. 1.-7, 8; 2.-7, 8).

Таким образом, разработанная и экспериментально апробируемая технология позволила получить представленные результаты. Она постоян-

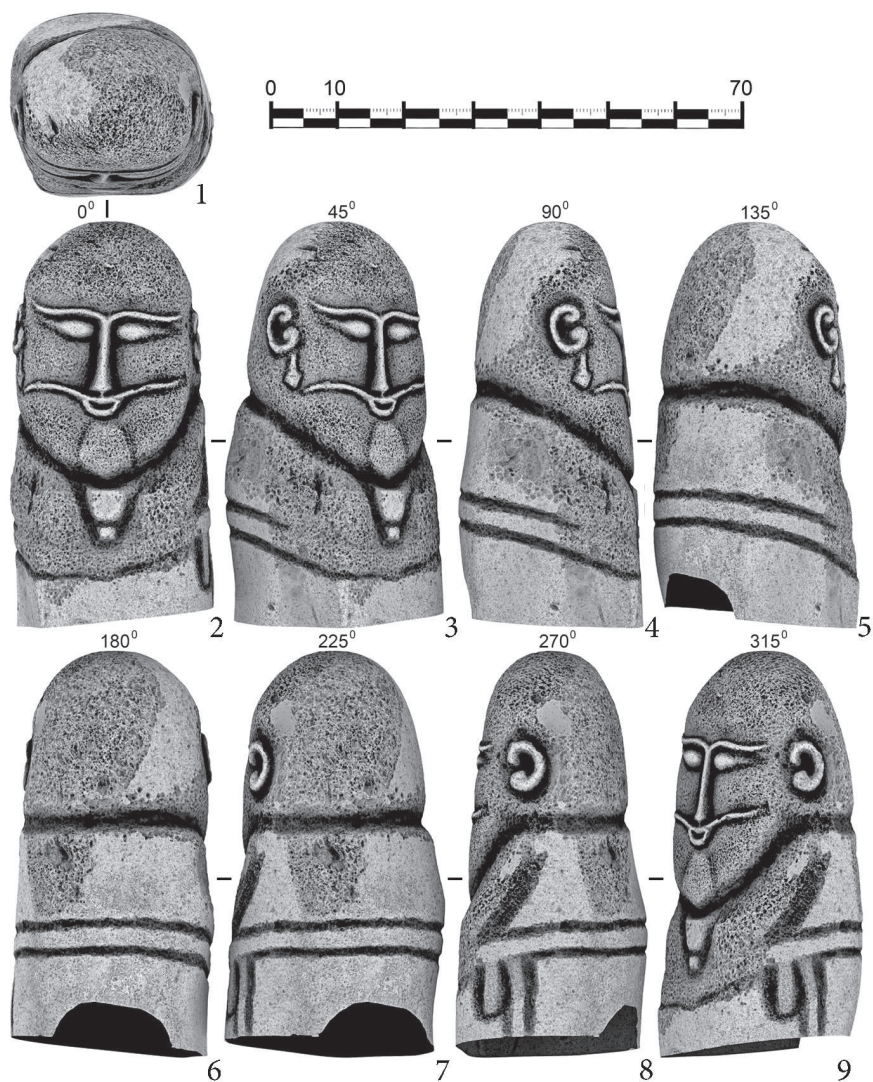

Рис. 4. Прорисовка элементов формы скульптуры
 Fig. 4. Drawing the elements of the sculpture's shape

но развивается. Применяемые алгоритмы, логика подхода и поиска решений претерпевают изменения, рассматриваются более качественные и стабильные варианты. Такая работа трудоемкая и требует много времени, но она позволяет помочь ускорить рутинный процесс, дать инструменты для

детального изучения каменных изваяний, сконцентрировать внимание на определенной зоне, представить визуализацию в удобном и понятном виде. Но, конечно, искусственный интеллект не может заменить специалиста, способного оценить полученные результаты. Главное на данном этапе — наладить эффективное сочетание имеющихся возможностей.

Список источников

Авдеев А.Г., Свойский Ю.М. Методы документирования эпиграфических памятников Московской Руси в рамках свода русских надписей (CIR) // Вопросы эпиграфики. Вып. 10. М., 2019. С. 229–260.

Свойский Ю.М., Леванова Е.С., Романенко Е.В. В поисках шереметьевских петроглифов: комплексный подход к документированию скальных поверхностей // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. №2(72). С. 262–274.

Свойский Ю.М., Леванова Е.С., Романенко Е.В., Конакова Е.С. Исследование моделей эстампажей амурских петроглифов из коллекции МАЭ РАН // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. №2 (64). С. 279–298.

Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Миклашевич Е.А. Опыт создания цифровых образов эстампажей енисейских петроглифов методом трехмерного моделирования // Camera praehistorica. 2018. №1. С. 106–116.

Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю. «Оленные» камни, использованные тюрками: новый взгляд на сохранившиеся изображения (по материалам Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 239–247.

Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю., Тишкин Ал.Ал. «Оленный» камень из Тувы: современные возможности получения графических рисунков // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул, 2023. С. 275–281.

Тишкин А.А., Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Зиганшина А.А., Идэрхангай Т.-О. Новые результаты документирования «оленных» камней у поселка Баян зурх (Монгольский Алтай) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Т. III. Самара, 2020. С. 103–105.

Тишкин А.А., Табалдиев К.Ш., Бондаренко С.Ю. Использование цифровых технологий при документировании «оленных» камней в Кыргызстане // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул, 2023. С. 281–286.

Bennett R., Welham K., Hill R.A., Ford A. A comparison of visualization techniques for models created from airborne laser scanned data // Archaeol. Prospect. 2012. No 19. Pp. 41–48.

Kokalj Ž., Zakšek K., Oštir K. Visualizations of Lidar Derived Relief Models. In Interpreting Archaeological Topography: Airborne Laser Scanning, 3D Data and Ground Observation; Opitz R.S., Cowley D., Eds.: Oxbow Books: Oxford, UK, 2013. Vol. 5. Pp. 100–114.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сергей Юрьевич Бондаренко, Алтайский государственный университет, Отдел сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат технических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>, bonsu@yandex.ru

Sergey Yu. Bondarenko, Altai State University, Department of Support of Research and Development Works, Research Officer; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; [https:// orcid.org/0000-0003-4295-4120](https://orcid.org/0000-0003-4295-4120), bonsu@yandex.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of Historical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Кубатбек Шакиевич Табалдиев, Кыргызско-Турецкий университет «Манас», отделение истории, профессор; 720044, Кыргызстан, г. Бишкек, пр. Мира, 56, доктор исторических наук, доцент, kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

Kubatbek Sh. Tabaldiev, Kyrgyz-Turkish University “Manas”, Department of History, Professor; 720044, Kyrgyzstan, Bishkek, Mira Ave., 56, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 902:392(571.151)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.19

EDN: IVQCDK

ПРЕДМЕТЫ С ДЕКОРОМ ИЗ СИМВОЛОВ И МОТИВОВ БУДДИЙСКОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ СРЕДИ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА СЕВЕРЕ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Андрей Павлович Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. Статья посвящена характеристике предметов средневековой торевтики с орнаментом из символов и мотивов в буддийской изобразительной традиции среди случайных находок на севере Верхнего Приобья. Среди таких изображений — «пылающая жемчужина» (*чинтамани*), «узел бесконечности». Изделия с таким декором в основном характерны для Хакасии. На территории севера Верхнего Приобья находки этих изделий пока единичны и встречаются вне закрытых археологических комплексов. Впервые на указанной территории изделия с признаками наличия буддийской изобразительной традиции относятся к рубежу I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. Возможно, такая хронологическая дискретность и единичность находок отражает региональные особенности распространения элементов декора, связанных с буддийской традицией, обусловленных территориальными особенностями культурных связей севера Верхнего Приобья.

Ключевые слова: артефакты, изобразительная традиция, буддизм, «пылающая жемчужина», «цветущая смква», «узел бесконечности», Верхнее Приобье

Благодарности: статья подготовлена в рамках реализации проекта Государственного задания НИР: ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи российского государства».

Для цитирования: Бородовский А.П. Предметы с декором из символов и мотивов буддийской изобразительной традиции среди случайных находок эпохи средневековья на севере Верхнего Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 123–128. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.19

OBJECTS DECORATED WITH SYMBOLS AND MOTIFS OF THE BUDDHIST PICTORIAL TRADITION AMONG THE RANDOM FINDS OF THE MIDDLE AGES IN THE NORTH OF THE UPPER OB REGION

Andrey P. Borodovskiy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the characteristics of the objects of medieval toreutics with an ornament of symbols and motifs in the Buddhist pictorial tradition among random finds in the north of the Upper Ob region. Among such images are “flaming pearl”, “infinity knot”. The products with such decor are mainly characteristic of Khakassia. On the territory of the north of the Upper Ob region, the finds of these products are still isolated and are found outside closed archaeological complexes. For the first time in this territory, products with signs of the presence of a Buddhist pictorial tradition belong to the turn of the 1st thousand BC — 1st thousand AD. Perhaps such chronological discreteness and uniqueness of finds reflect the regional peculiarities of the distribution of decorative elements associated with the Buddhist tradition, due to the territorial features of cultural ties of the north of the Upper Ob region.

Keywords: artifacts, pictorial tradition, Buddhism, “flaming pearl”, “blooming fig”, “infinity knot”, Upper Ob

Acknowledgements: the article was prepared as part of the implementation of the project of the State task of the Research Institute: IAET SB RAS FWZG-2022-0005 “Research of Archaeological and Ethnographic Monuments in Siberia of the Era of the Russian State”.

For citation: Borodovskiy A.P. Objects Decorated with Symbols and Motifs of the Buddhist Pictorial Tradition among the Random Finds of the Middle Ages in the North of the Upper Ob Region. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:123–128. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.19

Проникновение инокультурных влияний в предметном комплексе представлено не только в виде импорта вещей, но и элементов декора, связанного с определенной традицией, включая религиозные представления. На рубеже I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. в Центральной Азии и ее сопредельных регионах (включая юг Западной Сибири) в материальной культуре начинают достаточно широко распространяться признаки буддизма. Среди них было изображение нимба и точки на лбу («бинди») в импортной антропоморфной пластике. Последний элемент представлен на бронзовой объемной статуэтке «танцора», случайно обнаруженной в районе традиционной переправы через р. Обь (у с. Старо-Кривошеково) на территории современного г. Новосибирска (Бородовский, 2021). Следует подчеркнуть, что этот изобразительный элемент коррелирует с целым рядом деталей верхней одежды индийского происхождения. Среди них — пояс «лунги», и фестоны на плечевой одежде (Гусева, 1982, с. 33). Иконографический и материаловедческий анализ антро-

поморфной фигурки из г. Новосибирска позволяет отнести ее к рубежу эр. Среди синхронных аналогий этому изделию можно привести кушанскую торовтику из Тилля-Тепе (Bactrian Gold..., 1985, p. 156, ill. 99; p. 254; p. 98–105, ill. 44–47; p. 231]. Среди них на антропоморфных изображениях представлены точки на лбу. Например, на золотых предметах с крылатой богиней из погребения 6 (Bactrian Gold..., 1985, p. 156, ill. 99; p. 254) и подвеске с двумя драконами из погребения 2 (Bactrian Gold..., 1985, p. 98–105, ill. 44–47; p. 231). При этом следует подчеркнуть, что на начальном этапе распространения буддизма в Бактрии в I–IV н.э. бактрийские мастера, несмотря на следование буддийским канонам, привносили в эту устоявшуюся иконографию свои незначительные изменения, акцентируя внимание на отдельных элементах (Мкртычев, 2002, с. 229). Несмотря на то что точка на лбу — «бинди» является одним из «опознавательных» признаков индуистской традиции, на ранних изображениях Будды в гандхарской традиции она тоже присутствует (Тюляев, 1988, с. 173, рис. 167, 168, с. 175, рис. 171, с. 178, рис. 177, с. 179, рис. 178). Спустя более чем 500 лет на территории севера Верхнего Приобья в предметах торовтики начинают встречаться другие декоративные элементы и символы, связанные с буддийской культурной традицией.

В конце I тыс. н.э. (в середине VIII — X в. н.э.) на территории юга Западной Сибири мотивы и символы из буддийской изобразительной традиции (маньейства) в основном концентрируются на территории Хакасии и Тувы в эпитафие, культовой атрибутике, торовтике и архитектурных сооружениях (Евтюхова, 1948, с. 67–72, рис. 117–136; Киселев, 1949, табл. LXI–LXIII; Худяков, 1983, с. 146, рис. 1; Кызласов, 1984, с. 125, 146, 147; Король, 2021, с. 106, рис. 1.-6; Король, Фокин, 2020, с. 74, рис. 6.-1–3). В это время на севере Верхнего Приобья в случайных находках (Чингисы, Юрга) появляются единичные поясные и уздечные бляшки с изображением «пылающей жемчужины» (рис. 1, рис. 2.-1, 2). На территории Южной Сибири такой декор на торовтике представлен в Туве (Дагылганныг, Тора-Тал-Аргы) (Кызласов, Король, 1990, с. 116, рис. 42.-3, 4; Нечаева, 1966, с. 129), Хакасии (покупка А.М. Тальгерна, Ник-Хая; Дрокино-1; Тютянский клад, случайная находка у Абакана) (Евтюхова, 1948, с. 67–72, рис. 117–136; Киселев, 1949, табл. LXI–LXIII; Худяков, 1983, с. 146, рис. 1; Король, 2021, с. 106, рис. 1.-6; Король, Фокин, 2020, с. 74, рис. 6.-1–3). Этот орнамент достаточно хорошо проанализирован (Король, Фокин, 2020, с. 63–64) и не нуждается в детальном пояснении. Иконографический анализ других изобразительных элементов, связываемых с буддийской традицией, опирается на поиск аналогий изобразительного материала из сопредельных регионов, в рамках синхронизации таких находок. При этом в рамках строгой научной аналогии учитывались необходимые связи и признаки сходства между соотносимыми предметами в рамках одного культурно-хронологического контекста. Следует также подчеркнуть, что именно торовтика очень часто является носителем ритуальной, религиозной или эпической тематики (Маршак, 2017, с. 363). В рамках такого подхода необходимо отметить, что предмет с «пылающей жемчужиной» из Юрги (рис. 2.-2)

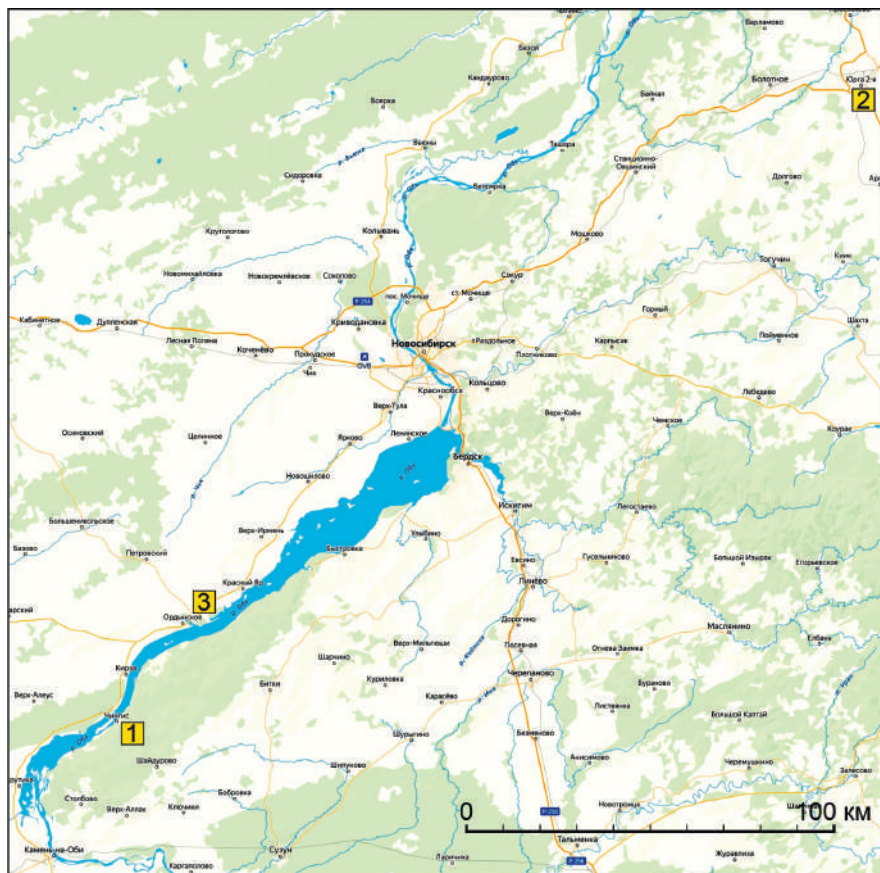

Рис. 1. Картография находок. Чингисы (1), Юрга (2), Ордынское(3)
 Fig. 1. Cartography of finds. Genghis (1), Yurga (2), Ordynskoye (3)

имеет явные аналогии по своему декору с изделиями из Тюхтятского клада в Хакасии и случайными находками из этого региона. Во-первых, это богатое растительное оформление, в центр которого был вписан в мотив «пылающей жемчужины» (Кызласов, Король, 1990, с. 112, рис. 38). Во-вторых, само изображение «пылающей жемчужины» имело явное сходство с некоторым рядом изделий из случайных находок (Кызласов, Король, 1990, с. 110, рис. 36).

Иконография «пылающей жемчужины» в торевтике Саяно-Алтая достаточно вариативна, однако этот феномен, скорее всего, не отражает хронологию стилизации этого изобразительного мотива, поскольку все варианты изображений сосуществуют в рамках одного периода (Король, Фокин, 2020, с. 64, рис. 1, с. 66, рис. 2, с. 67). Для Южной Сибири появление блюшек с изображением «пы-

Рис. 2. Предметы торовтики с буддийскими символами в орнаменте:
 Чингисы (1), Юрга (2), Ордынское (3), (1-3 — бронза)
 Fig. 2. Toreutics objects with Buddhist symbols in the ornament:
 Genghis (1), Jurga (2), Ordynskoe (3), (1-3 — bronze)

лающей жемчужины» связывается с походами уйгуров во 2-й половине VIII в. н.э. (Худяков, Хаславская, 1983, с. 246, 248). В Минусинскую котловину предметы с манихейской торовтикой могли попасть в 795 г. Отдельные предметы с манихейской торовтикой могли оказаться в Минусинской котловине и позднее, в ходе успешной для кыргызов войны 820–840 гг. К началу XI в. «манихейская» орнаментация исчезает из кыргызской торовтики (Худяков, 1983, с. 149).

Другим мотивом, связанным с буддийской изобразительной традицией, является «бесконечный узел». В предметном комплексе эпохи средневековья изделия с таким орнаментом имеют самую разную принадлежность: от поясной и конской гарнитуры до приспособлений для хранения швейных принадлежностей — игольников (покупка А.М. Тальгерна) (Король, 2021, с. 106, рис. 1.-6). Следует отметить, что на бронзовых игольниках кроме изображения «пылающей жемчужины» (*чинтамани*) (Король, Фокин, 2020, с. 66. рис. 2.-4) еще встречается изображение «бесконечного узла». Такие предметы известны не только в Хакасии, но и в Верхнем Приобье (Ордынское-1 сборы С.Г. Рослякова) (рис. 1.-1; рис. 2.-1). Символика узла бесконечности многозначна, однако мотив этого изображения активно используется в северном, тибетском буддизме.

В целом предметы торовтики с «пылающей жемчужиной» (*чинтамани*) на территории юга Западной Сибири представлены как в погребальных комплексах с кремацией (Ник-Хая; Дрокино-1), кладках (Тюхтятский клад), так и среди случайных находок (Чингисы, Юрга, Минусинская котловина). Таким образом, есть все основания предполагать, что на территорию юга Западной

Сибири вплоть до рубежа I — II тыс. н.э. стали проникать косвенные признаки буддийской религиозной традиции. Наряду с таким феноменом можно констатировать, что предметы с элементами буддийской символики поступали на север Верхнего Приобья на протяжении нескольких этапов со значительными (до 500 лет) хронологическими разрывами. Это приводило к тому, что в этих артефактах получали отражение не только определенные исторические события, но и явная трансформация буддийской традиции с течением времени.

Список источников

Бородовский А.П. Предмет восточной торевтики из окрестностей г. Новосибирска // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, №5: Археология и этнография. С. 96–103. doi: 10.25205/1818-7919-2021-20-5-82-90.

Гусева Н.Р. Художественные ремесла Индии. М., 1982. 238 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники средневековых кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 109 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 364 с. (МИА. №9).

Король Г.Г. Неизвестное в известном: коллекция случайных находок средневековой торевтики малых форм из Минусинской котловины // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. №2. С. 101–127. DOI: 10.18503/1992-0431-2021-2-72-101-127

Король Г.Г., Фокин С.М. Новые варианты буддийского мотива в средневековом декоре (Средний Енисей) // Российская археология. 2020. №3. С. 63–78.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. 166 с.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. 216 с.

Маршак Б.И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб., 2017. 736 с.

Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М., 2002. 286 с.

Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжениями могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959–1960 гг. Т. 2. М.; Л., 1966. С. 108–142.

Тюляев С.И. Искусство Индии. III тыс. — VII век н.э. М., 1988. 344 с.

Худяков Ю.С. Орнамент наборных поясов из погребений Ник-Хая // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983. С. 144–153.

Худяков Ю.С., Хаславская Л.М. О пламвидном орнаменте в южносибирской торевтике // Рериховские чтения 1984 год. Новосибирск, 1983. С. 244–249.

Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya Tepe Necropoiiis in Northern Afganistan. Leningrad, 1985. 260 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Андрей Павлович Бородовский, Институт археологии и этнографии СО РАН, ведущий научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>, altaicenter2011@gmail.com

Andrey P. Borodovskiy, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Leading Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Ak. Lavrentieva Ave. 17, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>, altaicenter2011@gmail.com

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article
УДК: 903.57«638»(571.150)
DOI: 10.14258/2411-1503.2024.20
EDN: IWVEMZ

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ БАЗЫ ДАННЫХ ПРЕДМЕТНОГО КОМПЛЕКСА ОДЕЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Николай Николаевич Головченко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена обобщению опыта разработки и наполнения базы данных предметного комплекса одежды, выявленного в погребальных комплексах эпохи раннего железа в бассейне Верхней Оби. В основу базы данных положены материалы, нашедшие отражение в крупных монографических и статейных публикациях. Учтены материалы 396 погребений, исследованных на 50 курганных и грунтовых могильниках. Охарактеризовано 817 контекстов обнаружения 35 различных категорий и 5495 единиц элементов древнего костюма. Данные систематизированы по авторской методике, позволяющей осуществлять их последующий анализ и обработку. Продемонстрированы возможности использования базы данных в работе исследователей (краеведов, историков, археологов) и музейных сотрудников. Предполагается расширение базы данных с появлением новых или ранее неизвестных материалов, а также размещение ее в открытом доступе.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, погребальные комплексы, предметный комплекс одежды, база данных

Для цитирования: Головченко Н.Н. Опыт разработки базы данных предметного комплекса одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 129–134. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.20

EXPERIENCE IN DEVELOPING A DATABASE OF THE SUBJECT COMPLEX OF CLOTHING OF THE POPULATION THE UPPER OB REGION IN THE EARLY IRON AGE

Nikolai N. Golovchenko

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the generalization of the experience of developing and filling the database of the subject complex of clothing identified in the burial complexes of the Early Iron Age in the Upper Ob basin. The database is based on materials reflected in major monographic and article publications. The materials of 396 burials examined at 50 burial mounds and ground burial grounds are considered. 817 contexts of discovery of 35 different categories and 5,495 pieces of ancient costume jewelry were characterized. The data are systematized according to the author's methodology, which allows for their subsequent analysis and processing. The possibilities of using the database in the work of researchers (local historians, historians, archaeologists) and museum staff are demonstrated. It is planned to expand the database with the appearance of new or previously unknown materials, as well as to place it in the public domain.

Keywords: Upper Ob region, Early Iron Age, burial complexes, clothing item complex, database

For citation: Golovchenko N.N. Experience in Developing a Database of the Subject Complex of Clothing of the Population the Upper Ob region in the Early Iron Age. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:129–134. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.20

Погребальные комплексы эпохи раннего железа относятся к числу наиболее исследованных объектов археологического наследия бассейна Верхней Оби. Интерес к их изучению остается стабильно высоким на протяжении всей истории научного освоения данного региона (Демин, 1989), что подтверждается достаточно представительным циклом тематических монографических изданий (Грязнов, 1956; Троицкая, Бородовский, 1994; Могильников, 1997; Бородовский, 2002; Шульга, 2003; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; Фролов, 2008; Шульга, Уманский, Могильников, 2009; Лихачева, 2020; Головченко, 2022б). В то же время объем сведений о данных памятниках постоянно расширяется, это связано как с получением новых материалов, так и с введением в научный оборот ранее не опубликованных комплексов. Проведение разнопланового анализа материальной культуры древнего населения Верхнеобского бассейна способно существенно расширить их информационный потенциал, в связи с чем особую актуальность приобретает применение статистических методов исследования. В предлагаемой статье представлен опыт систематизации предметного комплекса одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа.

Использование статистических методов анализа археологического материала стало уже общей исследовательской практикой, особенно в тех случаях, когда речь идет об обработке значительного массива информации, требующей учета различных необходимых исследователю показателей. В частности, в региональной, алтайской археологии уже апробирован подход к хранению, обработке и анализу такого рода информации в виде баз данных (Владимиров, Колдаков, 2011; Тишкин, Лукерина, 2011; Гарскова, 2012; Лысов, 2012; Тарасова, 2012; Серегин, Леонов, 2018; Серегин, Радовский, 2019).

При разработке базы данных «Предметный комплекс одежды населения Верхнего Приобья по материалам монографически и постатейно опубликованных памятников» нами были учтены материалы 396 погребений, исследованные на 50 курганных и грунтовых могильниках. Охарактеризовано 817 контекстов обнаружения 35 различных категорий и 5495 единиц украшений древнего костюма. Из рассмотрения исключались полностью разрушенные объекты, не содержащие необходимой для включения в состав базы данных информации, а также единичные, лишенные контекста обнаружения находки. Изначально весь объем материалов для осуществления статистических операций заносился в таблицы программы Microsoft Office Excel, после чего импортировался в стандартный программный пакет Microsoft Office Access. На данный момент база данных прошла процедуру официальной регистрации (рис.).

Исходная база данных представлена на четырех листах (таблицах). Заполнение полей таблиц велось как в цифровом, так и в текстовом формате.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о государственной регистрации базы данных

№ 2023622608

«Предметный комплекс одежды населения Верхнего Приобья по материалам монографически и постатейно опубликованных памятников»

Правообладатель: *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет» (RU)*

Авторы: *Головченко Николай Николаевич (RU), Веряев Анатолий Алексеевич (RU), Букин Артем Андреевич (RU)*

Заявка № 2023622375

Дата поступления 24 июля 2023 г.

Дата государственной регистрации
в Реестре баз данных 28 июля 2023 г.

Руководитель Федеральной службы
по интеллектуальной собственности

Ю. С. Зубов

Свидетельство о регистрации базы данных «Предметный комплекс одежды населения Верхнего Приобья по материалам монографически и постатейно опубликованных памятников»
Certificate of registration of the database “Subject Complex of Clothing of the Population of the Upper Ob Region Based on the Materials of the Sites Published in the Monographs and Articles”

Первый лист содержит информацию о 50 опубликованных памятниках (каждый из которых обладает личным порядковым номером), представленную в формате: памятник, публикация, место расположения (локализация памятников включает в себя указание региона, района и его конкретного местонахождения с привязкой к крупным географическим объектам и населенным пунктам), сведения об открытии и исследовании (указываются год (годы) и автор (авторы) открытия памятника и его раскопок), указание общего количества изученных на памятнике погребений.

Данный тематический раздел базы данных ориентирован на оперативное получение пользователем информации общего плана о погребальных комплексах Верхнего Приобья эпохи раннего железа, в которых выявлен предметный комплекс одежды, включая сведения, необходимые для подготовки историографических обзоров, сводов памятников и т.п.

Второй лист отображает сведения о 396 погребениях в формате: памятник, курган (в случае с грунтовыми могильниками это поле оставалось пустым), могила, погребение (в одной могиле могло быть несколько погребенных, в таком случае они нумеровались в соответствии с описанием, представленным в оригинальной публикации), пол погребенного, возраст. Последние две графы заполнялись на основании сведений представленных в публикации материалов, и в тех случаях, когда подобные сведения в публикациях отсутствовали, они оставались не заполненными.

Этот тематический блок ориентирован в первую очередь на разработку пользователем вопросов, связанных с половозрастным распределением предметного комплекса одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. Однако необходимо отметить, что его данные необходимо сверять с актуальными исследованиями современных антропологов, так как в исходных публикациях, особенно 60–80-х гг. XX в., не всегда содержатся актуальные данные по этим показателям.

Третий лист иллюстрирует распределение выявленного предметного комплекса по контексту его обнаружения, всего 817 строк, в формате: памятник, курган, могила, погребение, область костей черепа и верхних шейных позвонков, область костей ключицы и грудной клетки, область костей таза и поясничного отдела позвоночника, область верхних конечностей, область нижних конечностей, вне тафономического контекста.

Главной задачей данного блока является анализ предметного комплекса одежды с позиции его пространственной локализации в погребениях, изучение погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа с выходом на полную или частичную реконструкцию костюма или его отдельных элементов.

Четвертый лист представляет сведения о 768 случаях обнаружения 5495 единиц 35 различных категорий (золотая серьга, бронзовая серьга, золотая заколка, бронзовая заколка, поясная обойма, фрагменты золотой фольги, фрагменты текстиля и др.) предметного комплекса одежды. Самой проблемной в плане статистического анализа категорией находок являются бусины, их количество заносилось в таблицу на основе опубликованных данных, однако, как показала практика работы с этими материалами, количество бус,

реально найденных на памятниках, описанных в публикациях и отчетах, а также хранящихся в музеях, не всегда соответствует друг другу.

Данный раздел интересен прежде всего с позиции археологического вещеведения и нацелен на изучение специфики отдельных элементов предметно-комплекса одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа.

Подводя итог, необходимо отметить, что материалы анализа представленной базы данных нашли отражение в специальном монографическом исследовании (Головченко, 2022б), а сведения блоков два и три — в тематических статьях (Головченко, 2020, 2022а, 2023). Однако возможности этого информационного ресурса вряд ли стоит считать исчерпанными, поскольку остается открытой широкая возможность по обработке отдельных отраженных в нем конкретных показателей и групп признаков. Разработанная база данных может рассматриваться как основа для дальнейшего изучения предметного комплекса одежды, его роли в погребальных практиках, реконструкции костюма и социальной истории населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. С учетом возможности расширения базы данных путем включения в нее новых и ранее неизвестных материалов, с размещением ее в открытом доступе она может стать ценным инструментом в работе краеведов, историков, археологов и работников музеев.

Список источников

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск, 2002. 208 с.

Владимиров В.Н., Колдаков Д.В. Базы и банки данных в исторических исследованиях // Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности. Барнаул, 2011. Т. 1. С. 5–24.

Гарскова И.М. Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // Базы данных в исторических исследованиях. Барнаул, 2012. С. 3–13.

Головченко Н.Н. Предметный комплекс одежды как маркер межкультурных коммуникаций на территории Верхнего Приобья в эпоху раннего железа // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2020. №3. С. 73–92.

Головченко Н.Н. Предметный комплекс одежды в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2022а. №3. С. 337–358.

Головченко Н.Н. Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. Барнаул, 2022б. 374 с.

Головченко Н.Н. Половозрастная дифференциация предметного комплекса одежды по материалам погребальных памятников Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н.э. // *Stratum Plus*. Археология и культурная антропология. 2023. №3. С. 319–340.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 163 с.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120 с.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул, 2020. 304 с.

Лысов М.Ю. База данных «Предметы вооружения Алтая и сопредельных территорий скифо-сакского времени» // Базы данных в исторических исследованиях. Барнаул, 2012. С. 107–119.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тыс. до н.э. М., 1997. 195 с.

Серегин Н.Н., Леонов А.С. База данных тюркских изваяний Алтая из музейных коллекций // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Горно-Алтайск, 2018. С. 40–44.

Серегин Н.Н., Радовский С.С. База данных некрополей быстринской культуры Алтая: структура и возможности использования // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XXV. Барнаул, 2019. С. 212–218.

Тарасова А.С. Необходимость создания базы данных по приложениям пазырыкской культуры и возможности ее использования в музейной и экскурсионно-туристической деятельности // Ломоносовские чтения на Алтае. Барнаул, 2012. Ч. IV. С. 112–117.

Тишкин А.А., Лукерина Я.Е. Формирование базы данных о лошадях Сибири поздней древности и средневековья // Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности. Барнаул, 2011. Т. 1. С. 74–86.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большещеченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 479 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Николай Николаевич Головченко, Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение», старший научный сотрудник; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Nikolay N. Golovchenko, Altai State Pedagogical University, UNIL “Historical Local Lore”, Senior Researcher; 656037, Russia, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 903.02(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.21

EDN: IYUCGA

НАХОДКИ КЕРАМИКИ В с. КРУТИХА

Николай Николаевич Головченко, Кирилл Алексеевич Назаров

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена публикации результатов мониторинга разрушающейся водами Новосибирского водохранилища береговой зоны центральной части с. Крутиха (Крутихинский район Алтайский край). В ходе изысканий обнаружено 23

фрагмента керамики и один — металлического сосуда. Приводится анализ полученной коллекции. Находки сопоставляются с ранее обнаруженным керамическим комплексом, прошедшим технико-технологическую экспертизу. В ходе исследования авторы приходят к выводу о перспективности дальнейшего накопления источниковой базы по русской керамике, происходящей из различных населенных пунктов Алтайского края.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, Алтайский край, Крутиха, мониторинг, русская керамика

Для цитирования: Головченко Н.Н., Назаров К.А. Находки керамики в с. Крутиха // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 134–138. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.21

CERAMIC FINDS IN THE VILLAGE OF KRUTIKHA

Nikolai N. Golovchenko, Kirill A. Nazarov
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the publication of the monitoring results of the coastal zone of the central part of the village of Krutikha (Krutikhinsky district, Altai Territory), which is being destroyed by the waters of the Novosibirsk reservoir. During the research, 23 fragments of ceramics and one metal vessel were found. The analysis of the received collection is given. The finds are compared with a previously discovered ceramic complex that has passed a technical and technological examination. In the course of the study, the authors come to the conclusion that the prospects for further accumulation of the source base on Russian ceramics originating from various settlements of the Altai Territory.

Keywords: Upper Ob region, Altai Territory, Krutikha, monitoring, Russian ceramics

For citation: Golovchenko N.N., Nazarov K.A. Ceramic Finds in the Village of Krutikha. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:134–138. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.21

При обследовании территории сельских населенных пунктов Алтайского края основными находками археологов зачастую становятся фрагменты керамической посуды XVIII — 1-й половины XX в. В силу ряда объективных и субъективных причин среди специалистов эта категория вещественных источников не вызывает особого интереса и зачастую игнорируется в процессе полевых и теоретических изысканий. Между тем наряду с древней керамикой «русская» посуда также является важным историческим источником, способным дать информацию о традициях и культуре местного населения (Мамонтова, 2015).

Село Крутиха основано в 1724 г. и в настоящее время является административным центром Крутихинского района Алтайского края. За свою историю село не раз меняло конфигурацию, но наибольшее влияние на его планировку оказало сооружение Новосибирской ГЭС. Надзор над разрушающейся под воздействием природных и антропогенных факторов береговой кромкой Новосибирского водохранилища в черте с. Крутиха начат нами еще в 2015 г. (Головченко Н.Н., Головченко Е.А., 2016).

Осенью 2023 г. Верхнеобский археологический отряд Алтайского государственного педагогического университета осуществил мониторинг прибрежной полосы водохранилища в центральной части с. Крутиха. Цель данной работы — публикация результатов продолжения мероприятий по надзору за разрушающейся водами Новосибирского водохранилища прибрежной зоны с. Крутиха, расположенной вдоль ул. Новосибирской, где в 2020 г. нами уже была получена коллекция русской керамики (Федорук, Головченко, 2021).

В ходе осмотра прибрежной зоны расположенной за памятником братской могилы погибших партизан 1919 г. нами были обнаружены 23 фрагмента керамики и один — металлического сосуда (чугунка).

Основываясь на формальных характеристиках определения типа сосудов, можно разделить выявленные фрагменты керамики на русскую гончарную глазурованную и неглазурованную. Осколки первого типа (рис. 2.-1-3, 5-16, 18, 20) выполнены, как правило, из серой и реже — из желтой глины. Толщина фрагментов — от 5 до 10 мм. Из-за отсутствия краски можно увидеть следы обжига. Венчики прямые, слегка закругленные. Один фрагмент (рис. 2.-14) орнаментирован, на нем присутствует стертая водой прочерченная линия. Осколки этой группы предположительно могут быть отнесены к кухонной посуде: горшок, корчага, которые применялись для изготовления, хранения и транспортировки пищи.

Осколки второго типа покрыты глазурью и окрашены с двух сторон в разные цвета. В данном случае нами был обнаружен только один такой фрагмент (рис. 2.-17) — дно. Несколько фрагментов, венчик и дно (рис. 2.-4, 19) не покрыты глазурью, однако изначально были, но под влиянием воды Новосибирского водохранилища и времени покрытие исчезло. Толщина осколков от 4 до 12 мм. Цвет глины на изломе красный, а цвет покрытия — черный. Основываясь на описании этой группы осколков, можно предположить, что они происходят от кринков или кувшинов. Такие сосуды, скорее всего, использовались для хранения и транспортировки продуктов, а также в качестве декоративной посуды.

Технико-технологический анализ глазурованной керамики, выявленной нами в с. Крутиха в 2020–2021 гг., был осуществлен О.А. Федорук (Федорук, Головченко, 2021, с. 164–165). По ее наблюдениям формовочные массы в исследованных образцах представлены одним вариантом: использование одного вида глин. Такой вид формовочных масс — один из наиболее распространенных рецептов, использовавшихся гончарами на Алтае (Мамонтова, 2015, с. 18). Вероятно, находки 2023 г. подкрепят данное предположение.

Археологическое изучение русского керамического комплекса Верхнего Приобья пока что находится на стадии первоначального накопления материала. Поэтому поиск и своевременная публикация обнаруженных материалов позволит со временем установить особенности гончарного производства на Алтае в разные хронологические периоды, его специфику и локальные различия.

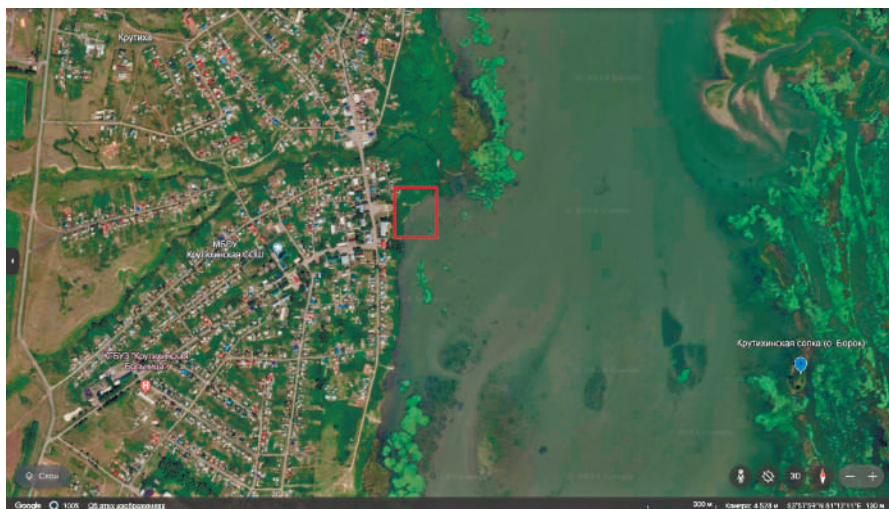

Рис. 1. Крутиха. Место обнаружения находок 2023 г.
 Fig. 1. Krutikha. The place of discovery of the finds in 2023

Рис. 2. Находки керамики в с. Крутиха: 1–4 — венчики;
 5–15 — тулово; 16–20 — дно; 21 — фрагмент чугунной посуды
 Fig. 2. Finds of ceramics in the village of Krutikha: 1–4 — corollas;
 5–15 — body; 16–20 — bottom; 21 — fragment of cast-iron cookware

Список источников

Головченко Н.Н., Головченко Е.А. Случайные находки с территории с. Крутихи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2016. Вып. XXII. С. 62–63.

Мамонтова О.С. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX — первой половине XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2015. 25 с.

Федорук О.А., Головченко Н.Н. Новые результаты исследования русской керамики с территории Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2021 г. Вып. 16. Барнаул, 2021. С. 163–166.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Головченко, Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение», старший научный сотрудник; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Nikolay N. Golovchenko, Altai State Pedagogical University, UNIL “Historical Local Lore”, Senior Researcher; 656037, Russia, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Кирилл Алексеевич Назаров, Алтайский государственный педагогический университет, Институт истории, социальных коммуникаций и права, студент 5 курса; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, nazarovkiraalex@mail.ru

Kirill A. Nazarov, Altai State Pedagogical University, Institute of History, Social Communications and Law, 5th Year Student; 656037, Russia, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55, nazarovkiraalex@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 903.5(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.22

EDN: JADHGV

ПОЯСНАЯ ГАРНИТУРА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Вадим Владимирович Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Рассматривается серия предметов из погребальных памятников позднего этапа кулайской и раннего этапа одинцовской культуры, которые входили в состав пояса. Приводятся сведения об их количестве, материале изготовления, особенностях конструкции и формы, а также их графические изображения. Сообщается информация о погребальном обряде объектов, в которых найдены данные элементы снаряжения. Обосновывается разделение поясов на основные и стрелковые, простые и наборные. Выявляются закономерности половозрастного распределения этих поя-

сов. Проводится реконструкция нескольких поясов. Отмечаются общие и особенные черты фоминского и сошниковского комплекса поясной гарнитуры. Делается вывод, что на их формирование повлияли различные традиции.

Ключевые слова: памятники III–V вв. н.э., кулайская и одинцовская культуры, пояс, пряжки и наконечники, бляхи и распределители, реконструкция

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирований: Горбунов В.В. Поясная гарнитура эпохи Великого переселения народов из памятников Лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 138–147. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.22

GIRDLE GARNITURES OF THE ERA OF THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES FROM THE SITES OF FOREST-STEPPE ALTAI

Vadim V. Gorbunov

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article considers a series of objects from funerary sites of the late stage of the Kulay and early stages of the Odintsovo culture, which were part of the girdle. Information is provided on their quantity, material of manufacture, design and shape features, as well as their graphic images. The author informs about the funeral rites of the objects in which these items of equipment were found. The division of girdles into basic and shooting, simple and stacked is substantiated. The patterns of gender and age distribution of these girdles are revealed. Several girdles are being reconstructed. The general and special features of the Fominsk and Soshnikov complex of the girdle garnitures are noted. It is concluded that their formation was influenced by various traditions.

Keywords: sites of the 3rd–5th centuries AD, Kulay and Odintsovo cultures, girdle, buckles, belt ends, plaques, belt distributors, reconstruction

Acknowledgments: the work was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Gorbunov V.V. Girdle Garnitures of the Era of the Great Migration of Peoples from the Sites of Forest-Steppe Altai. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:138–147. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.22

Одной из устойчивых категорий инвентаря в погребальных комплексах Лесостепного Алтая эпохи Великого переселения народов (III–V вв. н.э.) являются пояса. Все они происходят из грунтовых неграбленных могил и могут считаться условно целыми, за исключением небольшого числа разрушенных объектов. Стоит учитывать и возможность изначального помещения в погребение только части пояса, но и тогда она символизировала его наличие. Пояса состояли из основного ремня, как правило, делавшегося из кожи, который охватывал верхнюю одежду в районе талии, и португепейных ремней, служивших для подвешивания оружия, орудий труда или предметов быта

либо являвшихся декоративными. Соединение и украшение ремней производилось при помощи различной гарнитуры. В рассматриваемое время к ней относятся такие виды предметов, как пряжки, крюки, наконечники, бляхи и распределители. Эти вещи еще не анализировались во всей совокупности, что и определяет актуальность настоящей работы.

Нами была выявлена информация о 67 поясах, найденных в 49 погребениях на 12 могильниках Лесостепного Алтая эпохи Великого переселения народов. Из них памятники Ближние Елбаны-VII (далее БЕ), Малый Гоньбинский Кордон-1, могильник 4 и могильник 5 (далее МГК-1/4 и МГК-1/5), Татарские Могилки (кремация) относятся к фоминскому этапу кулайской культуры, III — 1-я половина IV в., а памятники БЕ-III, БЕ-XII, БЕ-XIV, Ераска, Татарские Могилки (ингумация), Троицкий Елбан-I, Тугозвоново, Чекановский Лог-IX — к сошниковскому этапу одинцовской культуры, 2-я половина IV — V в. (Горбунов, 2004, с. 94; 2015, с. 120).

На фоминский этап приходится 17 поясов из четырех памятников и 15 погребений, три из которых считаются могилами условно, так как это находки в культурном слое некрополя (Уманский, 1974, с. 146; Ширин, 2003, с. 22–28; Горбунов, Кунгуров, 2018, с. 152, 155). В составе поясов найдено 46 изделий: 35 железных (рис. 1.-2–5, 10–21, 23–26), 10 бронзовых (рис. 1.-1, 6–8, 22, 27–31), одно из железа и бронзы (рис. 1.-9). Это пряжки (9 экз.), крюк (1 экз.), наконечники (3 экз.), бляхи (16 экз.) и распределители (17 экз.). Среди пряжек встречены изделия с подвижным язычком. Это рамчатые экземпляры прямоугольной (рис. 1.-21) и овальнопрямоугольной (рис. 1.-25–26) формы, пряжки с овальной рамкой и подвижным щитком-зажимом (рис. 1.-17, 23), экземпляры с неподвижными щитками прямоугольно-трапециевидной (рис. 1.-27) и В-образно-фигурной (рис. 1.-28) формы. Крюк имеет петельчатое основание округлой формы, от середины которого отходит стержень с загнутым окончанием (рис. 1.-24). К наконечникам ремней можно отнести изделие пятиугольной формы со скобчатым креплением (рис. 1.-8) и два предмета с втулками и язычками округлой (рис. 1.-20) и фигурной с умбоном (рис. 1.-5) формы. Весьма разнообразны бляхи. Преобладают умбовидные изделия со скобчатым креплением (рис. 1.-2, 11–14, 22). Конструктивно к ним близки восьмерковидные бляхи без крепежных элементов (рис. 1.-6–7). Также встречаются умбоны на четырехугольных бляхах. На одном изделии умбон расположен по центру в обрамлении прорезного креста (рис. 1.-30), на другом — ряд из четырех умбонов вдоль длинного края (рис. 1.-31). На некоторых бляхах ряд умбонов имитируют крупные шляпки от крепежных шпенокков (рис. 1.-19). К бляхам можно отнести и псевдопряжки сердцевидно-крестовидной (рис. 1.-1) и овально-прямоугольной (рис. 1.-29) формы. Распределители ремней представлены овальными кольцами с лопастям-зажимами (рис. 1.-3–4, 9) или целыми обоймами (рис. 1.-10), которые могут образовывать звенья (рис. 1.-15–16, 18). Многие бронзовые изделия поясной гарнитуры украшены орнаментом из насечек и геометрических фигур (рис. 1.-1, 6–7, 22, 27, 29, 31).

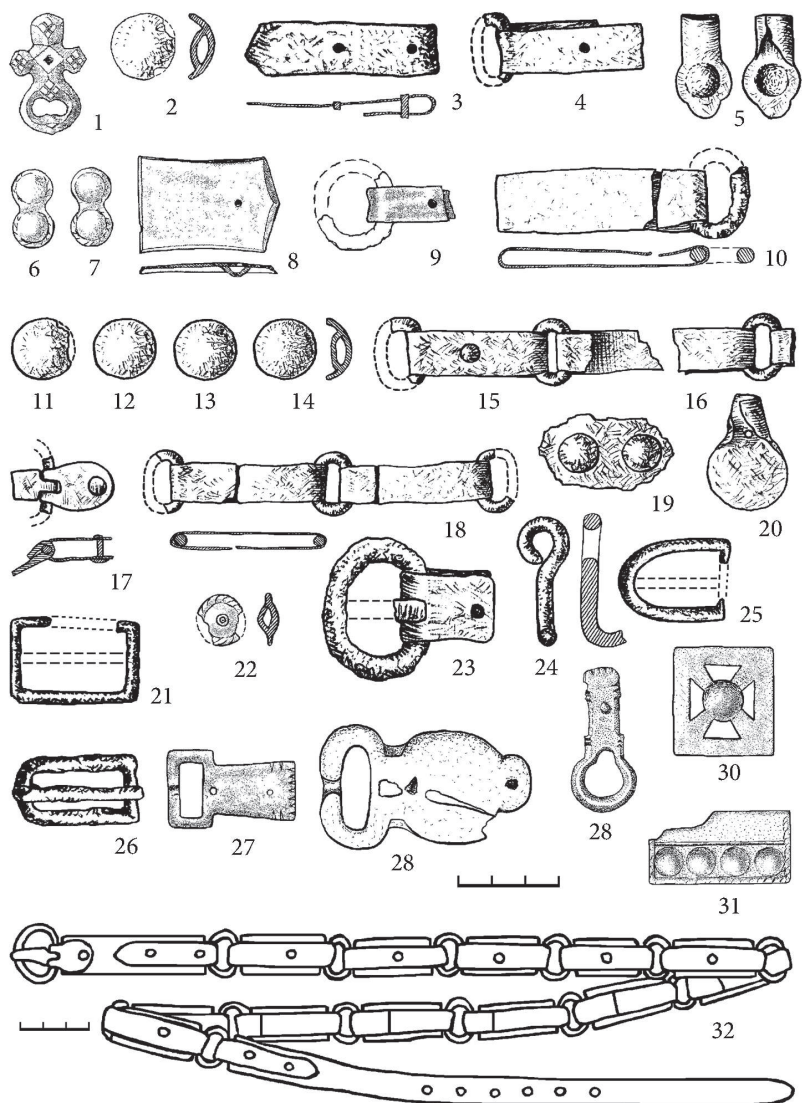

Рис. 1. Поясная гарнитура из памятников фоминского этапа: 1-27 — БЕ-VII, по: (Ширин, 2003); 28-29 — МГК-1/4-5, по: (Горбунов, Кунгуров, 2018); 30-31 — Татарские Могилки, по: (Ширин, 2003); 32 — реконструкция пояса из могилы-58 на БЕ-VII
 Fig. 1. Girdle garnitures from the sites of the Fominsk stage: 1-27 — 'BE-VII, by: (Shirin, 2003); 28-29 — МГК-1/4-5, by: (Gorbunov, Kungurov, 2018); 30-31 — Tatar Graves, by: (Shirin, 2003); 32 — reconstruction of the girdle from grave-58 on 'BE-VII

Всего поясов с гарнитурой только из железа 10, из железа и бронзы — три, из бронзы — четыре. Остатки поясов найдены в 11 захоронениях, совершенных по способу кремации, и в одной могиле с кремацией и частичной ингумацией (БЕ-VII, мог. 85). В 10 погребениях обнаружено по одному основному поясу. В двух погребениях (БЕ-VII, мог. 100, 107) зафиксировано по два пояса — основной и стрелковый. На это указывает либо наличие двух крупных пряжек, либо наличие пряжки и крюка-застежки, а также присутствие наконечников стрел (Ширин, 2003, с. 28). Среди основных поясов есть простые конструкции, состоящие только из пряжки (3 экз.). Остальные пояса имели более сложный состав и, помимо пряжек, дополнялись наконечниками, бляхами, распределителями. Их можно назвать наборными (12 экз.). Оба стрелковых пояса являются простыми. По инвентарю принадлежность пяти могил может быть определена как мужская (наконечники стрел, тесло, бронзовые ножны). В остальных вещи не столь однозначны. Полагаем, что присутствие наборного пояса также может указывать на мужское захоронение, тогда как простой основной пояс мог находиться и в женском погребении. Такой объект всего один (БЕ-VII, мог. 103).

Уверенно можно реконструировать только один пояс из могилы-58 на БЕ-VII. На плане погребения хорошо видно, что пояс лежал поперек скопления кальцинированных костей, сложенным вдвое, а ниже находился бронзовый футляр на ножны (Ширин, 2003, табл. XXV.-А). Помимо пряжки он включал около 12 обойм, соединенных 13 кольцами, и две лопасти-зажима, соединяющих окончания ремня с остальной конструкцией. В обоймы, видимо, вставлялись отдельные кожаные сегменты ремня, закреплявшиеся шпеньками (рис. 1.-32). Длина части пояса, охваченная гарнитурой, составляла порядка 80 см. С учетом того, что на свободное окончание ремня надо хотя бы 20 см, общая длина пояса была 100 см или больше.

На сошниковский этап приходится 50 поясов из восьми памятников и 34 погребений, два из которых условные (Грязнов, 1956, с. 100–105, 117–120; Уманский, 1974, с. 136–145; 1978, с. 143–148; Егоров, 1993, с. 80; Горбунов, 1993, с. 82; 1995, с. 150; Горбунов, Демин, Ситников, 2004, с. 23). В составе поясов найдено 122 изделия: 80 железных (рис. 2.-1–7, 12, 16, 19–20, 28–30, 40–41; рис. 3.-2–23, 25–26), 17 бронзовых (рис. 2.-8–11, 13, 17–18, 24, 26–27, 32–33; рис. 3.-24), три из бронзы и железа (рис. 2.-14–15, 25), одно из бронзы с позолотой (рис. 3.-1), три из бронзы, золота и сердолика (рис. 2.-22–23), одно из нефрита и железа (рис. 2.-21), восемь из серебра, золота, альмандина и цветного стекла (рис. 2.-34–39), девять из серебра. Это пряжки (54 экз.), крюки-застежки (7 экз.), наконечники (7 экз.), бляхи (44 экз.) и распределители (10 экз.). Среди пряжек господствуют изделия с подвижным язычком. Наиболее многочисленны экземпляры с овальной или округлой рамкой (рис. 2.-1–4, 14–15, 20, 30–31, 41; рис. 3.-22). Встречаются пряжки с сегментовидной (рис. 2.-19, 24; рис. 3.-1), В-образной (рис. 2.-13, 40) и прямоугольной (рис. 2.-21) рамкой. Отдельную группу образуют пряжки с язычком на вертикальном с рамкой пятиугольной (рис. 2.-29) и прямоугольной (рис. 3.-9) формы. Овальнорамчатые пряжки с подвижным щитком-зажимом представлены

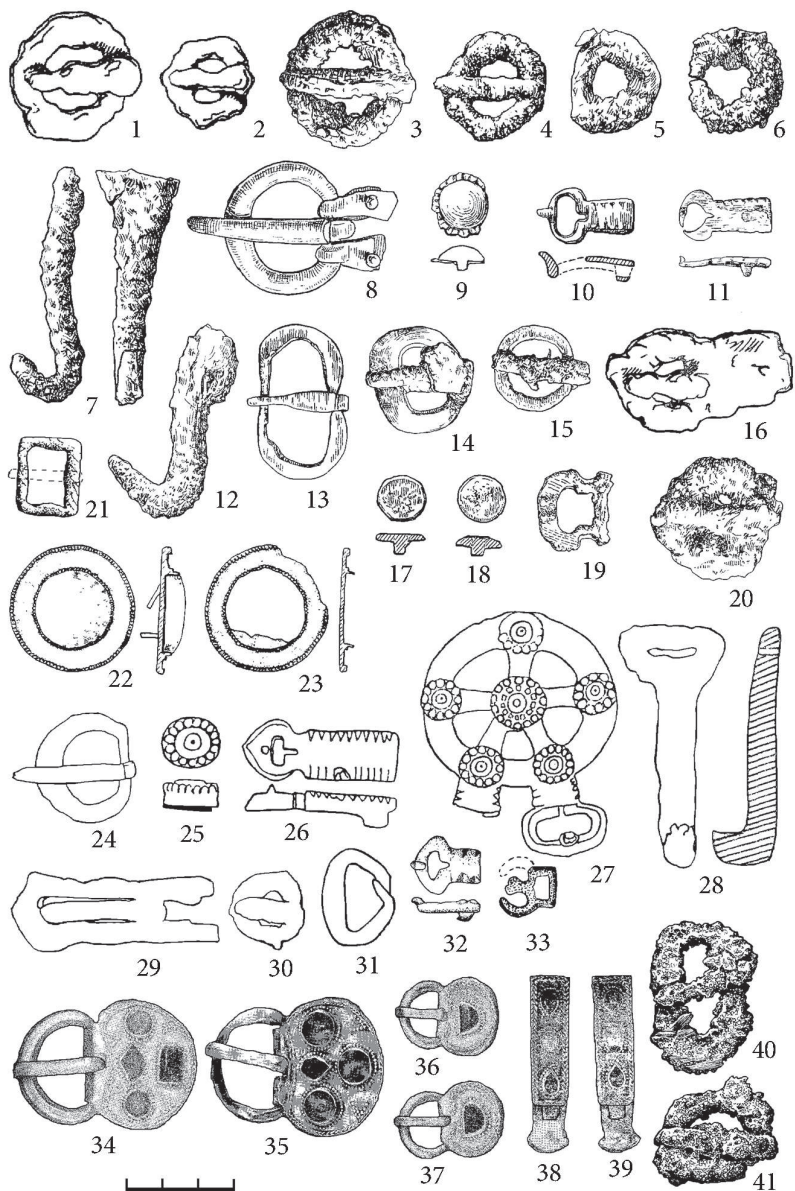

Рис. 2. Поясная гарнитура из памятников сошниковского этапа: 1-2 — БЕ-III; 3-10 — БЕ-XII; 11-20 — БЕ-XIV, по: (Грязнов, 1956); 21-23 — Ераска, по: (Егоров, 1993); 24-31 — Татарские Могилки, по: (Уманский, 1974); 32-33 — Троицкий Елбан-I, по:

(Горбунов, 1993, 1995); 34–39 — Тугозвонovo, по: (Уманский, 1978); 40–41 — Чекановский Лог-IX, по: (Горбунов, Демин, Ситников, 2004)

Fig. 2. Girdle garnitures from the sites of the Soshnikov stage: 1–2 — ВЕ-III; 3–10 — ВЕ-ХII; 11–20 — ВЕ-ХIV, by: (Gryaznov, 1956); 21–23 — Eraska, after: (Egorov, 1993); 24–31 — Tatar Graves, by: (Umansky, 1974); 32–33 — Trinity Elban-1, by: (Gorunov, 1993; 1995); 34–39 — Tugozvonovo, by: (Umansky, 1978); 40–41 — Chekanovsky Log - IX, by: (Gorunov, Demin, Sitnikov, 2004)

экземплярами со сплошным овальным щитком (рис. 2.-34–37) и двухлопастным щитком (рис. 2.-13). Редки неподвижнощитковые изделия овально-прямоугольной формы (рис. 2.-16). Особую группу составляют пряжки «таштыкского» облика (рис. 2.-10–11, 26, 32–33). Среди крюков есть изделия с петельчатым основанием треугольной формы (рис. 2.-28), со сплошным основанием треугольного (рис. 2.-7, 12) и V-образного (рис. 3.-26) абриса. У одного экземпляра имеется поперечная планка на загнутом окончании (рис. 3.-8). Наконечники ремней представлены зажимными конструкциями прямоугольной формы с секировидными подвесками (рис. 2.-38–39) и накладным изделием пятиугольной формы с фигурными вырезами (рис. 3.-23). Почти все бляхи имеют шпильковое крепление. Встречаются изделия округлого абриса умбоновидные (рис. 2.-9), плоские (рис. 2.-17–18; рис. 3.-25), с бортиком (рис. 2.-25), с гнездом под вставку (рис. 2.-22–23). Бляхи прямоугольной формы часто имеют крупные шляпки заклепок, образующие псевдоумбоны или их ряды, и иногда снабжены скобой для портупейного ремешка (рис. 3.-2–6, 10–17). Есть одна псевдопряжка сегментовидно-трапециевидной формы (рис. 3.-24). Среди распределителей присутствуют как простые кольца (рис. 2.-5–6), так и кольца с подвижной лопастью-зажимом и неподвижным выступом (рис. 3.-7, 18–21). Оригинален распределитель в виде колеса с пятью спицами и двумя «таштыкскими» пряжками (рис. 2.-27). Изделия поясной гарнитуры из цветных металлов украшены орнаментом, передающим раскрытый бутон (рис. 2.-9, 25, 27), насечками (рис. 2.-10–11, 26–27, 32), рельефными линиями (рис. 3.-1) и полихромным стилем (рис. 2.-22–23, 34–39).

Всего поясов с гарнитурой из железа 34, из железа и бронзы — три (включая позолоту), из бронзы — 10, из серебра, золота, камня, стекла — два, из бронзы, золота, камня, железа — один. Остатки поясов найдены в 24 могилах с одиночной ингумацией, в трех могилах с ингумацией в сопровождении коня, в двух могилах с парной ингумацией, в двух могилах с кремацией и одним кенотафе. В 18 погребениях обнаружен только основной пояс, а в 12 погребениях — основной и стрелковый. В одной парной могиле было по два основных и стрелковых пояса, а в другой — два простых. Среди основных поясов простые составили 24 экз., наборные — 11 экз. У стрелковых поясов простых — 9 экз., наборных — 6 экз. Имеющиеся половозрастные определения позволяют заключить, что 38 поясов принадлежали мужчинам, четыре — женщинам и три — детям. В женских и детских погребениях встречены только простые пояса из одной пряжки. В кенотафе был наборный пояс, в могилах с кремацией — простые пояса.

Можно реконструировать состав двух основных и двух стрелковых поясов из могилы-4 на памятнике Татарские Могилки. Они были изучены нами

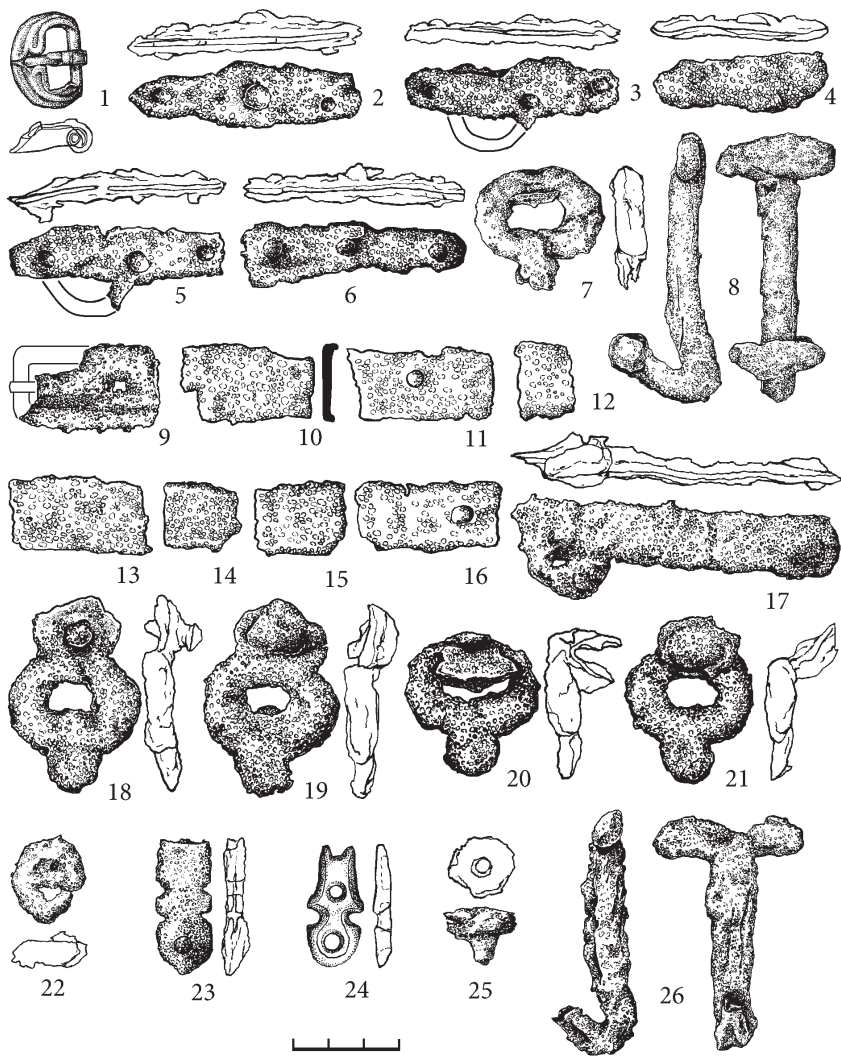

Рис. 3. Поясная гарнитура из могилы-4 памятника Татарские Могилки:

1-8 — скелет-1; 9-26 — скелет-2

Fig. 3. Girdle garnitures from grave-4 of the Tatar Graves sites:

1-8 — skeleton-1; 9-26 — skeleton-2

в Бийском краеведческом музее им. Бианки (коллекция №4160). Благодаря подробным подписям на этикетках к этим вещам, составленным А.П. Уманским, сохранилась информация об их взаимном расположении на скелетах

людей. Основной пояс скелета-1 включал пряжку и пять блях, две из которых имели скобы (рис. 3.-1-6). Стрелковый пояс скелета-1 состоял из крюка, выполнявшего функцию пряжки, и одного распределителя (рис. 3.-7-8). Основной пояс скелета-2 был снабжен пряжкой, восемью бляхами, одна из которых имела скобу, псевдопряжкой, двумя распределителями, малой пряжкой и наконечником (рис. 3.-9-19, 22-24). Стрелковый пояс скелета-2 имел крюк, одну бляху и два распределителя (рис. 3.-18-19, 25-26).

Сравнивая серии поясной гарнитуры фоминского и сошниковского этапов, можно отметить черты как сходства, так и различия. Общим является использование шпенькового крепления изделий, рамок пряжек прямоугольной, овальной и В-образной формы, блях круглой формы, крюков без планки. Особенности фоминского комплекса проявляются в скобчатом креплении многих изделий, широком применении умбонов, распределителях с обоймами, образующими звенья, во втульчатых наконечниках, восьмерковидных бляхах. Особенности сошниковского комплекса проявляются в пряжках с язычком на вертлюге, сегментовидной форме рамок, крюках с планкой, наконечниках с подвесками, крупных распределителях, полихромном стиле. Представляется, что на формирование этих комплексов повлияли различные традиции, выявление которых в дальнейшем будет возможно при классификации и типологическом анализе.

Список источников

- Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 80-90.
- Горбунов В.В. Грунтовый могильник Троицкий Елбан-I (новые материалы) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. II. Барнаул, 1995. С. 148-152.
- Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 92-95.
- Горбунов В.В. Памятники кулайской культуры на юге Западной Сибири: вопросы датировки и периодизации // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск, 2015. С. 119-122.
- Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М. Погребение воинов эпохи великого переселения народов на Верхнем Алее // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. С. 18-36.
- Горбунов В.В., Кунгуров А.Л. Памятники первой половины I тыс. н.э. археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 в Барнаульском Приобье // Известия Алтайского государственного университета. 2018. №2 (100). С. 150-157.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 226 с. (МИА. №48).
- Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77-80.
- Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136-149.
- Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129-163.
- Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. 288 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Горбунов Вадим Владимирович, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadimgorbunov67@mail.ru

Vadim V. Gorbunov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Docent, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadimgorbunov67@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 903.222

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.23

EDN: JDFAWG

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ЖЕЛЕЗНОГО НАКОНЕЧНИКА СТРЕЛЫ ИЗ ДОЛИНЫ Р. СЕНТЕЛЕК

Сергей Петрович Грушин, Вадим Владимирович Горбунов
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена публикации случайной находки — железного наконечника стрелы, обнаруженного в долине р. Сентелек в Чарышском районе Алтайского края. На Алтае железные трехлопастные наконечники стрел шестиугольной формы появляются со II в. до н.э. Наличие таких особенностей у сентелекского наконечника, как крупные размеры, отверстия в лопастях, «псевдоярусность», наличие кольцевого упора при переходе пера в черешок, позволяет его связать с тюркской культурой 2-й половины VI — 1-й половины VII в.

Ключевые слова: наконечник стрелы, долина Сентелека, раннее средневековье

Благодарности: полевые работы и анализ находки проводились по госзаданию «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Для цитирования: Грушин С.П., Горбунов В.В. Случайная находка железного наконечника стрелы из долины р. Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 147–151. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.23

THE ACCIDENTAL DISCOVERY OF AN IRON ARROWHEAD FROM THE SENTELEK RIVER VALLEY

Sergey P. Grushin, Vadim V. Gorbunov
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the publication of a random find — an iron arrowhead discovered in the valley of the Sentelek river in the Charyshsky district of the

Altai Territory. In Altai, iron three-bladed hexagonal arrowheads have appeared since the II century BC. The presence of such features in the Sentelek arrowhead as large dimensions, holes in the blades, “pseudo-tiering”, the presence of an annular stop when the feather passes into the petiole allows it to be associated with the Turkic culture of the second half of the 6th — the first half of the 7th century.

Keywords: arrowhead, Sentelek Valley, early Middle Ages

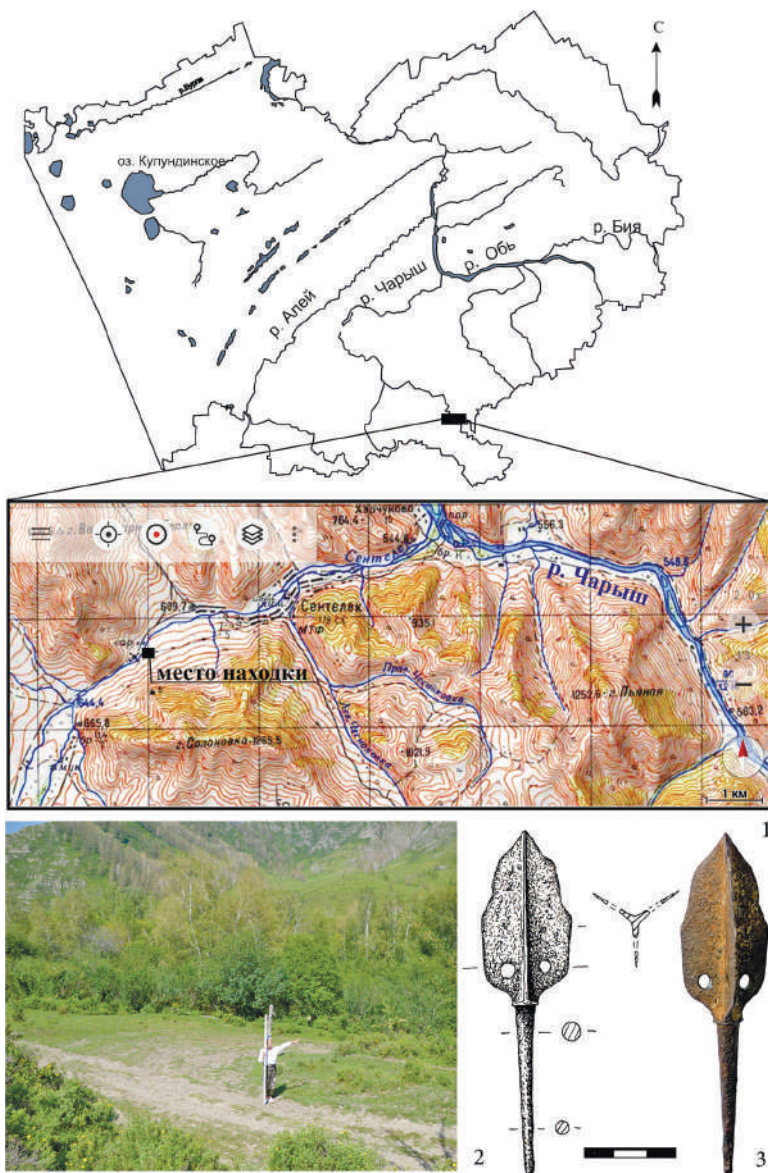
Acknowledgments: the field work and analysis of the find was carried out according to the project “The Turkic World of the Greater Altai”: Unity and Diversity in History and Modernity” (registry number 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

For citation: Grushin S.P., Gorbunov V.V. The Accidental Discovery of an Iron Arrowhead from the Sentelek River Valley // *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:147–151. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.23

Долина р. Сентелек в пределах Чарышского района Алтайского края в археологическом отношении достаточно хорошо изучена. В ней открыты и частично исследованы более десятка разновременных археологических памятников, представленных как курганными могильниками, так и поселенческими комплексами, которые датируются от эпохи верхнего палеолита до раннего средневековья. Часть имеющихся материалов являются случайными находками, обнаруженными местными жителями. Несмотря на то что наиболее полный свод подобных находок был опубликован ранее (Грушин, Афанасьева, 2021), их численность продолжает расти, что свидетельствует о большом археологическом потенциале долины р. Сентелек.

Необходимость публикации случайных находок обосновывалась в многочисленных работах, она не требует дополнительной аргументации. Данная статья посвящена характеристике и анализу железного наконечника стрелы, происходящего из долины р. Сентелек. Предмет был обнаружен директором туристической базы «Лесная» Игорем Васильевичем Кайдаловым на правом берегу р. Сентелек на первой надпойменной террасе, в 1 км к юго-западу, выше по течению реки от с. Сентелек Чарышского района Алтайского края (рис.-1). Находка сделана на месте соединения двух полевых дорог, одна из которых идет вдоль реки в с. Сентелек, другая — через брод на ферму (рис.-2). Наконечник стрелы был на время передан одному из авторов статьи в период работы Чарышской археологической экспедиции, которая осуществляла раскопки средневековых курганов на памятнике Урочище Балчикова-3. Предмет был сфотографирован, отрисован и описан, после чего возвращен находчику.

Публикуемый наконечник стрелы (рис.-3) сделан из железа или, возможно, из стали и имеет хорошую сохранность. Изделие покрыто довольно тонкой окисной пленкой, почти без следов активной коррозии. Лишь на острие пера присутствуют небольшие расслоения металла. На некоторых участках лопастей, образующих острие, даже сохранились следы заточки. Несмотря на случайный характер обнаружения, данный наконечник стрелы представляет определенный научный интерес. Его сохранность позволяет полноценно судить о технологии изготовления, изначальных параметрах и конструктивных особенностях.

Место находки на картах (1), фото с видом на место находки, снято с юго-востока (2), железный наконечник стрелы (3)
 The place of discovery on the maps (1), a photo with a view of the place of discovery, taken from the southeast (2), an iron arrowhead (3)

Общая длина изделия 10,9 см. Его конструкция делится на две основные части: перо, предназначенное для непосредственного поражения цели, и насад, служащий для закрепления наконечника на древке стрелы. Длина пера 5,5 см, наибольшая ширина 2,8 см. Оно представляет собой тело, состоящее из трех лопастей, в поперечном сечении имеющее форму трехлучевой звезды. Лопасты откованы приемом свободнойковки, с применением специальных приспособлений (штампы, обжимы, подставки), что позволило соблюсти их симметрию (Зиняков, 1988, с. 85; 1997, с. 121, 202). Толщина лопастей ближе к месту их соединения составляет 0,2 см. У основания лопастей пробито по одному круглому отверстию диаметром 0,4–0,5 см. Общий абрис пера близок к шестиугольной фигуре, но в месте перехода боковых сторон в острие наблюдается небольшой прогиб, образующий своего рода ступеньку, что придает всему силуэту слабовыраженную ярусность. В месте перехода пера в насад, под лопастями, приварено кольцо, образующее упор для древка. Его диаметр 0,8 см. Наконечник имеет черешковый насад, который вставлялся в торец древка стрелы, сделанный в виде круглого конусообразного стержня. Его длина 5,4 см, диаметр в основании 0,6 см, ближе к окончанию — 0,3 см.

На Алтае железные трехлопастные наконечники стрел шестиугольной формы появляются со II в. до н.э. и встречаются в ранних памятниках булан-кобинской культуры, отражая влияние комплекса вооружения хунну. Эти образцы имеют мелкие пропорции (Горбунов, Тишкин, 2006, с. 82, рис. 10.-7). В более поздних булан-кобинских памятниках, со II в. н.э., появляются шестиугольные наконечники увеличенных параметров, часть которых снабжается отверстиями в лопастях (Горбунов, 2006, рис. 23.-28, 24.-30; Горбунов, Тишкин, 2023, с. 161, рис. 1.-9–10). В дальнейшем наконечники этого типа составляют одну из ведущих серий тюркского стрелкового набора, встречаясь в памятниках Алтая 2-й половины V — 1-й половины X в. (Горбунов, 2006, с. 44, рис. 77).

Такая деталь оформления сентелекского экземпляра, как прогиб на лопастях при переходе в острие, создающий ярусность, а точнее псевдоярусность, находит аналогии у шестиугольных наконечников из тюркских памятников Алтая, Минусинской котловины и Тянь-Шаня 2-й половины VI — 1-й половины VIII в. (Гаврилова, 1965, табл. XVII.-9, XIX.-12-14, XXIV.-3; Худяков, 2004, рис. 41.-2; Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 94.-2). Наличие у сентелекского наконечника кольцевого упора при переходе пера в черешок также дает важную хронологическую информацию. Эта деталь появляется у наконечников стрел в середине IV в. и широко применяется до середины VII в. (Горбунов, 2006, с. 43). Сопоставляя полученные датировки, можно определить время бытования нашей находки 2-й половиной VI — 1-й половиной VII в., что, очевидно, отражает период наиболее активного использования подобных изделий.

В этнокультурном отношении наконечник стрелы из Сентелека следует атрибутировать как продукцию тюркских кузнецов. Район, где он найден, входил в ареал тюркской культуры, о чем свидетельствуют имеющиеся здесь погребальные памятники, например на могильнике Урочище Балчикова-3 (Шульга, Демин, 2021, с. 97), расположенного в 2,2 км ниже по течению реки

на противоположном берегу от места находки. Хорошая сохранность конечника и особенности его местонахождения делают маловероятным его происхождение из захоронения. Скорее всего, это либо случайно оброненная вещь, либо предмет из насыпи кургана, либо артефакт, связанный с поминальным комплексом. В тюркских оградках достаточно часто встречаются слабо коррозированные железные изделия, которые залегают неглубоко от поверхности. Подтвердить эти предположения позволят целенаправленные полевые исследования в будущем.

Список источников

- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4 (28). С. 79–85.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Погребение воина булан-кобинской культуры на могильнике Кокса (материалы раскопок И.С. Руденко на Алтае) // Российская археология. 2023. №3. С. 157–167.
- Грушин С.П., Афанасьева Е.В. Случайные находки артефактов из Чарышского района Алтайского края // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 32, №2. С. 44–60.
- Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск, 1988. 276 с.
- Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово, 1997. 368 с.
- Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. 152 с.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. 292 с.
- Шульга П.И., Демин М.А. Курганы Сентелека. Новосибирск, 2021. 188 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сергей Петрович Грушин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>, gsp142@mail.ru

Sergey P. Grushin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave. 61, Doctor of History, Docent, <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>, gsp142@mail.ru

Вадим Владимирович Горбунов, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

Vadim V. Gorbunov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave. 61, Doctor of History, Docent, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ
В ГОРНОМ МАССИВЕ КАЛМАККЫРГАН (Северо-Восточная
Сарыарка): ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ**

**Сергей Петрович Грушин¹, Илья Викторович Мерц^{1,2},
Виктор Карлович Мерц²**

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

²*Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан*

Резюме. Работа посвящена предварительным результатам комплексных археологических исследований тюркских объектов VII–VIII вв., расположенных на северо-востоке Сарыарки, в горном массиве Калмаккырган. В 2022–2023 гг. международной археологической экспедицией Объединенного археологического научно-исследовательского центра им. А.Х. Маргулана Торайгыров университета и Алтайского государственного университета были проведены стационарные работы на поминальных оградах в урочище Таскора, а также на стоянках в урочище Аккаин. Впервые для региона были получены поселенческие материалы, отражающие материальную культуру и бытовые сооружения населения тюркского времени, представленные железными орудиями, керамикой и кухонными остатками, а также фундаментами построек. Исследования позволили определить топографию подобных памятников и приступить к изучению особенностей системы жизнеобеспечения, что открывает принципиально новый аспект в тюркской археологии.

Ключевые слова: Северо-Восточная Сарыарка, горы Калмаккырган, тюркское время, поминальные ограды, стоянки

Благодарности: работы проводились по госзаданию «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Для цитирования: Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К. Исследования памятников тюркского времени в горном массиве Калмаккырган (Северо-Восточная Сарыарка): предварительное сообщение // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 152–160. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.24

**STUDIES OF THE SITES OF THE TURKIC PERIOD IN THE
KALMAKKYRGAN MOUNTAIN RANGE (NORTH-EASTERN SARYARKA):
PRELIMINARY REPORT**

Sergey P. Grushin¹, Ilya V. Merts^{1,2}, Viktor K. Merts²

¹*Altai State University, Barnaul, Russia*

²*Toraigyrov University, Pavlodar, Kazakhstan*

Abstract. The work is devoted to the preliminary results of complex archaeological studies of Turkic objects of the 7th–8th centuries discovered in the north-east of Saryarka

in the Kalmakkyrgan mountain range in 2022–2023. As a result of the work of the International Archaeological Expedition of the Joint Archaeological Research Center named after A.H. Margulan Toraihyrov and Altai State University, stationary studies of the memorial fence in the Taskora tract, as well as at three sites in the Akkain tract, were carried out. The emergency memorial fence has been fully investigated and museumized. For the first time, settlement materials reflecting the material culture of the population of the Turkic period, represented by iron tools, ceramics and kitchen remains, were obtained for the region. This discovery makes it possible to determine the topography of such sites and the features of the life support system, which opens up a fundamentally new aspect in the study of problems.

Keywords: North-Eastern Saryarka, Kalmakkyrgan mountains, Turkic time, memorial fences, parking lots

Acknowledgments: The work was carried out according to the project “The Turkic World of the Greater Altai”: Unity and Diversity in History and Modernity” (registry number 85000Ф.99.1.БН66АА04000).

For citation: Grushin S.P., Merts I.V., Merts V.K. Studies of the Sites of the Turkic Period in the Kalmakkyrgan Mountain Range (North-Eastern Saryarka): Preliminary Report. *Sokhranenie i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:152–160. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.24

Одной из проблем археологии Северо-Восточного Казахстана является слабая изученность памятников раннего средневековья. Практически полное отсутствие исследованных поселений не дает возможности адекватно судить о системе жизнеобеспечения и производства раннесредневековых тюрок в различных природно-климатических условиях Центрально-Азиатского региона. В связи с этим большую важность приобретают комплексные исследования отдельных районов, включающие поиск и выявление всех категорий археологических памятников раннесредневековых кочевников — погребально-поминальных, изобразительных и поселенческих. Подобный подход позволяет максимально выявлять имеющиеся археологические памятники и затем приступать к изучению наиболее важных для решения той или иной научной задачи объектов.

Такие работы были начаты Объединенным археологическим научно-исследовательским центром им. А.Х. Маргулана (далее — ОАНИЦ им. А.Х. Маргулана) Торайгыров университета под руководством В.К. Мерца в 2019–2020 гг. в горном массиве Калмаккырган на территории Акшиманского сельского округа Майского района Павлодарской области (рис. 1.-1). В результате было открыто свыше 127 археологических памятников и отдельных местонахождений от эпохи мезолита до этнографической современности, также удалось выявить поселения и наскальные изображения кочевников эпохи средневековья и Нового времени и, впервые для региона, сформулировать проблему выделения данной категории памятников (Мерц В.К., Мерц И.В., Демидкова, 2020). В 2022–2023 гг. исследования были продолжены ОАНИЦ им. А.Х. Маргулана совместно с Алтайским государственным университетом в рамках проекта «Тюркский мир „Большого Алтая“». Основной целью работы международной экспедиции было изучение тюркских памятников в горном массиве Калмак-

кырган. В общей сложности в настоящее время здесь известно две поминальные ограды, два поселения и серия случайных находок различных железных предметов. С учетом степени информативности, а также аварийного характера памятников археологические работы в 2023 г. были начаты на поминальных оградах, в урочище Таскора и на поселениях Аккаин-1–3¹.

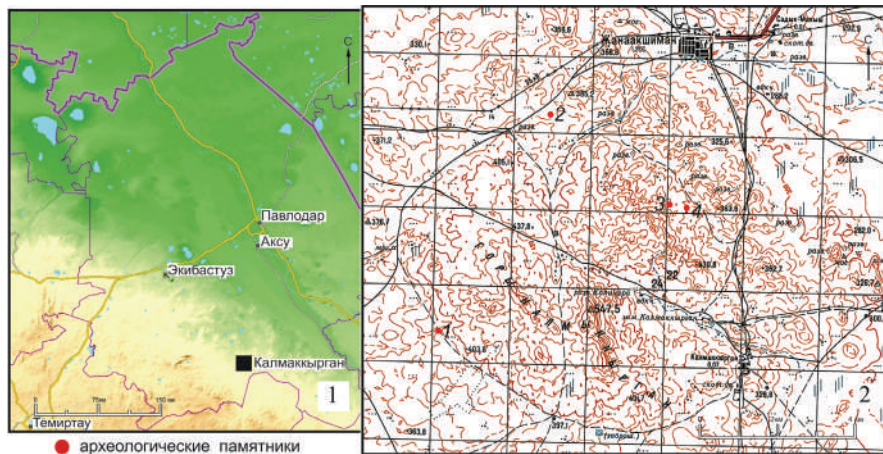

Рис. 1. Расположение горного массива Калмаккырган на карте региона (1). Исследованные памятники тюркского времени в горном массиве Калмаккырган (2):

1 — Калмаккырган; 2 — Таскора; 3 — Аккаин-4; 4 — Аккаин-1

Fig. 1. The location of the Kalmakkyrgan mountain range on the map of the region (1).

The studied sites of the Turkic time in the Kalmakkyrgan mountain range (2):

1 — Kalmakkyrgan; 2 — Taskyrgan; 3 — Akkain-4; 4 — Akkain-1

Тюркская поминальная ограда Таскора была обнаружена И.В. Мерцем в 2020 г., при обследовании выявленных ранее в одноименном урочище археологических объектов. Памятник расположен в 3,7 км к юго-западу от с. Новый Акшиман, в 0,3 км к югу от дороги в Баянаул и в 1 км к северо-востоку от развалин зимовки Таскора. Он представлял собой сильно задержанную разрушенную двоянную каменную ограду. Около северной конструкции находилось обломанное антропоморфное изваяние. После его расчистки удалось установить, что ограда представляет собой два отдельных объекта.

Ограда 1, размерами 1×1 м, ориентирована по сторонам света. Сооружение было разрушено, сохранились восточная и южная стенки ограды, состоящие из каменных гранитных плит. Северная и западная стенки отсутствовали, одна из стенок ограды была обнаружена в 1,5 м к востоку от нее. В центре сооружения камни отсутствовали, была зафиксирована яма округлой формы, диаметром 1 м, глубиной 0,24 м, на дне по центру отмечено углубление округлой

¹ В данной работе приводятся результаты работ на поселениях Аккаин-1 и 4, результаты работ на Аккаине-2 будут опубликованы отдельно.

формы диаметром 0,5 м, глубиной 0,4 м. У восточной стенки ограды, с внешней стороны, зафиксировано основание каменного изваяния, рядом с которым лежала его верхняя часть. Общие размеры изваяния — 0,88×0,2×0,2 см. В верхней его части выбивкой показаны контур лица человека, глаза, нос, усы (рис. 2). Изваяние ориентировано лицевой плоскостью на восток.

Ограда 2 располагалась в 0,8 м к югу от ограды 1, имела размеры 1,2×1,3 м, как и ограда 1, она была разрушена. Сохранились северная и восточная стенки сооружения, сложенные из плоских гранитных плит. Южная и западная стенки отсутствовали. В ограде фиксировалась грабительская яма, а также остатки

Рис. 2. Туркские поминальные ограды на памятнике Таскора
Fig. 2. Turkic memorial fences on the Taskor site

сломанной железной лопаты. Камни из заполнения ограда частично были выкинуты наружу. После разборки заполнения сооружения в ее центре зафиксирована яма овальной формы, с сужающимися ко дну стенками, размером 1,5×0,5 м и глубиной до 0,54 м, вытянутая длинной осью по линии запад-восток. В заполнении ямы обнаружены небольшие кусочки дерева, обломки костей животных, кости животных были найдены также при зачистке и разборке ограды. После исследования ограды были полностью реконструированы.

В настоящее время тюркских поминальных оград в Центральном Казахстане изучено немного (Дмитриев, Жусупов, 2019, с. 144). В некоторых случаях имеет место использование сооружений раннего железного века для совершения культовой практики в тюркское время (Пересветов, 2015, с. 637). Такой объект был исследован в 2019 г. на западной окраине горного массива Калмаккырган (Мерц В.К., Мерц И.В., Демидкова, 2020). Обнаруженное каменное изваяние в ограде 1 памятника Таскора относится к так называемым антропоморфным стелам с лицевыми изваяниями, которые для Горного Алтая датируются раннетюркским временем: VI — 1-я половина VII в. (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., Табалдиев, 2023, с. 213). Изваяние, наиболее близкое по стилистическим особенностям, происходит с правого берега р. Чуи, в Курайской степи (Кубарев, Кочеев, 1988, с. 211, табл. VII-16).

Основная масса поселений древних и средневековых кочевников расположена в восточной части Калмаккырганских гор, где они устраивались на ровных небольших площадках, укрытых скалами с трех сторон, выходы из которых были в южном и юго-восточном направлениях. Такое расположение поселений продиктовано, вероятно, защищенностью от ветра и близостью к водотокам. Необходимо отметить, что наличие в этом районе удобных, закрытых от ветра участков указывает на перспективу выявления здесь новых поселений кочевников. Группа поселений в урочище Аккаин расположена в северо-восточной части горного массива Калмаккырган, в 4 км к югу от с. Новый Акшиман. Памятники были открыты в 2019 г. В.К. Мерцем, собравшим на них первые артефакты. В 2023 г. работы проводились на трех поселениях — Аккаин-1, 2, 4. Поселение Аккаин-1 занимает небольшую, закрытую с трех сторон скальными выходами площадку, открытую с восточной стороны, размером 50×30 м. На поверхности визуальнo фиксируются остатки двух каменных конструкций. Центральное сооружение (№1) представляло собой прямоугольную конструкцию размерами 20×3 м, выполненную из крупных каменных блоков, поставленных на скальный цоколь. Объект был вытянут по линии запад-восток. Внутри него имелись перегородки, разделявшие постройку на несколько помещений: №1 — 2×7 м, №2 — 2,3×5 м; №3 — 2,3×3 м. По центру помещения №2 фиксировалось скопление небольших камней, вероятно, остатки очага. Еще одно помещение размерами 3×4 м была пристроено с юго-востока к помещению №1, с ним они имели общую стенку.

Небольшие работы по зачистке конструкций сооружения 1, проведенные в 2023 г., позволили установить, что культурный слой поселения в районе конструкций и за их пределами достигает мощности не более 0,1 м и лежит

на скальном цоколе. Тем не менее удалось обнаружить многочисленные кости животных, обломки железных предметов, несколько фрагментов неорнаментированной керамики.

Сооружение №2 располагалась в 1 м к северо-востоку от сооружения №1, имело подчетыреугольную форму размерами 5×6 м и было вытянуто по линии северо-восток — юго-запад, состояло из крупных каменных блоков, выложенных по периметру сооружения. Есть основание предполагать, что сооружение №2 относительно более позднее и было пристроено к сооружению №1, его также отличает форма, размеры и ориентация длинной осью.

На памятнике был получен разнообразный археологический материал, представленный металлическими изделиями, обломками керамики (рис. 3) и костями животных. Большая часть металлических орудий была собрана В.К. Мерцем в 2019 г. — это железные обломки язычков от ременных пряжек, целая ременная пряжка, шило, обломок котла, наконечник стрелы, обувные гвоздики и аморфный предмет (рис. 4.-1-4, 6-16). Единственным артефактом из цветного металла является трехгранный черешковый наконечник стрелы, который, по-видимому, относится к раннему железному веку и не связан с основным комплексом поселения Аккаин-1.

Керамика поселения представлена сосудами закрытой баночной и горшечной формы. Емкости диаметром 12–16 см имели прямые или округлые срезы устья. Какая-либо орнаментация на них отсутствует, внутренняя поверхность заглажена мягким предметом. Черепки плотные, серого цвета. Крайняя фрагментированность материала и его невыразительность не позволяют привести какие-либо аналогии.

В связи с этим наиболее показательным для датировки памятника является трехлопастной черешковый, т.н. «рогатый», наконечник стрелы. Прямые аналогии данное изделие находит среди охотничьих наконечников стрел городища Пенжикент в Зеравшанской долине. Один из таких предметов был там обнаружен в торгово-ремесленном помещении, в зольнике, образовавшемся при восстановлении соседнего дома в 740-е гг. н.э., и в завале с живописью около северной стены внешнего храма II. Как указывает В.И. Распопова, «... дата слоя не является датой наконечника, наконечники могут относиться к более раннему времени, чем слой, в котором они найдены» (Распопова, 1999, с. 19, 20, рис. 16.-16, 18-19).

Поселение Аккаин-4 расположено в 0,45 км к северо-западу от поселения Аккаин-1, в глубине горного массива, и занимает небольшую (50×50 м), закрытую со всех сторон скальными выходами площадку. На поверхности памятника визуально фиксируются остатки каменных конструкций, которые по своим особенностям близки к конструкциям поселения Аккаин-1. Центральное сооружение (№1) представляло собой прямоугольную конструкцию размерами 15×8 м, выполненную из крупных каменных блоков. Объект был вытянут по линии юго-запад — северо-восток. В центре сооружения фиксировалось скопление небольших камней, вероятно, остатки очага. Еще одно помещение, размерами 10×5 м, было пристроено к сооружению №1 с северо-востока, они имели общую стенку. В центральной и восточной частях площадки фиксиро-

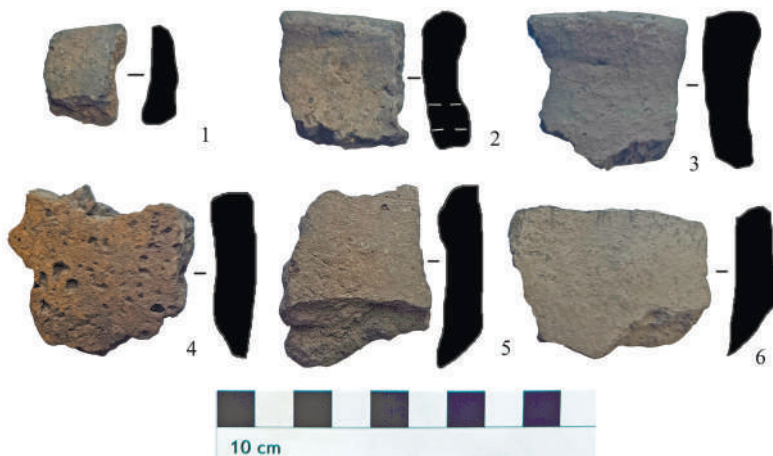

Рис. 3. Фрагменты керамики, обнаруженные при зачистке сооружения на стоянке Аккаин-1 в 2023 г.

Fig. 3. Fragments of ceramics found during the cleaning of the structure at the Akkaen-1 parking lot in 2023

Рис. 4. Артефакты, собранные на стоянке Аккаин-1 в 2019 г.: 1 — шило; 2 — ременная пряжка; 3 — обломок котла; 4-5 — наконечники стрел; 6-7, 11-14 — гвоздики; 8-10 — язычки ременных пряжек; 15 — обломок накладной пластики; 16-17 — обломки предметов (1-4, 6-17 — железо; 5 — бронза)

Fig. 4. Artifacts collected at the Akkaen-1 parking lot in 2019: 1 — awl; 2 — belt buckle; 3 — a fragment of a boiler; 4-5 — arrowheads; 6-7, 11-14 — carnations; 8-10 — tongues of belt buckles; 15 — a fragment of overhead plastic; 16-17 — fragments of objects (1-4, 6-17 — iron; 5 — bronze)

валось небольшое скопления камней, вероятно, надмогильные сооружения позднего времени. На территории поселения собраны материалы, представленные предметами из железа, среди которых обнаружены обломки котлов, а также наконечники стрел, некоторые из них можно датировать III–IV вв. н.э. Заложённый шурф размером 1×1 м в южной части поселения выявил остатки слабовыраженного культурного слоя мощностью не более 0,1 м.

Таким образом, в результате проведенных работ был получен своеобразный комплекс археологических предметов, отражающих материальную и духовную культуру раннесредневекового населения Северо-Восточной Сарыарки. На данный момент в перечень объектов, связанных с историей формирования тюркского культурного комплекса, среди исследованных в 2023 г. в горном массиве Калмаккырган можно отнести только поминальную ограду с изваянием, выполненным в тюркской иконографической манере, в урочище Таскора. Принадлежность каменных конструкций, открытых на стоянках Аккаин-1 и 4, требует дополнительных археологических исследований. Предварительно данные комплексы можно датировать временем не позднее VIII в. н.э. Проведенные работы являются первым шагом к изучению материальной культуры тюрков и связанных с ними исторических событий, которые необходимо продолжить. В целом удалось наметить главные направления исследований в этом районе, которые будут проводиться Объединенным археологическим научно-исследовательским центром им. А.Х. Маргулана Торайгыров университета и Алтайским государственным университетом.

Список источников

Дмитриев Е.А., Жусупов Д.С. Тюркские ограды могильника Танабай в контексте исследований раннесредневековых памятников Центрального Казахстана // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 21, №1. С. 144–154.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 202–222.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., Табалдиев К.Ш. Тюркские каменные изваяния и поминальные сооружения Алтая и Тянь-Шаня // Летопись тюркской цивилизации. Т. 1: Тюркский мир в VI–XII вв. Барнаул, 2023. С. 196–256.

Мерц В.К., Мерц И.В., Демидкова Е.Д. Археологические исследования в горах Калмаккырган (Майский район Павлодарской области) // Маргулановские чтения — 2020: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы, 2020. Т. 2. С. 483–497.

Пересветов Г.Ю. Каменные оградки с центральной стелой раннего железного века и тюркским изваянием (к вопросу о времени сооружения) // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Хух-Хото, 2015. Т. 2. С. 634–642.

Распопова В.И. Металлические изделия из Пенджикента (находки 1971–1998 гг.). СПб., 1999. 106 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сергей Петрович Грушин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>, gsp142@mail.ru

Sergey P. Grushin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Docent, <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>, gsp142@mail.ru

Илья Викторович Мерц, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, докторант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; Объединенный археологический научно-исследовательский центр им. А.Х. Маргулана Торайгыров университета, научный сотрудник; 140008, Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 64, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-9066-9629>, barnaulkz@mail.ru

Ilya V. Merts, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Doctoral Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Ph.D. of Historical Sciences; Joint Research Center for Archeological Studies Named after A.Kh. Margulan, Toraihyrov University, Researcher; 140008 Pavlodar, 64 Lomov street, <https://orcid.org/0000-0001-9066-9629>, barnaulkz@mail.ru

Виктор Карлович Мерц, Торайгыров университет, Объединенный археологический научно-исследовательский центр им. А.Х. Маргулана, директор; 140008, Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова 64, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-3163-1609>, v_merz@mail.ru

Victor K. Merts, Toraihyrov University, Joint Research Center for Archaeological Studies Named after A.Kh. Margulan, Director; 140008, Pavlodar, 64 Lomov street, Ph.D. of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-3163-1609>, v_merz@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 903.5:902.6

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.25

EDN: KVCGNW

НОВЫЕ ДАННЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ КУРГАНА АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ИНСКОЙ ДОЛ (Алтай)

Петр Константинович Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье отражены результаты радиоуглеродного датирования кургана №5 могильника Инской Дол, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края. Радиоуглеродное датирование осуществлялось в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (г. Томск). Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный возраст произведена с помощью программы CALIB REV-8.2. В результате были получены следующие даты: по 1δ (68%) — 3495–3020 BC; по 2δ (95%) — 3626–2903 BC. Полученные даты для кургана №5 могильника Инской Дол в целом соотносятся с результатами датирования других памятников афанасьевской культуры. В целом на основании результатов археологического и радиоуглеродного датирования курган №5 отнесен к началу III тыс. до н.э.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, афанасьевская культура, Алтай, курганы

Для цитирования: Дашковский П.К. Новые данные радиоуглеродного датирования кургана афанасьевской культуры из могильника Инской Дол (Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 160–165. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.25

NEW DATA ON RADIOCARBON DATING OF THE AFANASIEVSKAYA CULTURE MOUND FRO THE INSKOY DOL BURIAL GROUND (Altai)

Petr K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article reflects the results of radiocarbon dating of mound No. 5 of the Inskoy Dol burial ground, located in the Krasnoshchekovsky district of the Altai Territory. Radiocarbon dating was carried out at the Analytical Center for Isotope Research of the Institute for Monitoring Climatic and Ecological Systems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk). Calibration of radiocarbon ages to calendar ages was carried out using the CALIB REV-8.2 program. As a result, the following dates were obtained: for 1δ (68%) –3495–3020 BC; by 2δ (95%) — 3626–2903 BC. The obtained dates for mound No. 5 of the Inskiy Dol burial ground generally correlate with the dating results of other sites of the Afanasyevskaya culture. In general, based on the results of archaeological and radiocarbon dating, mound No. 5 is dated to the beginning of the 3rd millennium BC.

Keywords: radiocarbon dating, Afanasyevskaya culture, Altai, burial mounds

For citations: Dashkovskiy P.K. New Data on Radiocarbon Dating of the Afanasyevskaya Culture Mound from the Inskoy Dol Burial Ground (Altai). *Sokhranenie i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and study of the cultural heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:160–165. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.25

В последние годы в археологии Южной Сибири и Западной Монголии особое внимание уделяется выявлению и изучению памятников эпохи энеолита и раннего бронзового века. Среди древних культур обозначенного региона важное значение имеет афанасьевская культура, памятники которой хорошо известны в горных районах Алтая, Хакасии и Западной Монголии (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014; Ларин, 2005; Кирюшин и др., 2010; Дашковский, 2019; Дашковский, Степанова, 2018; и др.). Одной из особенностей погребальных памятников данной культуры является ограниченное количество сопроводительного инвентаря, а иногда и полное его отсутствие. В этой ситуации важное значение для установления датировки памятника, кроме анализа особенностей погребального обряда, имеет радиоуглеродный анализ. Определенный опыт радиоуглеродного датирования памятников афанасьевской культуры уже накоплен (Поляков, 2010, с. 158–171; Поляков, Святко, Степанова, 2017, с. 62–66; и др.). В данной публикации представлены результаты радиоуглеродного датирования кургана №5 из могильника Инской Дол, который относится к афанасьевской культуре.

Курганный могильник Инской Дол был обнаружен автором в 2010 г. в процессе изучения разновременных археологических памятников в пределах Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в Крас-

нощекоском районе Алтайского края (Дашковский, 2023а). Он расположен на второй надпойменной террасе в 2 км к юго-востоку–востоку от с. Чинета (Краснощекоский район Алтайского края) на левом берегу р. Иня в южной части долины. В 0,8 км к северу от могильника Инской Дол протекает р. Ханхара. В 0,7 км к юго-востоку от памятника находится фундамент от здания пионерского лагеря у края берега р. Иня. На памятнике выявлено 18 курганов эпохи неолита и раннего железного века, которые полностью исследованы.

Результаты археологического изучения кургана №5 на могильнике Инской Дол опубликованы (Дашковский, Степанова, 2018), поэтому ограничимся краткой характеристикой зафиксированных особенностей погребального обряда и инвентаря. Курган №5 находился в южной части могильника в 5 м к северу от другого кургана афанасьевской культуры №4 и составлял с ним одну микрогруппу. Несмотря на высокую степень задернованности, он, особенно каменная ограда по периметру, хорошо просматривался на уровне современной дневной поверхности. Курган имел каменную кольцевую ограду шириной 2,25–3,5 м, сложенную из средних и крупных камней и плит. Наиболее крупные плиты выявлены в северо-восточном секторе объекта. Диаметр ограды, сложенной из камня в два-три слоя, по оси С–Ю достигает 15,25 м, по оси З–В — 15 м, высота 0,9 м. В западной части сооружения зафиксирован проход шириной до 2 м. Внутри ограды находилась подпрямоугольная конструкция из камней, сложенных в один слой, которая ориентирована по сторонам света; ее размеры 5,5×5,0 м. Под конструкцией была могильная яма размерами 2,3×1,67×0,72 м, ориентированная почти строго по сторонам света. В ней обнаружен скелет человека, который был погребен на спине, вероятно, с подогнутыми ногами, головой на запад. В 0,15 м к северу от черепа находился сосуд яйцевидной формы с острым дном. Его общая высота 19,5 см, высота венчика до 2,6 см, диаметр венчика и тулова 12 и 15 см соответственно. Сосуд заглажен изнутри и снаружи твердым предметом. Венчик орнаментирован отрисками зубчатого инструмента. Вверху изделия — горизонтальные ряды двух инструментов или предмета с двумя рабочими краями, а ниже — диагональные и вертикальные (Дашковский, Степанова, 2018).

Сосуд из кургана №5 изготовлен из ожелезненного среднепластичного глиноподобного сырья из разных источников, характерных для горной местности. В него введены шамот и органические добавки. При этом в составе теста, из которого изготовлен сосуд из кургана №5, зафиксировано значительное количество мелких обломков известняка (Дашковский, Степанова, 2018). Подобная примесь не характерна для керамики из горного и равнинного Алтая (Степанова, 2015а). В то же время на территории Краснощекоского района Алтайского края известны выходы известняка, что, вероятно, и обусловило его появление в составе теста. Шамот иногда добавляли при изготовлении афанасьевской керамики, однако его применение относится к угасающим традициям (Степанова, 2015б). Сосуд из кургана №5 был украшен инструментом с необычными длинными зубцами, отриски которого составляют вертикальные ряды. Для афанасьевской культуры характерны орнаменты с мелкими

зубцами, отпечатки которых составляют горизонтальные ряды, вертикальные и диагональные ряды встречаются очень редко (Степанова, 2010а, б).

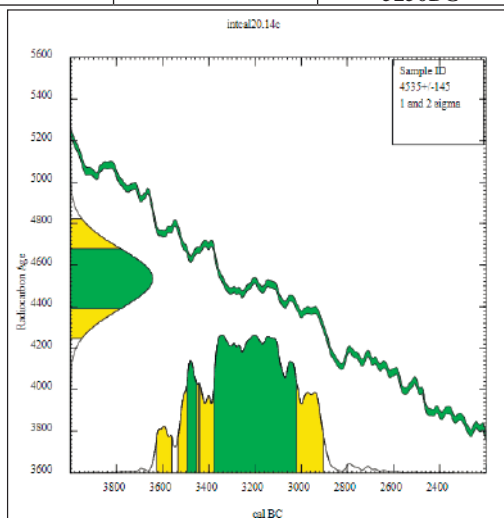
Теперь остановимся на результатах радиоуглеродного анализа образца кости человека из кургана №5 могильника Инской Дол. Радиоуглеродное датирование осуществлялось в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (ИМКЭС СО РАН, г. Томск). Радиоуглеродный анализ проведен жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра радиометра Quantulus. Полученные результаты представлены в таблице.

**Результаты радиоуглеродного анализа образца из кургана №5
могильника Инской Дол**
**The results of radiocarbon analysis of a sample from burial mound No. 5
of the Inskoy Dol burial ground**

Лабораторный номер	Описание образца	Место отбора	Радиоуглеродный возраст (BP) Даты отсчитываются от 1950 г.	Календарный возраст (cal BC/AD)
ИМКЭС-14С2186	Кости человека	Курганный могильник Инской Дол, могила №1, курган №5	4535±145	По 1 σ (68%) 3495–3020BC По 2 σ (95%) 3626–2903BC Средн. вероят. значение –3230BC

Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный возраст произведена с помощью программы CALIB REV-8.2 старшим научным сотрудником ИМКЭС СО РАН к.т.н. Г.В. Симоновой.

Полученный результат, несмотря на определенный широкий диапазон дат, дополняет наши данные по исследованию афанасьевской культуры, особенно на территории Северо-Западного Алтая. Ранее уже были получены две радиоуглеродные даты для курганов №4 и 9 могильника Инской Дол (Дашковский, Степанова, 2018; Дашковский

*Интервалы калиброванного календарного
возраста Calibrated calendar age intervals*

2023б), которые вполне коррелируют с результатами радиоуглеродного датирования кургана №5. Полученные с помощью радиоуглеродного метода даты для курганов №4, 5, 9 могильника Инской Дол в целом соотносятся с хронологическими рамками афанасьевской культуры (Степанова, 2009; Поляков, 2010; Поляков, Святко, Степанова, 2017; и др.).

Таким образом, полученные в процессе радиоуглеродного анализа результаты дают дополнительные основания для датирования кургана №5 могильника Инской Дол концом IV — началом III тыс. до н.э., вероятнее всего, началом III тыс. до н.э. и отнесения его к периоду существования в Южной Сибири афанасьевской культуры. Использование радиоуглеродного метода для датирования других объектов эпохи палеометалла, раскопанных на могильнике Инской Дол, будет продолжено.

Список источников

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014. 380 с.

Дашковский П.К. Курган эпохи палеометалла из могильника Ханкаринский дол (Горный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2019. №3 (20). С. 19–33.

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель. Барнаул, 2023а. 72 с. (Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии. Вып. 6).

Дашковский П.К. Результаты Радиоуглеродного Датирования Кургана Афанасьевской Культуры №4 Из Могильника Инской Дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2023б. Вып. XXIX. С. 128–133.

Дашковский П.К., Степанова Н.Ф. Инской дол — памятник эпохи ранней бронзы в Западном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, №1. С. 41–50.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы средней Катуня (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул, 2010. 80 с.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул, 2005. 208 с.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 158–171.

Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Новые данные по радиоуглеродной хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая // Труды V Всероссийского археологического съезда. Барнаул, 2017. Т. I. С. 62–66.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 154–159.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010а. С. 177–187.

Степанова Н.Ф. Особенности орнаментальных композиций афанасьевской керамики из погребальных комплексов Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010б. Т. XVI. С. 307–311.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самар. науч. вестн. 2015а. №4 (13). С. 90–95.

Степанова Н.Ф. Роль керамики в изучении афанасьевской культуры // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М., 2015б. С. 269–277.

Информация об авторе / Information about the Author

Петр Константинович Дашковский, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>, dashkovskiy@fpn.asu.ru

Petr K. Dashkovskiy, Altai State University, Department of Regional Studies of Russia of National and State-Confessional Relations, Head of the Department; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, Doctor of Historical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>, dashkovskiy@fpn.asu.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 903.4

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.26

EDN: KVELTV

РАННИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ТАЛИЦА-ПЕРЕХОД

Михаил Александрович Демин¹, Артур Леонидович Кунгуров²

¹*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия*

²*Независимый исследователь, Барнаул, Россия*

Резюме. Статья посвящена публикации раннего керамического комплекса из материалов раскопок аварийного поселения Талица-Переход. Памятник находится на правом берегу р. Катунь около с. Березовка Красногорского района Алтайского края. При исследовании объекта зафиксированы материалы различных временных периодов — от каменного века до Средневековья. Наиболее показательный и обширный комплекс артефактов относится к быстринской культуре раннего железного века. В меньшем количестве встречена керамика различных периодов бронзового века (ранний бронзовый век, андроновская и ирменская культуры) и раннескифского времени (большереченская культура).

Ключевые слова: поселение, раскопки, керамика, орнамент, тип, ранний железный век, ирменская культура, поздний бронзовый век, раннескифское время

Для цитирования: Демин М.А., Кунгуров А.Л. Ранний керамический комплекс поселения Талица-Переход // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 165–171. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.26

THE EARLY CERAMIC COMPLEX OF THE TALITSA-PEREKHOD SETTLEMENT

Michael A. Demin¹, Arthur L. Kungurov²

¹*Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia*

²*Independent researcher, Barnaul, Russia*

Abstract. The article is devoted to the publication of an early ceramic complex from the materials of the excavations of the emergency settlement Talitsa-Perekhod. The site is located on the right bank of the Katun River near the village of Berezovka in the Koasnogorsk district of the Altai Territory. During the study of the object, materials from various time periods from the Stone Age to the Middle Ages were recorded. The most significant and extensive complex of artifacts belongs to the Bystryan culture of the Early Iron Age. Ceramics from various periods of the Bronze Age (Early Bronze Age, Andronovo and Irmen cultures) and Early Scythian time (Bolsherechenskaya culture) are found in smaller numbers.

Keywords: settlement, excavations, ceramics, ornament, type, early Iron Age, Irmen culture, late Bronze Age, Early Scythian time

For citation: Demin M.A., Kungurov A.L. The Early Ceramic Complex of the Talitsa-Perekhod Settlement. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:165–171. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.26

Осенью 2012 г. археологический отряд АлтГПА совместно с научно-исследовательским центром «Наследие Сибири» под руководством М.А. Демина и Ю.Т. Мамадакова исследовал аварийное поселение Талица-Переход в Красногорском районе Алтайского края в 0,8 км к востоку от села Бerezовка. Работы были обусловлены тем, что территория памятника попадает в зону строительства газопровода высокого давления от с. Бerezовка до г. Бийска. Поселение расположено на надпойменной террасе высотой 3–4 м, на правом берегу руч. Талица, притока р. Бerezовка (Мамадаков, Демин, Запрудский, 2013; Демин, Кунгуров, Мамадаков, 2022). Устьевая зона р. Бerezовки, имеющей общую длину 30 км и впадающей в р. Катунь справа в 61 км выше ее устья, образует достаточно обширную сегментовидную пониженную врезку в правый коренной борт Катунской долины. Ширина этого орографического образования (с севера на юг) 2,25 км, глубина (с запада на восток) 2,633 м. Частично данное расширение связано с р. Талица, впадающей в р. Бerezовку справа. Расширение долины занято с. Бerezовка Красногорского района Алтайского края (Алтайский край. Атлас, 1978).

Небольшая р. Талица протекает по межгорной котловине с северо-востока. Общая длина около 5,5 км. Впадает в р. Бerezовку в районе северо-восточной окраины села в 4,5 км выше ее устья, расположенного северо-западнее села. Река некоторое расстояние протекает параллельно руслу Катунь по ее пойменной правобережной зоне. Речка Талица, в устьевой зоне которой расположено поселение Талица-переход, огибает с южной стороны возвышенность высотой 81 м над урезом р. Катунь (287 м над у.м.). Поселение рас-

положено на южном подножье упомянутой возвышенности, имеющем вид наклонной террасы, падающей от крутого цокольного склона на уровне 400 м до 200 м над у.м. около кромки правого борта долины Талицы (14 м над уровнем реки).

Культурный слой поселения, содержащий археологический материал различных эпох, изучен на площади в 616 м. Глубина слоя от 40 до 80 см. В результате работ была получена значительная коллекция артефактов: насчитывают 3498 фрагментов керамики (2765 стенок без орнамента, 83 — с орнаментом, 494 орнаментированных венчика, 65 неорнаментированных венчиков, 79 придонных частей, 12 доннышек, 12 развалов сосудов).

Основная часть керамики относится к быстринской культуре раннего железного века, помимо этого, встречены фрагменты эпохи ранней бронзы, ирменской, большещеченской и одинцовской культур.

Комплекс бронзового века представлен только обломками керамики. С определенной долей вероятности по особенностям орнаментации можно выделить керамику раннего, развитого и позднего бронзового века. К сожалению, фрагментов очень немного, поэтому уверенно идентифицировать хронологию и культурную принадлежность материалов достаточно сложно.

К *раннему бронзовому веку* с определенной долей уверенности можно отнести семь фрагментов. Орнамент представлен оттисками отступающего гребенчатого штампа, лента которого сочетается с наклонными прочерченными линиями (рис. 1.-1), подобные линии с переходом в гладкую качалку (рис. 1.-3, 4), параллельные горизонтальные и наклонные полосы, нанесенные отступающей палочкой (рис. 1.-2, 5, 6) и декор с затертыми желобками и валиками (рис. 1.-7). Подобный орнаментальный мотив характерен для елуинской культуры раннего бронзового века (последняя четверть III тыс. до н.э. — 1-я половина XVI в. до н.э.). Ближайшие памятники этого типа расположены в окрестностях г. Бийска (Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992а, б).

Развитый бронзовый век представлен пятью фрагментами керамики андроновской культуры (XIII–XV вв. до н.э.). Венчик (рис. 1.-8) и два фрагмента тулова баночных сосудов, украшенных оттисками гладкого и гребенчатого штампа (рис. 1.-11, 14), и два небольших обломка от горшковидных сосудов. Один имеет узор в виде традиционного андроновского треугольника, нанесенного мелкозубчатым штампом (рис. 1.-10), второй — фрагмент тулова, украшенный геометрическим узором, нанесенным гладким штампом, и рядом сегментовидных оттисков (рис. 1.-16).

Поздний бронзовый век (ирменская культура XII–IX вв. до н.э.) представлен 12 фрагментами керамических сосудов, имеющих закрытую баночную форму. Орнамент характерен для данного периода времени — геометрические узоры по краю венчика, жемчужник, сеточка, нанесенная зубчатым штампом, гладкие наклонные линии и т.п. (рис. 2.-1–7). И андроновские, и ирменские памятники распространены в низовьях Бии и Катуня, характеризуя южную окраину распространения этих культур (История Алтая, 2019).

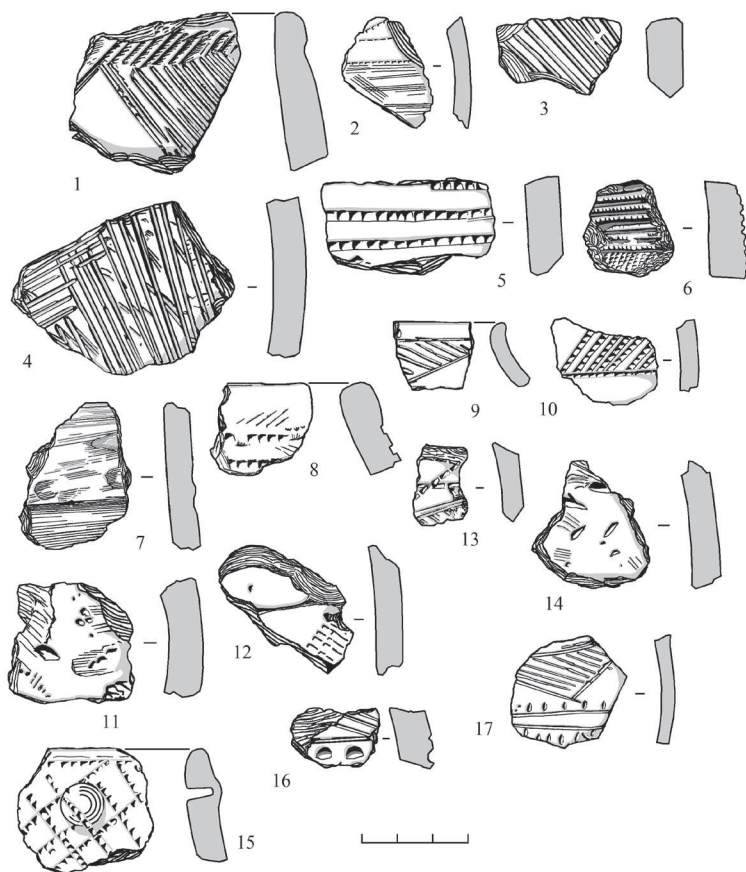

Рис. 1. Поселение Талица-Переход. Керамика периода ранней (1-7), развитой (8-16) и поздней бронзы

Fig. 1. Talitsa Settlement-Transition. Ceramics of the Early (1-7), Advanced (8-16) and Late Bronze Age periods

Комплекс переходного периода от бронзового века к железню (большереченская культура VIII–VI вв. до н.э.) представлен 15 обломками орнаментированных сосудов. Те изделия, форма которых реконструируется, имеют закрытую баночную форму. Наиболее распространен орнаментальный мотив в виде параллельных горизонтальных линий (от двух до пяти), нанесенных по верхней части сосуда (венчик — плечики) (рис. 3.-1, 2, 5, 6). В нескольких случаях фиксируются дополнительные элементы в виде небольших «семечковидных» оттисков гладкого штампа и насечек ниже зоны линий (рис. 3.-12, 14), косых зубчатых оттисков (рис. 3.-13) и линии «семеч-

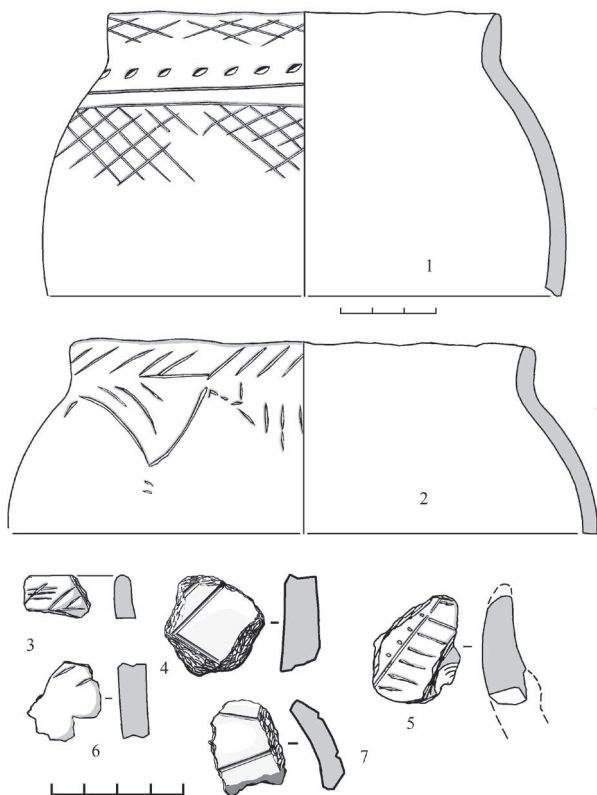

Рис. 2. Поселение Талица-Переход. Керамика периода поздней бронзы
 Fig. 2. Talitsa Settlement-Transition. Ceramics from the Late Bronze Age

ковидных» насечек выше орнаментальных линий (рис. 3.-15). Один обломок венчика украшен вертикальными оттисками по горизонтальному линейному углублению и косыми оттисками гладкого штампа (рис. 3.-7). Единственным экземпляром представлен обломок закрытой чашки, украшенной по плечикам сеточкой, ограниченной сверху и снизу гладкими горизонтальными линиями. Ниже этого орнаментального мотива нанесен ряд сегментовидных оттисков (рис. 3.-8). Четыре фрагмента горшковидных сосудов украшены жемчужником, скомбинированным с другими элементами декора:

— обломок венчика с двумя рядами жемчужин, разделенных треугольными угловыми оттисками гладкого штампа (рис. 3.-9);

— венчик, украшенный жемчужником с разделителем в виде трех вертикальных оттисков гладкого штампа. Сверху полоса разделителя ограничена горизонтальной гладкой линией, снизу — горизонтальной зубчатой лини-

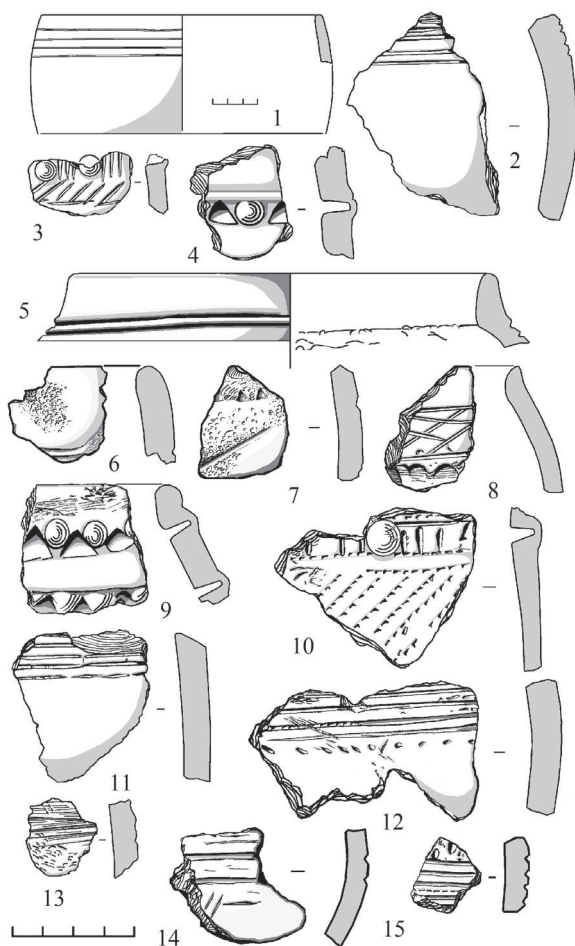

Рис. 3. Поселение Талица-Переход. Керамика раннескифского времени (большереченская культура)

Fig. 3. Talitsa Settlement-Transition. Ceramics of the Early Scythian period (Bolsherechenskaya culture)

ей. Ниже и выше жемчужника с разделителем имеются наклонные оттиски мелкозубчатого штампа (рис. 3.-10);

— фрагмент верхней части сосуда, украшенной жемчужником с разделителем в виде трех-четырех вертикальных оттисков гладкого штампа. Ниже нанесена наклонная полоса гладких оттисков, ограниченных снизу аналогичными, но горизонтальными отпечатками (рис. 3.-3);

— фрагмент верхней части сосуда, украшенной жемчужником с разделителем треугольными угловыми оттисками гладкого штампа (рис. 3.-4). Сверху полоса жемчужника ограничена узким валиком.

Вся керамика и по форме, и по орнаментации является типичной посудой большереченской культуры. Аналогичные материалы происходят с городища Королев Лог (1,9 км к северо-западу), городища Пикет (12,8 км к северо-западу) ниже по течению Катуня, могильника Сартайка-I и городища Усть-Иша-2 (16,7 км к юго-юго-востоку) выше по течению в устье р. Иша. К этому же времени относится и часть погребений курганного могильника Березовка-I (Абдулганеев, 2008; Полторацкая, 1961).

Список источников

Абдулганеев М.Т. Древняя история Красногорского района // Красногорский район: история и современность. Барнаул, 2008. С. 23–84.

Алтайский край. Атлас. Т. 1. М.; Барнаул, 1978. 222 с.: ил.

Демин М.А., Кунгуров А.Л., Мамадаков Ю.Т. Талицкий тип керамики быстрянской культуры // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (Археология, этнография, устная история, музееведение). 2022 г. Вып. XVII. Барнаул, 2022. С. 102–108.

История Алтая: в 3 т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019. 392 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992а. С. 7–47.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992б. С. 100–114.

Мамадаков Ю.Т., Демин М.А., Запрудский С.С. Исследование поселения Талица-Переход в Красногорском районе Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг. Археология, этнография, устная история. Вып. 8. Барнаул, 2013. С. 56–65.

Полторацкая В.Н. Могильник Березовка-I // Археологический сборник. Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии Вып. 3. Л., 1961. С. 74–88.

Информация об авторах / Information about the Authors

Михаил Александрович Демин, Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, профессор; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55; доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>, mademin52@mail.ru

Mikhail A. Demin, Altai State Pedagogical University, Department of Russian History; 656031, Barnaul, Russia, Molodezhnaya St. 55; Doctor of History, Professor; <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>, mademin52@mail.ru

Артур Леонидович Кунгуров, кандидат исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0009-0003-2291-1729>; artur.kungurov@mail.ru

Artur L. Kungurov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0009-0003-2291-1729>; artur.kungurov@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА АНДРОНОВСКОЙ (ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ МАНЖИХА В ВЕРХНЕМ ПРИЧУМЫШЬЕ

Михаил Александрович Демин¹, Сергей Михайлович Ситников²,
Илья Андреевич Савко^{1, 3, 4}

¹Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия

²Автономная некоммерческая организация
«Алтайское археологическое общество», Барнаул, Россия

³Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

⁴Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена истории и предварительным результатам изучения могильника андроновской (федоровской) культуры Манжиха, расположенного в верховьях р. Чумыш близ с. Победа в Целинном районе Алтайского края. Памятник был обнаружен А.П. Уманским в 1960-е гг., исследовался П.Ф. Рыженко, затем экспедицией БГПУ (ныне АлтГПУ). В ходе раскопок с 2003 по 2006 г. обнаружено 10 захоронений андроновской культуры. Погребения располагались по линии юго-запад-северо-восток, в трети погребений встречались деревянные внутримогильные конструкции в виде обкладки или рамы. Погребенные были уложены скорченно на левый бок, головой в западный и юго-западный сектор. В могилах найдены керамические сосуды с характерным геометрическим декором, металлический инвентарь практически не встречался. Большая часть захоронений была не потревожена, что определяет дальнейшую перспективность изучения памятника.

Ключевые слова: андроновская (федоровская) культура, Верхнее Причумышье, Целинный район, погребальный обряд, керамика

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов».

Авторы выражают благодарность за содействие в сборе информации о памятнике сотруднику Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края Г.А. Миляеву.

Для цитирований: Демин М.А., Ситников С.М., Савко И.А. Предварительные результаты раскопок грунтового могильника андроновской (федоровской) культуры Манжиха в Верхнем Причумышье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 172–180. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.27

PRELIMINARY RESULTS OF EXCAVATIONS OF THE MANZHUKHA SUBSOIL BURIAL GROUND OF THE ANDRONOVSKAYA (FEDOROVSKAYA) CULTURE IN THE UPPER CHUMYSH REGION

Mikhail A. Demin¹, Sergey M. Sitnikov², Ilya A. Savko^{1, 3, 4}

¹Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

²Autonomous Non-Profit Organization “Altai Archaeological Society”,
Barnaul, Russia

³Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

⁴Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the history and preliminary results of studying the Manzhukha subsoil burial ground of the Andronovo (Fedorovskaya) culture of, located in the upper reaches of the Chumysh river near the village. Victory in the Tselinny region of the Altai Territory. The site was discovered by A.P. Umansky in the 1960s, studied by P.F. Ryzhenko, then by the expedition of the BSPU (now AltGPU). During excavations from 2003 to 2006, 10 burials of the Andronovo culture were discovered. The burials were located along the southwest–northeast line; in a third of the burials, wooden intra-grave structures in the form of a lining or frame were found. The buried were laid crouched on their left side, with their heads to the western and southwestern sectors. Ceramic vessels with a characteristic geometric decoration were found in the graves; metal utensils were practically not found. Most of the burials were undisturbed, which determines the further prospects for studying the site

Keywords: Andronovo (Fedorovskaya) culture, Upper Chumyshye, Tselinny region, funeral rites, ceramics

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00179 “Migrations and Processes of Ethnocultural Interaction as Factors in the Formation of Multiethnic Societies on the Territory of the Greater Altai in Antiquity and the Middle Ages: Interdisciplinary Analysis of Archaeological and Anthropological Materials.”

The authors express gratitude for the assistance in collecting information about the monument, an employee of the Department of State Protection of Cultural Heritage Objects of the Altai Territory to G.A. Milyaev.

For citation: Demin M.A., Sitnikov S.M., Savko I.A. Preliminary Results of Excavations of the Manzhukha Subsoil Burial Ground of the Andronovskaya (Fedorovskaya) Culture of in the Upper Chumysh Region. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:172–180. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.27

Грунтовый могильник Манжуха (Манжуха-5)¹ расположен в Целинном районе Алтайского края, в 0,5 км к востоку от окраины с. Победа и в 1 км к северо-востоку от устья р. Манжуха. Территория памятника расположена на правом берегу р. Чумыш (высота от уреза воды 10–20 м), на нескольких

¹ Официальное название памятника — «Манжуха, грунтовый могильник». Регистрационный номер в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации — 221441061240006.

мысах высотой 8–10 м, разделенных логами (Кунгуров, 2005, с. 21; Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 29). В 200 м к югу от могильника находится поселение андроновской (федоровской) культуры Манжиха-2 (Кунгуров, Лузин, 1992, с. 42; Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 24–25, 27).

По сведениям А.Л. Кунгурова, проводившего картографирование памятника в 1991 г., могильник был обнаружен А.П. Уманским в 1965 г. (Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 27), который заложил на каждом из мысов несколько траншей общей площадью около 400 кв. м, где исследовано по несколько погребений.

Однако в работах А.П. Уманского (1965, 1967) и в музейных коллекциях, полученных из его раскопок, хранящихся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея и Историко-краеведческого музея АлтГПУ (Радовская, Радовский, 2023; Савко, 2023), упоминания о данном памятнике нет.

Позднее краеведом из с. Победа П.Ф. Рыженко было расчищено разрушающееся детское погребение (Кунгуров, Лузин, 1992, с. 42). В могиле находился скелет ребенка, лежавший скорченно на левом боку головой на юго-запад, рядом с которым был обнаружен сосуд горшковидной формы с характерным для андроновской (федоровской) культуры декором, выполненным гребенчатым штампом, в виде треугольников на венчике и горизонтальным зигзагом на тулове (Кунгуров, Лузин, 1992, с. 42).

В дальнейшем памятник исследовался экспедицией Барнаульского педагогического университета (ныне АлтГПУ) под рук. М.А. Демина и С.М. Ситникова с 2003 по 2006 г. Могильник был переоткрыт в ходе планомерной шурфовки края террасы в 2003 г. и первоначально получил название Манжиха-5, которое закрепилось за ним в полевой документации, а также в ряде публикаций (Кирюшин, Грушин, Папин, 2007, с. 87). В 2016 г. могильник был обследован Д.С. Леонтьевой (2017). В ходе археологической разведки исследователем на обнажениях почвенного слоя зафиксировано два фрагмента керамических сосудов: один из которых орнаментирован оттисками крупного гребенчатого штампа и отнесен к андроновской (федоровской) культуре, второй фрагмент не орнаментирован и предположительно относится к раннему железному веку (Леонтьева, 2017, с. 22). Мониторинг памятника также осуществлялся в ходе работ НПЦ «Наследие» в 2002 г. и Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) в 2021 г. В процессе обследования в 2021 г. сотрудником Алтайохранкультуры Г.А. Милевым на территории памятника на разных участках мыса зафиксировано четыре ямы площадью от 41 до 476 кв. м, глубиной 0,2–0,6 м, по-видимому, представляющих собой раскопы предыдущих лет.

В ходе раскопок экспедицией Барнаульского государственного педагогического университета с 2003 по 2006 г. исследована площадь около 300 кв. м, где обнаружено 10 захоронений андроновской (федоровской) культуры и более 10 могил, предположительно русского периода.

Имеющиеся данные по планиграфии могильника (рис. 1) позволяют говорить о том, что, погребения на пространстве некрополя располагались

по линии юго-запад–северо-восток. Какой-либо устойчивой закономерности в локализации погребений на могильном поле некрополя не зафиксировано. Могильные ямы андроновских погребений зачастую имели подпрямоугольную, с округлыми краями форму, средние размеры 2,13×1,23 м и глубину 0,64 м.¹ В трети могил в качестве внутримогильных конструкций зафиксирована деревянная обкладка, от которой в большинстве случаев сохранился лишь тлен. В одном случае отмечены остатки от деревянной рамы (рис. 2.-3), которая представляла собой бревна или полубревна толщиной 10–15 см, уложенные по краям могилы, при этом поперечные и продольные плахи были уложены встык, а сверху располагалось деревянное перекрытие.

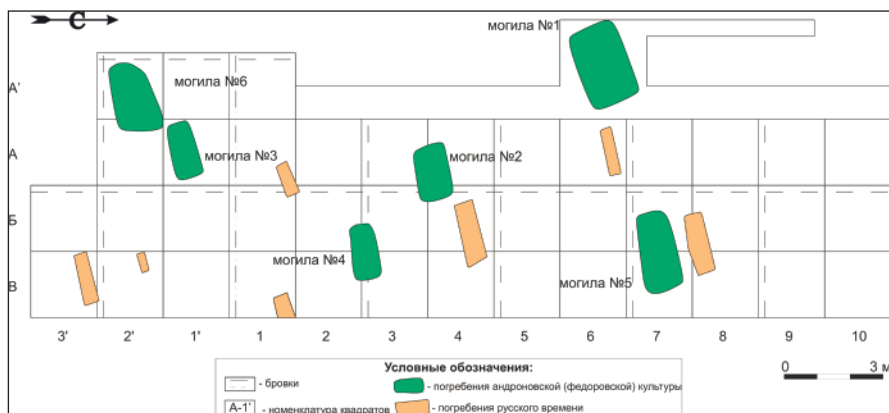

Рис. 1. Могильник Манжикха. Общий план раскопок 2003–2005 гг.²
 Fig. 1. The Manzhikha burial ground. General plan of excavations 2003–2005

Лишь одно погребение принадлежало ребенку, остальные — подросткам и взрослым. При этом размер ям детского погребения был нехарактерно большим. Из десяти могил одна была парной. Только две могилы были потревожены, остальные погребенные располагались *in situ*. Все захороненные были уложены на левый бок головой в западный и юго-западный сектор, в позе адорации — с согнутыми руками так, что кисти оказывались сложенными перед черепом, и согнутыми в коленях ногами (рис. 2). За головой у всех погребенных располагались керамические сосуды баночной или горшковидной формы. Горшки в основном имели лощеную поверхность и орнамент мелкозубчатым штампом в виде разнообразных геометрических мотивов

¹ Здесь и далее глубина дана от уровня зачистки могильного пятна на уровне материковой поверхности.

² Представлен план раскопок за 2003–2005 гг., где исследовано 182 кв. м площади некрополя и изучено шесть могил андроновской (федоровской) культуры и семь погребений предположительно русского времени. Общий план раскопа 2006 г. на данный момент не сведен.

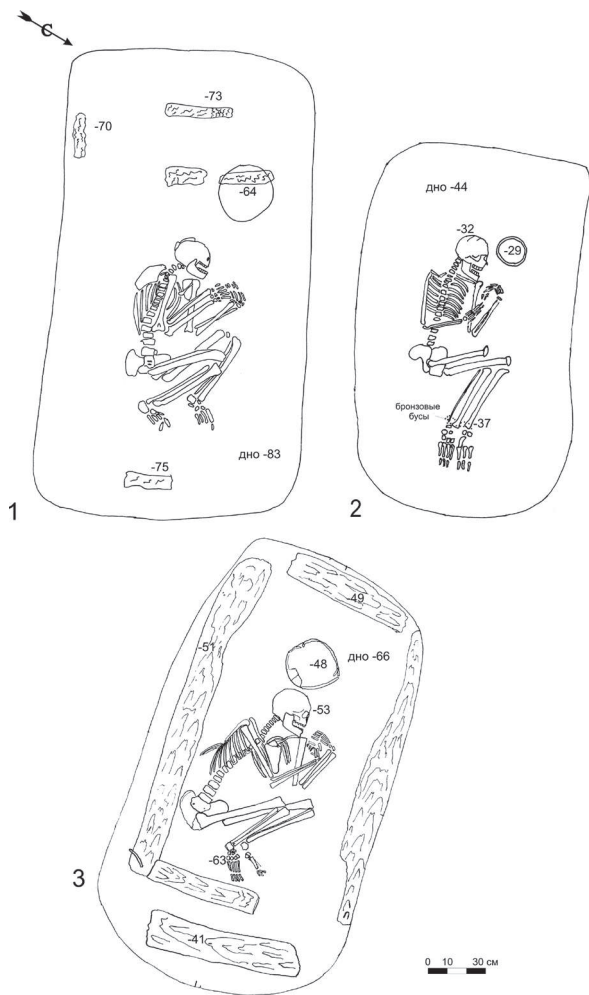

Рис. 2. Планы погребений могильника Манжика:

1 — могила 1; 2 — могила 3; 3 — могила 5

Fig. 2. Burial plans of the Manzhikha burial ground:

1 — grave 1; 2 — grave 3; 3 — grave 5

(рис. 3.-1, 2). Сосуды баночных форм довольно просто украшались разного вида горизонтальными зигзагами и вдавлениями (рис. 3.-3, 4). Металлический инвентарь встречался редко. В могиле 3 выявлены бронзовые бусины, располагавшиеся в районе стоп (рис. 2.-2), а в могиле 10 зафиксированы подвески в полтора оборота, расположенные на черепе, в области височной кости.

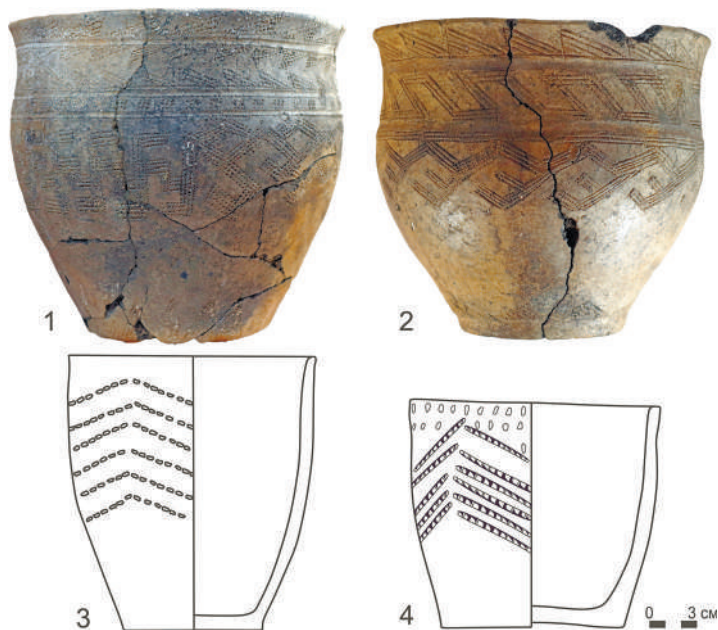

Рис. 3. Сосуды из погребений могильника Манжиха:
 1 — могила 1; 2 — могила 8; 3 — могила 3; 4 — могила 4
 Fig. 3. Vessels from the burials of the Manzhikha burial ground:
 1 — grave 1; 2 — grave 8; 3 — grave 3; 4 — grave 4

В окрестности могильника Манжиха наблюдается довольно большая концентрация андроновских памятников: могильники Татарские Могилки (Куюк-1/3) (Уманский, 1999а; Кунгуров, 2022, с. 265), Коврижка-2, Карьер кирпичного завода (Кунгуров, 2005, с. 21) и 13 поселений (Кунгуров, 2005, с. 21), ближайшее из которых, Манжиха-2, расположено в 200 м к югу от могильника и исследовалось экспедицией БГПИ параллельно (Демин, Ситников, 2005).

Исследованные погребения во многих аспектах соответствуют ритуальной практике, характерной для андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая (Кирюшин, Папин, Федорук, 2015). Форма и глубина могильных ям, положение и ориентировка погребенных, расположение сосудов за черепом или перед ним — все это общие признаки, которые находят аналогии как на памятниках Верхнего Причумышья (Кытманово, Чумыш-Пережат, Татарские Могилки) (Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007; Грушин, Тишкин, 2023; Фрибус, Грушин, 2020; Уманский, 1999а), так и в некрополях соседних регионов.

Керамика также имеет аналогии как по форме, так и орнаменту с погребальной и поселенческой посудой широкого ареала андроновских памятников. Примерами таких аналогий могут служить керамические изделия из

комплексов Кытманово (Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 121, рис. 65.-20; с. 122, рис. 66.-3), Подтурино (Ковтун, 2016, с. 215, рис. 28.-6), Фирсово-14, Чекановский Лог-2, 10 (м. 53) (Демин, Ситников, 2007, с. 184, рис. 12.-1; с. 193, рис. 21.-7; с. 226, рис. 54.-1), Нижняя Суетка (Уманский, 1999б, с. 93, рис. 4.-1), Ближние Елбаны-14 (Грязнов, 1956, табл. III.-5, 8, 16) и др.

Первичный анализ керамики из ближайшего поселения Манжиха-2 показывает довольно большое сходство с сосудами баночной формы, которые также имели простую композиционную схему, чаще орнаментировались зигзагами и вдавлениями (Леонтьева, 2016, с. 48–50, 108–110). В то же время фиксируется практически полное отличие от сосудов горшковидной формы. На поселении, наоборот, практически нет лощенных сосудов с классическим геометрическим декором (Леонтьева, 2016, с. 48–50, 108–110). Если поселение и могильник были оставлены одной группой населения, то объяснить отличие керамики горшковидной формы можно лишь тем, что в качестве сопроводительного инвентаря захоронений клали особую категорию посуды, которую чаще использовали для обряда.

Расположение погребений на планиграфии с юго-запада на северо-восток также характерно для остальных грунтовых могильников степного и лесостепного Алтая. Однако, в отличие от Фирсово-14, где отмечено, что формирование могильника начиналось с юго-западной части мыса террасы, а к северо-востоку концентрация погребений увеличивалась (Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 38), на могильнике Манжиха подобная ситуация не зафиксирована.

Среди специфических черт погребального обряда также можно отметить малое количество погребений с металлическим инвентарем, преобладание взрослых и непотревоженных погребений, отсутствие в сопроводительном инвентаре могил с двумя и более сосудами. На данный момент объяснить эти особенности отчасти можно небольшой выборкой из 10 погребений, которая не является основанием для каких-либо широких обобщений.

Андроновские памятники степного и лесостепного Алтая датируются по относительной хронологии в пределах XV–XIII вв. до н.э., однако современными исследователями используется радиоуглеродная хронология, которая на основании большой выборки дат определяет время существования культуры XIX(XVIII)–XV вв. до н.э. (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014). По костям из могилы 10 могильника Манжиха получены радиоуглеродные даты: 1495 ± 70 и 1430 ± 80 лет до н.э. (Кирюшин, Грушин, Папин, 2007, с. 87), которые с учетом калибровки соответствуют XIX–XV вв. до н.э., что в целом не противоречит общепринятым хронологическим рамкам.

В заключение отметим, что могильник Манжиха — один из самых восточных памятников андроновской (федоровской) культуры Верхнего Причумышья. По-видимому, исследована лишь небольшая часть его площади. Преобладание на нем непотревоженных погребений, в отличие от остальных некрополей степного и лесостепного Алтая (Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 43, 46), может являться довольно весомым аргументом для продолжения работ на этом памятнике. Дальнейшая полная публикация раскопок

могильника Манжиха, детальное изучение гончарных традиций и их связи с особенностями погребального обряда позволит более подробно изучить его хронологию и составить представление о динамике культурных контактов населения, оставившего данный некрополь.

Список источников

Грушин С.П., Тишкин А.А. Андроновские погребения на могильнике Кытманово (по материалам раскопок В.И. Каца в 1961 г.) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, №4. С. 228–248.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. М.; Л., 1956. 256 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №48)

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул, 2007. Ч. 1. 274 с.

Демин М.А., Ситников С.М. Новые материалы андроновской культуры из Целинного района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул, 2005. С. 66–78.

Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань, 2016. 547 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 84–89.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Андроновские находки на верхнем Чумыше // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 22–27.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул, 2015. 108 с.

Кунгуров А.Л. Археологические памятники и находки в Целинном районе // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 5–41.

Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф. Исследование многослойных разнокультурных комплексов верхнего Причумышья: Куюк-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. Барнаул, 2022. С. 262–268.

Кунгуров А.Л., Лузин С.Ю. Андроновские памятники в окрестностях с. Победа Барнаула // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Вып. III. Горно-Алтайск, 1992. С. 42–43.

Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 287 с.

Леонтьева Д.С. Отчет о проведении археологических полевых работ на территории Чарышского, Целинного районов Алтайского края летом 2016 года // Архив Музея археологии и этнографии АлтГУ. Д. №313. 137 л.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 136–167.

Радовская Е.А., Радовский С.С. Вклад Алексея Павловича Уманского в формирование археологического собрания Алтайского государственного краеведческого музея // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). №18. Барнаул, 2023. С. 69–76.

Савко И.А. Археологические коллекции андроновской (федоровской) культуры из раскопок А. П. Уманского в собрании Историко-краеведческого музея АлтГПУ // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). №18. Барнаул, 2023. С. 59–68.

Уманский А.П. Археологические памятники долины р. Чумыша // Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР. Барнаул, 1965. Вып. 5. С. 211–215.

Уманский А.П. Новые памятники андроновской культуры на Алтае // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1967. Вып. 1. С. 96–100.

Уманский А.П. Некоторые материалы из раскопок Бийского музея близ села Степной Чумыш в 1963 году // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. 1999а. №4. С. 42–46.

Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 году // Краеведческие записки. 1999б. Вып. 3. С. 83–99.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул, 2007. 132 с.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Новые детские андроновские погребения в Присалаи-рье // Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения Владимира Васильевича Боброва. Вып. 28. Кемерово, 2020. С. 96–102.

Информация об авторах / Information about the Authors

Михаил Александрович Демин, Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, профессор кафедры; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная 55, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>, mademin52@mail.ru

Mikhail A. Demin, Altai State Pedagogical University, Department of National History, Professor of the Department; 656031, Russia, Barnaul, st. Molodezhnaya 55, Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>, mademin52@mail.ru

Сергей Михайлович Ситников, Автономная некоммерческая организация «Алтайское археологическое общество», ведущий научный сотрудник; 656902, Россия, г. Барнаул, с. Власиха, ул. Ковыльная, д. 76, помещение 1, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-7277-3227>, ssm3052007@yandex.ru

Sergey M. Sitnikov, Autonomous Non-Profit Organization “Altai Archaeological Society”, Leading Researcher; 656902, Russia, Barnaul, Vlasikha Village, Kovylnaya Street, 76, room 1, Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0002-7277-3227>, ssm3052007@yandex.ru

Илья Андреевич Савко, Институт археологии и этнографии СО РАН, Барнаулская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, инженер-исследователь; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; Алтайский государственный университет, Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, младший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение», ведущий специалист по УМР; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная 55, <https://orcid.org/0000-0002-7463-7333>, savko.ilia2016@yandex.ru

Ilya A. Savko, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Research Engineer; 630090, Russia, Novosibirsk, Akademika Lavrentiev Ave. 17; Altai State University, Laboratory for Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai, Junior Researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave. 61; Altai State Pedagogical University, UNIL “Historical Local History”, Leading Specialist in Educational and Methodological Work; 656031, Russia, Barnaul, st. Molodezhnaya 55, <https://orcid.org/0000-0002-7463-7333>, savko.ilia2016@yandex.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

КИНЖАЛЫ ЭПОХИ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КРАЕВЕДА Г.А. КЛЮКИНА

Геннадий Егорович Иванов

Независимый исследователь, Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассматривается один из характерных типов кинжалов эпохи развитой бронзы — с выемками у основания клинка, представленный значительной и разнообразной подборкой в коллекции археологических находок краеведа из г. Рубцовска Геннадия Александровича Клюкина. Находки происходят в основном из сборов на разрушенных природными факторами или в результате хозяйственной деятельности археологических памятниках юго-западных районов Алтайского края, а в последние годы жизни краеведа — на территории заброшенных русских деревень, часто возникавших на местах, освоенных в древности. Некоторые изделия приобретались Клюкиным в пунктах сбора металла, у местных жителей. Дается подробное описание изделий, рассматриваются особенности их изготовления и варианты использования в военном деле и в хозяйственной деятельности. Определяется хронология и культурная принадлежность находок, их распространение и роль в комплексе вооружения андроновской культуры.

Ключевые слова: Г.А. Клюкин, степной Алтай, эпоха развитой бронзы, случайные находки, кинжалы с выемками, особенности изготовления кинжалов, военное дело населения андроновской культуры

Благодарности: автор благодарен И.Г. и М.Г. Клюкиным за возможность ознакомиться с коллекцией.

Для цитирования: Иванов Г.Е. Кинжалы эпохи развитой бронзы из коллекции краеведа Г.А. Клюкина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 181–186. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.28

DAGGERS OF THE DEVELOPED BRONZE AGE FROM THE COLLECTION OF LOCAL HISTORIAN G.A. KLYUKIN

Gennady Egorovich Ivanov

Independent Researcher, Barnaul, Russia

Abstract. The article considers one of the characteristic types of daggers of the Developed Bronze, the Age with notches at the base of the blade, represented by a significant and diverse selection in the collection of archaeological finds of the local historian from Rubtsovsk Gennady Alexandrovich Klyukin. Finds occur mainly from collections on archaeological sites destroyed by natural factors or because of economic activity in the southwestern regions of the Altai Territory, and in the last years of the local historian's life — on the territory of abandoned Russian villages, which often arose in places developed in ancient times. Some products were purchased by Klyukin at metal collection points, from local residents. A detailed description of the products is given, the features of their manufacture and use cases in military and economic

activities are considered. The chronology and cultural affiliation of the finds, their distribution and role in the armament complex of the Andronovo culture are determined.

Keywords: G.A. Klyukin, steppe Altai, Bronze Age, random finds, daggers with notches, features of making daggers, military affairs of the population of the Andronovo culture

Acknowledgements: the author is grateful to I.G. and M.G. Klyukin for the opportunity to explore the collection.

For citations: Ivanov G.E. Daggers of the Developed Bronze Age from the Collection of Local Historian G.A. Klyukin. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:181–186. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.28

Учитель истории из г. Рубцовска Геннадий Александрович Клюкин (11.09.1950–19.12.2021) с детских лет и до последних дней жизни увлекался краеведением и коллекционированием в самых разных областях, оставив после себя обширные собрания монет, бон, значков, посвященных Алтаю, металлопластики, археологических находок, большую личную библиотеку и архив (Иванов, 2022а; Иванов (в печати)).

Археологическая коллекция собиралась Г.А. Клюкиным с конца 1960-х гг. Основная часть ее сформирована сборами на разрушенных природными факторами (раздуванием, размыванием) или в результате хозяйственной деятельности археологических памятниках юго-западных районов Алтайского края, а в последние годы жизни, когда Г.А. Клюкин принципиально не посещал известные (в том числе и открытые им самим) памятники — на территории заброшенных русских деревень, часто возникавших на местах, освоенных в древности. Некоторые изделия приобретались Клюкиным в пунктах сбора металла, у местных жителей, в результате обмена с коллекционерами на значки, монеты и современную атрибутику или дарились ему, как известному коллекционеру и краеведу.

Часть сборов Г.А. Клюкина хранится в составе музейных коллекций АлтГПУ, АлтГУ, в Рубцовском краеведческом музее.

Благодаря содействию дочери и сына Г.А. Клюкина мне удалось ознакомиться со значительной частью его археологической коллекции, за что я им чрезвычайно благодарен. Некоторые ее экспонаты уже опубликованы (Иванов, 2022б, 2023а, б). Настоящая публикация продолжает тему.

1. Лаптев Лог (рис.-1). Найден в 2020 г. на левом берегу лога, в его устье, в 2,5 км от кладбища. Длина кинжала 17,5 см, длина клинка 12,2 см, длина лезвия — 9,7 см, длина выемок — 2,5 см, ширина «перекрестья» — 3 см, максимальная ширина клинка (под выемками) — 3,5 см. Максимальная толщина кинжала (в верхней части «перекрестья») — 4 мм, в середине клинка — 3,5 мм. Ни нервюры, ни выраженного ребра жесткости клинок не имеет. Отлит в двусторчатой форме, негатив на одной стороне которой вырезан полностью и изделие с этой стороны рельефно, слегка заovalено к центру, а с другой стороны форма была плоской, и на кинжале лишь в нижней части клинка на протяжении примерно 3 см прослеживается такое же плавное утолщение. Подобные особенности изготовления форм для ножей и кинжа-

Кинжалы из коллекции Г.А. Ключина
Daggers from the collection of G.A. Klyukin

лов эпохи бронзы уже отмечались нами (Иванов, 2005, с. 67; 20226, с. 111). Затеки металла в литейные швы уплощены проковкой, следы которой хорошо прослеживаются на боковых сторонах черена и выемок.

2. Точное место находки не установлено, в коллекцию поступил в результате обмена с коллекционером из Новосибирска (рис.-2). Сохранность отличная, ровная зеленая патина свидетельствует о том, что кинжал поднят с поверхности и является случайной находкой. Длина кинжала 16,1 см, длина клинка 11,3 см, длина лезвия — 8,8 см, длина выемок — 2,5 см, ширина «перекрестья» — 2,4 см, максимальная ширина клинка (в середине) — 3,4 см. Максимальная толщина (в верхней части «перекрестья» и в середине клинка) — 4 мм. Вес 71, 72 г.

С обеих сторон клинка кинжал имеет ярко выраженное ребро жесткости, образованное при литье.

Отлит в двустворчатой форме с негативом на обеих сторонах. Особенностью изделия является то, что слабо выраженные «перекрестье» и выемки не были вырезаны на форме, а образованы после отливки ковкой, следы которой очень четко прослеживаются. «Перекрестье» расплющено ударами с обеих сторон, выемки образованы уплощением клинка с обеих сторон. Лезвие приострено проковкой и тщательно зашлифовано, черен после отливки дополнительно не обрабатывался.

3. Первые Коростели (рис.-3). Найден в 2015 г. в урочище Старая деревня у с. Первые Коростели Угловского района. Нижняя часть клинка либо обломлена в древности, либо не вылита и подправлена ковкой, но не заточена, что свидетельствует об употреблении орудия в таком виде.

Длина изделия в таком состоянии 14,5 см, длина клинка — 10,1 см, сохранившаяся длина лезвия — 8,6 см, длина выемок — 2,5 см, ширина «перекрестья» — 3,3 см, максимальная ширина клинка (под выемками) — 3,7 см, толщина клинка (по нервиуре) — 0,6 см.

Отлит в двустворчатой форме, затем прокован по всей поверхности. Нервиюра четко выражена с обеих сторон, на черен не заходит. «Перекрестье» отходит от черена под прямым углом.

4. Первые Коростели (рис.-4). Находка 2010 г. Сохранился полностью, но сильно корродирован. Длина изделия — 14,5 см, длина клинка — 10,7 см, длина лезвия — 8,3 см, длина выемок — 2,4 см, ширина перекрестья — 1,8 см, максимальная ширина клинка (вверху) — 2,5 см, толщина клинка (вверху) — 0,5 см. Сечение ромбическое, выражено слабо. Черен широкий, вытянуто-прямоугольный в сечении.

5. Первые Коростели (рис.-7). Находка 2012 г. Сохранился практически полностью, но очень сильно корродирован, вследствие чего либо в процессе находки, либо в период хранения утрачен один из выступов «перекрестья», самое острие клинка, осыпались в нескольких местах кромки лезвия. Сохранившаяся длина кинжала — 11,8 см (полная — около 12,3 см), длина клинка 9,3 см (полная — около 9,8 см), длина лезвия 8 см (полная — около 8,5 см), длина слабо выраженных выемок 2 см. Ширина прямоугольного в сечении черена 1,6 см. Клинок линзовидный в сечении, максимальная ширина (вверху) — 2,6 см, ширина перекрестья около 2 см, толщина клинка около 0,5 см.

6. Первые Коростели (рис.-5). Находка 2017 г. Фрагмент самого маленького изделия этой серии, верхняя часть которого обломлена в древности на уровне «перекрестья». Клинок вытянуто-листовидной формы шириной 2,6 см в окончании верхней трети клинка, длиной около 7,5 см, длина лезвия около 6,5 см. Толщина клинка вверху — 0,3 см. В сечении клинок линзовидный.

К этим находкам примыкает миниатюрное изделие, найденное в 2017 г. в Первых Коростелях (рис.-6), напоминающее рассмотренные по форме и, возможно, близкое по назначению. Длина изделия 5,7 см, максимальная ширина в верхней трети 2,6 см. Нижняя часть полотна заовалена и заостре-

на проковкой, следы которой прослеживаются по всему изделию. Широкая нервюра в результате проковки едва просматривается на отдельных участках. Короткий широкий черенок также сильно прокован для использования в рукояти (для древка стрелы он слишком широк вверху — около 1,6 см).

Кинжалы этого типа, возникнув во второй четверти II тыс. до н.э. в петровской среде Южного Урала, широко распространились позднее на восток от него вместе с расселявшимися в степях и лесостепях андроновскими племенами.

Появление андроновских кинжалов с выемками на территории лесостепного Обь-Иртышья прерывает к началу 2-й половины II тыс. до н.э. местную линию развития кинжалов сейминских форм, характерных для культур эпохи ранней бронзы (Кирюшин, 1987, с. 117–118, рис. 2.-1–4; Черных, Кузьминых, 1989, с. 121–124, рис. 67.-2, 3, 68.-2, 3), и открывает новую, став прототипами некоторых форм кинжалов общности культур валиковой керамики.

Размеры четырех из семи публикуемых изделий не позволяют считать их полноразмерными боевыми кинжалами и заставляют предположить, что они использовались либо как наконечники дротиков, подобно ирменскому наконечнику из могильника Преображенка-3 (Молодин, 1985, с. 124, рис. 63.-5), который копировал в миниатюре кинжал киммерийского типа, либо, что менее вероятно, они были вотивными, как найденный в позднебронзовом могильнике Осинки на Алтае (Савинов, 1975, рис. 2.-1). Не исключено и использование их в хозяйственных целях как ножей.

Особого внимания заслуживают два изделия из Первых Коростелей с заovalенной нижней частью клинка. Аналогии им встречаются достаточно часто среди двулезвийных кинжалов разных типов периодов развитой и поздней бронзы. Они использовались либо в качестве режущего инструмента (ножа, бритвы), либо, что более вероятно, для обстригания и мездрения шкур животных, поскольку ножи с острым окончанием клинка могли их повредить, а эта форма была безопасной. Такого назначения орудия были необходимы каждому скотоводу и охотнику, что подтверждается их широким распространением. Н.А. Аванесова считала, что в эпоху развитой бронзы «в связи с усложнением различных отраслей производства (металлургия, деревообработка, кожевенное дело и т.д.) происходит дифференциация режущих орудий в соответствии с их функцией» (Аванесова, 1991, с. 29). Возможно, рассмотренные изделия заслуживают выделения их в особую категорию при типологии орудий труда эпохи бронзы.

Список источников

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлургическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.

Иванов Г.Е. Бронзовый кинжал из с. Островного и некоторые вопросы развития военного дела населения саргаринско-алексеевской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул, 2005. С. 66–72.

Иванов Г.Е. Памяти краеведа Г.А. Ключкина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022а. Вып. XXVIII. С. 227–236.

Иванов Г.Е. Портрет краеведа и коллекционера ушедшей эпохи в отражении документов личного архива Г.А. Клюкина // Гуляевские чтения 2022 г. (в печати).

Иванов Г.Е. Металлические изделия периода поздней бронзы из урочища Локтевский рудник // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае 2022 г. Вып. 17. Барнаул, 2022б. С. 108–112.

Иванов Г.Е. Каменный клевец из Локтевского района // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2023а. Вып. 3. С. 317–320.

Иванов Г.Е. Бронзовые кельты из степного и лесостепного обского левобережья Алтая // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2023 г. Вып. 18. Барнаул, 2023б. С. 134–139.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100–125.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 94–100.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. 320 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Иванов Геннадий Егорович, независимый исследователь; Россия, г. Барнаул, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-3410-7378>, ge80866@yandex.ru

Gennady E. Ivanov, Independent Researcher; Russia, Barnaul, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-3410-7378>, ge80866@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2024.

The article approved after reviewing 25.03.2024.

Научная статья / Article

УДК: 903.5(574.3)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.29

EDN: LUNPWQ

ЗАХОРОНЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Алексей Игоревич Кукушкин, Евгений Анатольевич Дмитриев,

Игорь Алексеевич Кукушкин, Илья Вячеславович Гусев

Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова,

Караганда, Казахстан

Резюме. В статье публикуются материалы исследования кургана раннего железного века из Центрального Казахстана. Обнаруженное захоронение содержало останки мужчины 25–30 лет, уложенного на спине в вытянутом положении и ориентированного в северо-восточном направлении, который сопровождался двумя наконечниками стрел: роговым и металлическим. Их типологические аналогии отменяются в прохоровских (сарматских) древностях. Принимая во внимание дискуссионность проблемы и учитывая результаты исследования комплекса Жаргас, свя-

занные с позднетасмолинской погребальной традицией, считаем возможным отнести захоронение на могильнике Беталыс-4 к кругу позднетасмолинских и датировать в диапазоне V–IV/III вв. до н.э.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, ранний железный век, тасмолинская культура

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке КН МНВО РК (проект AP13067946 «Выявление визуальных культуродиагностирующих маркеров каменных курганов раннего железного века и средневековья Центрального Казахстана»).

Для цитирований: Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А., Гусев И.В. Захоронение раннего железного века из Центрального Казахстана // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 186–191. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.29

EARLY IRON AGE BURIAL FROM CENTRAL KAZAKHSTAN

Alexey I. Kukushkin, Yevgeniy A. Dmitriev, Igor A. Kukushkin, Ilya V. Gusev
*Karaganda University Named after Academician Ye.A. Buketov,
Karaganda, Kazakhstan*

Abstract. The article publishes materials of the study of an Early Iron Age mound of Central Kazakhstan. The discovered burial contained the remains of a man of 25–30 years old, laid on his back in an extended position and oriented in a north-east direction. It was accompanied by two arrowheads: made of horn and metal. Their typological analogies are noted in Prokhorov (Sarmatian) antiquities. Taking into account the debatable nature of the problem and taking into account the results of the study of the Zhartas complex associated with the late Tasmolin burial tradition, we consider it possible to classify the burial at the Betalys-4 burial ground as a late Tasmolin burial and date it in the range of the 5th–4th/3rd centuries. BC.

Keywords: Central Kazakhstan, early Iron Age, Tasmola culture

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (project AR13067946 “Identification of Visual Cultural-Diagnostic Markers of Stone Mounds of the Early Iron Age and the Middle Ages in Central Kazakhstan”).

For citations: Kukushkin A.I., Dmitriev Ye.A., Kukushkin I.A., Gusev I.V. Early Iron Age Burial from Central Kazakhstan. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:186–191. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.29

В 2022 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института при Карагандинском университете им. академика Е.А. Букетова проведены раскопки серии разновременных объектов, расположенных в Каркаралинском районе Карагандинской области (Центральный Казахстан). В рамках данной статьи публикуются результаты изучения сооружения 1 на могильнике Беталыс-4. Памятник находится в 165 км восточнее-юго-восточнее областного центра (г. Караганда), в 12 км северо-западнее г. Каркаралинск и расположен на относительно ровной площадке, ограниченной невысокими сопками.

До раскопок объект представлял собой сильно задернованный курган округлой в плане формы диаметром около 4 м, высотой до 0,2 м. Насыпь была

сложена из крупных камней. На объекте был разбит раскоп диаметром 6 м. После снятия дернового слоя проведена расчистка насыпи. Она состояла из одного слоя камней. Сооружение приобрело овальную в плане форму размерами 4,5×5,4 м, вытянутую по линии 3–В (рис.-А).

После разбора надмогильной конструкции в центральной части сооружения выявлено погребение в грунтовой яме размерами 2×0,8 м, ориентированное с северо-востока на юго-запад. На глубине 1,2 м обнаружено нетронутое захоронение, содержащее останки мужчины 25–30 лет (половозрастные определения выполнены к.и.н., с.н.с. ИПОС СО РАН К.Н. Солодовниковым), уложенные в вытянутом положении на спине и ориентированные на северо-восток. Череп был слегка наклонен на левый бок. Лицевой отдел черепа направлен в южный сектор. Кости рук были вытянуты вдоль тела. Кости стоп располагались несколько неестественно: плюсневые кости и фаланги пальцев выгнуты друг к другу (рис.-Б). Расположение костей скелета указывает на два факта: голова была уложена несколько выше тела, как бы на земляной подушке, а кости стоп указывают на посмертное придание неестественно выгнутого положения. Довольно интересно обнаружение двух наконечников стрел: рогового (№1) — между ног, в районе дужек тазовых костей, и металлического (№2) — снаружи, у коленного сустава правой ноги.

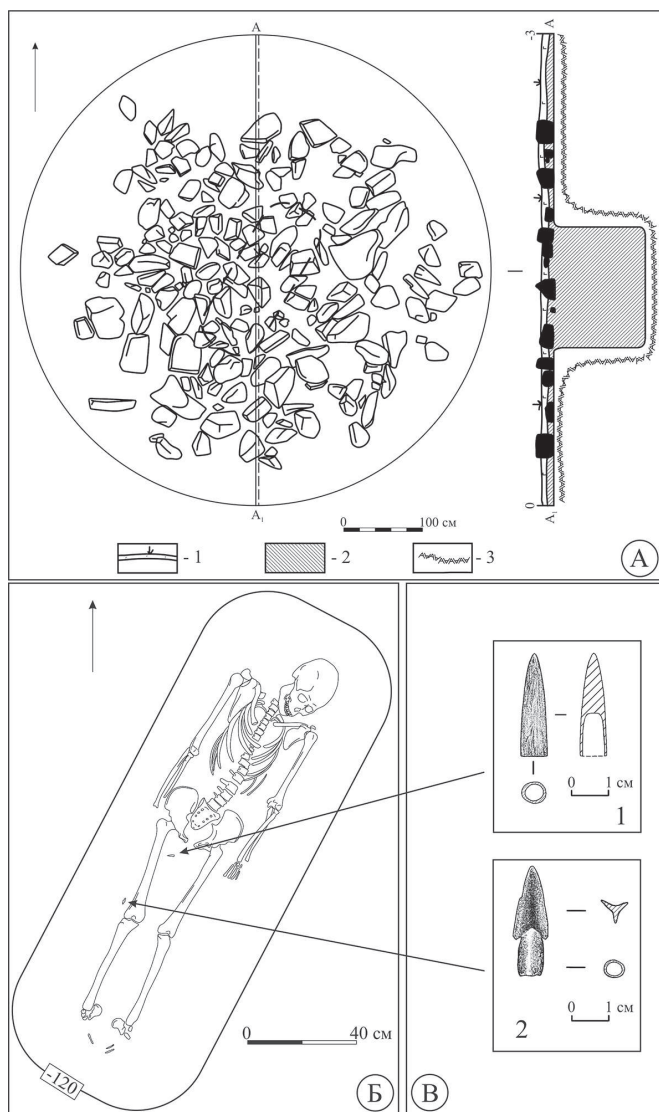
Наконечник стрелы №1 — пулевидный, со скрытой втулкой. Длина изделия — 2,75 см. Основание округлое в сечении, размерами 0,6–0,7 см (рис.-В.1).

Наконечник стрелы №2 — трехлопастной, с выделенной втулкой. Общая длина изделия — 2,9 см. Длина проникающей части — 1,9 см. Лопасты имеют жальца и достигают в ширину у основания 0,5 см. Втулка длиной 1 см, округлая в сечении, диаметром 0,5 см (рис.-В.2).

За последние три десятилетия достигнуты значительные успехи в изучении культуры центрально-казахстанского населения в раннем железном веке. Предложенная более полувека назад культурно-хронологическая схема (Кадырбаев, 1966, с. 303–433) памятников этого времени претерпела определенные изменения. А.З. Бейсеновым были скорректированы временные рамки тасмолинской культуры, а также выделены комплексы коргантасского (Бейсенов, 1996) и карамолинского (Бейсенов, 2014) типов. Особое место занимает проблема изучения довольно малочисленных позднетасмолинских памятников.

Предметный комплекс исследованного нами захоронения состоял из двух наконечников стрел.

В памятниках раннего железного века степного пояса Евразии костяные наконечники встречаются довольно часто, основная их масса представлена экземплярами с треугольной и ромбической в сечениях проникающими частями. Обнаруженный при исследовании сооружения 1 могильника Беталыс-4 роговой наконечник стрелы следует признать не датирующим. Его прямые аналоги единичны и имеются на памятниках Карамурун-II в Центральном Казахстане (Кадырбаев, 1966, рис. 46.-11), Балык-Соок-1 (Кубарев,

Могильник Беталыс-4. Сооружение 1. А — план и профиль сооружения:
 1 — дерн; 2 — слой светло-коричневого цвета; 3 — материк. Б — план погребения.
 В — находки: 1 — наконечник стрелы №1; 2 — наконечник стрелы №2
 'Betalys-4 burial ground. Structure 1. A — plan and profile of the structure:
 1 — turf; 2 — light brown layer; 3 — mainland. Б — burial plan.
 B — finds: 1 — arrowhead No. 1; 2 — arrowhead No. 2

Шульга, 2007, с. 207, рис. 12.-10), Усть-Теплая, Быстрянка (Шульга, 2002, с. 45, 51, рис. 1.-6, рис. 4.-1) на Алтае и Демир-Суг-1 (Шульга, 2015, с. 408, рис. 3.-21) в Тыве.

Особый интерес представляет металлический наконечник стрелы. Анализируя данные изделия, М.К. Кадырбаев отмечал, что в центрально-казахстанском регионе во 2-й половине и конце VI в. до н.э. на смену двулопастным и черешковым наконечникам приходит новая форма в виде трехлопастных экземпляров со скрытой и выделенной втулками, которые к V–IV вв. до н.э. становятся доминирующими по всей территории Казахстана (Кадырбаев, 1966, с. 378–380).

Наиболее близкий типологический экземпляр известен в позднеднетасмолинских материалах могильника Карамурун-I (Кадырбаев, 1966, с. 352–354, рис. 46.-16). Еще несколько подобных изделий отмечены в материалах прохоровской культуры (IV–III вв. до н.э.) в Южном Зауралье (Плешанов, Гуцалов, 2017, рис. 5.-5) и чирикрабатской культуре в Восточном Приаралье (конец V–IV — I вв. до н.э.) (Курманкулов, Утубаев, 2017, с. 197, рис. 41.-21).

В монографии К.Ф. Смирнова, посвященной вооружению савроматов, прямые аналоги наконечнику из Беталыс-4 представлены типом IXA, причем наибольшее сходство прослеживается с серией наконечников V–III вв. до н.э. (Смирнов, 1961, табл. III).

В вопросе конкретизации культурной принадлежности исследованного объекта необходимо учитывать результаты исследований на могильнике Жартаc (Кукушкин, Дмитриев, 2017), где также, несмотря на довольно позднюю дату памятника, укладываются в рамки VI–IV/III вв. до н.э., имелись особенности в конструкции надмогильных сооружений, связанные с тасмолинской погребальной традицией, что позволило отнести его к кругу позднеднетасмолинских.

Принимая во внимание вышеприведенные аналоги, можно предположить, что и исследованное захоронение на могильнике Беталыс-4 также относится к позднеднетасмолинским древностям Центрального Казахстана и его можно датировать в рамках V–IV/III вв. до н.э.

Список источников

Бейсенов А.З. К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина — конец I тыс. до н.э.) // Этнокультурные процессы на территории Казахстана (древность, средневековье, современность). Алматы, 1996. С. 55–61.

Бейсенов А.З. О памятниках карамолинского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина I тысячелетия до новой эры) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, №7. С. 68–79.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры. Часть вторая // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 303–433.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Результаты работ на могильнике Жаргас (Центральный Казахстан) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Челябинск, 2017. С. 60–64.

Курманкулов Ж., Утубаев Ж.Р. Чирикратская культура Восточного Приаралья // Казахстан в сакскую эпоху: коллективная монография. Алматы, 2017. С. 191–210.

Плешанов М.Л., Гуцалов С.Ю. Погребения прохоровской культуры из Южного Зауралья // Археологическое наследие Центрального Казахстана. Алматы, 2017. Т. II. С. 278–285.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 168 с. (МИА. №101).

Шульга П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 43–61.

Шульга П.И. О захоронениях коргантасского типа // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Алматы, 2015. С. 405–418.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Игоревич Кукушкин, Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском университете им. академика Е.А. Букетова, директор; 100026, Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28, PhD, <https://orcid.org/0000-0002-6262-464X>, tatarlandia@mail.ru

Alexey I. Kukushkin, Saryarka Archaeological Institute at Karaganda University Named after Academician Ye.A. Buketov, Director; 100026, Kazakhstan, Karaganda, Universitetskaya st., 28, PhD, <https://orcid.org/0000-0002-6262-464X>, tatarlandia@mail.ru

Евгений Анатольевич Дмитриев, Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском университете им. академика Е.А. Букетова, научный сотрудник; 100026, Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28, <https://orcid.org/0000-0002-1440-7675>, yevgenii1992@mail.ru

Yevgeny A. Dmitriev, Saryarka Archaeological Institute at Karaganda University Named after Academician Ye.A. Buketov, Researcher; 100026, Kazakhstan, Karaganda, Universitetskaya st., 28, <https://orcid.org/0000-0002-1440-7675>, yevgenii1992@mail.ru

Игорь Алексеевич Кукушкин, Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском университете им. академика Е.А. Букетова, ведущий научный сотрудник; 100026, Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-4798-8496>, sai@ksu.kz

Igor A. Kukushkin, Saryarka Archaeological Institute at Karaganda University Named after Academician Ye.A. Buketov, Leading Researcher; 100026, Kazakhstan, Karaganda, Universitetskaya st., 28, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-4798-8496>, sai@ksu.kz

Илья Вячеславович Гусев, Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском университете им. академика Е.А. Букетова, ведущий инженер; 100026, Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28, <https://orcid.org/0009-0004-2190-0160>, darth_vader.91@mail.ru

Ilya V. Gusev, Saryarka Archaeological Institute at Karaganda University Named after Academician Ye.A. Buketov, Leading Engineer; 100026, Kazakhstan, Karaganda, Universitetskaya st., 28, <https://orcid.org/0009-0004-2190-0160>, darth_vader.91@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

**ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ
БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭКСПОЗИЦИИ
БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. В.В. БИАНКИ**

Ольга Сергеевна Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье анализируется древковое оружие ближнего боя большереченской культуры, находящееся в экспозиции Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки. Оно представлено двумя предметами: бойками от кельта и топора. Ранее данные предметы уже публиковались, но в связи с появлением новых данных их повторное рассмотрение вновь актуально. Кроме того, более подробно рассматривается основной набор их признаков, помогающий определить круг аналогий и культурно-хронологическую позицию данных экземпляров. Последнее представляется особенно важным ввиду того, что и кельт, и топор — случайные находки. Весьма примечательно, что оба предмета происходят из ареала большереченской культуры и могут рассматриваться в рамках комплекса вооружения ее носителей. Они характеризуют наиболее архаичную его часть, демонстрируя связь с предшествующей эпохой.

Ключевые слова: военное дело, оружие ближнего боя, древковое оружие, кельт, топор

Благодарности: автор выражает благодарность Л.И. Чегодаевой за помощь в работе с коллекций и предоставленную информацию. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Лихачева О.С. Древковое оружие ближнего боя большереченской культуры в экспозиции Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 192–199. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.30

**SHAFT MELEE WEAPONS OF THE BOLSHERECHENSK CULTURE
IN THE EXPOSITION OF THE BIYSK MUSEUM
OF LOCAL LORE NAMED AFTER V.V. BIANCHI**

Olga S. Likhacheva

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article analyzes the ancient melee weapons of the Bolsherechensk culture, which are on display at the Biysk Museum of Local Lore named after V.V. Bianchi. It is represented by two items: axe heads. Previously. These subjects have already been published, but, due to the appearance of new data, their reconsideration is relevant again. In addition, the main set of their features is considered in more detail, which helps to determine

the range of analogies and the cultural and chronological position of these specimens. The latter seems to be especially important due to the fact that both are accidental finds. It is very noteworthy that both objects originate from the area of the Bolsherechensk culture and can be considered within the framework of the complex of weapons of its carriers. They characterize the most archaic part of it, demonstrating the connection with the previous era.

Keywords: military, melee weapons, polearm, axe

Acknowledgments: the author expresses gratitude to L.I. Chegodaeva for her help in working with the collections and the information provided. The work was carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences (project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Likhacheva O.S. Shaft Melee Weapons of the Bolsherechensk Culture in the Exposition of the Biysk Museum of Local Lore Named after V.V. Bianchi. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:192–199. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.30

Древковое оружие ближнего боя начинает применяться древним населением Лесостепного Алтая еще с эпохи энеолита (Кирюшин, Иванов, 1996, рис. 1; Тюрина, Грушин, 2009, табл. III.-1, 3, 4–6). Обретая высокую популярность, оно прочно занимает одно из ведущих мест в комплексе вооружения населения региона вплоть до эпохи средневековья (Горбунов, 2006, рис. 69–70). В то же время виды этой категории оружия являются своеобразным эпохальным маркером для рассматриваемой территории. Так, в эпоху бронзы применялись топоры, в том числе кельты, как особая их разновидность. В свою очередь, в раннем железном веке их практически полностью вытеснили более эффективные по боевым качествам чеканы. Исключение представляет собой только короткий период «раннескифского» времени, когда все три вида древкового оружия фиксируются в комплексе местных племен.

Два предмета, характеризующие указанные хронологические рамки, представлены в экспозиции Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки (далее — БКМ), на стенде №4, посвященном ранним кочевникам Алтая. Они представлены бойками от кельта и топора. Ранее они уже публиковались (Тишкин, Папин, 1998, с. 180, рис. 4; Абдулганеев, 1996, с. 130, рис.-1.-5; Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, рис. 9.-10). На текущий момент появились новые сведения по их документированию в БКМ, кроме того, в предшествующих работах они рассматривались суммарно с рядом других изделий, ввиду чего было мало уделено внимания особенностям их морфологии, не проводился подробный типологический анализ. В рамках данной работы будет более детально рассмотрена их форма и приведены аналогии, позволяющие уточнить культурно-хронологические позиции экземпляров, место в комплексе вооружения и тот пласт традиций, который они в нем составляют. Нами не приводится прорисовок, поскольку оба изделия на текущий момент экспонируются. Они размещены под номером «1» на стенде №4 («Ранние кочевники»), в аннотации обозначены как «Топоры». Остановимся более подробно на каждом из предметов.

Фрагмент стенда №4 «Ранние кочевники» (без масштаба)
Fragment of stand No. 4 "Early Nomads" (without scale)

Топору сейчас присвоен номер ОФ-14625. Стоит отметить, что ранее данный предмет проходил как безынвентарный, что и обозначалось в более ранних публикациях (Тишкин, Папин, 1998, с. 180, рис. 4). По имеющимся данным топор найден в окрестностях г. Бийска, иногда уточняется, что в «юго-восточной» его части (Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, рис. 9.-10).

Топор изготовлен из цветного металла (бронза?). По способу насада он является проушным. Интересна форма проуха: абрис можно условно соотнести с овалом или эллипсом, но из-за расширения в верхней части он приобретает скорее вытянуто-овоидную форму. У рассматриваемого экземпляра высокий оформленный обух, в профиль имеющий форму полукруга, в фас — трапеции за счет значительного утолщения в верхней части. Форма полотна клинка — подпрямоугольная в профиль и вытянуто-треугольная в фас. Клинок имеет ряд повреждений: лезвие с многочисленными выбоинами и вмятинами, деформировано, один из его углов слегка погнут, за счет чего оказывается нарушена линия боковой стороны — на ней образуется вдавление. На той половине топора, которая обращена к стенду, на клинке имеется выбоина, которая заметна на виде изделия в фас. В целом сохранность предмета можно охарактеризовать как хорошую: все детали сохранились, коррозия отсутствует. Помимо указанных дефектов, на одной из стенок проуха читается отливочный брак: неровность поверхности, образующая выраженный уступ. Размеры: общая длина — 14,7 см. Клинок: 6,9×4,1×1,9 см. Проух: 4×5×1,7 см. Обух: 2,3×4×1,2 см.

Появление боевых бронзовых топоров связано с территорией Месопотамии, где они фиксируются в конце IV — начале III тыс. до н.э. (Горелик, 2003, с. 37). Как указывалось выше, на территории Лесостепного Алтая первые подобные образцы связаны с эпохой энеолита (Кирюшин, Иванов, 1996, рис. 1). Есть они и в материалах елунинской археологической культуры, где датируются 1-й половиной II тыс. до н.э. (Тюрина, Грушин, 2009, табл. III.-1, 3, 4–6). У всех указанных ранних образцов применялся проушной способ насада, как оптимальный для рассматриваемого вида оружия.

Сильно выделенный обух характерен для топоров Месопотамии середины III тыс. до н.э. и Северного Кавказа рубежа III–II тыс. до н.э. (Горелик, 2003, табл. XIX.-9–10; XX.-20–21; XXII.-45, 97–99). У топоров с Кавказа этот признак фиксируется вплоть до IX–VIII вв. до н.э. (Скаков, 2016, рис. 1.-6–7; 4.-2; 5.-5). Распространен высокий обух и у топоров из Восточной Европы (Шафенкова, Чубур, 2019, рис. 3). Надо отметить, что у указанных аналогий рассматриваемая деталь имеет сложное, порой вычурное строение и, видимо, могла использоваться в качестве дополнительного боевого элемента. Тогда как у рассматриваемого образца она лаконична и менее массивна. Обухи округлой формы более характерны для топоров центральноазиатского региона и встречаются у предметов из Минусинской котловины и Монголии. Второе изделие датируется в рамках VII в. до н.э. (Членова, 1967, табл. 4.-13; Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, с. 345).

Весьма значима форма проуха, от которой зависит плотность насада бойка на древко. К сожалению, полностью идентичных аналогий по данному признаку не удалось установить. К относительно близким по форме можно отнести ряд изделий с эллипсовидным абрисом этой детали. Такая форма фиксируется у топоров Элама в XXIII–XXII вв. до н.э. и у одного изделия из Тувы, которое авторы датируют «эпохой бронзы» (Горелик, 2003, табл. XIX.-62; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 58). У изделия из Лесостепного Алтая такое оформление насада появляется со 2-й половины II тыс. до н.э. (Папин, Федорук, 2009, с. 98, рис. 12.-1).

Безусловно, самой важной функциональной частью топора является клинок, от которого зависят основные боевые качества. Прямоугольное полотно стало наиболее распространенным после равнобедренно-трапециевидного и встречается с последней четверти III тыс. до н.э. сразу в нескольких регионах: Египет, Сирия, Палестина, Западный Иран. На Ближнем Востоке этот признак бытовал до XIII в. до н.э. (Горелик, 2003, табл. XX.-77, 82–84; XXII.-99–101, 104; XXII.-2, 9–14, 21). В Восточной Европе и Минусинской котловине топоры с прямоугольным клинком есть в материалах VII–VI вв. до н.э. (Членова, 1967, с. 30, табл. 7.-13, 15–16; Клочко, 2006, рис. 25.-6; 69.-7).

Наиболее близкой по совокупности параметров аналогией топору из БКМ является изделие тагарской культуры, которое Н.Л. Членова рассматривает в рамках VII–VI вв. до н.э. (Членова, 1967, с. 30, табл. 7.-13). В большей степени топоры с, видимо, схожими признаками фиксируются по изобразительным источникам — «оленным» камням Алтая и Монголии (Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, рис. 18.-28–29; Лихачева, 2014, с. 60–61). В целом образец из БКМ несет на себе черты центральноазиатской военной традиции. Исходя из вышеизложенного, типологическая датировка экземпляра из г. Бийска может определяться VII–VI вв. до н.э. Учитывая время его бытования, а также местонахождение, можно рассматривать данное изделие в рамках большебереченской археологической культуры.

Перейдем к характеристике кельта. На внутренней стороне втулки нанесено плохо читаемое обозначение 307/2715. Оно перечеркнуто и является уже не актуальным. На текущий момент он проходит по двум номерам: ОФ-9614/2, номер по описи — 307/2715. В описи №68 предмет записан как: «Топор втульчатый с двумя ушками с округлым лезвием без орнамента, на широкой стороне — борозды от литейной формы». Ранее кельт был опубликован М.Т. Абдулганеевым (1996, с. 130, рис. 1.-5). В статье указывается, что он вместе с двумя аналогичными предметами был найден в 1930-е гг. при строительстве тракта Бийск — Белокуриха. Никаких музейных номеров не приводилось. Размеры: 12×5,2×4,7 см.

Кельт е изготовлен из цветного металла, вероятно, бронзы. В продольном сечении имеет форму вытянутого равнобедренного треугольника или клина. Данный признак указывает на то, что это изделие является оружием, а не предметом хозяйственного назначения (Соловьев, 1983, с. 135–136). Кельт со скрытой втулкой, не выступающей над поверхностью бойка. Стенки вокруг

отверстия втулки сильно утолщены за счет обрамления в виде широкого валика, в поперечном сечении она имеет прямоугольный абрис. В верхней части на боковых гранях изделия расположены два «ушка» дуговидной формы, предназначенные для крепления к древку. Общий абрис полотна во фронтальной плоскости близок трапециевидному, где меньшим по длине основанием является лезвие. Сама лезвийная часть дуговидной формы, углы закруглены. От отверстия втулки по центру полотна неровной полосой проходит незначительно выступающий валик, вероятно, декоративного назначения. Кельт хорошей сохранности, без ярко выраженных повреждений и коррозии.

По своим поражающим свойствам кельты относятся к специфичной разновидности топоров и обладают тем же ударно-раскалывающим действием. Их появление можно связать с территорией Ближнего и Среднего Востока, где они фиксируются с рубежа III–II тыс. до н.э. Со 2-й половины II тыс. до н.э. этот вид оружия широко распространился по всему степному поясу Евразии (Горелик, 2003, табл. XXVI.-28–39; Ключко, 2006, рис. 66, 77–78, 85–86, 89). Наибольшую популярность они получают в Восточной Европе, где представлены значительными сериями, ввиду чего у этих изделий в тех или иных комбинациях имеются все интересующие нас признаки. Так, скрытая втулка встречается у образцов XX–X вв. до н.э., два ушка для крепления есть у экземпляров XVII–X вв., а трапециевидной форма бойка с сужением книзу характерна для XIV–X вв. до н.э. (Ключко, 2006, рис. 66.-10–13; рис. 77.-9–11; 78.-2–10; 85.-2–3, 10–11, 13; 99.-6; 86.-1–8, 10, 12–13).

Более узкие дагты дают азиатские материалы, где ярче прослеживаются определенные маркирующие датировку признаки. На наш взгляд, в качестве основного критерия может выступать абрис клинка. Трапециевидный абрис с расширением в нижней части характерен преимущественно для изделий сейминско-турбинского круга (Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 2.-7; рис. 6.-1; рис. 18.-1; Грушин, 2009, рис. 1). В свою очередь, образцы с абрисом полотна прямоугольной формы или трапеции, у которой узким основанием является лезвие, относятся к более позднему периоду. Подобная тенденция прослеживается для территории Лесостепного Алтая (Папин, Федорук, 2009, рис. 13.-2–3).

Если говорить о трапециевидном абрисе с сужением книзу, то ранее всего этот признак фиксируется у изделий из Китая, где датируется XIV–XIII вв. до н.э. Но у указанного в данном случае изделия отсутствуют ушки для крепления, что отличает его от экземпляра из БКМ (Горелик, 2003, табл. XXVI.-86). Ближе рассматриваемому образцу кельты из Монголии, которые датируются XII–X вв. до н.э. и VII–V вв. до н.э. (Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, рис. 21.-4; Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, с. 347, 350). Наиболее близкой аналогией является кельт VII в. до н.э., происходящий из Тувы (Горелик, 2003, табл. XXVI.-46). Типологическую дату изделия из БКМ можно определить этим же временем. По местонахождению он может быть отнесен к материалам большебереченской культуры.

Исходя из приведенных данных рассмотренные кельт и топор могут рассматриваться в рамках комплекса вооружения большебереченской культуры. В целом

в ее материалах кроме указанных видов присутствуют также и чеканы (Лихачева, 2020, с. 114, 278). Все это говорит о значимой роли древкового оружия ближнего боя в тактике ее носителей. В то же время предметы, представленные в БКМ, характеризуют наиболее архаичный пласт традиций, восходящий к эпохе бронзы. Поскольку относящиеся к нему изделия представлены двумя видами оружия, можно говорить о том, что на формирование военного дела указанной культуры в значительной мере оказывали влияние традиции предшествующего периода.

Список источников

Абдулганеев М.Т. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, Вып. VII. 1996. С. 128–134.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. до н.э. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.

Грушин С.П. Ранний период бронзового века (елунинский металлокомплекс) // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. С. 24–56.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новые находки металлических изделий из Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VII. Барнаул, 1996. С. 81–88.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47.

Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). К., 2006. 337 с. (на укр. яз.)

Лихачева О.С. «Оленные» камни как источник по изучению вооружения раннескифского времени // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул, 2014. С. 58–62.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул, 2020. 304 с.

Матющенко В.И., Синецкая Г.В. Могильник Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 136 с.

Папин Д.В., Федорук А.С. Поздний период бронзового века и переходное время от бронзового к раннему железному веку // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. С. 75–121.

Скаков Ю.А. Обзор новых находок кобано-колхидских орнаментированных топорков // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железного века. М., 2016. С. 229–241.

Соловьев А.И. О назначении «кельтов» // Археология камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983. С. 132–142.

Тишкин А.А., Папин Д.В. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 179–182.

Тюрина Е.А., Грушин С.П. Эпоха энеолита (афанасьевский металлокомплекс) // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. С. 7–23.

Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие — III век до н.э.). СПб., 2011. 172 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 268 с.

Шафенкова Ю.В., Чубур А.А. Дунайские бронзовые топоры Брянско-Черниговского пограничья // История. Общество. Политика. 2019. №4 (12). С. 81–89.

Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д. Небесный меч: Культура бронзовых изделий от бронзового века до империи Хунну. Улан-Батор, 2011. 496 с. (на монг. яз.).

Информация об авторе / Information about the Author

Ольга Сергеевна Лихачева, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, старший преподаватель; 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>, lihaolga@yandex.ru

Olga S. Likhacheva, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Senior Lecturer; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave. 61; Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>, lihaolga@yandex.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 903:006.915

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.31

EDN: NAURJV

ДРЕВНИЕ МЕРЫ ДЛИНЫ ДЛЯ РЯДА СТЕЛ ИЗ БАЛЧИКОВА-3 НА АЛТАЕ (ответ П.И. Шульге)

Леонид Сергеевич Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

Резюме. Вопрос о древних мерах длины — один из наименее изученных в археологии Центральной Азии. Потребность в измерительных единицах у многих народов возникла еще в глубокой древности. Начиная с конца 1970-х гг., археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в разных регионах Евразии были произведены метрологические и палеоастрономические исследования на различных археологических памятниках II–I тыс. до н.э. В статье рассмотрены ряды каменных стел около большого кургана №1 Балчикова-3 и в Пазырыке, показано, что при сооружении этих объектов использовались одинаковые древние измерительные модули. В основе древних измерений лежат меры длины, соотносимые с телом человека: рост, локоть и размеры ступни человека.

Ключевые слова: Алтай, Балчиков, Пазырык, каменная стела, меры длины

Для цитирования: Марсадолов Л.С. Древние меры длины для ряда стел из Балчикова-3 на Алтае (ответ П.И. Шульге) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 199–208. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.31

ANCIENT LENGTH MEASURES FOR A ROW OF THE BALCHIKOV-3 STELES IN ALTAI (Answer to P.I. Schulga)

Leonid S. Marsadolov

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

Abstract. The question of ancient measures of length is one of the least studied in the archaeology of Central Asia. The need for measuring units among many peoples arose in ancient times. Since the late 1970s, the archaeological expedition of The State Hermitage museum in different regions of Eurasia has carried out metrological and paleoastronomic studies on various archaeological sites of the 2nd–1st millennium BC. The article considers the rows of stone steles near barrow No. 1 of Balchikov-3 and in Pazyryk, it is shown that during the construction of these objects the same ancient measuring modules were used. Ancient measures based on correlated with the size of the human body: height, elbow and size of the person's foot.

Keywords: Altai, Balchikov, Pazyryk, stone stele, length measures

For citations: Marsadolov L.S. Ancient Length Measures for a Row of the Balchikov-3 Steles from on Altai (Answer to P.I. Shulga). *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:199–208. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.31

«Человек есть мера всех вещей»

Протагор

Современные и древние измерительные системы. Современная десятичная система единиц измерения — *метр*, как одна десятимиллионная доля четверти окружности Земли по меридиану (от Северного полюса до экватора), проходящему через Париж, впервые была принята во Франции в 1790-е гг. В России эта измерительная десятичная система была принята только в 1899 г. и позднее.

Поэтому с библейских времен и ранее, вплоть до XIX–XX вв., основными единицами пространственного измерения во многих регионах мира на протяжении тысячелетий почти всегда служили меры длины, соотносимые с величиной человеческого тела или отдельных его частей: сажень, локоть, пядь, палец, размеры ступни (фут) и т.д. (Марсадолов, 2001, 2007, 2016, 2021; и др.). Возможно, мы никогда не узнаем древнего названия единиц измерения для пазырыкской культуры Алтая, но мы можем распознать эти древние меры длины путем измерений на археологических объектах.

Сажень часто подразделяли на малую (или прямую) и большую (или косую/«царскую»). *Малая сажень* — расстояние между размахом вытянутых горизонтально рук взрослого человека, от большого пальца одной руки до большого пальца другой, равное около 180 см. *Большая сажень* равна расстоянию от ступни до кончиков пальцев вытянутой вверх руки или расстоянию между окончанием вытянутой вверх правой руки и носком отставленной в сторону по диагонали левой ноги человека и в среднем составляет 210–

220 см. По этнографическим данным известно, что народы Саяно-Алтая часто использовали прямую сажень, по-тюркски называемую *кулаш* — размах, а также косую сажень *ша* (Потапов, 1969). Путем последовательного уменьшения размеров в два раза получали нижеследующие величины: 1 сажень = 2 полусаженям = 4 локтям = 8 пядям = 16 четвертям локтя = 24 ширинам ладони и т.д. В зависимости от комплекции и роста человека малая прямая сажень могла быть от 160 до 190 см, а большая — от 200 до 230 см. Они могли быть получены путем последовательного складывания мерной «веревки» на две части: 180 см : 2 = 90 см : 2 = 45 см : 2 = 22–23 см и т.д. При отсутствии строгих эталонов, вероятно, существовали и промежуточные числовые величины. Например, могли применяться прямые сажени, равные 1,70 — 1,75 — 1,78 — 1,81 — 1,83 — 1,85 — 1,88 м ..., при средней величине около 1,8 м. Свои промежуточные величины могли быть для косой сажени, локтя, пяди, ладони и т.п. Величина и частота использования «эталонных модулей» может быть выявлена в ходе измерений реальных объектов и расстояний между ними, статистической обработкой полученных результатов.

Этика научных исследований. Хотя в вузах и научных учреждениях стараются научить соблюдению учеными этических правил общения друг с другом, а также придерживаться общих этических норм в дискуссиях, научных книгах или журнальных статьях, но эти законные моральные требования не всегда соблюдаются отдельными археологами.

Давайте разберемся с этой проблемой на примерах измерения объектов пазырыкской культуры Алтая. Когда надо показать свою научную «осведомленность», то выдумываются такие «топографические замечания» и «измерительные ошибки», как это сделал П.И. Шульга: *«Л.С. Марсадолов, обследовавший Пазырык ... первоначально указал меньшее количество балбалов: пять у кургана 2, по четыре у кургана 1 и 3 и три балбала у кургана 4 (1984, рис. 1). Позднее указанный автор привел иные данные, почти вдвое превосходящие предыдущие: восемь камней на протяжении 45 м у кургана 2, семь камней на протяжении 47,5 м у кургана 1, пять камней на протяжении 30 м у кургана 3, три камня на протяжении 19,5 м у кургана 4 (Марсадолов, 2019)».*

Исходя из общих основ топографии, такие «топографические замечания» П.И. Шульги против Л.С. Марсадолова должны быть «смешными», так как есть разные по масштабу планы объектов и они имеют разные условные обозначения.

Почему-то П.И. Шульга не критикует число схематично точками нарисованных стел на плане Пазырыка С.И. Руденко 1953 г., где у трех курганов по 5 стел, а у одного — 4 стелы? В тексте статьи Л.С. Марсадолова 1984 г., посвященной последовательности сооружения курганов в Пазырыке, нет ни одного упоминания о стелах и только на общем плане-рисунке, как и у С.И. Руденко, схематично показаны ряды из стел около больших курганов. Любому археологу ясно, что при масштабе в 1 см = 50 м трудно изобразить точное число стел, да и не было такой задачи в этой статье.

Разве на общем плане могильника Балчииков-3, выполненном во в два раза большем масштабе, чем общий план расположения курганов в Пазырыке, П.И. Шульга указал ряд из 19 стел с восточной стороны от кургана №1? Нет, не указал, а на этот общий план он нанес только какие-то непонятные дублирующие цифры 1, 2 и 3 на месте стел, не оговоренные в подписях к рисункам (ср.: Шульга, Демин, 2021, с. 153, рис. 40-Б; Руденко, 1953, с. 15, рис. 2; Марсадолов, 1984, с. 92, рис. 1).

Трудно понять и такой строгий скоропалительный научный «выпад-вывод»: *«При измерении расстояний между отдельными балбалами выявлен древний метрический модуль, близкий к косой сажени, равной 2–2,2 м, и ее производным — одному большому («царскому») локтю, равному около 0,52 м (Марсадолов, 2019, с. 156). Судя по контексту, Л.С. Марсадолов полагает, что зафиксированное им число балбалов и расстояния между ними соответствует изначальным. С этим нельзя согласиться»* (Шульга, Демин, 2021, с. 92–93).

Зачем делать такие поспешные выводы и разве П.И. Шульга уже раскопал ряд стел в Пазырыке, если так уверенно обличает других? Где в своей статье 2019 г. Л.С. Марсадолов «судит», что «контекст» «соответствует» каким-то «изначальным» данным? Любое научное исследование многогранно и новые поколения ученых будут неоднократно возвращаться и уточнять важные первоначальные научные факты и данные.

Не поиск точного числа обломанных стел-балбалов в Пазырыке был одной из задач Л.С. Марсадолова, а поиск древних метрических модулей. В Пазырыке при измерении расстояний между отдельными балбалами выявлен не один, а два древних метрических модуля, близкие к косой сажени, равной 2–2,2 м, и ее производным — одному большому («царскому») локтю, равному около 0,52 м. Около курганов Пазырык-2 и 3 использовались и иные модули, равные около 1,8 м и среднему локтю около 0,45 м (Марсадолов, 2019, с. 156, 158). Хотя П.С. Шульга отметил: *«С этим нельзя согласиться»*, но такие же древние измерительные меры могут быть выявлены и на изученных им стелах в Балчиикове-3 (см. табл. 1–2).

Современные и древние измерительные модули для стел Балчиикова-3. Впервые на Алтае длинный ряд из 18 стел в Яконуре сплошным раскопом исследовал М.П. Грязнов в 1939 г. (Грязнов, 1940, рис. 4). Все измеренные в экспедиции П.И. Шульги данные о 19 ямках и стелах Балчиикова-3 были внесены нами в таблицу 1. При внимательном анализе этих данных сразу же можно ясно видеть повторяемость ряда размеров. П.И. Шульга (2021, с. 54) сам отметил, что *«устроители комплекса в древности стремились к соблюдению определенного стандарта — расстояние между центрами большинства стел ... равнялось 320–323 см»*. Но он не смог объяснить этот «стандарт», хотя он объясняется очень просто, даже исходя из критикуемого им выявленного Л.С. Марсадоловым на стелах в Пазырыке модуля в 52 см (см. выше). Если $320 \text{ см} : 52 \text{ см}$ (точнее 53 см) = 6 раз/модулей по 52–53 см, или 1,5 «царских» сажени (табл. 1–2).

Таблица 1
Tab. 1

Основные сведения о ямках и стелах кургана №1 Балчикова-3 и о возможном применении к ним древней метрологии

Basic information about the pits and steles of barrow No. 1 of Balchikov-3 and the possible application of ancient metrology to them

№ ямки/стелы	Ямка в земле (в см)		Форма ямки	Расстояние от преддверий стелы (в см)	Древний размерный модуль	Каменная стела (в см)		Высота вкопанной стелы (реконстр.)	Примечание
	размер	древний модуль				размеры	древний модуль		
1	90 x 40; гл. – 80	3 ступни по 30 см = 90 = 1 полусажень	подпрямоугольная	450 см, к востоку от края насыпи	15 ступней = 5 полусажени	269 (270) x 77 - 90 x 12 - 20	Выс. – 9 ступней = 1,5 саж. прям.	270 – 80 (90) = 190 (180) = 1 саж. прям.	чапелидное углубление, дм. – 40, гл. – 10 1 саж. + 1 лок. парские и 1 сажень комбинирован.
2	55 x 32 гл. – 70	1 лок. = 53 см x 1 x 2 ступ. по 35 см («шарские»)	подпрямоугольная	320	6 локтей по 53 см = 1,5 сажени парские	265 x 40 - 53 x 17 - 22	Высота – 5 локтей по 53 см = 1 саж. + 1 лок.	265 – 70 = 195 (105 + 90) = 0,5 + 0,5 = 1 с.	
3	65 x 35 гл. – 65	2 x 1 ступни по 35 см	подпрямоугольная	320	1,5 сажени	290 x 55 - 62 x 15 - 18	Высота – 5,5 лок. по 53 см	290 – 65 = 225 = 5 лок. по 45 см	См. высоту 3-й стелы с Востока №17 = 290 см
4	50 x 40 гл. – 70	1 локоть x гл. – 2 ступ. по 35 см	подпрямоугольная	320	1,5 сажени	278 (280) x 42 - 32 x 32 - 22	Высота – 8 ступ. = 1 саж. + 2 ступ. (1 ступ. по 35 см)	280 - 70 = 210 1 сажень («шарская»)	Высота – 210 см = 1 сажень («шарская»)
5	50 x 40 гл. – 70	1 локоть x гл. – 2 ступ. по 35 см	овальная	320	1,5 сажени	241 x 44 x 30 - 26			стела обломана
6	70 x 40 гл. – 70	2 x 2 ступ. по 35 см	овальная	320	1,5 сажени	190 x 50 - 60 x 29			стела обломана
7	65 x 50 гл. – 70	1 локоть x гл. – 2 ступ. по 35 см	подпрямоугольная	320	1,5 сажени	268 x 44 - 63 x 27 - 34			стела обломана
8	40 x 35 гл. – 70	1 локоть x гл. – 2 ступ. по 35 см	подпрямоугольная	346 (320+26)	1,5 сажени + 1 пядь парские	270 x 42 - 46 x 20 - 25			стела обломана
9	65 x 67 или 65 x 40 гл. – 70	гл. – 2 ступ. по 35 см	подпрямоугольная или овальная	320	1,5 сажени парские = 6 локтей по 53 см	340 x 40 - 44 x 16 - 20	1,5 сажени прямые + 2 ступни по 35 см (270 + 70)	340 – 70 = 270 = 5 локтей по 54 см	Вероятно, что 270 см = 1,5 сажени = 9 ступ. по 30 см

Продолжение таблицы 1

№ ямки / стелы	Ямка в земле (в см)		Форма ямки	Расстояние от передней стелы (в см)	Древний размерный модуль	Каменная стела (в см)		Высота вкопанной стелы (реконстр.)	Примечание
	размер	оревний модуль				размеры	оревний модуль		
10	55 x 40 гл. – 65	1 локоть ок. 53 см	подпрямо- угольная	350 (320 + 30)	1,5 сажени царские + 1 ступ.прам.	255 x 35 x 15 - 18	Стела № 10 взята из насыпи кургана №1		
11	65 x 45 гл. – 70	гл. – 2 ступ. по 35 см	подпрямо- угольная с овальными краями	338 ?	?		Стела не сохранилась (почему-то П.И. Шульга установил в ямку № 11 стелу из насыпи кургана №1, высотой 1,5 м, что не соответствует по высоте ряду из других стел)		
12	диаметр – 55 см	1 локоть ок. 53 см	пятно округлых очертаний	320	1,5 сажени		Стела ? – не сохранилась	ямка не раскапывалась	
13	70 x 60	2 ступни по 35 см	подпрямо- угольная	345	?		Стела ? – не сохранилась	ямка не раскапывалась	
14		?	место не установлено	330-350 от стелы 15	?		Стела ? – не сохранилась	ямка не раскапывалась	
15	65 x 45 гл. – 75	?	подпрямо- угольная	350 от стелы 16	1,5 сажени царские + 1 ступ.прам.	339 x 43 - 54 x 20	Стела № 15 взята из насыпи кургана № 1 ?		
16	70 x 50 гл. – 75-80	2 ступ. x 1 локоть («царские»)	овальная с западной стороны	322 от стелы 17	1,5 сажени	389 x 60 - 50 x 24 - 36	Стела № 16 взята на краю террасы ?		
17	70 x 50 гл. – 80	2 ступ. x 1 локоть («царские»)	подпрямо- угольная	320-322 от стел 16 и 18	1,5 сажени	372 x 48 - 56 x 20 - 26		См. высоту стелы № 3 = 290 см – табл. 3	
18	диаметр 50 гл. – 80	1 локоть ок. 53 см («царский»)	овальная	320-322 от стелы 17 и 330 от № 19	1,5 сажени	407 x 33 - 55 x 32 - 16	Высота – 1,5 саж. + 1 локоть по 53,2 см Высота – 7 лок. + 1 ступня («царские»)	Вероятно, 1,5 сажени = ок. 320 см 327 (320)	
19	60 x 40 гл. – 90	верх – 2 x гл. – 3 ступни по 30 см	овальная	310 от стелы 18	ок. 1,5 сажени	453 x 32 - 52 x 17 - 26	Высота – 2,5 саж. прямые = 10 лок. по 45 см = 15 ступней по 30 см	453 – 90 = 363 = 2 сажени = В 90 см от низа стелы находится выбонна-уступ по 30 см	

Каждый археолог хорошо знает, что в процессе современных измерений древних объектов, особенно на больших расстояниях или на криволинейных поверхностях типа каменных стел, можно очень легко ошибиться на 1–2 см и более. Горизонтальная уплотнившаяся/слежавшаяся земля и трудности точного определения уровня древней дневной поверхности позволяют предполагать, что в древности глубина ямки для стелы могла быть больше на 5 см и более. Размеры ямки могли также измениться, когда стелу пытались вытащить из земли или повалить ее набок, что приводило к деформации стенок.

Таблица 2

Современные и древние меры длины каменных стел у кургана №1 Балчикова-3

Tab. 2

Modern and ancient measures of length of stone steles at barrow No. 1 of Balchikov-3

Сектор	№ стелы	Стела в целом		Стела вкопанная		Итог
		в см	модуль	модуль	в см	
Запад / заход солнца	1	270	1,5 саж. = 6 лок. прямых	1 саж. = 4 лок. прямых	190 / 180 ?	1,5 и 1 саж. прямые
	2	265	1 саж. + 1 лок. = 5 лок. царск. = 6 лок. прям. = 1,5 саж. прям.	0,5 саж. царск. + 0,5 саж. прям. = 1 саж. комб. = 105 + 90 = 195	195	1 саж. + 1 лок. царск. и 1 сажень комб.
	3	290	1 саж. + 1 лок. + 1 пядь = = 5,5 лок. царск.	1 саж. + 1 лок. = 5 лок. прямых = 180 + 45 = 225	225	1 саж. + 1 лок. + 1 пядь царск. и 1 саж. + 1 лок прямые
	4	278	1 саж. + 2 ступ. царск.	1 саж. царск.	210	1 саж. + 2 ступ. и 1 саж. царск.
Центр	9*	340	1,5 саж. прямой + 2 ступни царские	1,5 саж. прямой = 6 локтей прямых	270	1,5 саж. прям + + 2 ступ. царск. и 1,5 саж. прямой
Восток / восход солнца	17	372	1,5 саж. + 1 лок. царск. = 7 лок. царск.	1 саж. + 1 лок. + 1 пядь = 5,5 лок. царск.	292	1,5 саж.+ 1 лок. и 1 саж.+ 1 лок. + 1 пядь царск.
	18	407	1,5 саж. царск. + 0,5 саж. прям. = 2 саж. комб. = 320+90 = 410	1,5 саж. царск. = 6 локтей царск.	320	2 саж. комб. и 1,5 саж. царск.
	19	453	2,5 саж. прямой	2 саж. прямые	363	2,5 и 2 саж. прямые
Итоги	От 1,5 до 2,5 прямой сажени		От 1 до 2 прямых саженей		От 1 до 2,5 прямой сажени	

Размеры длиной в 50–55 см были многократно отмечены П.И. Шульгой при измерении ямок и стел в Балчикове-3 (табл. 1–2). Этот размер является «большим» локтем (Балонов, 1993; Марсадилов, 2001, 2021) и входит в систе-

му «царских» измерительных мер: 2 локтя = *полусажень* = ок. 105 см, 1 *сажень* = ок. 210 см, 1,5 *сажени* = ок. 320 см и т.д. К этой же измерительной системе принадлежит «царская» *стопа (фут)* длиной ок. 35 см и ее производные: 2 *ступни* = 70 см, 3 *ступни* = *полусажень* = 105 см, 6 ступней = 1 *сажень* = ок. 210 см, 9 ступней = 1,5 *сажени* = ок. 320 см и т.д.

Ряд размеров в Балчикове-3, восходит и к прямой сажени длиной в 180 см, особенно числа по 30 — 45 — 90 — 180 — 270 — 360 — 450 см (табл. 1). Например, размер в 90 см (полсажени, 3 ступни или 2 локтя) является одним из основных модулей в Семисарте, неоднократно отмечен в гроте Ак-Баур на Алтае, а на святилище Туру-Алты длина самого большого оленя также равна 90 см (Кубарев, 1979, табл. XI; Марсаолов, 2002, 2007, 2016). На крайней стеле №19 в Балчикове-3 «с восточной стороны в 90 см от нижнего края имеется выбоина-уступ, возможно, нанесенная для указания глубины вкапывания» (Шульга, Демин, 2021, с. 62).

Высота большинства вкопанных и подготовленных каменных стел в Балчикове была равна 1, 1,5, 2 и 2,5 *прямой сажени* (от 180 до 450 см). Если для вертикальных измерений стел чаще использовали размеры в прямых сажнях, то *горизонтальные расстояния* между стелами чаще измеряли в «царских» сажнях — ок. 320 см = 1,5 *сажени* (табл. 1 и 2).

Этот вывод можно подтвердить и изученными разными археологами *горизонтальными* размерами больших курганов Саяно-Алтая: каменная крепидо-кольца насыпи кургана Аржан-1 равна 40 большим/«царским» сажням/*ша* (ок. 88 м); Улуг-Хорума, курганов Туэкта-1 = 30 *ша* (ок. 66 м); Чиликты-5, Пазырыкских и Шибинского курганов = около 20 *ша* (42–45 м); Ак-Алахинских курганов = 6–10 *ша* (12–25 м) и т.д. (Марсаолов, 2016). Диаметр кольцевой ограды кургана №1 Балчикова-3 равен 43–44 м = 20 «царских» сажней. Ряд стел к востоку от крепиды кургана №1 вытянут на 62 м + 4,5 м (до 1-й стелы) = 66,5 м = 30 «царских»/косых сажней по 2,2 м.

Следует отметить, для измерений ямок, стел и расстояний между стелами иногда использовались и комбинированные меры длины, состоящие из сакрального использования основных размеров для прямой и «царской» сажней (табл. 1–2), особенно для выравнивания высоты верхнего края стел. Размеры от крепиды насыпи кургана №1 Балчикова-3 до 1-й стелы и высота последней стелы №19 равны по 4,5 м, что составляет 2,5 *прямой сажени*.

Недоделанная часть полевых исследований в Сентелеке. Далеко не законченными являются также работы со стелами и курганами могильника Балчикова-3, что можно показать на ряде примеров. Что же в основном осталось недоделанным в урочище Балчикова-3 и на что стоит обратить внимание во время будущих исследований.

1. Не найдены поминальные выкладки с западной стороны от кургана №1 Балчикова-3. *Большой курган №1 без поминальных выкладок? — это что-то новое в современной археологии пазырыкской культуры Алтая.* Это можно сравнить с раскопками В.В. Радлова более 150 лет назад в 1865 г. Большого Катандинского кургана, в котором не было вначале найдено захоронение

коней за стенкой сруба. Однако 22 коня были обнаружены А.А. Гавриловой в 1954 г. при доисследовании этого кургана (Гаврилова, 1957).

Хотя курган №1 Балчикова-3 находился посередине распаханного поля, но, вероятно, следы или части поминальных выкладок легко можно обнаружить с помощью простого металлического щупа длиной до 1 м, а лучше в ходе магнитной, электро- или георадарной съемок, применяемых в археологии с 1940-х гг.

2. Ряд из 19 стел Балчикова-3 был вскрыт сплошным раскопом, и хотя это внешне выглядит красиво, но, вероятно, будущие археологи отнесутся к этому по-другому — потеряно много ценной информации, которую могли бы дать слои земли вокруг стел — об изменениях окружающей среды, а новые методы палеопочвенного датирования могли бы уточнить возраст объектов. Надо было хотя бы около 1–2 стел оставить небольшие участки земли, не затронутые раскопками, так как никаких находок в этом раскопе не было обнаружено.

3. Не прослежены детальные связи кургана №1 и ряда каменных стел с горным ландшафтом, с *«замечательным природным окружением»* (Шульга, Демин, 2021, с. 99). Не в лесу надо было искать конечные точки направления стел (там же, с. 102, рис. 58), а на окружающих горах; не бегать по лесу, а надо было отразить круговую панораму с точностью до 1 градуса около центра кургана №1, от первой и последней стелы и тогда будет понятно — куда в древности был ориентирован длинный ряд из стел и отдельные значимые стелы из этого ряда. Среди 50 участников экспедиции можно было пригласить и одного астронома.

Такие исследования неоднократно были проведены небольшой эрмитажной экспедицией в 1980–2000-е гг. — в Семисарте, Адыр-Кане, Бике, Юстыде, Тархате, Аржане, Саглы и в других археологических пунктах Саяно-Алтая (см. Марсадолов, 2007, 2021).

Закключение. В ходе полевых работ в экспедиции П.И. Шульги в Сентелеке участвовало ежегодно от 40 до 100 человек и эти раскопки финансировались рядом организаций (Шульга, Демин, 2021, с. 102).

Проезд из Ленинграда на Алтай, проживание и измерения ряда стел около больших курганов в Пазырыке в 1979 г. были произведены в одиночку Л.С. Марсадоловым за счет накопленных средств из его скромной аспирантской стипендии. Поиск вертикальных стел в Пазырыке и их измерение производились не «на глазок», а с помощью острого металлического щупа с деревянной ручкой и рулетки.

Поспешные несправедливые выводы П.И. Шульги против Л.С. Марсадолова можно легко опровергнуть с помощью его же измерений на раскопанном им памятнике.

Когда нет финансовых возможностей, то вполне допустимо без раскопок измерять расстояния между каменными стелами, воздвигнутыми в разные исторические периоды — в раннескифское, пазырыкское и древнетюркское время на Алтае. Многое зависит от поставленных целей, тщательности проведенных исследований и анализа измерений.

Список источников

Балонов Ф.Р. К реконструкции некоторых сторон метрологии (мер длины) культуры скифо-сибирского круга // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 78–81.

Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника. (Работы Катандинского отряда Горно-Алтайской экспедиции 1954 г.) // СА. 1957. №XXVII. С. 250–268.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1940. Вып. I. С. 17–21.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.

Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 1984. Вып. 25. С. 90–98.

Марсадолов Л.С. Меры длины древних кочевников Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 229–232.

Марсадолов Л.С. Астрономический аспект грота Акбаур на Западном Алтае // Астрономия древних обществ. М., 2002. С. 228–234.

Марсадолов Л.С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 5. СПб., 2007. 278 с.

Марсадолов Л.С. Отражение древних мер длины и объема в археологических памятниках Южной Сибири и Казахстана // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск, 2016. С. 168–185.

Марсадолов Л.С. Восточные балбалы и западные поминальники как важные составные части организации сакрального пространства в Пазырыке на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2019. Вып. XXV. С. 155–162.

Марсадолов Л.С. Мегалитика, астроархеология, сакральный ландшафт, метрология, ритмика и центрография — новые научные направления в археологии Саяно-Алтая. СПб., 2021. 262 с.

Потапов А.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 403 с.

Шульга П.И., Демин М.А. Курганы Сентелека. Новосибирск, 2021. 188 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Леонид Сергеевич Марсадолов, Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, ведущий научный сотрудник; 197000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; доктор культурологии, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>, marsadolov@hermitage.ru

Leonid S. Marsadolov, The State Hermitage Museum, Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, Leading Researcher; 197000, St. Petersburg, Russia, Dvortsovaya nab., 34; Doctor of Culturology, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>, marsadolov@hermitage.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАНОВ В ЯКОНУРЕ НА АЛТАЕ (к 85-летию экспедиции М.П. Грязнова)

Леонид Сергеевич Марсадолов¹, Алексей Алексеевич Тишкин²,
Николай Николаевич Серегин²

¹Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Изучение археологических объектов древних и средневековых кочевников около поселка Яконур на территории современного Усть-Канского района Республики Алтай является неотъемлемой частью общего процесса состоявшихся исследований в Южной Сибири и Евразии в целом. В данной статье основное внимание уделено работам Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством М.П. Грязнова в 1939 г. на курганном поле в Яконуре. Полученные материалы имели большое значение не только в связи с научными раскопками новых объектов разных исторических периодов, но и в заполнении пробелов в археологических коллекциях и выставочной экспозиции музея. Несмотря на то что отдельные результаты раскопок опубликованы, полностью вся коллекция, фотоснимки и планы погребений не введены в научный оборот. Поэтому такую работу необходимо осуществить в ближайшее время.

Ключевые слова: Алтай, М.П. Грязнов, экспедиция, Яконур, история изучения, курган, датировка

Для цитирования: Марсадолов Л.С., Тишкин А.А., Серегин Н.Н. К истории изучения курганов в Яконуре на Алтае (к 85-летию экспедиции М.П. Грязнова) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 209–216. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.32

TO THE HISTORY OF THE STUDY OF KURGANS IN YAKONUR IN ALTAI (to the 85th Anniversary of the expedition of M.P. Gryaznov)

Leonid S. Marsadolov¹, Alexey A. Tishkin², Nikolai N. Seregin²

¹State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

²Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The study of archaeological sites of ancient and medieval nomads near the village of Yakonur in the territory of the modern Ust-Kansk district of the Altai Republic is an integral part of the general process of established research in Southern Siberia and Eurasia as a whole. This article focuses on the work of the Altai expedition of the State Hermitage under the leadership of M.P. Gryaznov in 1939 on the kurgan field in Yakonur. The materials obtained were of great importance not only in connection with scientific excavations of new sites of different historical periods, but also in filling gaps in the archaeological collections and exhibition exposition of the museum. Even though some results of the excavations have

been published, the entire collection, photographs and burial plans have not been put into scientific circulation. Therefore, such work should be carried out soon.

Keywords: Altai, M.P. Gryaznov, expedition, Yakonur, history of study, kurgan, dating

For citations: Marsadolov L.S., Tishkin A.A., Seregin N.N. To the History of the Study of Kurgans in Yakonur in Altai (to the 85th Anniversary of the Expedition of M.P. Gryaznov). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:209–216. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.32

13 июня 1939 г. Алтайская экспедиция Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа (в составе начальника М.П. Грязнова и научных сотрудников Б.З. Рабиновича и А.М. Виноградовой) выехала на поезде из Ленинграда в Бийск. К тому времени уже прошло 10 лет с той поры, когда М.П. Грязнов совместно с С.И. Руденко раскопали в 1929 г. Первый Пазырыкский курган на Алтае, и три года с начала научной и хранительской работы Михаила Петровича в музее. Согласно эрмитажному плану эта новая экспедиция работала три месяца — с 13 июня по 14 сентября 1939 г. М.П. Грязнов отмечал (1940, с. 17): «*Задачей Алтайской экспедиции Эрмитажа в 1939 г. было, с одной стороны, изучение древних памятников Алтая, а с другой, — пополнение собраний Эрмитажа новыми коллекциями*».

В ходе работ производилась археологическая разведка в пределах тогдашнего Усть-Канского аймака Ойротской автономной области по долинам рек Чарыш, Кан, Ябаган, Каерлык и их притоков. Кроме этого, осматривались экспозиции в музеях Бийска и Ойрот-Туры (ныне — г. Горно-Алтайск). Но основные археологические исследования были сосредоточены в степной долине при слиянии трех речек (Яконур, Бургасты и Имеген). Там участниками экспедиции зафиксировано более 100 различных археологических объектов, которые отражены на обширном топографическом плане (его фрагмент показан на рис. 1).

На курганном поле в Яконуре (что в переводе с южно-алтайского языка означает «два озера») исследовались разновременные археологические объекты. Среди них самыми ранними оказались два кургана «шибинского этапа» (№5 и 8). Под насыпью кургана №5 обнаружено первое на Алтае катакомбное захоронение, где в большой колоде была погребена старая женщина. В кургане №8 в просторной прямоугольной яме находились кости двух взрослых людей, ребенка и двух лошадей. Датируя указанные курганы, М.П. Грязнов (1940, с. 17) написал следующее: «*Погребальный ритуал и найденные предметы характерны для курганов Шибинского этапа эпохи ранних кочевников (II в. до х.э. — I в. х.э.)*». Стоит напомнить, что в 1939 г. в первом обобщающем труде советских археологов — макете «Истории СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства» — М.П. Грязнов для периода с VII в. до н.э. по I в. н.э. ввел понятие «эпоха ранних кочевников». Археологические памятники этой «эпохи» он подразделил на три основные хронологические группы, соответствующие трем этапам исторического развития на Алтае: I этап — майэмирский — VII–V вв. до н.э.; II этап — пазырыкский — V–III вв.

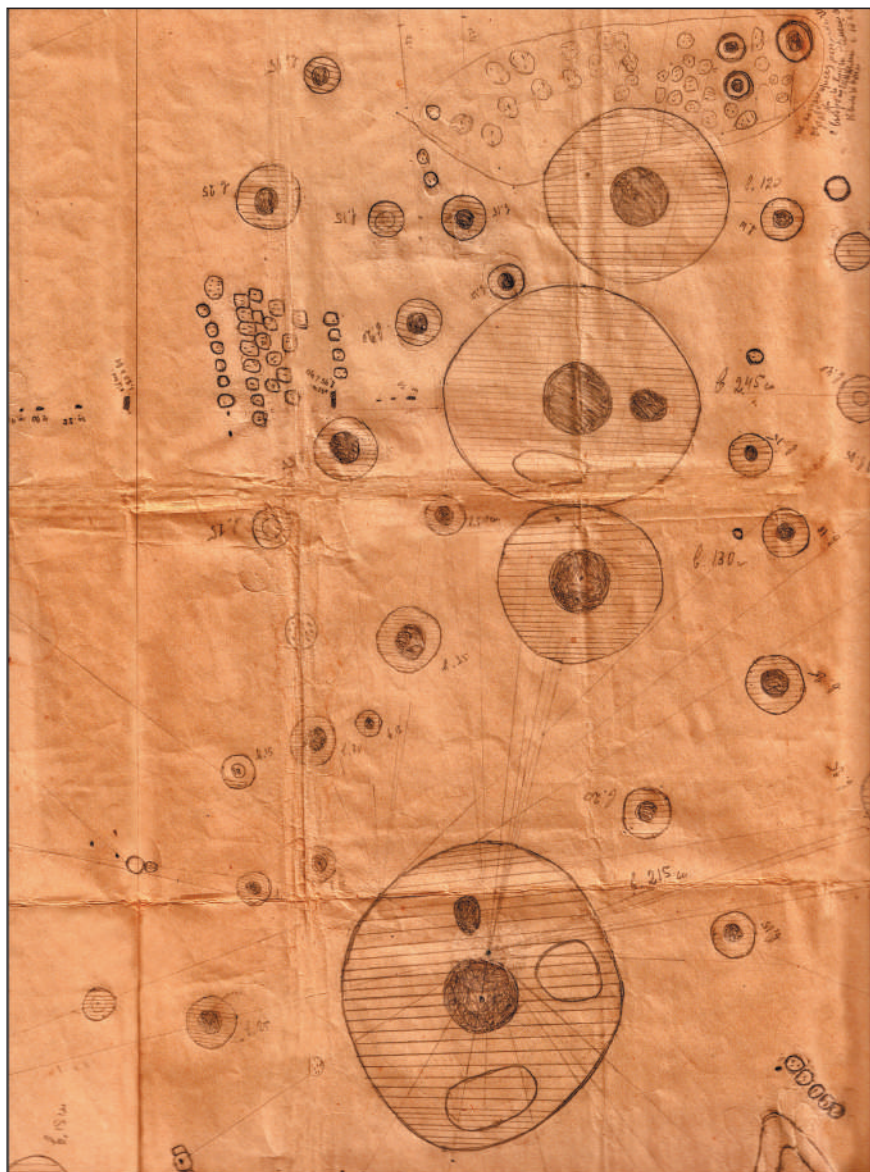

Рис. 1. Фрагмент плана курганного поля в Яконуре, выполненный на обороте миллиметровой бумаги (экспедиция М.П. Грязнова, 1939 г.)
Fig. 1. Fragment of the plan of the kurgan field in Yakonur, made on the back of millimetre paper (expedition of M. P. Gryaznov, 1939)

до н.э.; III этап — шибинский — II в. до н.э. — I в. н.э. Обозначения этим этапам были даны по названиям наиболее характерных и ярких памятников Алтая (Грязнов, 1939, с. 400). Указанные датировки близки к широко распространенным в 1910–1930-х гг. периодизациям скифо-сарматских культур Восточной Европы и западноевропейским хронологическим схемам культур железного века (Тишкин 1994, с. 124; Марсаолов, 1996, с. 25).

Одним из первых на курганы в Яконуре обратил внимание С.В. Киселёв. В его монографии «Древняя история Южной Сибири», опубликованной в 1949 г., отмечено следующее: «*Погребальный ритуал и инвентарь Яконурского кургана №8 не оставляет сомнения в его принадлежности к интересующей нас группе пазырыкских памятников типа Каракольского кургана*» (Киселёв, 1949, с. 193). С.В. Киселёв отнес пазырыкские памятники к «гунно-сарматскому времени» и датировал III–I вв. до н.э. В настоящее время после детальной проработки яконурских материалов курганы №5 и 8 Яконура могут быть отнесены к скифо-сакскому периоду.

Краткая характеристика результатов раскопок других объектов отражена в указанной публикации М.П. Грязнова (1940). Они относятся к эпохе Средневековья и долгое время не были введены в научный оборот, находясь на хранении в Государственном Эрмитаже (кол. №1554). По поводу раскопанной яконурской «оградки со столбами» С.В. Киселёв (1949, с. 308, прим. 169) уточнил так: «*Жаль только, что он без достаточных оснований счел свою оградку „могилой воина“*» (Грязнов, 1940, с. 20, рис. 4). В известной монографии А.А. Гавриловой (1965 с. 6, табл. XXXI.-78–81) средневековые материалы с Яконура не были опубликованы, но указывалось, что М.П. Грязнов вскрыл пять курганов и две оградки, а в сводной таблице приведены контурные прорисовки трех вещей монгольского времени. В последующее время отдельные находки из коллекции №1554 Государственного Эрмитажа использовались в работах отечественных исследователей. В 2003 г. в научный оборот были введены и детально проанализированы предметы кызыл-ташского этапа тюркской культуры, обнаруженные во впускной могиле кургана №5 (Тишкин, Горбунов, 2003). В 2009 г. состоялось обобщение (Тишкин, 2009, с. 183–191) материалов трех погребений монгольского времени, раскопанных под руководством М.П. Грязнова на Яконуре. Один из курганов с кремациями (№1-Е, F, G) позволил обозначить яконурский этап кыргызской культуры на Алтае, а второй (№4) дополнил содержание следующего этапа (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 163; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 71–79; и др.). Однако эти комплексы до сих пор полностью не опубликованы. Поэтому есть необходимость дальнейшей работы с указанной коллекцией.

После окончания экспедиции в Яконуре М.П. Грязнов для себя подвел краткие итоги. Они могли бы стать началом отдельной монографии, в которой нашли бы отражение такие разделы (рис. 2):

1. Введение. Историография и библиография.
Общая характеристика Усть-Канской степи.
2. Отчет о раскопках. Могильное поле.

Курган 1. Курган 2. Курган 3. Курган 4. Курган 5. Курган 6. Курган 7.
Курган 8.

3. Памятники эпохи ранних кочевников.
4. Памятники тюркского времени.
5. Памятники раннемонгольского времени.
- 7 (6). Памятники джунгарского времени.

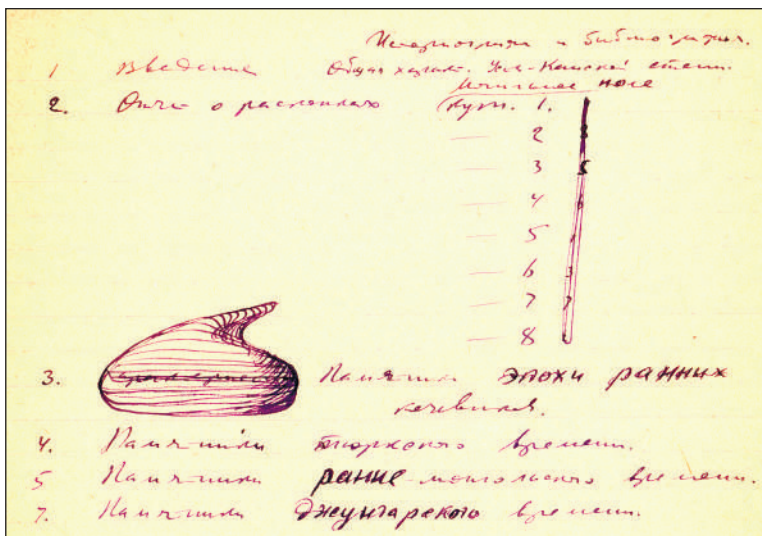

Рис. 2. Проект книги М.П. Грязнова об Яконуре
Fig. 2. A project of M. P. Gryaznov's book about Yakonur

Вероятно, как и более ранняя «минусинская» хронологическая периодизация С.А. Теплоухова (1929) об изученных объектах в одном небольшом районе, книга о Яконуре могла бы дать схему развития культур на материалах одного горного микрорайона Алтая на протяжении около двух тысяч лет. Но такая идея М.П. Грязнова только спустя десятилетия нашла воплощение в его отдельных монографиях на более обширных материалах разновременных объектов на Верхней Оби и Тесее на Енисее.

Почему важные материалы исследований в Яконуре не были опубликованы М.П. Грязновым? После окончания экспедиции 1939 г. Михаил Петрович написал небольшую статью в эрмитажный научный журнал (Грязнов, 1940) и далее почти не возвращался к полной обработке и публикации этих обширных сведений. В 1940–1941 гг. он был занят подготовкой монографии «Пазырык», куда также вошли многие памятники Алтая и Сибири. Затем началась война, состоялась эвакуация эрмитажных археологических коллекций в Свердловск, прошли защиты двух диссертаций, а после войны — возвращение коллекций в Государственный Эрмитаж. В 1946 г. М.П. Гряз-

нов недолгое время занимался зарисовкой предметов из Яконура, но с лета 1946 по 1956 г. осуществлялись раскопки, обработка и публикация огромных материалов с Верхней Оби. В 1950–1970 гг. экспедиции М.П. Грязнова участвовали в еще более грандиозных раскопках в Новосибирской области, на Байкале, в Красноярском крае и на кургане Аржан-1 в Туве (Марсадолов, 2022). Возможно, определенную роль сыграло и то обстоятельство, что по сравнению с уникальными предметами из раскопок С.И. Руденко в Пазырыке, Башадаре и Туэкте в 1947–1954 гг. материалы из Яконура были не так выразительны.

Подводя итоги экспедиционных работ в Яконуре, М.П. Грязнов (1940, с. 20–21) отметил, что *«раскопки погребений VII–X вв. особенно ценны для Эрмитажа тем, что они несколько заполняют существенный пробел в его сибирских коллекциях. Отсутствие этих материалов не давало возможности показать в экспозиции, чем завершился процесс разложения первобытнообщинного строя, хорошо представленного на материалах Пазырыкского кургана. Раскопки погребения XVI–XVII вв., встреченного при разборке каменной насыпи кургана №1 ... интересно в связи с тем, что археологические памятники этого времени для Алтая почти совершенно неизвестны, а письменные источники крайне недостаточны»*.

Несмотря на большое значение материалов из комплекса Яконур, в последующие годы, наполненные интенсивными исследованиями в разных частях Алтая, раскопки на данном памятнике не предпринимались. Весьма фрагментарными оказались и разведочные работы в данной местности, которые позволили бы оценить состояние памятника и обозначить перспективы дальнейших изысканий (Кочеев и др., 2012, с. 11–38). Известно, что исследования в районе с. Яконур, связанные с предполагаемым строительством в данной местности мелиоративных и обводнительных систем, были приняты экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В.А. Могильникова (1981а) в 1980 г. Опубликованная информация об этих работах исчерпывается общим замечанием: «Большое число курганов эпохи раннего железа и тюркского времени находится у с. Яконур» (Могильников, 1981б, с. 197). При этом в полевом отчете представлены довольно подробные сведения о целом ряде выявленных комплексов (Могильников, 1981а). Экспедицией обнаружены и частично зафиксированы памятники Яконур-I–XIX, расположенные на разном удалении от рассматриваемого населенного пункта. Примечательно, что В.А. Могильников не соотнес полученные данные с хорошо известным памятником, зафиксированным и частично изученным М.П. Грязновым.

Осенью 2023 г. одним из авторов настоящей статьи (при участии Д. Безденежных и С. Торбогошевой) была предпринята попытка уточнения современного состояния памятника Яконур. Осмотр местности, а также обсуждение данного вопроса с местными жителями позволили прийти к предварительному заключению о том, что практически вся территория комплекса была застроена. Имеются основания для предположения, что не-

Рис. 3. Снимок со спутника части пос. Яконур и ближайшей северной окрестности
 Fig. 3. Satellite image of part of the Yakonur village and the immediate northern area

большая цепочка средних по размеру курганов скифо-сакского времени, сохранившаяся на северной окраине села (рис. 3), как раз связана с известным памятником.

В данной ситуации можно попытаться с помощью современных методов и приборов определить места расположения археологических объектов, ранее отмеченных на плане 1939 г. Этому также будет способствовать детальная проработка архивных материалов экспедиции М.П. Грязнова.

Список источников

- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Ч. I-II (на правах рукописи) М.; Л., 1939. С. 399–413.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения ГЭ. 1940. Вып. I. С. 17–21.
- Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 364 с. (МИА. №9).

Кочев В.А., Киреев С.М., Тадыкин С.А., Телеков Г.С. Археологически памятники и объекты Усть-Канского района. Горно-Алтайск, 2012. 116 с.

Марсадоллов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.

Марсадоллов Л.С. М.П. Грязнов и Государственный Эрмитаж // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №1. С. 181–203.

Могильников В.П. Отчет об археологических исследованиях в Алтайском крае в 1980 г. М., 1981а. 189 с. (Архив ИА РАН. Р-1. №7764).

Могильников В.А. Работы Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1980 года. М., 1981б. С. 197–198.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2. Л., 1929. С. 41–62.

Тишкин А.А. Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 124–127.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009. 208 с.: ил.+ вкл.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. №10. Горно-Алтайск, 2003. С. 107–117.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.+вкл.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 136 с.: ил.

Информация об авторах / Information about the Authors

Леонид Сергеевич Марсадоллов, Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, ведущий научный сотрудник; 197000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34, доктор культурологии, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>, marsadolov@hermitage.ru

Leonid S. Marsadolov, The State Hermitage Museum, Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, Leading Researcher; 197000, St. Petersburg, Russia, Dvortsovaya nab., 34, Doctor of Culturology, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>, marsadolov@hermitage.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Associated Professor, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article
УДК: 902.2
DOI: 10.14258/2411-1503.2024.33
EDN: HVUJDP

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКАМИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Алёна Николаевна Пашкова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье публикуются сведения об археологических памятниках пазырыкской культуры, выявленных и исследованных сотрудниками Алтайского государственного университета с 1978 по 1991 г. Материал изложен в хронологической последовательности и демонстрирует информацию, имеющуюся в отчетах и публикациях. Отмечен вклад археологов университета в формирование и пополнение фондов Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ в результате охранных раскопок и плановых научных исследований. Данная работа является продолжением истории изучения памятников пазырыкской общности в скифо-сакское время.

Ключевые слова: Алтай, советское время, археология, Алтайский государственный университет, сотрудники, курганы, пазырыкская культура

Благодарности: автор благодарен директору Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ к.и.н. Ярославу Владимировичу Фролову за возможность изучения архива полевых отчетов и коллекций музея.

Для цитирования: Пашкова А.Н. История изучения памятников пазырыкской культуры сотрудниками Алтайского государственного университета в советское время // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 217–221. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.33

HISTORY OF THE RESEARCH INTO THE SITES OF THE PAZYRYK CULTURE BY THE EMPLOYEES OF ALTAI STATE UNIVERSITY IN THE SOVIET TIMES

Alena N. Pashkova

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article publishes information about the archaeological sites of the Pazyryk culture, identified and studied by the employees of Altai State University from 1978 to 1991. The material is presented in chronological order and demonstrates the information available in reports and publications. The contribution of university archaeologists to the formation and replenishment of the funds of Altai Museum of Archaeology and Ethnography of Altai State University, as a result of security excavations and planned scientific research, is noted. This work is a continuation of the history of studying the sites of the Pazyryk community in the Scythian-Saka period.

Keywords: Altai, Soviet times, archaeology, Altai State University, employees, mounds, Pazyryk culture

Acknowledgments: the author is grateful to the director of the Altai Museum of Archaeology and Ethnography of ASU, Yaroslav Vladimirovich Frolov, for the opportunity to study the archive and collections of the museum.

For citations: Pashkova A.N. History of the Research into the Sites of the Pazyryk Culture by the Employees of Altai State University in the Soviet Times. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:217–221. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.33

В 1973 г. в г. Барнауле был открыт Алтайский государственный университет (далее — АГУ). С того времени в нем начинается становление и развитие археологии. На базе университета шла планомерная исследовательская работа. С 1978 г. археологические изыскания проводились Лабораторией археологии, этнографии и истории Алтая, а с 1988 г. — сотрудниками кафедры археологии, этнографии и источниковедения, в 1990-е гг. к научным исследованиям в области археологии подключился Научно-исследовательский институт Гуманитарных исследований при АГУ (Тишкин, Грушин, 2023, с. 110). Памятники пазырыкской культуры выявлялись в ходе систематических разведок на территории Алтайского края, а раскопки осуществлялись в основном в виде охранно-спасательных работ.

В 1978 г. В.А. Посредников провел разведку в Краснощековском районе Алтайского края, где зафиксировал пять курганных групп на территории Северо-Западного Алтая в окрестностях с. Чинета — Чинета-I–III, Ханкаринский Дол, Черный Камень. Как отмечал автор исследования, часть курганов были распаханы и имели следы ограбления (Посредников, 1978, с. 29; Дашковский, 2023, с. 10).

В 1979 г. В.Н. Владимиров обследовал урочище Семисарт в Центральном Алтае (Владимиров, 1980, с. 1). В 1980 г. на памятнике Семисарт-II был раскопан курган №1 V–III вв. до н.э., отнесенный к пазырыкской культуре (Владимиров, Шульга, 1984, с. 102). В том же году на могильнике Белый Бом-II исследовались два кургана скифо-сакского времени (Владимиров, Шульга, 1984, с. 98). Этот археологический комплекс обследовался сотрудниками лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая АГУ по заказу Управления автомобильной дорогой Новосибирск — Бийск — Ташанта (Абдулганев, 1980, с. 1). Аварийные раскопки проводились В.Н. Владимировым (1981, с. 7). Курганы №28 и 61 датированы V–III вв. до н.э. (Владимиров, Шульга, 1984, с. 97; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 27).

Летом 1983 г. под руководством Н.Ф. Степановой (1984, с. 1) раскопаны захоронения на памятнике Кастахта. Исследованные курганы №23, 28, 32 имели схожие черты погребальной конструкции, в которой помещались одиночные или парные захоронения в сопровождении лошади, а также схожий набор погребального инвентаря пазырыкской общности (Степанова, 1984, с. 25). Эти и другие материалы вводились в научный оборот (Степанова, 1985, с. 244; 1987, с. 168; Мамадаков, 1987, с. 259; Мамадаков, Неверов, 2001, с. 90; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 8).

На аварийном комплексе Кырлык-II экспедицией АГУ производились раскопки пазырыкских курганов №6 и 8, расположенных в зоне мелиоративного строительства (Бородаев, Мамадаков, 1985, с. 63). Эти объекты датированы IV–III вв. до н.э. (Мамадаков, 1995, с. 81).

На памятнике Чичке-I в Кош-Агачском районе тогдашней Горно-Алтайской автономной области, в 13 км от с. Курай, исследованы два погребаль-

ных сооружения, датированные V–IV вв. до н.э. и связанные с пазырыкской культурой. Материал опубликован (Мамадаков и др., 1999, с. 120; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 24).

В 1984 г. П.И. Шульга вскрыл археологический объект IV–III вв. до н.э. на памятнике Ело-II в Центральном Алтае (Шульга, 1985, с. 16). В кургане под каменной насыпью исследовано погребение в каменном ящике. Найдены следующие предметы пазырыкской культуры: колчанный крюк, бронзовый кинжал, поясная обойма и др. (Шульга, 1998, с. 272; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 28).

В 1985 г. осуществлялись полевые работы на памятнике Кайнду, где исследованы четыре пазырыкских захоронения VI–V вв. до н.э. (Степанова, 1987а, с. 284). Полученные в ходе раскопок предметы в том числе изображали животных и грифонов, которые имели ярко выраженные черты скифо-сибирского звериного стиля. (Степанова, 1987а, с. 283; 2000; Мамадаков, 1987; Неверов, Степанова, 1990, с. 242; Кирюшин, Степанова, 2004).

В 1986 г. на известном курганном поле у с. Шибе исследовались два пазырыкских кургана №10 и 15 (ранее разграбленных), в которых были зафиксированы захоронения в сопровождении лошади (Мамадаков, Цыб, 1993, с. 203).

В 1987 г. производились раскопки могильника Верх-Еланда-II. На памятнике работала Катунская экспедиция АГУ. Под руководством Н.Ф. Степановой были раскопаны 14 курганов (Степанова, 1988, с. 6). В ходе исследования 13 курганов были датированы IV–III вв. до н.э. Полученный вещевой комплекс представлен коллекцией сосудов с ушками разных типов пазырыкской культуры. Материал опубликован (Неверов, Степанова, 1990, с. 120; Степанова, Неверов, 1994; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 33; Кирюшин, Степанова, 2004; Степанова, Соёнов, 2009, с. 29). В том же году полевые исследования проводились у с. Боочи в Центральном Алтае. Два кургана, №1 и 2, отнесены к пазырыкской культуре (Мамадаков, 1997, с. 150).

В 1988 г. сотрудники АГУ работали на памятнике Яломанская Бельда, расположенном у с. Малый Яломан в Центральном Алтае. Были раскопаны 15 курганов с каменной наброской, которые еще в древности были ограблены. Девять курганов датированы V–III вв. до н.э. и отнесены к пазырыкской культуре Горного Алтая. Материал частично опубликован (Владимиров, Ким, Мамадаков, 1990, с. 90).

В 1988 г. сотрудниками АГУ полевые работы производились на некрополе Тыткескень-I на территории Северного Алтая. Погребальные объекты №1, 2, 3, 15, 18 отнесены к пазырыкской культуре скифо-сакского времени (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 40). С 1988 г. по 1993 г. археологами университета на археологическом комплексе Тыткескень-VI исследовано более 60 курганов, которые попадали в зону строительства Катунской ГЭС. Из них 49 захоронений связаны с пазырыкской общностью (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 41). Все материалы памятника Тыткескень-VI опубликованы в трех монографиях (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Кирюшин, Степанова, 2004; Кирюшин и др., 2020).

Таким образом, с 1978 по 1991 гг. сотрудники АГУ произвели фиксацию и исследования пазырькских памятников в разных районах Алтая. Археологические раскопки были произведены на 11 могильниках. Общее число курганов пазырькской культуры, на которых археологи университета проводили полевые работы, составляет 93 объекта. Данные научные изыскания позволили осуществить ряд исторических реконструкций и серию междисциплинарных исследований (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Тишкин, Горбунов 2005; и др.). Обнаруженные предметы материальной культуры внесли важнейший вклад в пополнение фондов Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Требуется систематизация имеющихся коллекций. Часть находок представлена в экспозиции, а остеологические материалы хранятся в кабинете антропологии.

Список источников

Абдуганеев М.Т. Отчет о работе разведочного отряда Алтайского государственного университета в Улаганском и Кош-Агачском районах Горно-Алтайской автономной области в 1979 году. Барнаул, 1980. 40 с. (Архив МАЭА АГУ. №8).

Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 5–88.

Владимиров В.Н. Отчет об археологической разведке, проведенной Горно-Алтайским отрядом Алтайской археологической экспедиции летом 1979 г. в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области Алтайского края. Барнаул, 1980. 16 с. (Архив МАЭА АлтГУ. №10).

Владимиров В.Н. Отчет о летних полевых работах 1980 г. в Онгудайском и Усть-Канском районах Горно-Алтайской автономной области Алтайского края. Барнаул, 1981. 64 с. (Архив МАЭА АГУ. №18).

Владимиров В.Н., Ким А.Р., Мамадаков Ю.Т. Раскопки аварийных памятников в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 87–90.

Владимиров В.Н., Шульга П.И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 97–104.

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель. Барнаул, 2023. 72 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырькской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П. Тыткескенский археологический микрорайон Северного Алтая: культурно-хронологические комплексы поздней древности и раннего средневековья. Барнаул, 2020. 296 с.

Мамадаков Ю.Т. Исследования в Горном Алтае // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 259.

Мамадаков Ю.Т. Курганы скифского могильника Кырлык-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. I. Барнаул, 1995. С. 81–87.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки у с. Боочи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. Барнаул, 1997. С. 150–153.

Мамадаков Ю.Т., Марсаолов Л.С., Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Демин М.А. Исследования в урочище Чичке на Юго-Востоке Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 120–132.

- Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В. Аварийные исследования курганов у с. Кастахта // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 90–97.
- Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Аварийные археологические раскопки у с. Шибе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. II. С. 202–205.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 242–270.
- Посредников А.В. Отчет о полевых исследованиях Горно-Алтайской археологической экспедиции Алтайского университета в 1978 году. Барнаул, 1978. 88 с. (Архив МАЭА АГУ. №3).
- Степанова Н.Ф. Отчет об археологических раскопках аварийного курганного могильника Кастахта в Усть-Коксинском районе Горно-Алтайской автономной области в 1983 г. Барнаул, 1984. 60 с. (Архив МАЭА АГУ. №46).
- Степанова Н.Ф. Раскопки могильника Кастахта // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 244–245.
- Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 168–183.
- Степанова Н.Ф. Работы в Шебалинском районе // Археологические открытия 1985 года. М., 1987а. С. 283–284.
- Степанова Н.Ф. Отчет об аварийных раскопках курганного могильника Верх-Еланда-II у с. Еланда Шебалинского района Горно-Алтайской автономной области в 1987 г. Барнаул, 1988. 32 с. (Архив МАЭА АГУ. №85).
- Степанова Н.Ф. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 25 с.
- Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда-II // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 11–24.
- Степанова Н.Ф., Соёнов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск, 2009. 212 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.
- Тишкин А.А., Грушин С.П. Краткая история становления археологии в Алтайском государственном университете и деятельность кафедры археологии, этнографии и музеологии на современном этапе // Институт истории и международных отношений Алтайского государственного университета. 1973–2023: очерки истории. Барнаул, 2023. С. 105–115.
- Шульга П.И. Отчет о полевых работах Алтайской археологической экспедиции в Шебалинском и Онгудайском районах Горно-Алтайской А.О. летом 1984 года. Барнаул, 1985. 19 с. (Архив МАЭА АГУ. №62).
- Шульга П.И. Курган каракобинского типа на р. Урсул // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998. С. 272–279.

Информация об авторе / Information about the Author

Алёна Николаевна Пашкова, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант 4 года обучения; МБУ г. Барнаула «Музей „Город“», научный сотрудник; 656056, Россия, г. Барнаул, пр-т Комсомольский, 45а–85, <https://orcid.org/0000-0003-2208-5503>, Beskupin@yandex.ru

Alena N. Pashkova, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, 4th year Postgraduate Student; Researcher of the Municipal Budgetary Institution of the City of Barnaul “Museum “City””; 656056, Russia, Barnaul, Komsomolsky Avenue 45a–85, <https://orcid.org/0000-0003-2208-5503>, Beskupin@yandex.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article
УДК: 902.2(571.150)
DOI: 10.14258/2411-1503.2024.34
EDN: IGVEZR

**УСТЬ-БАРАНГОЛ — НОВЫЙ ПАМЯТНИК
КАМЕННОГО ВЕКА НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ
(по материалам раскопок 1956 г.)**

Даниил Романович Плотников, Юрий Михайлович Мороз
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Памятник Усть-Барангол был открыт сотрудником Бийского краеведческого музея Б.Х. Кадиковым в ходе разведочных работ на Средней Катуне в 1956 г. Шурфом площадью 1×1,5 м был вскрыт культурный горизонт, содержащий богатый каменный материал. Суммарно на памятнике было обнаружено 373 артефакта, включающих ретушированные орудия и их фрагменты, технические сколы с призматических пластинчатых нуклеусов и многочисленные отходы вторичной обработки. Коллекция памятника имеет общие черты с древнейшими горизонтами многослойных поселенческих комплексов Средней Катун, находя наибольшее сходство с индустрией восьмого слоя памятника Тыткескень-2. Несмотря на отсутствие подробных данных о стратиграфии и невозможности абсолютного датирования материалов, характер индустрии и особенности залегания артефактов вкупе с прослеживающимися параллелями между другими памятниками каменного века региона позволяет отнести Усть-Барангол к стоянкам финального плейстоцена — раннего голоцена.

Ключевые слова: Горный Алтай, каменный век, Средняя Катунь, каменная индустрия

Для цитирования: Плотников Д.Р., Мороз Ю.М. Усть-Барангол — новый памятник каменного века на Средней Катуне (по материалам раскопок 1956 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 222–226. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.34

**UST-BARANGOL — A NEW SITE
OF THE STONE AGE ON THE MIDDLE KATUN
(Based on the Materials of Excavations in 1956)**

Daniil R. Plotnikov, Yuri M. Moroz
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The Ust-Barangol site was discovered by B.Kh. Kadikov, an employee of the Biysk Museum of Local Lore, during exploration work on the Middle Katun in 1956. A 1×1.5 m pit opened a cultural horizon containing rich stone material. In total, 373 artifacts were found on the site, including retouched tools and their fragments, technical flakes from prismatic plate cores and numerous waste from secondary processing. The collection of the site has common features with the ancient horizons of the multilayered settlement complexes of the Middle Katun, finding the greatest similarity with the industry of the 8th layer of the Tytkesken-2 site. Despite the lack of detailed data on stratigraphy

and the impossibility of absolute dating of materials, the nature of the industry and the features of the occurrence of artifacts, coupled with the traceable parallels between other monuments of the Stone Age of the region, allows us to attribute Ust-Barangol to the sites of the final Pleistocene — early Holocene.

Keywords: Gorny Altai, Stone Age, Middle Katun, stone industry

For citation: Plotnikov D.R., Moroz Yu.M. Ust-Barangol — a New Site of the Stone Age on the Middle Katun (Based on the Materials of Excavations in 1956). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:222–226. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.34

Введение

В 2023 г. в ходе ревизии фондов Бийского краеведческого музея (БКМ) авторами работы была выявлена неопубликованная коллекция каменных артефактов, обнаруженных в 1956 г. сотрудником музея Б.Х. Кадиковым. Согласно тексту сопроводительной записки, материалы были получены в ходе разведочной шурфовки: культурный горизонт, вскрытый шурфом 1×1,5 м, залегал на глубине 0,45–0,65 м в толще «погребенной почвы». В дальнейшем находки были переданы в БКМ, где были приняты на хранение (коллекция №151) под наименованием «Усть-Барангол».

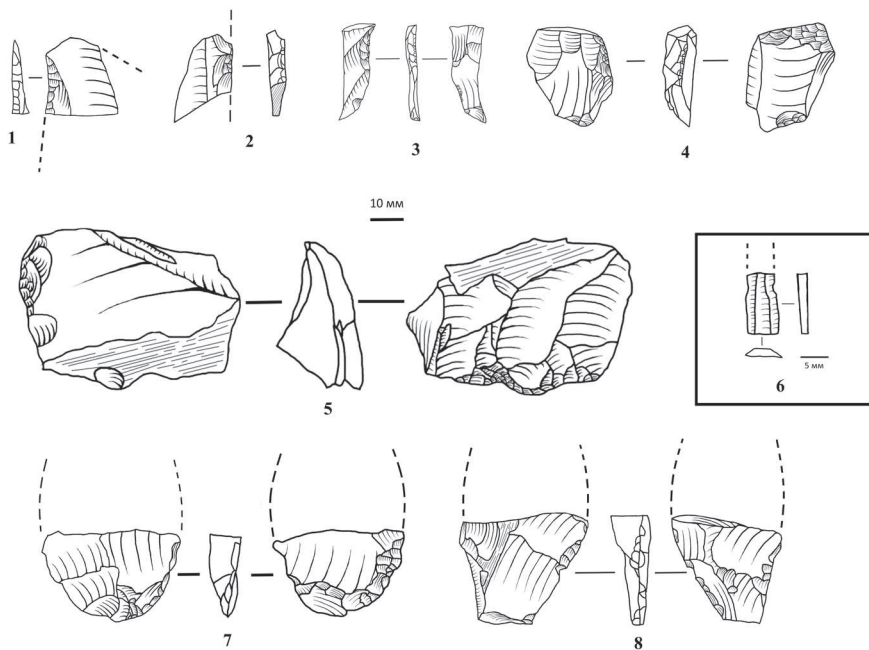
Из текста сопроводительной записки следует, что памятник локализуется в устьевой зоне р. Барангол (территория поселка Барангол, Майминский район, Республика Алтай), будучи приуроченным к отложениям первой надпойменной террасы р. Катунь. Неполнота документации и отсутствие своевременной публикации данных по памятнику, обусловленное, вероятно, смещением внимания Б.Х. Кадикова на раскопки и изучение открытых в том же году многослойных комплексов Майма и Усть-Сема (Паршикова, 2016), не позволяет сделать более точную географическую привязку и получить представление о стратиграфической ситуации и планиграфии памятника.

Материалы

Коллекция, полученная со вскрытого шурфом участка культурного слоя, составляет 373 артефактов и включает в себя 32 колотые гальки, восемь орудий, 196 отщепов и 137 осколков.

Петрографический состав памятника однороден, подавляющее большинство изделий (340 экз.) выполнено из местного сырья — кремнистой породы темно-синего, серого и белого цветов. Исходные отдельности сильно варьировались по качеству и однородности; встречаются сколы с крупными включениями, кавернами, фрагментированные по раскрывшимся трещинам. Отсутствие сохранившихся естественных поверхностей не позволяет судить об источнике поступления сырья на памятник. Прочие сырьевые группы представлены тонкозернистыми осадочными породами (алевро-песчаник; 1 экз.) и колотыми гальками песчаников (30 экз.), сланцев (1 экз.) и кварцитов (1 экз.).

Орудийный набор включает восемь предметов и представлен боковым резцом на отщепе, фрагментом ретушированной пластины, долотовидным

Фрагменты орудий (1-3), комбинированные орудия (4-5),
фрагмент пластинки (6), бифасиальные изделия (7-8)
Fragments of tools (1-3), combined tools (4-5),
fragment of a plate (6), bifacial products (7-8)

орудием, двумя комбинированными орудиями, двумя фрагментами орудий и двумя фрагментами бифасов.

Ретушированная пластина (рис.-2) фрагментирована продольно и диагонально. Ретушь полукрутая, нанесена дорсально.

Фрагменты орудий включают в себя латеральные части ретушированных сколов с мелкой однорядной (рис.-1) и крутой многорядной перемежающейся ретушью (рис.-3).

К комбинированным формам относятся два изделия, оформленные на отщепе.

Одно из них является сочетанием долотовидного орудия и продольного скребка (рис.-4). Изделие выполнено на утолщенном сколе; рабочая кромка долотовидного типа локализуется на дистальном конце, несет негативы двусторонних чешуйчатых снятий. Зона приложения удара расположена на гладкой остаточной ударной площадке, к ней приурочен участок концентрации многочисленных однонаправленных ступенчатых сколов на вентральной стороне отщепе. Вдоль одной латерали идет крутая дорсальная многорядная скребковая ретушь.

Второе изделие объединяет скребок и выемчатое орудие (рис.-5). Рабочая зона скребка расположена на латерали массивного скола, образована мелкой пологой многорядной вентральной ретушью. Выемка находится в центральной части широкого дистального края, оформлена мелкими отвесными дорсальными снятиями.

Долотовидное изделие выполнено на мелком фрагменте толстого отщепа, сохранившаяся латераль которого несет многочисленные фасетки мелких двусторонних сколов. Точкой приложения удара выступала, по-видимому, плоская площадка, противолежащая рабочему краю.

Бифасиальные формы представлены базальным и медиальным фрагментами изделий на промежуточных стадиях оформления (рис.-7-8). Характер сломов указывает на расщепление из-за воздействия поперек длинной оси предметов. Оба бифаса линзовидные в сечении, стороны обработаны уплощающими сколами, размерность которых уменьшается от центра к латералиям. Конфигурация целых изделий, вероятно, тяготела к уплощенным листовидным формам с округлой базальной частью.

Нуклеарное расщепление представлено слабо, доля выраженных снятий с ядрищ в дебитаже очень невелика (5 экз.), нуклеусы отсутствуют полностью. Целевые сколы представлены медиальным фрагментом пластинки (рис.-6). Изделие трапециевидное в сечении, сохранившаяся часть дорсальной поверхности несет негативы трех параллельных продольных пластинчатых снятий. Группа технических сколов включает четыре предмета: дистальный фрагмент полуреберчатой пластины, пластинчатое снятие оживления фронта и два поперечных скола с фронта. Сохранившиеся дистальные поверхности демонстрируют параллельное пластинчатое расщепление с призматических и клиновидных нуклеусов. Единственная сохранившаяся остаточная ударная площадка ядрища гладкая.

Наиболее массовой группой артефактов является дебитаж. Основной объем (n=139) сколов составляют мелкие (от 11×11×1 до 28×28×9 мм) короткие и укороченные сколы ретуширования округлой или четырехугольной в плане формы, а также удлиненные и пластинчатые снятия утончения (n=41); три массивных укороченных скола высокой формы связаны, вероятно, с первичной обработкой орудийных или нуклеарных преформ. Остаточные ударные площадки разрушенные (83 экз.), гладкие (53 экз.), линейные (30 экз.), фасетированные (17 экз.) и двугранные (7 экз.); огранка дорсальных сторон продольная параллельная (128 экз.), гладкая (48 экз.), ортогональная (9 экз.), бессистемная (7 экз.) и радиальная (4 экз.).

Учитывая обстоятельства обнаружения и характер залегания культурного слоя, можно сделать вывод, что Усть-Барангол является стоянкой или поселенческим комплексом с непотревоженными отложениями и залеганием артефактов *in situ*. Высокая доля целых и фрагментированных сколов, связанных со вторичной обработкой изделий, указывает на активное производство ретушированных орудий и/или нуклеарных форм на территории памятника.

Обсуждение

Культурно-хронологическая атрибуция рассмотренных материалов затруднена из-за неполноты сопроводительной документации, отсутствия своевременной публикации данных авторами раскопок, а также малого числа выразительных артефактов. Тем не менее присутствие в комплексе бифасальных форм, признаков призматического и торцевого расщепления, а также отсутствие керамических изделий позволяет отнести памятник к хронологическому интервалу конца плейстоцена — начала голоцена, сближая Усть-Барангол с другими памятниками каменного века Средней Катуни, демонстрируя наибольшее сходство с восьмым горизонтом поселения Тыткескень-2 (Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 22–27). Двусторонне обработанные формы схожи также с материалами Мастерской им. Б.Х. Кадикова — специфического памятника с неясной хронологической привязкой, материалы которого указывают на специализированное и серийное производство тонких бифасов при наличии развитой мелкопластинчатой техники (Федорченко и др., 2022).

Следует отметить, что скудость данных по стратиграфии отложений, отсутствие образцов для абсолютного датирования и невыразительность коллекции при высокой насыщенности вскрытого участка культурного слоя делает Усть-Барангол перспективным объектом для дальнейших исследований.

Список источников

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2008. 335 с.

Паршикова Т.С. Деятельность Б.Х. Кадикова по изучению археологических памятников Алтая в 1950-е гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2016. Вып. XXII. С. 170–174.

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е., Плотников Д.Р., Левина Е.В., Вишневецкий А.В. Мастерская им. Б.Х. Кадикова — новый памятник каменного века в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. Новосибирск, 2022. С. 330–336.

Информация об авторах / Information about the Authors

Даниил Романович Плотников, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, <https://orcid.org/0000-0002-6855-7011>, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Daniil R. Plotnikov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Russia, Barnaul, 61 Lenin Ave., <https://orcid.org/0000-0002-6855-7011>, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Юрий Михайлович Мороз, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, <https://orcid.org/0009-0008-6902-4197>, yuramorozvuz@mail.ru

Yuri M. Moroz, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Russia, Barnaul, 61 Lenin Ave., <https://orcid.org/0009-0008-6902-4197>, yuramorozvuz@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article
УДК: 903'12(571.15)
DOI: 10.14258/2411-1503.2024.35
EDN: OOAIFL

ФРАГМЕНТ БРОНЗОВЫХ УДИЛ ИЗ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ

Святослав Сергеевич Радовский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Данная работа посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации фрагмента бронзовых удил, хранящегося в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки. В результате изучения учетной документации данного учреждения было установлено, что изделие найдено в 1915 г. на берегу р. Катунь, к востоку от с. Верх-Катунское (Бийский район Алтайского края). Изначально предмет представлял собой литые двузвенные шарнирные удила с кольчатыми окончаниями, предназначенными для пропускания в них псалиев. Время бытования подобных изделий в основном приходится на VI–V вв. до н.э. Предположительно предмет относится к быстринской археологической культуре. Данное изделие является первой находкой такого типа, обнаруженной в зоне ареала распространения быстринской культуры севернее Майминского археологического комплекса.

Ключевые слова: случайная находка, конское снаряжение, бронзовые удила, скифо-сакское время, Алтай, быстринская культура

Благодарности: выражаем благодарность Л.И. Чегодаевой за помощь в работе с фондовыми материалами и учетной документацией Бийского краеведческого музея.

Для цитирования: Радовский С.С. Фрагмент бронзовых удил из северных предгорий Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 227–231. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.35

FRAGMENT OF THE BRONZE BITS FROM THE NORTHERN FOOTHILLS OF ALTAI

Svyatoslav S. Radovskiy

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. This work is devoted to the introduction into scientific circulation and cultural and chronological interpretation of a fragment of bronze bits stored in the Biysk Museum of Local Lore named after V.V. Bianchi. As a result of studying the accounting documentation of this institution, it was established that the product was found in 1915 on the bank of the river. Katun, east of the village. Verkh-Katunskoye (Biysky district of the Altai Territory). Initially, the object was a cast two-link hinged bit with ringed ends designed to pass cheekpieces through them. The period of existence of such products mainly falls on the 6th–5th centuries BC. Presumably the item belongs to the Bystryansk archaeological culture. This item is the first find of this type discovered in the area of the Bystryansk culture north of the village of Maima.

Keywords: random find, horse equipment, bronze bits, Scythian-Saka time, Altai, Bystryanskaya culture

Acknowledgments: we express our gratitude to L.I. Chegodaeva for assistance in working with stock materials and accounting documentation of the Biysk Museum of Local Lore.

For citation: Radovsky S.S. Fragment of the Bronze Bits from the Northern Foothills of Altai. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:227–231. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.35

Помимо материалов погребальных комплексов и поселений достаточно многочисленную категорию археологических источников составляют случайные находки. Обнаружение их вне культурного слоя существенным образом снижает информационный потенциал данных предметов. Тем не менее они имеют бесспорную ценность, особенно если речь идет о массовых сериях таких находок, хранящихся в собраниях различных музеев (Савинов, Седых, 2008, с. 8–9). Среди случайных находок встречаются довольно редкие, а иногда и уникальные вещи, часто не имеющие аналогов в погребальных или поселенческих комплексах. Введение этих материалов в научный оборот является важной деятельностью, способствующей накоплению сведений об особенностях археологических материалов конкретной территории и периода.

Данная работа посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации случайной находки — фрагмента бронзовых удил, хранящегося в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки. На предмете отсутствует современный шифр, но имеется старый учетный номер (А №885). В инвентарной книге рассматриваемого учреждения были зафиксированы сведения о месте и обстоятельствах находки. Изделие обнаружено в 1915 г. на берегу р. Катунь, к востоку от с. Верх-Катунское (Бийский район Алтайского края) и, по-видимому, передано в музей местным жителем. В инвентарной книге также дана приписка «стоянка времени бронзы».

Предмет представляет собой фрагмент бронзовых удил с обломанной петлей в месте соединения со вторым звеном (рис.). Длина изделия — 8,6 см, ширина — 0,85 см. В разрезе грызло имеет подовальную форму с несколько выраженными гранями. Внутренние размеры кольца — 2,7×2,4 см, внешние — 3,7×3,1 см. Предмет, вероятно, был поврежден в древности, о чем свидетельствует наличие слоя патины в месте излома. Грызло несколько изогнуто. Изделие изначально представляло собой литые двузвенные шарнирные удила с наружными широкими кольчатými окончаниями, предназначенными для пропускания в них псалиев.

Удила рассматриваемого типа получили распространение в Саяно-Алтайском регионе с VI в. до н.э. (Марсадалов, 1998, с. 10; Шульга, 2013, с. 30–31; 2015, с. 93–97). На Алтае чаще всего они фиксируются в материалах пазырыкской культуры (Суразаков, 1989, с. 24–25; Шульга, 2015, с. 93–97). Период их бытования в основном приходится на «раннепазырыкское» время (Суразаков, 1989, с. 25; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 45–46; Шульга, 2015, с. 95), при этом подобные предметы обнаружены и в достаточно поздних комплексах

*Звено бронзовых удил, найденное у с. Верх-Катунское
A link of a bronze bit found near the village of Verkh-Katunskoe*

(Шульга, 2015, с. 96–97). В культурах Верхнего Приобья и северных предгорий Алтая большее распространение получили железные удила (Могильников, 1997, с. 60; Шульга, 2015, с. 176–177). Так, в материалах быстринской культуры известно лишь две находки удил из бронзы, обнаруженные в погребениях комплекса Майма-VII (Киреев, 2020, с. 165–166, рис. 3; 5). Один фрагмент изделия рассматриваемого типа зафиксирован в культурном слое могильника Фирсово-XIV, соотносимого со староалейской культурой (Кирюшин и др., 2015, с. 40, рис. 101.-12; 133). Двое бронзовых удил найдены в разрушенном кургане (кладе?) Новообинка (Иванов, Медникова, 1982, с. 93, рис. 2.-1, 3), о культурной принадлежности которого нет единого мнения (Иванов, Медникова, 1982, с. 93; Могильников, 1997, с. 28–29; Лихачева, 2015, с. 9, 24, 42; 2020, с. 178–179; Радовский, Нарудцева, Серегин, 2020, с. 129–131; и др.).

Появление на Алтае бронзовых двусоставных шарнирных удил с кольцевидными окончаниями Л.С. Марсадалов связывает с движением населения с территории Передней Азии и Кавказа (Марсадалов, 1998, с. 10). П.И. Шульга предполагает, что значительно ближе изделиям рассматриваемой территории удила Древнего Китая (Шульга, 2015, с. 93). Важно отметить, что время

их бытования маркирует на Алтае скифо-сакский период. На это указывает отсутствие подобных удил в комплексах раннескифского времени и в материалах эпохи Великого переселения народов.

Поскольку в основном бронзовые двусоставные шарнирные удила с кольчатými окончаниями зафиксированы в достаточно ранних погребениях, представляется возможным датировать рассматриваемый фрагмент в рамках 2-й половины VI — V в. до н.э. Культурную принадлежность «случайных» находок определить несколько сложнее. С учетом территории обнаружения изделия наиболее вероятным представляется отнесение предмета к быстринской культуре, так как рассматриваемый район входит в ареал распространения данной общности (Абдулганеев, Кунгуров, 1996, с. 155; Киреев, Чевалков, 2005, с. 86; Радовский, Серегин, 2019, рис. 1). Находка бронзовых удил из Бийского краеведческого музея расширяет корпус сведений о предметах конского снаряжения населения обозначенной территории в скифо-сакское время. Введение в научный оборот достаточно редкого типа изделий для лесостепной части Алтая еще раз подчеркивает важность планомерной работы по изучению археологических коллекций в музейных учреждениях.

Список источников

Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстринской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 143–155.

Иванов Г.Е., Медникова Э.М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 89–95.

Киреев С.М. Погребение лошадей на могильнике быстринской культуры Майма-VII // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2020. Вып. 6. С. 163–168.

Киреев С.М., Чевалков С.Ю. Курган позднего этапа быстринской культуры // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 86–91.

Киришин Ю.Ф., Папин Д.В., Тур С.С., Пилипенко А.С., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. Барнаул, 2015. 208 с.

Киришин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Кагуни. Барнаул, 2004. 292 с.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 389 с.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул, 2020. 304 с.

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 5–24.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.

Радовский С.С., Нарудцева Е.А., Серегин Н.Н. Коллекции быстрянской культуры в археологическом собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2020. №5 (115). С. 127–133.

Радовский С.С., Серегин Н.Н. Топография и планиграфия некрополей быстрянской культуры Алтая скифо-сакского времени // Народы и религии Евразии. 2019. №4 (21). С. 17–33.

Савинов Д.Г., Седых В.Н. Предисловие // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. СПб., 2008. С. 8–12.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 216 с.

Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова). Новосибирск, 2013. 149 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II. Новосибирск, 2015. 322 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Святослав Сергеевич Радовский, Алтайский государственный университет, младший научный сотрудник лаборатории древней и средневековой археологии Евразии; старший лаборант музея археологии и этнографии Алтая; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>, radovskiy1996@mail.ru

Svyatoslav S. Radovsky, Altai State University Junior Researcher at the Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia; Senior Laboratory Assistant at the Altai Museum of Archaeology and Ethnography; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>, radovskiy1996@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 902.3

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.36

EDN: OUPHEF

ТЮРКСКАЯ ОГРАДКА ИЗ УРОЧИЩА КАРБАН (по материалам работ М.Т. Абдулганеева)

Николай Николаевич Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлены результаты раскопок тюркской оградки 1а из урочища Карбан, осуществленных экспедицией Алтайского государственного университета под руководством М.Т. Абдулганеева в 1983 г. Данная местность расположена на левом берегу р. Катунь в Чемальском районе Республики Алтай. Исследованный объект представлял собой подквадратную ограду из плит, в центре которой была установлена невысокая стена. Установлено, что раскопанное сооружение де-

монстрирует довольно распространенную традицию возведения поминальных комплексов тюрками раннего средневековья. Хронология объекта, с учетом отсутствия находок и узко датирующих конструкций, определяется в широких рамках 2-й половины I тыс. н.э.

Ключевые слова: раннесредневековые тюрки, Алтай, оградка, хронология, поминальное сооружение

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №20-78-10037, <https://rscf.ru/project/20-78-10037/>.

Для цитирования: Серегин Н.Н. Тюркская оградка из урочища Карбан (по материалам работ М.Т. Абдулганеева) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 231–238. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.36

TURKIC ENCLOSURE FROM THE KARBAN PLACE (Based on the Materials of M.T. Abdulganeev)

Nikolai N. Seregin

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents the results of excavations of the Turkic enclosure 1a from the Karban place, carried out by an expedition of the Altai State University under the leadership of M.T. Abdulganeev in 1983. This area is located on the left bank of the Katun river, in the Chermal region of the Altai Republic. The object under study was a sub-square enclosure made of slabs, in the center of which a low stele was installed. It has been established that the excavated structure demonstrates a fairly widespread tradition of Turkic funeral complexes of the early Middle Ages. The dating of the object, taking into account the lack of finds and narrow dating structures, is determined within the broad framework of the second half of the 1st millennium AD.

Keywords: early medieval Turks, Altai, enclosure, chronology, memorial structure

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant №20-78-10037, <https://rscf.ru/project/20-78-10037/>.

For citation: Seregin N.N. Turkic Enclosure from the Karban Place (Based on the Materials of M.T. Abdulganeev). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:231–238. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.36

Присутствие раннесредневековых тюрков в урочище Карбан до сих пор иллюстрируется, главным образом, материалами изучения известной рунической надписи. Первые сведения о ней в научной литературе появились в конце 1980-х гг. (Елин, 1989, с. 225; Елин, Соенов, 1990, с. 168, рис. 16; Маточкин, 1990, с. 153). В последующие годы специалисты неоднократно обращались к различным аспектам изучения данной находки, что привело к формированию довольно представительной историографии (Кляшторный, Маточкин, 1991, с. 65–67; Кызласов, 1994, с. 316–318; Кочеев, 2006, с. 7; Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012, с. 144–146; Васильев, 2013, с. 17, 205–207; Конкобаев, Усеев, Шабданадиев, 2015, с. 179–181; Кызласов, 2019; и др.). Однако за несколько лет до обнаружения рунической надписи уже были получены материалы, свидетельствующие о проживании раннесредневековых тюрков

в рассматриваемой местности. Эти данные связаны с оставшимися практически не опубликованными результатами разведочных работ сотрудника Алтайского государственного университета М.Т. Абдулганеева (1984) в зоне предполагаемого водохранилища проектировавшей Катунской гидроэлектростанции в 1983 г. В настоящей статье представлены сведения о тюркской оградке, раскопанной ученым в урочище Карбан.

Местность Карбан расположена на левом берегу р. Катунь, к северу и к югу от устья р. Карбан, на северо-запад от с. Куяос Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Несколько групп погребальных и поминальных сооружений, локализованных в южной части урочища, изначально были обозначены М.Т. Абдулганеевым (1984) как комплекс Карбан-I. Важно подчеркнуть, что через несколько лет, при проведении стационарных раскопок в данной местности, нумерация могильников была пересмотрена. Первую группу объектов составили курганы раннескифского и сяньбийского периодов, расположенные в северной части урочища Карбан (Демин, Гельмель, 1992; Серегин и др., 2022). Сооружения, локализованные на правом берегу ручья, были обозначены как памятники Карбан-II-IV (Демин, 1990).

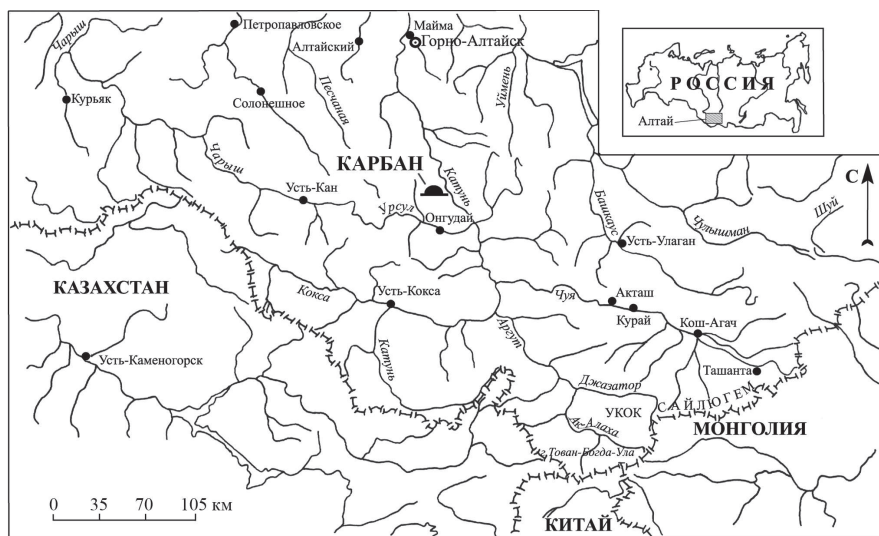

Рис. 1. Расположение урочища Карбан
Fig. 1. Location of the Karban place

Согласно довольно точному плану, составленному М.Т. Абдулганеевым (1984), в южной части урочища Карбан фиксируется свыше 30 объектов, составляющих четыре группы погребальных и поминальных сооружений. Основу каждой из них составляют цепочки курганов скифо-сакского времени, часть которых имеет следы ограбления.

Раскопанная оградка, получившая порядковое обозначение 1а, расположена у южного края насыпи кургана №1 (рис. 2.-А). Объект был довольно сильно задернован. На поверхности фиксировались только две плиты с северной и восточной сторон. Оградка привлекла внимание археологов тем, что в центре ее находилась стела. Для исследования данного сооружения был заложен раскоп квадратной формы (1,8×1,9 м), ориентированный по линии север–северо-восток — юг–юго-запад. При этом с восточной стороны была сделана небольшая прирезка (0,9×0,3 м) для включения в раскоп одной из плит конструкции.

После снятия дерна и зачистки камней было установлено, что объект представляет собой ограду подквадратной формы, стенки которой возведены из семи вертикально установленных плит и одного крупного валуна (по два камня на каждую сторону). Размеры объекта, ориентированного длинной осью по линии запад — восток, составили 1,5×1,6 м. Внутренняя площадь ограды была забутована небольшими камнями, уложенными в два-три слоя вперемешку с землей. В центре сооружения, ближе к юго-восточному углу, была установлена стела, вкопанная в небольшую ямку (глубина до 6 см) и приваленная камнями. Размеры стелы: длина — 0,72 м, ширина — до 0,28 м, толщина — до 0,15 м. К востоку от объекта на материке выявлена еще одна довольно крупная плита. В ходе раскопок установлено, что нижний слой забутовки ограды составляли плоские камни и небольшие плитки. Какие-либо другие конструкции и находки не обнаружены (рис. 2.-Б-В; 3).

Раскопанный в урочище Карбан объект демонстрирует традицию возведения тюркских поминальных сооружений, в раннем средневековье получившую распространение на обширных территориях центральноазиатского региона. Ключевой характеристикой таких комплексов является четырехугольная оградка, возведенная из вертикально установленных плит и нередко дополняемая различными сопроводительными внеоградными сооружениями (изваяние, стела, балбалы и др.), а также дополнительными конструкциями во внутренней площади (ямка, ящичек и др.). К настоящему времени в работах многих исследователей представлены различные аспекты интерпретации подобных памятников (Грач, 1961; Кубарев, 1984; Ермоленко, 2004; Серегин, Шелепова, 2015; Серегин, Васютин, 2021; и др.), что в ряде случаев позволяет рассматривать возможности уточнения хронологии комплексов.

Оградки со стелой в центре, в разной степени схожие с объектом 1а из местности Карбан, неоднократно зафиксированы в ходе исследований тюркских поминальных комплексов в разных частях Алтая (Кубарев, 1979, с. 143–144, рис. 12; Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 83, рис. 48; Бороодовский, 1994, с. 76; рис. 6.-2, 4, 5; Серегин, Васютин, 2021, с. 135, рис. 42, 74, 89, 93; и др.). Как показывают характерные особенности конструкций, немногочисленные обнаруженные предметы и редкие результаты радиоуглеродного датирования образцов из таких объектов, а также типологически близких оградок с деревянными столбами (Кубарев, 1978, с. 93–94; Могильников, Елин, 1983, с. 131–132, рис. 12–13; Могильников, 1992, с. 188; Илюшин, Су-

Рис. 2. Разные этапы исследования оградки 1а в урочище Карбан
Fig. 2. Different stages of the study of 1a enclosure in the Karban place

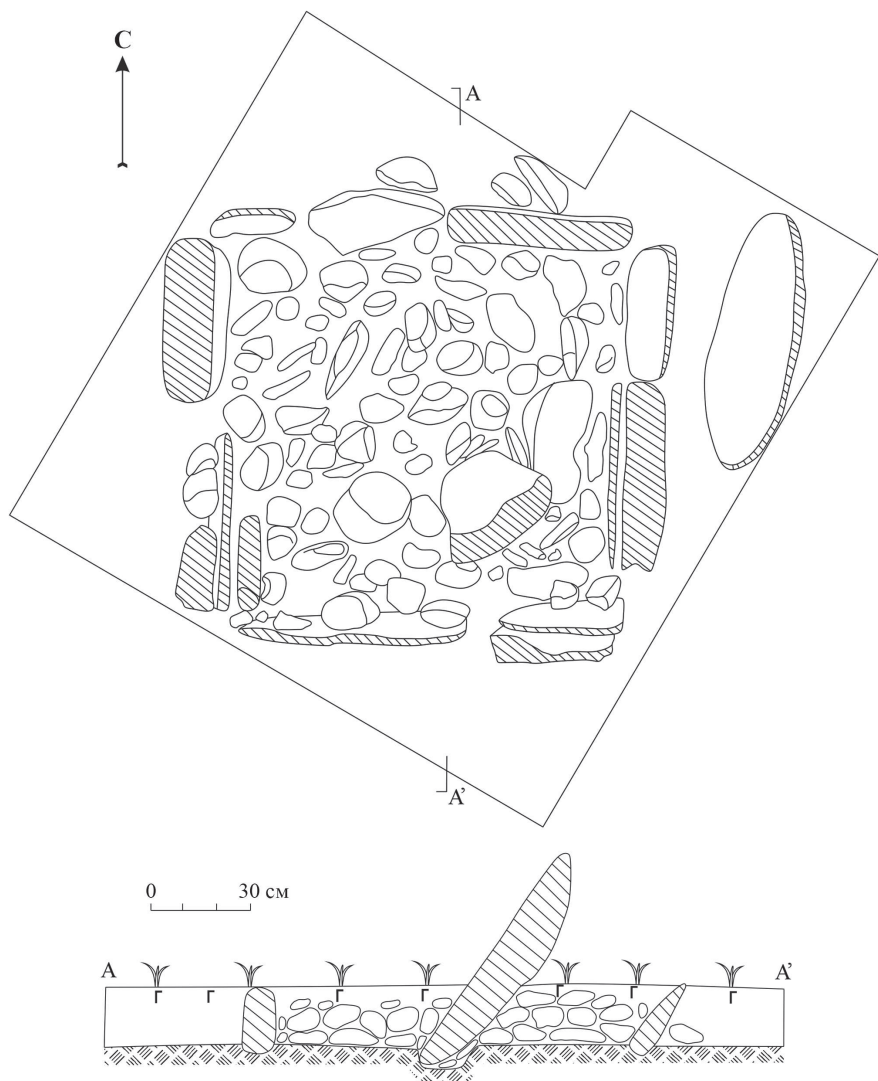

Рис. 3. План и разрез оградки 1а в урочище Карбан
 Fig. 3. Plan and section of fence 1a enclosure in the Karban place

лейменов, 1997, рис. 5–6; Серегин, Васютин, 2021, с. 135, рис. 128–136; и др.), подобные сооружения возводились на протяжении длительного хронологического периода — со 2-й половины V и вплоть до X в. н.э. По мнению С.С. Матренина и Д.Е. Сарафанова (2006, с. 210, 212), которые предприняли

опыт статистической обработки материалов раскопок поминальных комплексов Алтая, оградки со стелой в центре не представляют собой отдельный устойчивый тип сооружений, а скорее демонстрируют существование у тюрков определенной формы обряда, не связанной с каким-то конкретным видом памятников.

Таким образом, до получения дополнительных материалов оградка Ia может быть датирована в широких хронологических рамках 2-й половины I тыс. н.э. Судя по информации, приведенной М.Т. Абдулганеевым, в урочище Карбан фиксируется несколько других подобных объектов. Перспективы изучения памятников раннего средневековья в данной местности подтверждают и материалы раскопок тюркского погребения на памятнике Карбан-IV, которые будут представлены в отдельной публикации. Общей характеристикой объектов 2-й половины I тыс. н.э. в рассматриваемом урочище является их приуроченность к цепочкам курганов скифо-сакского периода, что характерно для обрядовой практики населения тюркской культуры. С учетом сильной задернованности археологических памятников в этой части Алтая актуальными представляются дальнейшие исследования широкими площадями, которые позволят получить новые сведения об особенностях погребально-поминальной обрядности тюрков, а также более подробно представить этапы освоения урочища Карбан в раннем средневековье.

Список источников

Абдулганеев М.Т. Отчет о работах разведочного отряда Алтайской археологической экспедиции летом и осенью 1984 года в Зональном, Онгудайском и Шебалинском районах Алтайского края. Барнаул, 1984. 116 с.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 75–82.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1: Древнетюркская эпиграфика Алтая. Астана, 2013. 268 с.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. 94 с.

Демин М.А. Отчет об археологических раскопках могильников Карбан-I и Карбан-II в июне — июле 1989 года. Барнаул, 1990. 75 с.

Демин М.А., Гельмелъ Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 28–34.

Елин В.Н. Некоторые результаты археологических исследований в районе строительства Катунской ГЭС на Алтае // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 224–225.

Елин В.Н., Соенов В.И. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск, 1990. С. 161–177.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск, 2004. 132 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987–1988 гг. // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 93–103.

Кляшторный С.Г., Маточкин К.П. Руническая надпись Карбана // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1991. Вып. I. С. 65–67.

Конкобаев К., Усеев Н., Шабданалиев Н. Атлас древнетюркских письменных памятников Республики Алтай. Астана, 2015. 368 с.

Кочев В.А. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2006. 52 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 86–98.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–160.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. 327 с.

Кызласов Л.Р. Две рунические надписи на алтайском ручье Карбан. К познанию нерасшифрованного письма (из работ Казахстанско-Российской эпиграфической экспедиции) // Маргулановские чтения-2019. Нур-Султан, 2019. С. 496–515.

Маточкин Е.П. Граффити Карбана // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 150–160.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 175–212.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 127–153.

Серегин Н.Н., Васютин С.А. Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А.С. Васютина). Барнаул, 2021. 296 с.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул, 2022. 276 с.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул, 2015. 168 с.

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2012. 152 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave. 61, Doctor of History, Associated Professor, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

РАННЕТЮРКСКИЙ РИТУАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ИЗ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Николай Николаевич Серегин, Вадим Владимирович Горбунов
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлены результаты раскопок раннетюркского объекта, исследованного участниками археологической экспедиции АлтГУ на памятнике Чобурак-I. Данный погребально-поминальный комплекс расположен на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Публикуемый объект представлял собой небольшую одиночную округлую насыпь (вероятно, с кольцевой выкладкой), рядом с которой на уровне древнего горизонта обнаружены железные удила. С учетом морфологических характеристик данной находки, а также имеющихся аналогий в материалах раскопок памятников в разных частях Алтая объект №37 комплекса Чобурак-I предварительно отнесен к начальным этапам в развитии культуры раннесредневековых тюрков и датирован в рамках 2-й половины V — 1-й половины VII в. н.э.

Ключевые слова: раннетюркское время, Алтай, хронология, поминальное сооружение, конское снаряжение

Благодарности: раскопки публикуемого объекта и анализ полученных материалов выполнены за счет проекта РНФ «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование» №20-78-10037, <https://rscf.ru/project/20-78-10037/>. Культурно-хронологическая интерпретация комплекса осуществлена в рамках проекта «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Для цитирования: Серегин Н.Н., Горбунов В.В. Раннетюркский ритуальный объект из Северного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 239–245. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.37

EARLY TURKIC RITUAL OBJECT FROM NORTHERN ALTAI

Nikolai N. Seregin, Vadim V. Gorbunov
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents the results of the excavations of an early Turkic object studied by the participants of the archaeological expedition of Altai State University at the Choburak-I site. This funeral and memorial complex is located on the right bank of the Katun river, south of the Elanda village, in the Chermal district of the Altai Republic. The object was a small single round mound (probably with a ring layout), next to which iron bits were discovered at the level of the ancient horizon. Taking into account the morphological characteristics of this find, as well as the analogies in the materials of sites in different parts of Altai, object №37 of the Choburak-I complex is tentatively assigned to the initial stages of the culture of the early medieval Turks and dated within the second half of the 5th — the first half of 7th centuries AD.

Keywords: early Turkic period, Altai, chronology, memorial building, horse equipment

Acknowledgments: excavations of the published object and analysis of the obtained materials were carried out at the expense of the Russian Science Foundation project “Early Turks of Central Asia: an Interdisciplinary Historical and Archaeological Study” №20-78-10037, <https://rscf.ru/project/20-78-10037/>. The cultural and chronological interpretation of the complex was carried out with support of the project “Turkic World of the Great Altai: Unity and Diversity in History and Modernity” (registry number 850000F.99.1. BN66AA04000).

For citation: Seregin N.N., Gorbunov V.V. Early Turkic Ritual Object from Northern Altai. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:239–245. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.37

Важной характеристикой поминальной обрядности раннесредневековых тюрок Центральной Азии является вариабельность традиций, которая фиксируется в ходе раскопок археологических памятников и находит отражение в виде конструкций и сохранившихся остатков ритуальных действий. Очевидно, что это разнообразие обусловлено целым рядом факторов — неоднородностью этнокультурного состава рассматриваемой общности, трансформацией существовавших практик под влиянием других групп кочевников, динамикой исторической ситуации и др. Вместе с тем некий «стандарт» поминальных сооружений тюрок, сформировавшийся уже на ранних этапах существования данной общности, оставался в целом неизменным — четырехугольная (главным образом, подквадратная) оградка из плит с различными внешними (каменные изваяния, стелы, балбалы и др.) и внутренними (столбовая и/или жертвенная ямка, ящичек и др.) объектами, устроенная одиночно либо рядом с другими подобными конструкциями. Такие сооружения, судя по имеющимся материалам, возводились на протяжении всей 2-й половины I тыс. н.э.

Своего рода отклонением от «стандартных» форм поминальных комплексов раннесредневековых тюрок были объекты округлой формы, представленные как оградками, так и простыми насыпями. Различные аспекты изучения таких сооружений неоднократно рассматривались специалистами при публикации материалов раскопок и в работах обобщающего характера (Могильников, 1994, с. 106–108, 112–113; Матренин, Сарафанов, 2006, с. 207; Кубарев, 2018, с. 87; Серегин, Васютин, 2020, с. 133–135; и др.), однако многие вопросы, связанные с их этнокультурной и хронологической интерпретацией, остаются открытыми. Во многом это связано с ограниченным объемом имеющихся источников. В настоящей статье представлены материалы раскопок одного из подобных объектов, исследованных на памятнике Чобурак-I.

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен в Чемальском районе Республики Алтай, к югу от с. Еланда, на правобережной террасе р. Катунь (рис. 1). Данный памятник выявлен в ходе разведочных работ, проведенных сотрудником АлтГУ М.Т. Абдулганеевым в 1980 г. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. несколько объектов 2-й половины I тыс. н.э., в том числе округлых конструкций, исследованы на комплексе Чобурак-I Центральноалтайским отрядом археологической экспедиции ИИФиФ СО АН

СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством А.П. Бородавского (1994). Шесть кольцевых оградок раскопаны на данном памятнике участниками Катунской археологической экспедиции АлтГУ в 2007 г. (Семибратов, Матренин, 2008, с. 54–66). Небольшая серия подобных объектов, часть которых опубликована (Серегин, Горбунов, Тишкин, 2016), выявлена в составе комплекса Чобурак-I и изучена в ходе работ Чемальской экспедиции, организованных в 2015 г. и продолжающихся по настоящее время.

Рис. 1. Расположение погребально-поминального комплекса Чобурак-I
Fig. 1. Location of the funeral and memorial complex Choburak-I

Объект №37 расположен в северной части памятника Чобурак-I. Небольшая насыпь, довольно сильно задернованная и частично поврежденная проходившей через нее полевой дорогой, представляла собой одиночное сооружение. При этом рассматриваемый объект находился в непосредственной близости от курганов различных хронологических периодов и тюркских подквадратных оградок. Отметим, что в нескольких метрах к юго-востоку расположена группа погребений булан-кобинской археологической культуры предтюркского времени (Серегин и др., 2023).

В результате зачистки объекта №37 выявлена насыпь округлой формы из средних и небольших камней (рис. 2). Диаметр сооружения составлял 3,3 м, высота — до 0,45 м. По краю насыпи хорошо заметна некоторая концентрация более крупных камней, которые могли составлять округлую выкладку-креpidу, однако полноценное кольцо не было зафиксировано. Разборка наземного сооружения показала отсутствие каких-либо дополнительных конструкций, а также могильной ямы. В ходе зачистки площади объекта в 0,3 м к северу от края насыпи на уровне древнего горизонта обнаружены же-

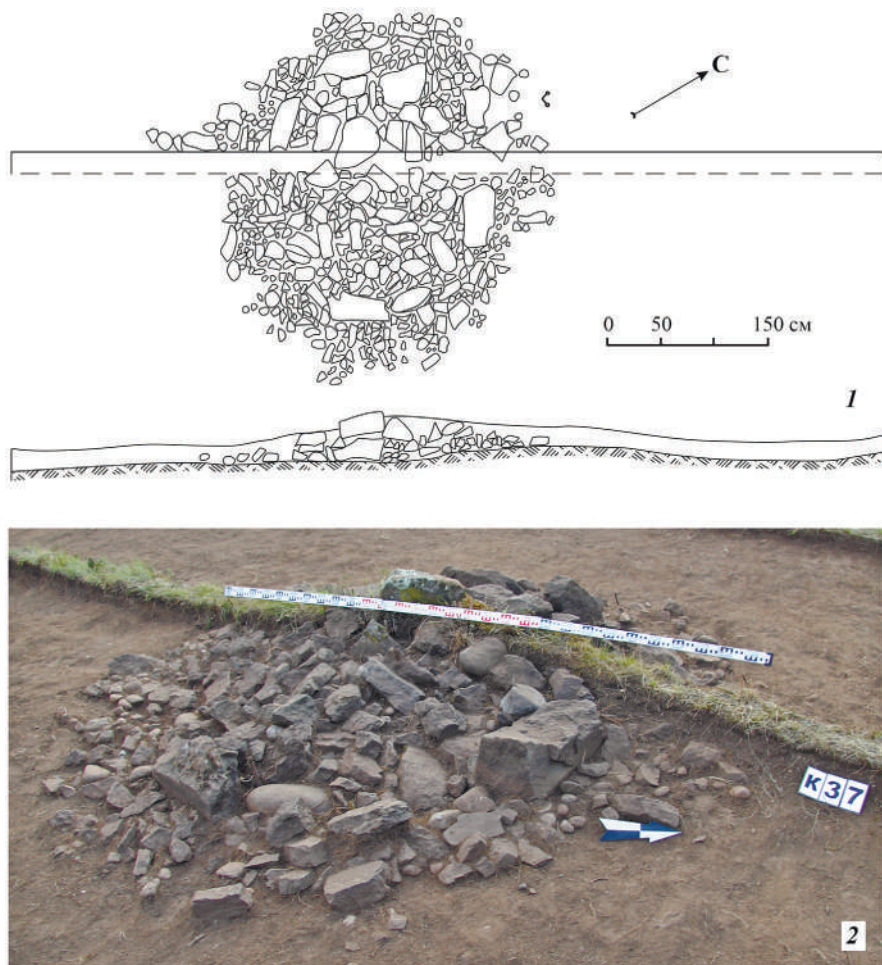

Рис. 2. Объект №37 памятника Чобурак-1
 Fig. 2. Object No. 37 of the Choburak-1 site

лезные удила (рис. 3). Они имеют звенья с гладкими стержнями прямоугольного сечения, кольчатые внешние окончания овальной, слегка каплевидной формы и крюковое соединение внутренних окончаний. Длина звеньев — от 8,0 до 8,9 см. Интересной особенностью одного звена является конструкция внешнего окончания, указывающая на его ремонт. Видимо, оригинальное кольцо было сломано, и на его место приварили другое. В результате данной операции оно приобрело несколько иной абрис — его овал вытянут больше

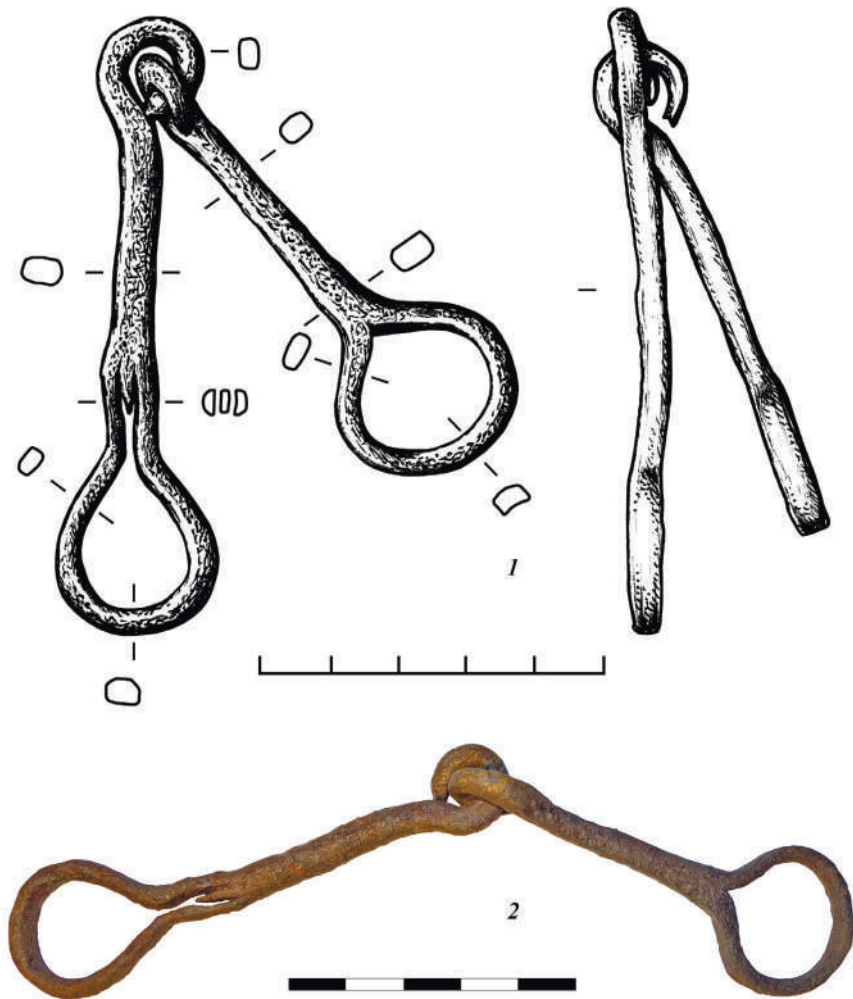

Рис. 3. Железные удила, обнаруженные рядом с объектом №37 памятника Чобурак-1
 Fig. 3. Iron bits discovered near objects No. 37 of the Choburak-1 site

по вертикали, тогда как у кольца целого звена он вытянут по горизонтали. Разведенные окончания кольца были выгнуты параллельно стержню звена и наложены на него, но в этом месте остался существенный зазор.

Материалы раскопок объекта №37 комплекса Чобурак-I позволяют обратиться к дискуссионным вопросам, связанным с интерпретацией отдельных сторон поминальной обрядности раннесредневековых тюрок. Изучение довольно представительной серии сооружений (кольцевых оградок и курганов) показало их принадлежность к культуре тюрок, причем имеются основания для заключения о том, что значительная, если не большая часть таких объектов относится к раннетюркскому периоду (Кубарев, 1979, рис. 19; Илюшин, 1990, рис. 1; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VI.-24–25; Соенов и др., 2009, с. 80–81, рис. 13–23; и др.). Не исключено, что фиксация «нестандартных» комплексов на начальных этапах развития культуры отражает своего рода «поиск» форм обрядовой практики, происходивший у тюрок параллельно со сложением «классических» поминальных сооружений.

Определению хронологии объекта №37 в рамках раннетюркского времени (2-я половина V — 1-я половина VII в. н.э.) не противоречат морфологические характеристики железных удил, обнаруженных рядом с насыпью. Похожие изделия, существенными признаками которых являются крюковое соединение звеньев, кольчатые внешние окончания овально-каплевидной формы и небольшие размеры, обнаружены в ходе раскопок серии объектов обозначенного периода (Гаврилова, 1965, табл. IV.-7; Могильников, 1994, рис. 2.-2, Соенов, Эбель, 1996, рис. 1.-2, Кубарев, 2005, табл. 111.-1; и др.). Ближайшими в территориальном отношении аналогиями являются удила из раннетюркских оградок комплексов Бике-III (Соенов и др., 2009, рис. 6.-4) и Айрыдаш-I (ограда №121, неопубликованные материалы работ А.С. Суразакова), исследованных в Чемальском районе Республики Алтай.

Таким образом, объект №37 памятника Чобурак-I может быть предварительно отнесен к раннетюркскому времени. С учетом отмеченной ранее предполагаемой генетической связи между кольцевыми оградками (а также, вероятно, округлыми насыпями без погребений) тюрок и ритуальными сооружениями населения булан-кобинской культуры (Матренин, Сарафанов, 2006, с. 207; Кубарев, 2018, с. 87) показательным является расположение публикуемого комплекса в непосредственной близости от некрополя жужанского периода. Дальнейшие раскопки подобных поминальных объектов, а также детальное изучение уже имеющихся материалов позволят более подробно рассматривать сложные этнокультурные процессы, происходившие на Алтае в середине I тыс. н.э.

Список источников

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 75–82.

- Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 117–119.
- Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–160.
- Кубарев Г.В. Древнетюркские оградки Кыз ыл-Шина (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. №2. С. 79–89.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. С. 115–129.
- Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.
- Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.
- Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 54–66.
- Серегин Н.Н., Васютин С.А. «Ритуальные» курганы могильника Кок-Паш (Восточный Алтай): к вопросу о формировании культурного комплекса раннесредневековых тюрков // Сибирские исторические исследования. 2020. №1. С. 123–143.
- Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Раскопки ритуальных объектов на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 174–182.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С. Алтай в предтюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул, 2023. 432 с.
- Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике-III // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009. Вып. 1–2. С. 74–95.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Associated Professor, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Вадим Владимирович Горбунов, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadimgorbunov67@mail.ru

Vadim V. Gorbunov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Associated Professor, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadimgorbunov67@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

ОКОЛОКУРГАННЫЕ ОБЪЕКТЫ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА НЕКРОПОЛЕ КАРБАН-I

Николай Николаевич Серегин¹, Михаил Александрович Демин²,
Святослав Сергеевич Радовский¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлены результаты изучения околокурганых объектов некрополя Карбан-I. Данный погребально-поминальный комплекс, расположенный на левом берегу р. Катунь в Чемальском районе Республики Алтай, был частично исследован экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) в 1989–1990 гг. Приведены характеристики серии объектов, выявленных в непосредственной близости от курганов №3 и 22. Зафиксированные признаки этих сооружений, обнаруженные находки, а также особенности планиграфии и известные аналогии в материалах раскопок памятников Алтая позволили отнести их к раннескифскому времени. Обозначены перспективы исследований околокурганых объектов широкими площадями.

Ключевые слова: раннескифское время, околокурганые объекты, Алтай, хронология, обрядовая практика, некрополь

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №20-18-00179, <https://rscf.ru/project/23-18-45029/>.

Для цитирования: Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. Околокурганые объекты раннескифского времени на некрополе Карбан-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 246–254. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.38

NEAR-MOUND OBJECTS OF THE EARLY SCYTHIAN PERIOD ON THE KARBAN-I NECROPOLIS

Nikolai N. Seregin¹, Mikhail A. Demin², Svyatoslav S. Radovsky¹

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents the results of a study of the near-mound objects of the Karban-I necropolis. This funeral and memorial complex, located on the left bank of the Katun river, in the Chermal region of the Altai Republic, was partially explored by an expedition of the Barnaul State Pedagogical Institute (now Altai State Pedagogical University) in 1989–1990. The characteristics of a series of objects identified in the immediate vicinity of mounds №3 and 22 are given. The recorded signs of these structures, the discovered finds, as well as features of planigraphy and known analogies in the materials of excavations of Altai sires made it possible to attribute them to the Early Scythian period. The prospects for excavating of objects near the burial mounds over wide areas are outlined.

Keywords: Early Scythian period, near-mound objects, Altai, chronology, ritual practice, necropolis

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant №20-18-00179, <https://rscf.ru/project/23-18-45029/>.

For citation: Seregin N.N., Demin M.A., Radovsky S.S. Near-Mound Objects of the Early Scythian Period on the Karban-I Necropolis. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:246–254. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.38

Организация сакрального пространства погребальных памятников являлась важной частью ритуальной практики древнего и средневекового населения Алтая. Судя по имеющимся материалам, кочевниками данного региона помимо основного комплекса (кургана) нередко возводились сопроводительные объекты, очевидно, связанные с реализацией различных элементов обряда. Как правило, такие сооружения обозначаются как «внекурганные» (Сорокин, 1981; Ольховский, 1986, с. 71; 1993, с. 88; Кубарев, Шульга, 2007, с. 53; и др.) или «околокурганные» (Тишкин, Шелепова, 2006; Серегин, Матренин, 2016, с. 79–89). Достаточно подробная характеристика подобных объектов осуществлена по материалам пазырыкской (Суразаков, 1989, с. 119–120; Кубарев, Шульга, 2007, с. 53–56; Тишкин, Шелепова, 2006, с. 144–146) и булан-кобинской (Матренин, Шелепова, 2007, с. 86–88; Серегин, Матренин, 2016, с. 70–79) культур, а также на основе анализа комплексов раннесредневековых тюрок (Серегин, Шелепова, 2015, с. 78–90; Серегин, Матренин, 2016, с. 79–89). При изучении памятников раннескифского времени исследователи обращали внимание, главным образом, на каменные стелы и ритуальные выкладки с захоронениями конских голов (Тишкин, 1994, с. 46–49; Суразаков, Тишкин, 2007, с. 40–41, 69–77; Шелепова, 2007, с. 185–188; 2009, с. 11–12; и др.). Между тем результаты раскопок комплексов данного периода показывают высокую степень вариативности обрядовой практики, требующей дальнейшего исследования, в том числе на материалах конкретных могильников. В настоящей статье представлены сведения об околокурганных объектах, выявленных в ходе раскопок некрополя Карбан-I.

Погребально-поминальный комплекс Карбан-I расположен на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюс, в Чемальском районе Республики Алтай (рис. 1). Раскопки представительной серии объектов данного памятника, часть которых относится к раннескифскому времени, осуществлены экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина в 1989–1990 гг. (Демин, Гельмель, 1992; Серегин и др., 2022; и др.).

При исследовании ряда курганов комплекса Карбан-I зафиксированы примыкавшие к ним или находившиеся поблизости объекты (рис. 2). Так, к северному краю полы кургана №3 была пристроена яма, заложённая рваными скальными плитками, образующая воронкообразное сооружение (рис. 3). Большинство плиток лежало не плашмя, а резко наклонно в сторо-

Кемеровская обл.

Рис. 1. Расположение археологического комплекса Карбан-1
Fig. 1. Location of the Karban-1 archaeological complex

ну от краев — вниз, к центру ямы. Расположенный в центральной части ямы обломок плиты стоял вертикально. Возможно, такое сооружение образовалось при проседании наброски из плит, первоначально уложенных плашмя над ямой на ее заполнение или какое-то перекрытие. Поскольку сооружение 1 вплотную примыкало к кургану №3, сразу же встал вопрос об их относительной хронологии. Исчерпывающего ответа на него получить не удалось, так как по размерам и составу пород материал насыпи практически не отличался от

забутовки ямы: в обоих случаях это были рваные обломки плит серого цвета. В южном конце ямы находились три сравнительно крупные торчавшие плиты, налегавшие своими верхними концами на крайние северные плиты наброски кургана №3. Если считать, что это часть забутовки сооружения 1, то яма была вырыта после возведения кургана. Если же эти три плиты были крайними в наброске над могилой, то яма вырыта до создания насыпи, но ненамного раньше, поскольку затем плиты просели вместе с остальными камнями сооружения 1.

Последнее обстоятельство позволяет определенно утверждать, что яма сооружения 1 не могла быть более древним объектом, случайно оказавшим-

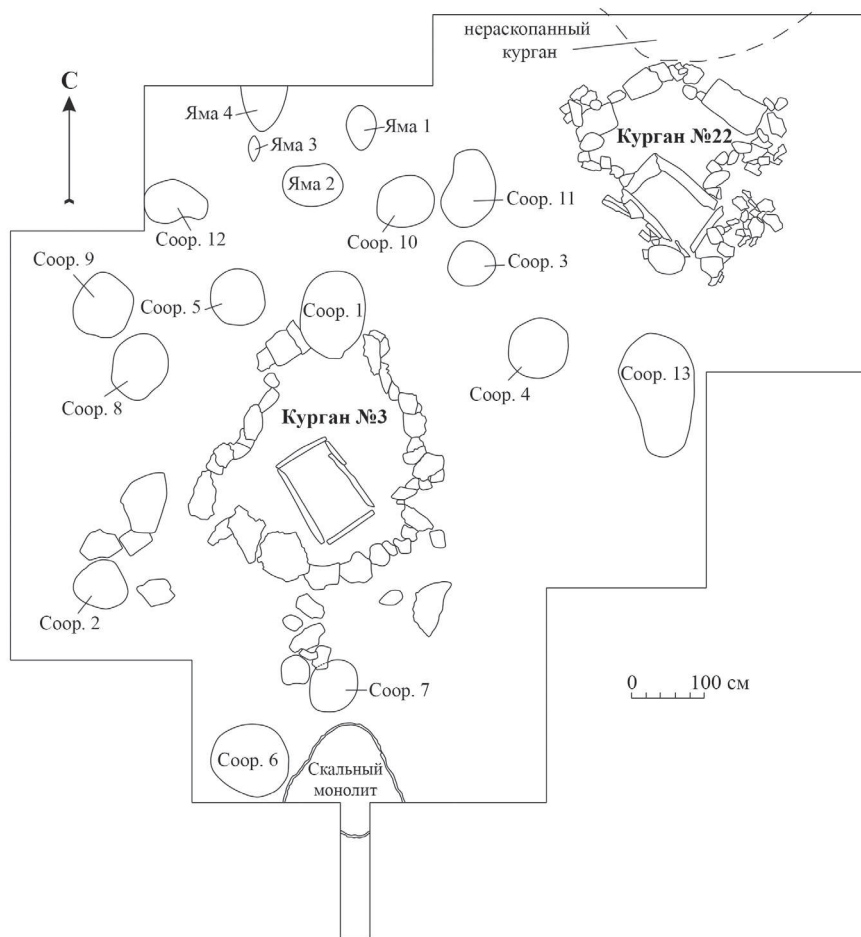

Рис. 2. Схема расположения объектов у курганов №3 и 22 некрополя Карбан-1
 Fig. 2. Scheme of the location of objects near mounds No. 3 and 22 of the Karban-1 necropolis

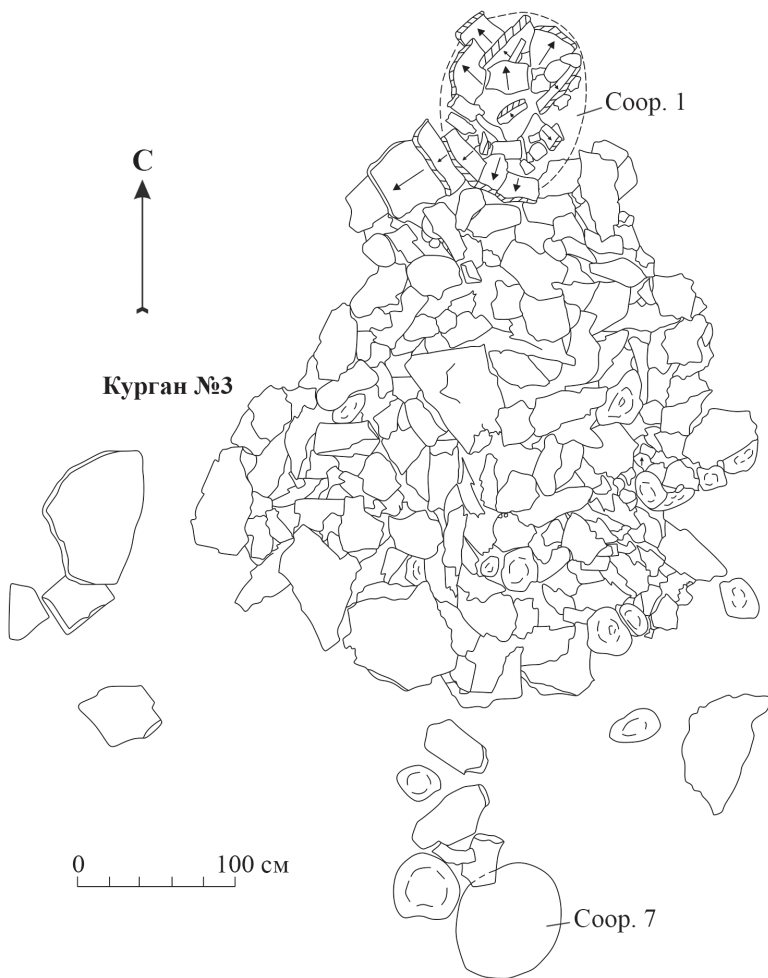

Рис. 3. Курган №3 и связанные с ним сооружения
 Fig. 3. Mound No 3 and associated structures

ся под полую наброску кургана №3. Об этом же говорит и общая планиграфия 15 других ям, обнаруженных в непосредственной близости: они располагались довольно плотно вокруг кургана, при этом не соприкасаясь с его насыпью. Обращают на себя внимание еще две детали. Во-первых, в центре сооружения 1 вертикально стоял обломок плиты размерами 25×7 см, высотой 12 см — возможно, остатки стелы. Во-вторых, длинная ось сооружения 1, имевшая ориентировку по линии север–юг, при дальнейшем ее продолжении

к югу проходила почти точно через центр могилы (по диагонали каменного ящика) и далее — через центр ямы, вырытой строго к югу от кургана (сооружение 7) (рис. 3). Вряд ли такое взаимное расположение обозначенных объектов является случайным. Наиболее вероятно, что яма сооружения 1 была вырыта либо незадолго до возведения насыпи над могилой, либо вскоре после создания наброски. В обоих случаях сооружение 1 является синхронным кургану №3 и составляет с ним единый комплекс.

В ходе последующего расширения раскопа вокруг кургана №3 было выявлено довольно большое количество других подобных объектов (рис. 2). Ямы, заложённые камнем, обозначены как «сооружения» и пронумерованы в порядке расчистки. Важно отметить, что ни один такой комплекс до начала работ не фиксировался на поверхности. Всего в раскопе вокруг кургана №3 изучены 13 подобных сооружений и три ямы без каменной забутовки. Не исключено, что какая-то часть ям осталась за пределами исследованной площади. Большое количество объектов не позволило расширить раскоп до такой степени, чтобы полностью охватить исследуемый комплекс.

Рассматриваемые околокурганные объекты схожи по ключевым признакам. В основном они имели округлую, реже овальную форму и размеры от 65×60 см до 170×100 см. Стенки, как правило, сужались ко дну. Глубина ям от уровня древней поверхности составила от 30 до 85 см, наиболее часто в диапазоне 65–80 см. Заполнение представлено гумусированным песком коричневого или каштанового цвета с вкраплением камней. Отмечено, что некоторые объекты были заложены сверху плитками (например, сооружение 2); у ряда других скопление камней наблюдалось ближе ко дну (сооружение 3). В ходе раскопок большинства сооружений зафиксированы различные свидетельства обрядовой практики: фрагменты костей животных — главным образом, лошадей (объекты 2, 3, 5, 6, 8, 12, 13); древесный уголь (объекты 4, 6, 12); кусочек охры (объект 2); фрагменты керамики (объект 13). При этом ямы без каменной забутовки не содержали никаких находок.

Основные характеристики обозначенных объектов достаточно наглядно демонстрирует исследованное сооружение 13. Оно представляло собой яму грушевидной в плане формы размером 1,7×1,0 м, длинной осью ориентированную по линии север–юг. Объект выявлен в 3 м к востоку от края наброски кургана №3 и в 1,5 м к югу от ящика кургана №22. На материковом песке пятно выделялось темным коричневатым цветом и выступавшими краями камней заполнения. Стенки ямы покатые, дно уплощенное. Глубина от уровня древней поверхности — 35–40 см. Северная стенка по мере углубления расширялась на 5–8 см по сравнению с контуром ямы на зачищенном материке. В яме выявлены два скопления камней: наиболее крупное располагалось в северном, расширяющемся конце пятна, меньшее — в южной части. В заполнении ямы обнаружены пять неорнаментированных фрагментов керамики от, по меньшей мере, двух различных сосудов. Рядом лежали фрагменты костей лошади: два осколка длинных костей ноги (берцовой и метаподия) и часть зуба.

На некрополе Карбан-I зафиксированы и другие выкладки из камней, а также ямы, не содержавшие следов погребений. Часть объектов была интерпретирована как «ритуальные» курганы и по совокупности признаков датирована в рамках раннескифского времени (Серегин, Демин, Радовский, 2023б). Ямы же, учитывая их планиграфию и отсутствие находок, связать с конкретным комплексом не представляется возможным.

Расположение представленных сооружений и ям в непосредственной близости от курганов №3 и 22 (Серегин, Демин, Радовский, 2022, с. 168–175; 2023а, с. 59–73), а также фиксация похожего комплекса у объекта №5 (Демин, Гельмель, 1992, с. 28–34) позволяют с высокой степенью вероятности отнести их к раннескифскому времени. Показателен в этом плане объект 13, расположенный к востоку от кургана №3 и югу от кургана №22. Схожая планиграфия характерна для сопроводительных захоронений лошадей населения бийкенской культуры (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 59; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 153–154; Шульга, 2008, с. 12; и др.)

При раскопках объектов раннескифского времени на Алтае нередко обнаруживаются различного рода объекты, зафиксированные в пределах насыпи или рядом с ней. Серия каменных выкладок выявлена при исследовании комплекса Кызык-Телань-I. Под ними были обнаружены фрагменты керамики, угольки и в одном случае заготовка жернова. Многие объекты не содержали находок (Суразаков, Тишкин, 2007, с. 40–41). Несколько подобных выкладок с костями животных, керамикой и «кострищем» исследованы на памятнике Семисарт-I (Марсадолов, 2001, с. 7, рис. 12). Различные околокурганые объекты выявлены и на других памятниках рассматриваемого периода (Суразаков, 1990, с. 58–59; Ларин, Суразаков, 1994, с. 86–87; Могильников, Суразаков, 1994, с. 39; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 117; и др.). Интерпретация таких сооружений пока остается дискуссионной, однако очевидно, что они выступали важным элементом обрядовой практики, демонстрирующим сложные мировоззренческие представления населения Алтая раннескифского времени. Перспективы дальнейших исследований подобных объектов связаны с проведением целенаправленных раскопок комплексов IX–VI вв. до н.э. широкими площадями и комплексным изучением зафиксированных конструкций и находок.

Список источников

Демин М.А., Гельмель Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 28–34.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-VII // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 86–90.

Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб., 2001. 184 с.

Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. — V в. н.э. (булан-кобинская культура) //

Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск, 2007. С. 84–90.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 38–48.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. 1986. №1. С. 65–76.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. 1993. №1. С. 78–93.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул, 2022. 276 с.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. Погребение бийкенской культуры из Северного Алтая // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Вып. 17. Барнаул, 2022. С. 168–175.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. К вопросу о «нестандартной» ориентировке в традициях погребальной обрядности населения Алтая раннескифского времени (по материалам комплекса Карбан-I) // Народы и религии Евразии. 2023а. №1. С. 59–73.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. «Ритуальные» курганы некрополя Карбан-I (Северный Алтай) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Вып. 18. Барнаул, 2023б. С. 175–184.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул, 2015. 168 с.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 23–39.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 216 с.

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курота-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 56–96.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007. 232 с.

Тишкин А.А. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 46–49

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Околокурганные объекты на памятниках скифского времени Яломанского археологического микрорайона // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 3–4. Горно-Алтайск, 2006. С. 143–150.

Шелепова Е.В. Новые сведения о захоронениях конских черепов (по результатам исследования памятника Тыткескень-VI) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 185–188.

Шелепова Е.В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 24 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Барнаул, 2008. 276 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave. 61; Doctor of History, Associated Professor, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Михаил Александрович Демин, Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, профессор; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>, mademin52@mail.ru

Mikhail A. Demin, Altai State Pedagogical University, Department of Russian History, Professor; 656031, Russia, Barnaul, Molodezhnaya St. 55; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>, mademin52@mail.ru

Святослав Сергеевич Радовский, Алтайский государственный университет, лаборатория древней и средневековой археологии Евразии, младший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>, radovskiy1996@mail.ru

Svyatoslav S. Radovskiy, Altai State University, Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Junior Researcher; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave. 61, <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>, radovskiy1996@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 902.3:903.222

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.39

EDN: QFENUQ

ЯРУСНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ НАЧАЛА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ (по материалам исследований некрополя Горный-10)

**Николай Николаевич Серегин¹, Сергей Сергеевич Матренин²,
Надежда Федоровна Степанова³**

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Барнаульский юридический институт МВД РФ, Барнаул, Россия

³Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. В статье представлены результаты изучения двух ярусных наконечников стрел, обнаруженных в ходе раскопок погребений некрополя Горный-10. Данный памятник, расположенный в Красногорском районе Алтайского края, исследовался археологической экспедицией Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» в 2000–2002 гг. В представительной серии из более 130 железных наконечников стрел присутствовали два изделия с ярусным силуэтом пера. Морфологический анализ этих

предметов, а также их сопоставление с известными находками позволили установить, что они занимают своего рода промежуточное положение между экземплярами хуннской и южносибирской военных традиций. Хронология публикуемых наконечников стрел предварительно определяется рамками 2-й половины VII — 1-й половины VIII в. н.э.

Ключевые слова: раннее средневековье, Алтай, наконечник стрелы, хронология, вооружение, тюрки

Благодарности: изучение железных наконечников стрел населения северных предгорий Алтая начала раннего средневековья осуществлено в рамках реализации проекта РФФ №20-78-10037. Обработка материалов раскопок некрополя Горный-10 проведена при поддержке проекта FWZG-2022-0006.

Для цитирования: Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Ярусные наконечники стрел начала раннего средневековья из северных предгорий Алтая (по материалам исследований некрополя Горный-10) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 254–261. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.39

TIERED ARROWHEADS IN THE BEGINING OF THE EARLY MIDDLE AGES FROM THE NORTHERN FOOTHILLS OF ALTAI (Based on the Materials from the Gorny-10 Necropolis)

Nikolai N. Seregin¹, Sergey S. Matrenin², Nadezhda F. Stepanova^{1,3}

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Barnaul, Russia

³Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article presents the results of a study of two tiered arrowheads discovered during excavations of burials at the Gorny-10 necropolis. This site, located in the Krasnogorsk region of the Altai Territory, was studied by an archaeological expedition of Altai State University and the Scientific and Production Center “Heritage” in 2000–2002. In a representative series of over 130 iron arrowheads, there were two pieces with a tiered silhouette. Morphological analysis of these objects, as well as their comparison with known finds, made it possible to establish that they occupy a kind of intermediate position between examples of the Xiongnu and South Siberian military traditions. The chronology of published arrowheads is determined by the framework of the second half of the 7th — first half of the 8th centuries AD.

Keywords: early Middle Ages, Altai, arrowhead, chronology, weapons, Turks

Acknowledgments: the study of iron arrowheads of the population of the northern foothills of Altai at the beginning of the early Middle Ages was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project No. 20-78-10037. The processing of materials from the excavations of the Gorny-10 necropolis was carried out with the support of the project FWZG-2022-0006.

For citation: Seregin N.N., Matrenin S.S., Stepanova N.F. Tiered Arrowheads in the Beginning of the Early Middle Ages from the Northern Foothills of Altai (Based on the Materials from the Gorny-10 Necropolis). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:254–261. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.39

Специфической модификацией боевых наконечников стрел являются изделия с ярусным («ступенчатым») пером. Изобретение данных предметов

связано с развитием военного дела центральноазиатских хунну, у которых они появились, судя по датируемым находкам из погребальных памятников Монголии и Забайкалья, не ранее I в. до н.э. (Коновалов, 1976, табл. 1.-12-16; 2; Могильников, 1992, табл. 105.-3-5; Төрбат, Амаргүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 204, зур. 2; т. 214, зур. 5; т. 226, зур. 1; т. 233, зур. 4; т. 248, зур. 2; Худгийн толгойн..., 2003, зур. 23.-4, 6; Ковычев, 2006, рис. 3.-1, 2; и мн. др.). В других областях Центральной и Северной Азии, в том числе на Алтае, железные трехлопастные наконечники такой конструкции получили распространение со II в. н.э. и наиболее активно использовались до середины I тыс. н.э. (Горбунов, 2006, с. 38). Опыт изучения археологических материалов эпохи Великого переселения народов демонстрирует информативность «ярусников» для хронологических построений и реконструкции процессов межкультурного взаимодействия (Неверов, Мамадаков, 1991; Николаев, 2001, с. 73-74; Панкова, 2015, с. 440-452).

Несмотря на значительный объем имеющихся источников и накопленный опыт их анализа, приходится констатировать, что проблемы генезиса и датировки ярусных наконечников стрел имеют неоднозначную интерпретацию в рамках отдельных регионов. Данное утверждение особенно актуально для территорий, на которых происходили контакты населения горных, степных и лесных зон в эпоху Великого переселения народов и в раннем средневековье. Одним из примеров такой ситуации являются археологические материалы, полученные в результате раскопок некрополя Горный-10, являющегося одним из базовых памятников периода Тюркских каганатов на периферии кочевых империй.

Обозначенный погребальный комплекс находится в Красногорском районе Алтайского края, на мысу правого берега р. Иша. В 2000-2002-х гг. представительная серия объектов некрополя Горный-10 исследована экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой. Раскопанные могилы содержали преимущественно непотревоженные захоронения по обряду одиночной ингумации с многочисленным сопроводительным инвентарем (Абдулганеев, 2001; Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019; Серегин, Степанова, 2021; и др.).

В процессе исследований некрополя Горный-10 в 30 погребениях обнаружено более 130 железных наконечников стрел, среди которых только два изделия имели ярусный силуэт пера.

В могиле 43 железный ярусный наконечник стрелы обнаружен у левого бедра мужчины 45-55 лет (здесь и далее антропологические определения выполнены С.С. Тур) вместе с тремя изделиями геометрической формы. Все обозначенные находки были смещены относительно места своего первоначального размещения норой крупного грызуна. Публикуемый экземпляр умеренно корродирован, имеет частично разрушенное трехлопастное перо с пятиугольной верхней и шестиугольной нижней частью, а также кольцевой упор (рис. 1.-1; 2.-1). Верхний ярус по своим размерам (2,3×1,8 см) немного меньше нижнего (3,1×3,7 см). Лопастни нижнего яруса пера снабжены округлыми отверстиями диаметром около 0,4 см.

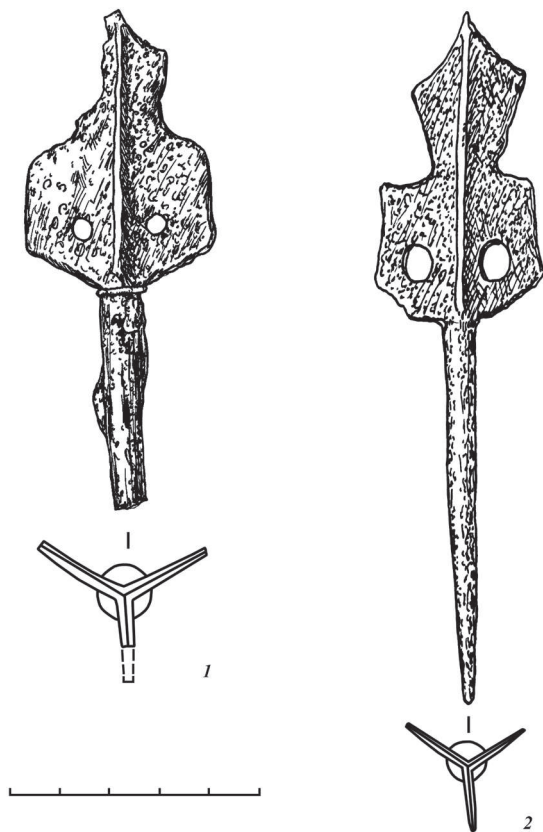

Рис. 1. Железные ярусные наконечники стрел из погребений некрополя Горный-10:
1 — могила 43; 2 — могила 68

Fig. 1. Iron tiered arrowheads from the burials of the Gorny-10 necropolis:
1 — grave 43; 2 — grave 68

В могиле 68, содержащей скелет мужчины 35–45 лет, железный ярусный наконечник найден *in situ* на левом крыле тазовых костей человека и был ориентирован острием вниз (в направлении ног). Изделие имеет трехлопастное в сечении перо длиной 6,1 см с пятиугольным верхним и шестиугольным нижним ярусом, а также сохранившийся целиком черешковый насад длиной 10,8 см (рис. 1.-2; 2.-2). Размеры верхней части наконечника составляют 3,1×2,1 см, нижней — 3×3,2 см. В лопастях нижнего яруса, одна из которых частично разрушена, проделаны сквозные отверстия округлой формы диаметром 0,5–0,7 см. Рассматриваемый образец характеризуется хорошей сохранностью металла.

Рис. 2. Железные ярусные наконечники стрел из погребений некрополя Горный-10:
1 — могила 43; 2 — могила 68

Fig. 2. Iron tiered arrowheads from the burials of the Gorny-10 necropolis:
1 — grave 43; 2 — grave 68

Охарактеризованные изделия по особенностям сечения и абрису пера (пятиугольный — шестиугольный) представляется возможным отнести к одному типу наконечников стрел. Они являются достаточно близкими по таким показателям, как размер поражающей части, пропорции ярусов, а также присутствие отверстий в лопастях. Различие между данными экземплярами выражается только в наличии у изделия из могилы 43 кольцевого упора. Сравнительный морфологический анализ обнаруженных в объектах некрополя Горный-10 ярусных наконечников стрел с вещественными материалами из памятников Северной и Центральной Азии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья позволяет сделать ряд предварительных заключений об их хронологии и происхождении.

На территории Алтайской лесостепи трехлопастные наконечники стрел с ярусным абрисом пера получили широкое распространение во 2-й половине IV — V в. н.э., вероятно, под влиянием носителей булан-кобинской культуры и среднеазиатских кочевников (Горбунов, 2006, с. 28–29; Серегин и др., 2023, с. 93). Достаточно многочисленными они были в Новосибирском (V–VI вв. н.э.) и Томском (конец VI — VIII в. н.э.) Приобье (Беликова, Плетнева, 1983, с. 90–91, рис. 14.-7; 18.-5; 49.-2; Соловьев, 1987, с. 35; Троицкая, Елагин, Семьянов, 1995, с. 234, рис. 4.-8; Троицкая, Новиков, 1998, с. 50, рис. 21.-10–16, 18, 19). В горной и лесостепной зонах Алтая ярусные изделия довольно резко вышли из массового использования во 2-й половине I тыс. н.э. При этом единичные их экземпляры встречаются в колчаных наборах населения тюркской (2-я половина V — 1-я половина VI в. н.э.), одинцовской (VI — 1-я половина VII в. н.э.) и сросткинской (2-я половина VIII — 1-я половина XI в. н.э.) культур (Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 2.-3; Горбунов, 2006, рис. 25.-34; 29.-1; 30.-1, 2; Соенов и др., 2009, рис. 8.-1, 2; и др.).

Современный опыт археологических исследований, опирающийся на обширный корпус вещественных источников, подтверждает правомерность разделения ярусных наконечников стрел на образцы хуннуской и южносибирской военных традиций (Мамадаков, 1990, с. 44–53; Неверов, Мамадаков, 1991, с. 121–135; Николаев, 2001, с. 78; Горбунов, 2006, с. 38; Панкова, 2015, с. 440–452; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 52, 54; Серегин и др., 2022, с. 56; 2023, с. 90, 92–93). При этом предметы из объектов некрополя Горный-10 занимают своего рода промежуточное положение между изделиями двух обозначенных групп. Следует отметить, что они, в особенности экземпляры из могилы 43, имеют максимальное сходство с находками из тюркской оградки 2-й половины VI — 1-й половины VII в. н.э. памятника Бике-III в Северном Алтае (Соенов и др., 2009, рис. 8.-1, 2). Важно подчеркнуть, что «ярусники» происходят из захоронений памятника Горный-10, датирующихся 2-й половиной VII — 1-й половиной VIII в. н.э., о чем свидетельствует характерный облик сопроводительного инвентаря, прежде всего поясных блях и элементов воинского снаряжения.

Ввиду малочисленности известных аналогий вопрос о степени влияния на формирование рассматриваемого типа изделий у населения предгорий Алтая южной («горно-степной») или северной («южно-таежной») культурных традиций остается пока открытым. Опираясь на доступный корпус археологических источников, можно высказать предположение, что их появление в материалах некрополя Горный-10 не было напрямую связано с практикой производства ярусных наконечников населением Барнаульско-Бийского (2-я половина IV — V в. н.э.) и Новосибирского (V–VI вв. н.э.) Приобья, демонстрируя наиболее вероятное направление контактов с ранними тюрками Центральной Азии.

Список источников

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 — памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 128–131.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск, 1983. 245 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск, 2006. С. 242–258.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976. 221 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 254–273. (Археология СССР).

Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 121–135.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.

Панкова С.В. Ярусные наконечники стрел в таштыкских гравировках // Труды ИИМК РАН. Т. XLV. СПб., 2015. С. 439–455.

Серегин Н.Н., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №2. С. 15–34.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул, 2022. 276 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С. Алтай в предтюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул, 2023. 432 с.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Раннесредневековое одиночное погребение с конским снаряжением из Северного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2021. Т. XXVII. С. 642–649.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике-III // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009. Вып 1–2. С. 74–95.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987. 193 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №10. С. 107–117.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. 368 с.

Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар, 2003. 295 т. (на монг. яз.).

Троицкая Т.Н., Елагин В.С., Семейнов И.В. Крохалевка-13 — могильник верхнеобской культуры // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 225–242.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.

Худгийн толгойн хуннугийн уеийн булш. Улаанбаатар; Сеул, 2003. 277 т. (на монг., кор. яз.).

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Associated Professor, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Сергей Сергеевич Матренин, Барнаульский юридический институт МВД РФ, кафедра истории и философии, доцент; 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>, matrenins@mail.ru

Sergei S. Matrenin, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of History and Philosophy, Associate Professor; 656038, Russia, Barnaul, st. Chkalova, 49, Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>, matrenins@mail.ru

Надежда Федоровна Степанова, Институт археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>, nstepanova10@mail.ru

Nadezhda F. Stepanova, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Senior Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Academician Lavrentiev Ave., 17, Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>, nstepanova10@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 903.26(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.40

EDN: QITAMB

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УДИЛА СО СТРЕМЕВИДНЫМИ ОКОНЧАНИЯМИ ИЗ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ГУСЕЛЕТОВО-VI (Романовский район Алтайского края): КОМПЛЕКСНОЕ ОПИСАНИЕ И РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ

Алексей Алексеевич Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Отдельные случайные археологические находки, хранящиеся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея (г. Барнаул, Россия), являются дополнительными источниками для изучения материальной культуры древних кочевников. В данной публикации детально представлены металлические удила со стремевидными окончаниями, которые были обнаружены около с. Гуселетово в Романовском районе Алтайского края. Они являются хорошим хронологическим индикатором. На территории Кулунды и ближайших лесостепных районов таких изделий или их частей обнаружено немного. В ходе формирования базы данных о химическом составе деталей конского снаряжения аржано-майэмирского времени автором осу-

щественно рентгенофлуоресцентный анализ обоих звеньев. Полученные результаты, а также фиксация некоторых особенностей изделия позволили сделать заключение о предполагаемой технологии изготовления.

Ключевые слова: Кулундинская степь, Гуселетово, местонахождение, металлические удила, музей, рентгенофлуоресцентный анализ

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»). Автор выражает благодарность директору Алтайского государственного краеведческого музея Н.В. Вакаловой за предоставленную возможность детального изучения экспоната.

Для цитирования: Тишкин А.А. Металлические удила со стремевидными окончаниями из местонахождения Гуселетово-VI (Романовский район Алтайского края): комплексное описание и рентгенофлуоресцентный анализ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 261–267. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.40

METAL BITS WITH STIRRUP-LIKE ENDS FROM THE GUSELETOVO-VI SITE (Romanovsky district, Altai Krai): COMPLEX DESCRIPTION AND X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS

Alexey A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

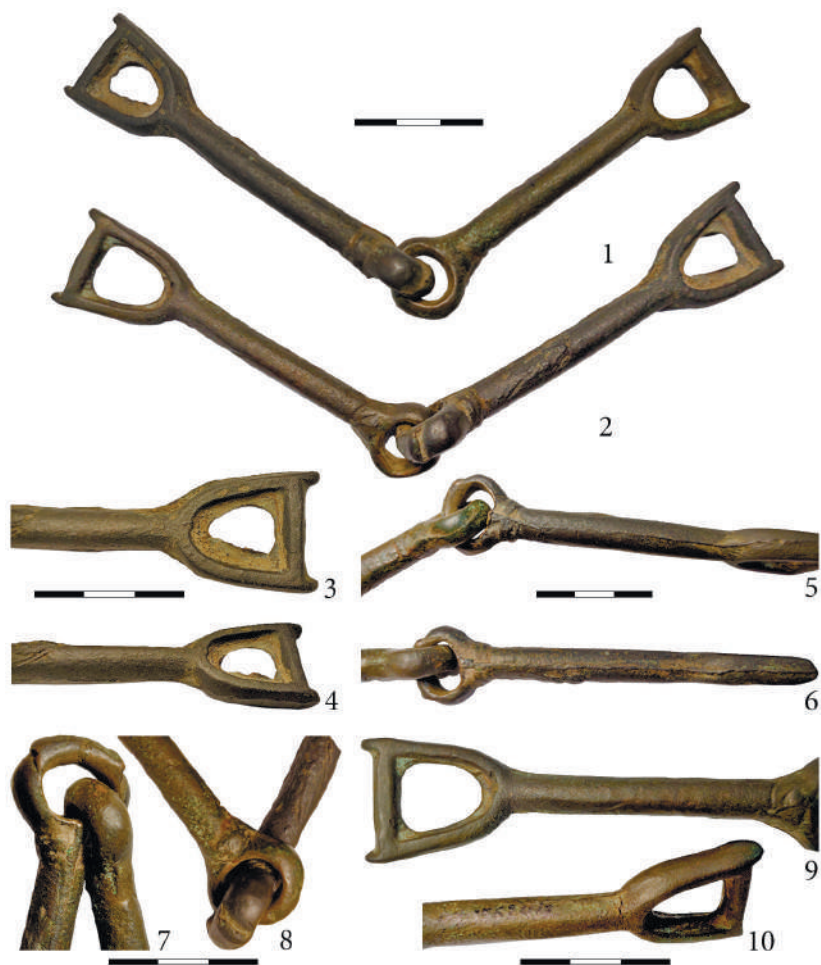
Abstract. Individual accidental archaeological finds stored in the collections of the Altai State Museum of Local Lore (Barnaul, Russia) are additional sources for studying the material culture of ancient nomads. This publication presents in detail metal bits with stirrup-like, which were discovered near the village of Guseletovo in the Romanovsky district of Altai Krai. They are a good chronological indicator. On the territory of Kulunda and the nearest forest-steppe areas few such items or their parts were found. During the formation of a database on the chemical composition of parts of horse equipment of the Arzhan-Mayemir time, the author carried out X-ray fluorescence analysis of both links. The results obtained, as well as the fixation of some features of the item allowed us to draw a conclusion about the presumed manufacturing technology.

Keywords: Kulundinskaya steppe, Guseletovo, site, metal bits, museum, X-ray fluorescence analysis

Acknowledgments: this work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”). The author is grateful to the director of the Altai State Museum of Local Lore N.V. Vakalova for the opportunity to study the exhibit in detail.

For citation: Tishkin A.A. Metal Bits with Stirrup-Like Ends from The Guseletovo-VI Site (Romanovsky District, Altai Krai): Complex Description and X-Ray Fluorescence Analysis. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:261–267. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.40

В Алтайском государственном краеведческом музее (АГКМ, г. Барнаул, Россия) хранятся целые металлические удила (рис.) со стремевидными окончаниями (ОФ 15224/2), которые являются важным источником для изучения

Металлические удила из местонахождения Гуселетово-VI (фотоснимки автора)
Metal bits from the Guseletovo-VI site (photos by the author)

культуры древних кочевников. Информация о них уже была кратко опубликована (Ведянин, Тишкин, 1995, с. 205–207; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 68–69, рис. 47.-9). Основная цель данной публикации — представить всесторонние результаты рентгенофлуоресцентного анализа находки. Необходимое тестирование было выполнено в музее с помощью портативного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000). Также есть смысл отразить контекст обнаружения изделия и дать подробное описание этого базового элемента конского снаряжения. Данное исследование явля-

ется продолжением целенаправленного формирования автором базы данных с комплексной характеристикой обозначенной категории предметов, найденных при различных обстоятельствах на Алтае, а также на ближайших степных и лесостепных территориях.

В июне 1991 г. главный агроном совхоза «Гуселетовский» В.И. Путилин на полевой дороге нашел металлические удила, которые он передал в краеведческий музей. Местонахождение, получившее обозначение Гуселетово-VI, визуально обследовалось сотрудником Алтайского государственного университета С.Д. Ведяниным в 1993 г., но поблизости никаких археологических памятников обнаружить не удалось (Ведянин, Тишкин, 1995, с. 205–206). Территория зафиксированного объекта административно относится к Романовскому району Алтайского края, а географически — к Кулундинской степи, неподалеку от ленточного бора. Вполне возможно, что это обычная случайная находка, о чем свидетельствует внешний вид изделия. Однако не стоит исключать вариант того, что удила могли входить в состав клада или приклада. Такая практика была распространена в раннескифское время на юге Западной Сибири (Уманский, 1970; Бородаев, 1998; Автушкова, Плахута, 2000; и др.). Стоит отметить, что для этого региона характерны находки, поврежденные в ходе распашки, а также известны факты обнаружения отдельных звеньев (Шамшин, 1993, с. 78, рис. 5.-2; Тишкин, Филиппова, 2023; и др.).

Удила из Гуселетово-VI по ранее предложенной классификации относятся к самому распространенному типу 1, который характеризуется следующими показателями: двусоставные, соединеннокольчатые, с гладкими и округлыми в сечении стрежнями звеньев (грызлами), со стремевидными окончаниями и отверстиями колокольчиковидной формы (рис.-1–2). Они имеют множество аналогий, которые в основном датируются раннескифским временем (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 68–69). Изделие покрыто ровной патиной. Это позволяет заключить, что удила долгое время лежали на поверхности земли или неглубоко от нее. В некоторых местах остались следы прилипшего грунта (на литейных швах и в разных углублениях). Длина удил в развернутом состоянии составляет 18,6 см. У одного (асимметричного)¹ звена в стремевидном окончании остались увеличенные литейные швы, которые не были удалены (рис.-3–4). Длина этого звена вместе с выступами — 9,87 см (здесь и далее даны измерения, выполненные электронным штангенциркулем). Литейные швы имеются как внутри стремевидного окончания, так и снаружи его (рис.-5–6), а также идут с двух сторон по грызлу до внутреннего соединительного кольца, где имеется своеобразное расширение (рис.-7–8), которое сформировано в процессе изготовления модели. На звене есть следы некачественной отливки (рис.-2, 5, 6). Диаметры грызла в центре 0,85×0,82 см. Размеры стремевидного окончания такие: длина — 2,95 см,

¹ Данный термин использован Р.С. Минасяном (1994, с. 158): стремевидное окончание и соединительное кольцо на другом конце находятся в разных плоскостях, перпендикулярных друг другу. У симметричного звена указанные части располагаются в одной плоскости.

ширина у основания (где выступы) — 2,35 см, толщина там же — 0,67 см. Параметры внутреннего пространства колокольчиковидной формы без учета наплывов из литейного шва — 1,74×1,41 см (даны по центру). Свободное отверстие составляет всего 1,32×0,85 см. Такая ситуация указывает, что изделие, по всей видимости, не эксплуатировалось. Выступы на окончании оказались разного размера. Один длиннее (0,43 см), а другой короче (0,23 см). Внутреннее соединительное кольцо имеет следующие внешние параметры — 2,04×1,66 см. Ширина его — от 0,63 см до 0,8 см, толщина — 0,39–0,48 см. Это кольцо неровное, на крае имеется хорошо выраженное утолщение длиной 1,57 см, шириной 0,63–0,77 см (рис.-2. 5, 7, 8). Такая деталь является хорошим индикатором для реконструкции способа литья удила (Минасян, 1994, с. 158). Возможно, что утолщение в таком виде специально формировалось для усиления одной из самых рабочих зон. Нередко находят удила, у которых именно соединительные кольца сильно источены во время эксплуатации, даже до такого состояния, что образуется разрыв. Внутренние размеры рассмотренного соединительного кольца — 1,18×0,88 см.

Второе звено особых вопросов не вызывает. Оно также отлито по утрачиваемой восковой модели. Единственная особенность — стремевидное окончание неестественно согнуто (рис.-9-10). Литейные швы хорошо просматриваются местами. Они видны внутри стремевидного окончания, частично снаружи (у кольца и на нем). Общая длина симметричного звена составляет 9,59 см. Размеры стремевидного окончания такие: длина — 2,8 см, ширина — 2,32 см (у выступов), толщина — 0,68 см. Один выступ немного длиннее, чем другой (0,32 и 0,28 см). Расстояние между выступами — 1,61 см (этот параметр характеризует возможности для ширины ремня поводьев). Практически такой же размер отмечен у предыдущего звена. Диаметры грызла в центре — 0,74–0,85 см. Стержень более гладкий, хотя есть следы неровностей. У основания внутреннего кольца видна свежая ровная царапина. Отмеченный загиб и следы надлома у начала стремевидного окончания, по всей видимости, получились позднее. Не исключено, что это произошло в ходе распашки поля, когда плут зацепил удила за отверстие и загнул край звена. Внутреннее кольцо имеет такие внешние параметры: 1,88×1,81 см (учитывая утолщение с одной стороны, которое выражено в виде валика). Внутренние размеры отверстия — 0,87×0,79 см. Ширина кольца — 0,66–0,72 см.

Исследования металла, из которого были изготовлены удила, рентгенофлуоресцентным спектрометром осуществлялась по сложившемуся алгоритму. Сначала тестировалась поверхность, покрытая патиной, что можно считать «фоновым» результатом. Потом механическим путем с помощью портативного электрического бура с насадками удалялись поверхностные загрязнения и окислы на отдельных участках. В ходе этого процесса оказалось, что цвет металла у первого (асимметричного) звена на грызле был беловато-розовый, а на внутреннем кольце еще и с серебристым оттенком. На защищенном участке у основания окончания второго (симметричного) звена оказался немного другой оттенок (розовато-беловатый). Данное обстоятель-

ство косвенно указывало на отличающийся состав сплавов и раздельное изготовление звеньев. Это предварительное заключение проверялось указанным прибором.

Сначала тестировалась поверхность грызла первого (асимметричного) звена, покрытая патиной. Получены такие результаты: Cu (медь) — 97,19%; As (мышьяк) — 2,18%; Fe (железо) — 0,3%; Bi (висмут) — 0,23%; Pb (свинец) — 0,1%. Затем дважды в разных местах исследовался металл на основании стремеvidного окончания, где были удалены окислы: 1) Cu — 97,99%; As — 1,78%; Fe — 0,23%; 2) Cu — 98,04%; As — 1,88%; Fe — 0,08%. Полученные данные свидетельствуют о сплаве из мышьяковой меди. Для изучения участка на внутреннем кольце звена также производилось тестирование: сначала окисленной поверхности, а затем на участке с удаленной патиной. Последовательно выявлены следующие поэлементные ряды, которые аналогичны предыдущим:

- Cu — 96,88%; As — 2,67%; Bi — 0,21%; Fe — 0,17%; Pb — 0,07%;
- Cu — 98,48%; As — 1,43%; Fe — 0,09%.

Осуществленные исследования указывают, что звено полностью отлито из одного металла по утрачиваемой модели в двухсторонней форме.

Второе (симметричное) звено оказалось изготовлено из отличающегося металла. Тестирование окисленной поверхности дало такие результаты: Cu — 98,86%; As — 0,69%; Sn — 0,25%; Pb — 0,11%; Fe — 0,09%. Зачищенный участок основания стремеvidного окончания у выступов исследовался прибором дважды в разных местах. Получены следующие показатели: 1) Cu — 99,8%; Pb — 0,11%; Fe — 0,09%; 2) Cu — 99,9%; Pb — 0,1%. Эти данные свидетельствуют об изготовлении звена из меди (Cu). Незначительное количество свинца (Pb) указывает на рудную примесь. Зафиксированное содержание железа (Fe) во всех перечисленных случаях демонстрирует наличие остатков окислов.

В целом можно заключить, что изученный музейный экспонат является медным. Проведенные исследования позволяют сделать вывод об использовании так называемого аржано-черногоровского способа изготовления металлических удил, когда они отливались в два приема: сначала симметричное звено, а затем к нему присоединялась вторая асимметричная часть (Минасян, 1994, с. 157–158). В пользу данной реконструкции свидетельствует наличие хорошо выраженного валика на одном из внутренних соединительных колец (рис. 7–8). Детальное изучение аналогичных удил, найденных на Алтае, а также на сопредельных и удаленных территориях, позволит выявить определенные закономерности и особенности, которые будут полезными для культурно-хронологической идентификации обнаруженных изделий.

Список источников

Автушкова А.Л., Плахута Д.О. Памятники тасмолинской культуры на территории Новосибирской области (по материалам 2014–2017 гг.) // Российская археология. 2020. №2. С. 142–150.

Бородаев В.Д. Вакулихинский клад (Комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 56–73.

Ведянин С.Д., Тишкин А.А. Результаты археологической разведки в Романовском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. II. Барнаул, 1995. С. 204–208.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.: ил.

Минасян Р.С. Способы литья бронзовых удил в предскифское и скифское время // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 157–163.

Тишкин А.А., Филиппова О.Г. Бронзовое звено от удил из Кулунды: контекст находки и рентгенофлюоресцентный анализ // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул, 2023. С. 205–209. DOI: 10.14258/msarea.2023.3.42

Уманский А.П. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // Советская археология. 1970. №2. С. 169–179.

Шамшин А.Б. Новоалтайское поселение // Алтайский сборник. 1993. Вып. XVII. С. 70–82.

Информация об авторе / Information about the Author

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024
The article approved after reviewing 25.03.2024*

Научная статья / Article

УДК: 902.2

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.41

EDN: RKMPJX

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ ХУШУУН ДЭНЖ-04 (Центральная Монголия)

**Алексей Алексеевич Тишкин¹, Идэрхангай Тумур-Очир²,
Вадим Владимирович Горбунов¹, Эрдэнэпурэв Пурэвдорж¹,
Цэнд Дул¹, Энхзул Жаргалсайхан²**

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Монгольский национальный университет, Улаанбаатар, Монголия

Резюме. В 2023 г. были продолжены исследования на археологическом памятнике Хушуун дэнж-04, расположенном в Батцэнгэл сомоне Архангай аймака Монголии и состоящем из разновременных каменных сооружений. Основной задачей совместной монгольско-российской экспедиции являлось определение места расположения «оленных» камней, которые в раннем средневековье были использованы для строительства тюркских оградок. В результате удалось частично идентифицировать остатки мемориального ком-

плекса древних кочевников. Для дальнейшей его реконструкции необходимо проведение специальных работ. Кроме этого, осуществлялись раскопки трех жертвенников, которые оказались нарушены. Обнаружены лишь фрагменты от керамических сосудов. Результаты этих исследований детально демонстрируются в данной публикации.

Ключевые слова: Центральная Монголия, Хушуун дэнж-04, «оленные» камни, археологические раскопки, жертвенник, находки

Благодарности: экспедиция, научная обработка материалов и подготовка статьи осуществлялись при финансовой поддержке РФФИ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», руководитель А.А. Тишкин).

Для цитирования: Тишкин А.А., Идэрхангай Т.-О., Горбунов В.В., Эрдэнэпүрэв П., Цэнд Д., Энхзул Ж. Продолжение исследований на археологическом комплексе Хушуун дэнж-04 (Центральная Монголия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 267–274. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.41

CONTINUATION OF RESEARCH AT THE ARCHAEOLOGICAL SITE OF HUSHUUN DENZH-04 (Central Mongolia)

Alexey A. Tishkin¹, Iderkhangai Tumur-Ochir², Vadim V. Gorbunov, Erdenepurev Purevdorj¹, Tsen Dul¹, Enkhzul Jargalsaikhan²

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Mongol National University, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. In 2023, research continued at the archaeological site of Hushuun Denzh-04, located in Battsengel Somon of Arkhangai aimag of Mongolia and consisting of multi-temporal stone structures. The main task of the joint Mongolian-Russian expedition was to determine the location of “deer” stones, which in the early Middle Ages were used for the construction of Turkic fences. As a result, it was possible to partially identify the remains of the memorial complex of ancient nomads. For its further reconstruction it is necessary to carry out special works. In addition, three altars were excavated, which turned out to be disturbed. Only fragments of ceramic vessels were found. The results of these studies are demonstrated in detail in this publication.

Keywords: Central Mongolia, Hushuun Denzh-04, “deer” stones, archaeological excavations, altar, findings

Acknowledgments: expedition, scientific processing of materials and preparation of the article was supported financially by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”, supervisor A.A. Tishkin).

For citation: Tishkin A.A., Iderkhangai T.-O., Gorbunov V.V., Erdenepurev P., Tseng D., Enkhzul J. Continuation of Research at the Archaeological Site of Hushuun Denzh-04 (Central Mongolia). *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:267–274. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.41

В сентябре 2023 г. было продолжено изучение разновременного археологического комплекса Хушуун дэнж-04. Памятник находится в долине р. Улан-Чулутын-Гол (левый приток Орхона) к северу от центра Батцэнгэл сомона в Архангай аймаке. Это территория Центральной Монголии (рис. 1.-1). Ис-

следования проводились на основании разрешения, выданного Министерством культуры Монголии кандидату исторических наук, доценту Т.-О. Идэрхангаю. Основной задачей организованной монголо-русской экспедиции являлось выявление первоначального места расположения «оленных» камней, которые использовались в раннем средневековье для сооружения на месте памятника тюркских оградок. Материалы раскопок в 2014 г. одного из таких сооружений и некоторые изваяния древних кочевников опубликованы (Тишкин и др., 2015). Важность реализации указанной задачи заключалась в необходимости реконструкции разрушенного мемориального комплекса для его специального изучения. Такая работа была начата с дополнительного обследования и формирования плана памятника (рис. 1.-2), состоящего из херексура (№1), жертвенников, поминальников и плиточных могил (№2 и 3), а также из тюркских оградок (4), одна из которых уже раскопана. Затем осуществлялась фотограмметрия «оленных» камней. Результатам такого изучения будут посвящены отдельные публикации. Обнаруженное в ходе обследований основание еще одного ранее неизвестного древнего изваяния с частью сохранившегося изображения щита обозначило необходимость закладки раскопа вокруг него и на ближайшем участке, где выявлена верхняя часть этого же «оленного» камня с разнообразными изображениями (рис. 1.-2, в центре красный квадрат). Поблизости располагались отдельные куски разбитой центральной части стелы с выбитыми на ней изображениями. Особый сюрприз преподнесло исследование ямы, в которой располагалось основание изваяния. В процессе выборки заполнения обнаружены 34 каменные находки, среди которых основной место занимали орудия труда и приспособления, использовавшиеся древними мастерами в производственной деятельности (песты разных размеров, чашечки, оселки и др.). Часть изделий оказалась сломана. Этот клад является в Монголии самым первым крупным набором предметов, непосредственно связанным с мемориальным комплексом культуры херексуров и «оленных» камней. Подобные находки были обнаружены В.Д. Кубаревым (1979, с. 19–21, рис. 11) в Юго-Восточном Алтае на Юстыдском оленном комплексе. Зафиксированные на памятнике Хушуун дэнж-04 каменные изделия требуют детального изучения с привлечением геологов и специалистов-трасологов.

Кроме вышеуказанного, производились раскопки трех объектов, находившихся у херексура с восточной стороны (рис. 1.-2). Планировалось обнаружение костей лошадей. Однако там их не оказалось, но были найдены фрагменты от керамического сосуда (рис. 1.-3–8).

Выбранные для раскопок жертвенники образовывали ряд, ориентированный по линии Ю–С, с небольшим отклонением. Они представляли собой слабо задернованные каменные выкладки округлой формы, между которыми наблюдались отдельные более мелкие и крупные камни, расположенные без видимого порядка. Все эти объекты исследовались единым раскопом прямоугольной формы размерами 11×4 м (рис. 2; 3.-1). По его центру была оставлена бровка шириной 0,2 м.

Сначала производилось снятие дерна и гумуса до материка с внешней стороны конструкций с зачисткой камней, а затем осуществлялась внутрен-

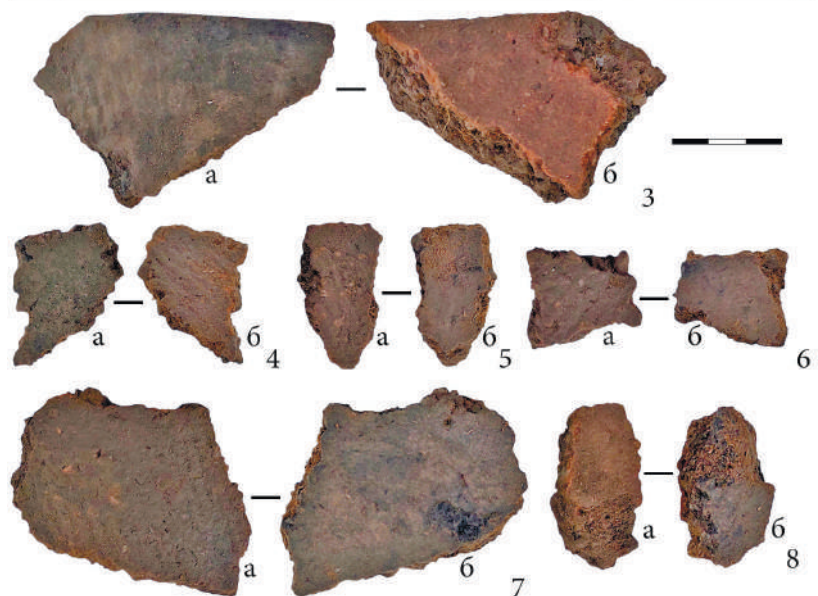
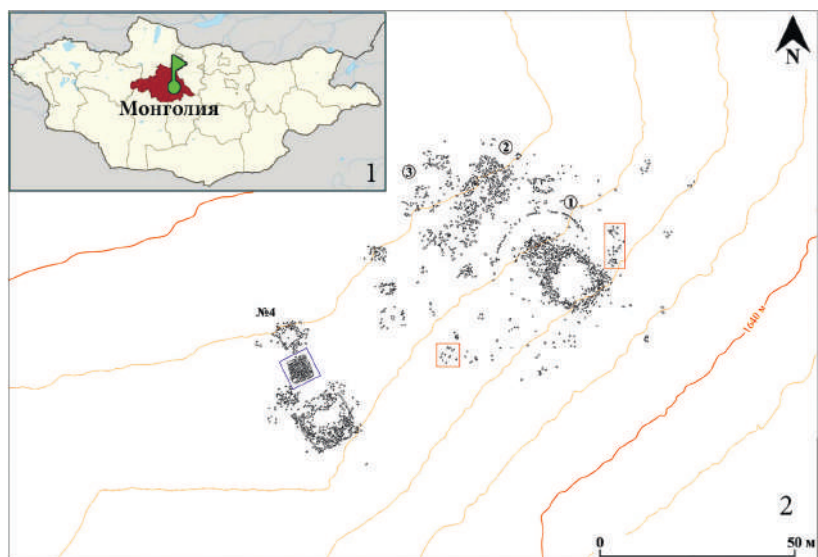

Рис. 1. Хушуун дэнж-04: 1 — место расположения археологического комплекса на карте-схеме; 2 — план памятника; 3 — керамические фрагменты
 Fig. 1. Hushuun Denzh-04: 1 — location of the archaeological complex on the map scheme; 2 — plan of the site; 3 — ceramic fragments

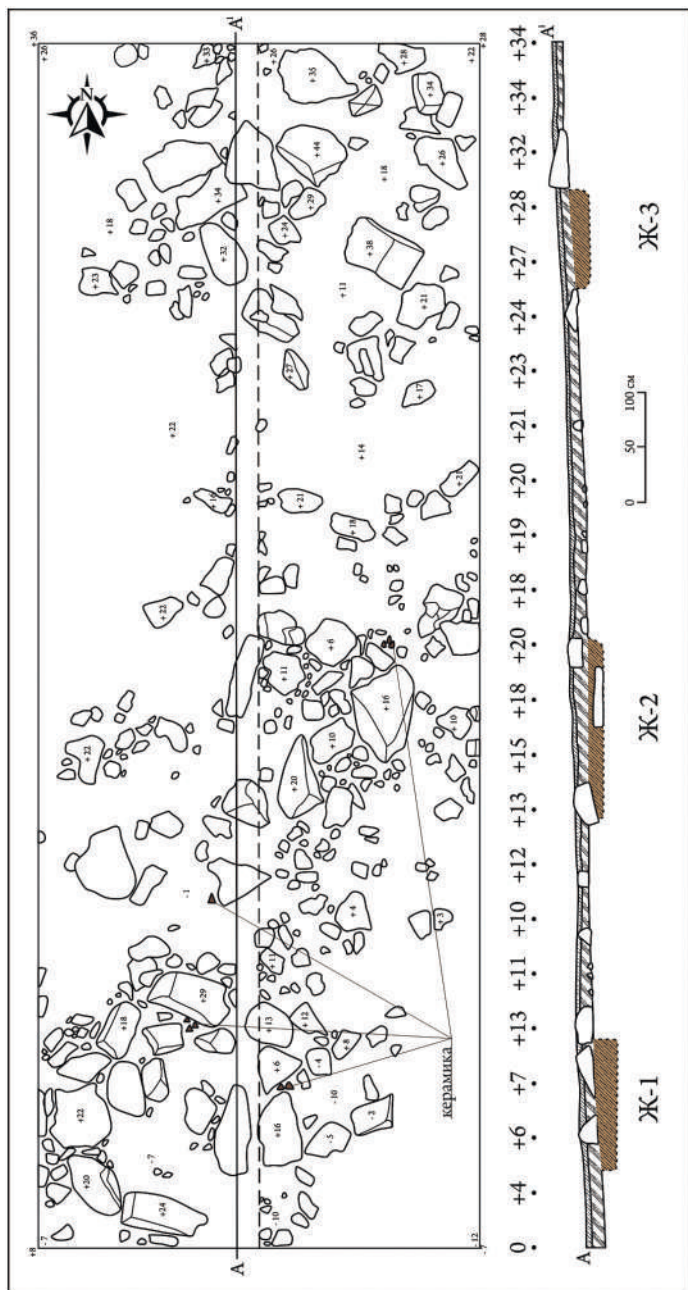

Рис. 2. Хушуун дэнж-04. Каменные сооружения (жертвенники). План и разрез раскопа
 Fig. 2. *Hushuun Denzh-04*. Stone structures (altars). Excavation plan and section

Рис. 3. Хушуун дэнж-04. Результаты исследований
каменных сооружений (жертвенников №1-3)

Fig. 3. Hushuun Denzh-04. Results of research into stone constructions (altars No.1-3)

ная выборка выкладок. Структура раскопа прослежена по разрезу А-А': длина — 11 м, глубина в точке А до материка — 0,16 м, в точке А' — 0,08 м. Разрез состоял из слоя дерна до 0,05 м и гумусированного слоя мощностью до 0,15 м, под которым шел материк. В разрезе зафиксированы три крепидных камня

от жертвенника №1 и его яма глубиной в материке до 0,2 м, два крепидных камня жертвенника №2 и его яма глубиной до 0,15 м, на дне которой лежал плоский камень, и два крепидных камня жертвенника-3 и его яма глубиной до 0,2 м, а также отдельные мелкие камни между этими выкладками.

Жертвенник №1 имел следующие GPS-координаты: N — 48°06'37.994''; E — 102°03'24.630'' (±2 м). Он располагается на высоте 1647 м от уровня моря. Исследованный объект представлял собой округлую каменную выкладку с крепидой из девяти крупных камней диаметром 2,5 м (рис. 2). С юго-востока в просматриваемом кольце имелся разрыв шириной 0,65 м (рис. 3.-2). В западной части объекта (с внешней стороны) между камнями крепиды найдены фрагменты керамики (рис. 1.-3-4; 2). Еще одно скопление керамики зафиксировано с внутренней стороны крепиды, на северной стороне (рис. 1.-5-6, 2). Один маловыразительный фрагмент керамики обнаружен на расстоянии 0,6 м к северу от выкладки. В центре ограды выбрана яма диаметром 1,2 м, глубиной 0,2 м (рис. 2; 3.-3).

Жертвенник №2 находился в 1,5 м севернее жертвенника-1 (рис. 2; 3.-1). Он представлял собой округлую каменную выкладку с крепидой из восьми крупных камней диаметром 2 м. С юго-запада в крепиде имелся разрыв шириной 0,5 м (рис. 2; 3.-4). В северо-западной части объекта (с внешней стороны) у крепиды найдено скопление керамики (рис. 1.-7-8). В центре ограды выбрана яма диаметром 1,6 м и глубиной 0,15 м (рис. 2; 3.-4).

Жертвенник №3 находился в 2 м севернее жертвенника-2 (рис. 2; 3.-1). Он представлял собой округлую каменную выкладку с крепидой из шести крупных камней диаметром 2 м. С северо-востока в крепиде имелся разрыв шириной 0,4 м, а с юго-востока — шириной 0,6 м. В центре ограды выбрана яма диаметром 0,9 м, глубиной 0,2 м (рис. 2; 3.-5).

К сожалению, исследованные сооружения оказались нарушены. Все обнаруженные фрагменты керамики (рис. 1.-3-8), по всей видимости, происходят от одной или двух емкостей, которые трудно идентифицировать в культурном и хронологическом плане. По крайней мере, в издании, посвященном изучению производства керамической посуды в Монголии (Монголын..., 2016), такие сосуды не опубликованы. Можно лишь предположить, что обнаруженные нами находки относятся к культуре плиточных могил, носители которой, возможно, и разрушили исследованные жертвенники. Об этом косвенно свидетельствуют находящиеся поблизости могилы указанной общности (рис. 1.-2). Части керамических сосудов с похожим орнаментом опубликованы А.Д. Цыбиктаровым (1998, рис. 90) в графическом исполнении.

Завершая краткий обзор некоторых экспедиционных результатов в Центральной Монголии, нужно указать, что еще была проделана работа по фотограмметрии большой серии «оленных» камней в рамках реализации проекта РНФ для формирования электронного каталога цифровых моделей изваяний древних кочевников.

Список источников

- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.: ил.
Монголын эртэй шавар сав (Ancient Ceramic Potteries of Mongolia). VI Боть / Эрхлэн хэвлүүлсэн Ц. Турбат. Улаанбаатар, 2016. 232 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Идэрхангай Т.-О., Серегин Н.Н. Исследование тюркской оградки на комплексе Хушуун дэнж-04 в Центральной Монголии // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №3.2 (87). С. 229–238. DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-36
Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998. 288 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Идэрхангай Тумур-Очир, Улаанбаатарский государственный университет, кафедра истории и археологии, старший преподаватель; 13343, Монголия, г. Улаанбаатар, ул. Лувсанцэвээн, 5-р хороо, Баянзурх район, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>, iderkhangai83@gmail.com

Iderkhangai Tumur-Ochir, Ulaanbaatar State University, Department of History and Archaeology, Lecturer; 13343, 5th khoroo, Bayanzurkh district, Luvsantseveen street, Ulaanbaatar, Mongolia, Doctor of Archaeology, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>, iderkhangai83@gmail.com

Вадим Владимирович Горбунов, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

Vadim V. Gorbunov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Docent, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

Эрдэнэпурэв Пурэвдорж, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, магистр истории, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>, eegiip48@gmail.com

Erdenepurev Purevdorj, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Master of History, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>, eegiip48@gmail.com

Цэнд Дул, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, магистр истории, <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>, dultsendee@gmail.com

Tsend Dul, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Master of History, <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>, dultsendee@gmail.com

Энхзул Жаргалсайхан, Монгольский национальный университет, Улаанбаатарский парк науки и технологий, кафедра технологии и инновации, магистрант; 13343, Монголия, г. Улаанбаатар, Баянзурх район, ул. Лувсанцэвээн, <https://orcid.org/0009-0009-3364-8165>, dukaz0221@gmail.com

Enkhzul Jargalsaikhan, Mongolian National University, Department of Technology and Innovation, Master's Student; 13343, Ulaanbaatar, Mongolia, Bayanzurkh district, street of Luvsantseveen, <https://orcid.org/0009-0009-3364-8165>, dukaz0221@gmail.com

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ БАБОЧКОВИДНЫХ ПОЯСНЫХ БЛЯХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н.С. ГУЛЯЕВА В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А.В. АНОХИНА

Алексей Алексеевич Тишкин¹, Сергей Михайлович Киреев²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

²*Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия*

Резюме. В Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск, Россия) хранится коллекция археологических находок известного барнаульского краеведа Николая Степановича Гуляева (1851–1918). В этом собрании имеются бабочковидные поясные бляхи, местонахождение которых пока достоверно не установлено. Такие изделия имели широкое распространение на территории Сибири и Внутренней Азии в раннем железном веке. В ходе планового изучения всей коллекции осуществлялся рентгенофлюоресцентный анализ предметов из цветного металла. Полученные результаты демонстрируют схожий сплав у всех блях, но он является необычным для древностей юга Западной Сибири, что обозначает проблему поиска места их изготовления. Главной особенностью стало существенное присутствие никеля среди других выявленных химических элементов.

Ключевые слова: Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, археологическая коллекция, Н.С. Гуляев, бабочковидные бляхи, рентгенофлюоресцентный анализ

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Тишкин А.А., Киреев С.М. Рентгенофлюоресцентный анализ бабочковидных поясных блях из коллекции Н.С. Гуляева в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 275–280. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.42

X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS OF BUTTERFLY-SHAPED BELT PLAQUES FROM THE COLLECTION OF N.S. GULYAEV IN THE FUNDS OF A.V. ANOKHIN NATIONAL MUSEUM OF THE ALTAI REPUBLIC

Alexey A. Tishkin¹, Sergey M. Kireev²

¹*Altai State University, Barnaul, Russia*

²*Anokhin National Museum of the Republic of Altai, Gorno-Altaysk, Russia*

Abstract. A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic (Gorno-Altaysk, Russia) holds a collection of archaeological finds of Nikolai Stepanovich Gulyaev (1851–1918), a famous local historian from Barnaul. This collection contains butterfly-shaped belt plaques, the location of which has not been reliably established yet. Such items were widespread in

Siberia and Inner Asia in the Early Iron Age. During the planned study of the entire collection, X-ray fluorescence analysis of the items made of non-ferrous metal was carried out. The obtained results show a similar alloy of all plaques, but it is unusual for antiquities of the south of Western Siberia, which indicates the problem of finding the place of their manufacture. The main feature was the significant presence of nickel among other identified chemical elements.

Keywords: A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic, archaeological collection, N.S. Gulyaev, butterfly-shaped plaques, X-ray fluorescence analysis

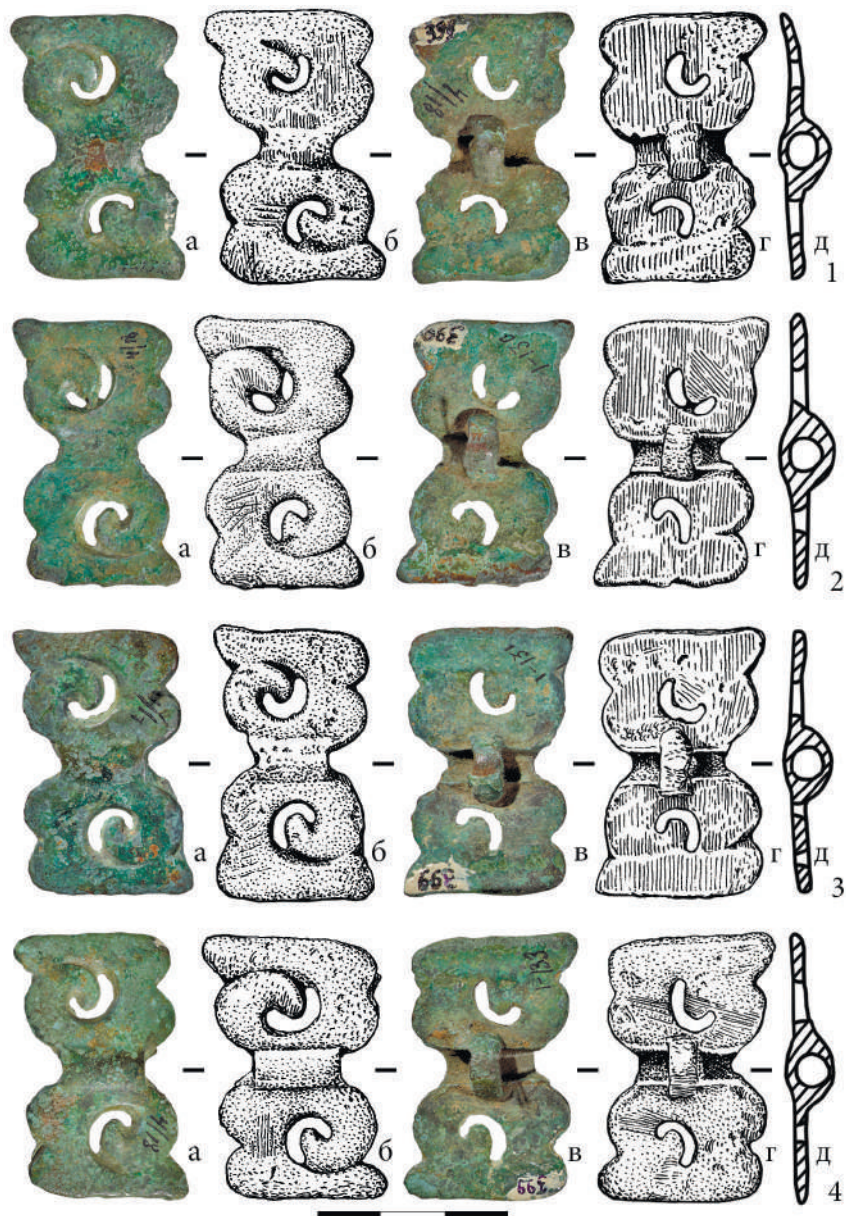
Acknowledgments: the work was carried out financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Tishkin A.A., Kireev S.M. X-ray Fluorescence Analysis of Butterfly-Shaped Belt Plaques from the Collection of N.S. Gulyaev in the Funds of A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX: 275–280. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.42

Известный барнаульский краевед Николай Степанович Гуляев (1851–1918) в течение ряда лет проводил сборы и раскопки на археологическом комплексе около с. Большая Речка (ныне с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края). Кроме этого, он сформировал из разных источников крупную археологическую коллекцию. В настоящее время эти материалы хранятся в фондах нескольких российских музеев (Тишкина, 2007). Они до сих пор полностью не введены в научный оборот. Довольно крупная часть собрания находится в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск, Россия). Она системно обрабатывается авторами статьи для подготовки к публикации. Среди археологических находок выделяются четыре бабочковидные поясные бляхи (рис.), которые стали предметом отдельного изучения, в том числе с применением портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000). Основная цель данной публикации — дать описание изделий и представить результаты существенного анализа металла для дальнейших комплексных исследований.

Все бляхи имеют один и тот же номер — 399 (КП/266). У них примерно схожий цвет. Поверхность покрыта темно-зеленой патиной и окислами. Размеры изделий относительно одинаковые. Отличия наблюдаются только в качестве отливки и последующей обработки. Поэтому при описании отметим лишь отдельные специфические моменты. Для удобства распознавания и осуществления рентгенофлуоресцентного анализа бляхи были пронумерованы (№1–4), учитывались также другие номера и обозначения. Размеры фиксировались электронным штангенциркулем.

Бляха №1 (рис.-1а–д). Длина изделия составляет 4,23 см (по центру). Ширина одного основания 2,5 см, другого — 2,6 см. Перемычка в центре бляхи имеет ширину 1,32 см и толщину 0,11 см. Длина петли, оформленной с обратной стороны, достигает 1,04 см (внешний размер). Ширина ее 0,55 см, высота 0,66 см, толщина до 0,2 см. Диаметр имеющегося отверстия около 0,5 см. Толщина одного «крыла» 0,19–0,2 см, другого — 0,19–0,21 см.

Бабочковидные поясные бляхи из коллекции Н.С. Гуляева
Butterfly-shaped belt plaques from the collection of N.S. Gulyaev

Бляха имеет две прорези в виде запятой, они повернуты в противоположные стороны. Есть небольшой недолив окончания знака у обеих запятых. С лицевой стороны по центру выделяется выпуклая полоса шириной в центре 0,72 см. Эта часть отражает оформление внутренней петли. На обратной стороне черной тушью, кроме цифры 399, имеется надпись 4/18 (рис.-1в). Судя по всему, у находки был старый номер 1-132, но такое обозначение нигде не просматривается.

Сначала указанным спектрометром тестировалась патинированная и окисленная поверхность бляхи №1. Получены следующие результаты: Cu (медь) — 87,9%; As (мышьяк) — 6,46%; Ni (никель) — 4,46%; Sb (сурьма) — 0,59%; Fe (железо) — 0,46%; Co (кобальт) — 0,08%; Pb (свинец) — 0,05%. Затем дважды в разных местах исследовался участок с обратной стороны, на котором удалялись окислы. Зафиксированы такие показатели химического состава:

— Cu — 92,18%; Ni — 4,53%; As — 3,12%; Fe — 0,1%; Co — 0,08%;

— Cu — 92,13%; Ni — 4,57%; As — 3,11%; Co — 0,07%; Fe — 0,06%; Pb — 0,06%.

Полученные данные свидетельствуют о необычном для Верхнего Приобья и Алтая сплаве на медной основе с заметным присутствием двух других элементов — никеля (Ni) и мышьяка (As).

Бляха №2 (рис.-2а-д). На лицевой стороне изделия (рис.-2а) имеется обозначение 4/18, а на обратной также черной тушью указан номер 1-130 (рис.-2в). Отличительной особенностью данной находки является перемычка у одного из отверстий в виде запятой (рис. 2а-д), образовавшаяся в ходе отливки и не удаленная. Длина бляхи по центру составляет 4,16 см. Ширина одного основания 2,47 см, а другого — 2,54 см. Ширина перемычки оказалась 1,26 см.

Тестирование прибором окисленной поверхности позволило получить следующие результаты: Cu — 84,43%; As — 8,48%; Ni — 5,8%; Sb — 0,6%; Fe — 0,52%; Co — 0,09%; Pb — 0,08%. Участок на обратной стороне изделия, где механическим путем были удалены окислы, исследовался дважды в разных местах. Зафиксированы такие поэлементные ряды:

— Cu — 91,42%; Ni — 4,71%; As — 3,11%; Sb — 0,54%; Fe — 0,08%; Co — 0,07%; Pb — 0,07%;

— Cu — 92,17%; Ni — 4,6%; As — 3,03%; Fe — 0,08%; Pb — 0,07%; Co — 0,06%.

Представленные показатели химического состава демонстрируют практическое сходство с данными о сплаве предыдущего тестирования бляхи №1.

Бляха №3 (рис.-3а-д). На лицевой стороне черной тушью указан номер 4/18 (рис.-3а), а на обратной стороне — 1-131 (рис.-3в). Длина изделия по центру составляет 4,22 см, ширина одного основания — 2,48 см, другого — 2,6 см. Ширина перемычки 1,32 см. Остальные параметры примерно такие же, как у блях №1 и 2.

Спектрометром сначала тестировалась патинированная и окисленная поверхность бляхи №3. Получены следующие результаты: Cu — 88,55%; As — 6,05%; Ni — 4,35%; Sb — 0,58%; Fe — 0,34%; Co — 0,07%; Pb — 0,06%. Затем дважды в разных местах исследовался участок с обратной стороны, на котором были удалены окислы. Зафиксированы такие показатели химического состава сплава:

— Cu — 92,15%; Ni — 4,5%; As — 3,14%; Fe — 0,08%; Co — 0,08%; Pb — 0,06%;
— Cu — 92,04%; Ni — 4,54%; As — 3,22%; Fe — 0,12%; Co — 0,08%.

Бляха №4 (рис.-4а-д). Длина изделия составляет 4,15 см, ширина одного основания 2,58 см, другого — 2,61 см. Ширина перемычки 1,4 см. На лицевой стороне тушью указано обозначение 4/18 (рис.-3а), а на обратной стороне — 1-133 (рис.-3в). Как и в предыдущем случае (бляха №3), прорезы у обеих запятых до конца не проработаны, и они остались частично залитыми металлом. Тестирование прибором окисленной поверхности позволило получить следующие результаты: Cu — 92,39%; As — 4,46%; Ni — 2,83%; Fe — 0,26%; Pb — 0,07%. Участок на обратной стороне изделия, где механическим путем были удалены окислы, исследовался дважды в разных местах. Зафиксированы такие поэлементные ряды:

— Cu — 91,7%; Ni — 4,53%; As — 3,1%; Sb — 0,48%; Fe — 0,11%; Co — 0,08%;
— Cu — 91,88%; Ni — 4,58%; As — 3,39%; Fe — 0,09%; Co — 0,07%.

Осуществленные исследования показали схожие размеры, оформление и химический состав всех четырех бабочковидных поясных блях (рис.). Данное обстоятельство позволяет заключить, что предметы изготовлены в одной мастерской и составляют единый комплект. Наиболее необычным является химический состав сплава, из которого они сделаны. Трудно представить, чтобы никель (Ni) и мышьяк (As) могли быть искусственными легирующими добавками. Вероятнее всего, эти два компонента содержались в качестве рудных примесей, как и другие выявленные элементы значительно меньшего содержания (сурьма, кобальт, свинец). Они могли выполнять роль естественных легирующих добавок. В любом случае указанный химический состав не характерен для изделий скифо-сакского времени, обнаруженных на Алтае и сопредельных территориях. Поэтому рассматриваемые бляхи можно было бы считать импортными. Однако пока неизвестно, как они попали в коллекцию Н.С. Гуляева. Для решения имеющихся проблем потребуются дополнительные исследования. Не стоит исключать возможную миграцию населения с территории Северного Китая. Обнаруженные бабочковидные поясные бляхи с Верхнего Приобья и Тувы рассматривались М.Е. Килуновской и Я.В. Фроловым (2020, с. 128–131, рис. 1) в культурно-хронологическом плане. Поэтому на данном вопросе нет смысла останавливаться. Но стоит отметить необходимость осуществления рентгенофлюоресцентного анализа всех находок указанной категории предметов, сделанных из цветного металла, учитывая их археологический контекст.

Список источников

Килуновская М.Е., Фролов Я.В. Сравнительный анализ украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда. М., 2020. С. 126–138.

Тишкина Т.В. Археологические коллекции Н.С. Гуляева в собраниях музеев России // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2007. №4/2. С. 152–156.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Сергей Михайлович Киреев, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, старший научный сотрудник; 659000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. П.И. Чорос-Гуркина, 46, <https://orcid.org/0000-0001-6850-6647>, kireevsm2013@yandex.ru

Sergey Mikhailovich Kireev, National Museum of Altai Republic A.V. Anokhin, Research Associate; 649000, Gorno-Altai, Altai Republic, Russia, Choros-Gurkin street, 46, <https://orcid.org/0000-0001-6850-6647>, kireevsm2013@yandex.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 903.222

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.43

EDN: RNONMV

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «КАМЕШОК-1, ПОСЕЛЕНИЕ»

**Алексей Алексеевич Тишкин, Ольга Сергеевна Лихачева,
Владимир Петрович Семибратов**

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассматривается ситуация, ставшая уже серьезнейшей проблемой для объектов археологического наследия в России, когда фиксируются разрушения и выборка находок, которые массово осуществляют «черные копатели» с металлоискателями. Весной 2022 г. местный житель с. Новиково Бийского района Алтайского края извлек из культурного слоя поселения Камешок-1 48 древних изделий. Благодаря деятельности правоохранительных органов удалось изъять наконечники стрел, изготовленные из цветного металла. Эти предметы были переданы для экспертизы и изучения специалистам Алтайского государственного университета. Публикуются результаты, полученные при первичном исследовании. Данная коллекция, ныне хранящаяся в Алтайском государственном краеведческом музее (г. Барнаул), требует дальнейшего научного анализа и детальной культурно-хронологической идентификации. Важно провести раскопки на памятнике для установления археологического контекста важного комплекса находок.

Ключевые слова: Алтайский край, древнее поселение Камешок-1, объект археологического наследия, «черные копатели», наконечники стрел

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Тишкин А.А., Лихачева О.С., Семибратов В.П. Наконечники стрел из объекта культурного наследия федерального значения «Камешок-1, поселение» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 280–287. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.43

ARROWHEADS FROM THE CULTURAL HERITAGE SITE OF FEDERAL SIGNIFICANCE “KAMESHOK-1 SETTLEMENT”

Alexey A. Tishkin, Olga S. Likhacheva, Vladimir P. Semibratov
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article considers the situation, which has already become a serious problem for archaeological heritage sites in Russia, related to the destruction and selection of finds which are massively carried out by “black diggers” with metal detectors. In the spring of 2022, a local resident of the Novikovo village of the Biyskiy district of Altai Krai extracted 48 ancient items from the cultural layer of the Kameshok-1 settlement. Thanks to the activities of law enforcement agencies, it was possible to find the arrowheads made of non-ferrous metal. These items were handed over for examination and study to the specialists of Altai State University. The results obtained during the initial study are published. This collection, now stored in the Altai State Museum of Local Lore (Barnaul), requires further scientific analysis and detailed cultural and chronological identification. It is important to excavate the site to establish the archaeological context of an important set of finds.

Keywords: Altai Krai, ancient settlement Kameshok-1, archaeological heritage site, “black diggers”, arrowheads

Acknowledgments: the work was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Tishkin A.A., Likhacheva O.S., Semibratov V.P. Arrowheads from the Cultural Heritage Site of Federal Significance “Kameshok-1 Settlement”. *Sokhranenie i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and study of the cultural heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:280–287. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.43

Весной 2022 г. местным жителем с. Новиково (Бийский район, Алтайский край), не имеющим специального разрешения (Открытого листа) на проведение археологических исследований, с использованием современного металлодетектора осуществлено изъятие из культурного слоя древнего поселения Камешок-1 48 изделий (рис. 1 и 2). Информация о незаконных раскопках была доведена до правоохранительных органов. По признакам преступления (п. «а» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ) обозначилась необходимость возбуждения уголовного дела. В ходе проведения оперативных мероприятий у «черного копателя» и местных жителей собран лишь 21 археологический артефакт. О других находках мы можем судить по фотоснимку (рис. 2). Древние изделия были обнаружены на компактном участке площадью 1,5×1,5 м с глубины 0,1–0,15 м (рис. 1.-2–4). Назначенная судебная экспертиза проводилась сотрудниками Алтайского государственного университета. По ее результатам представлена публикация полученных материалов. Было установлено, что незаконно добытые предметы происходят из объекта культурного

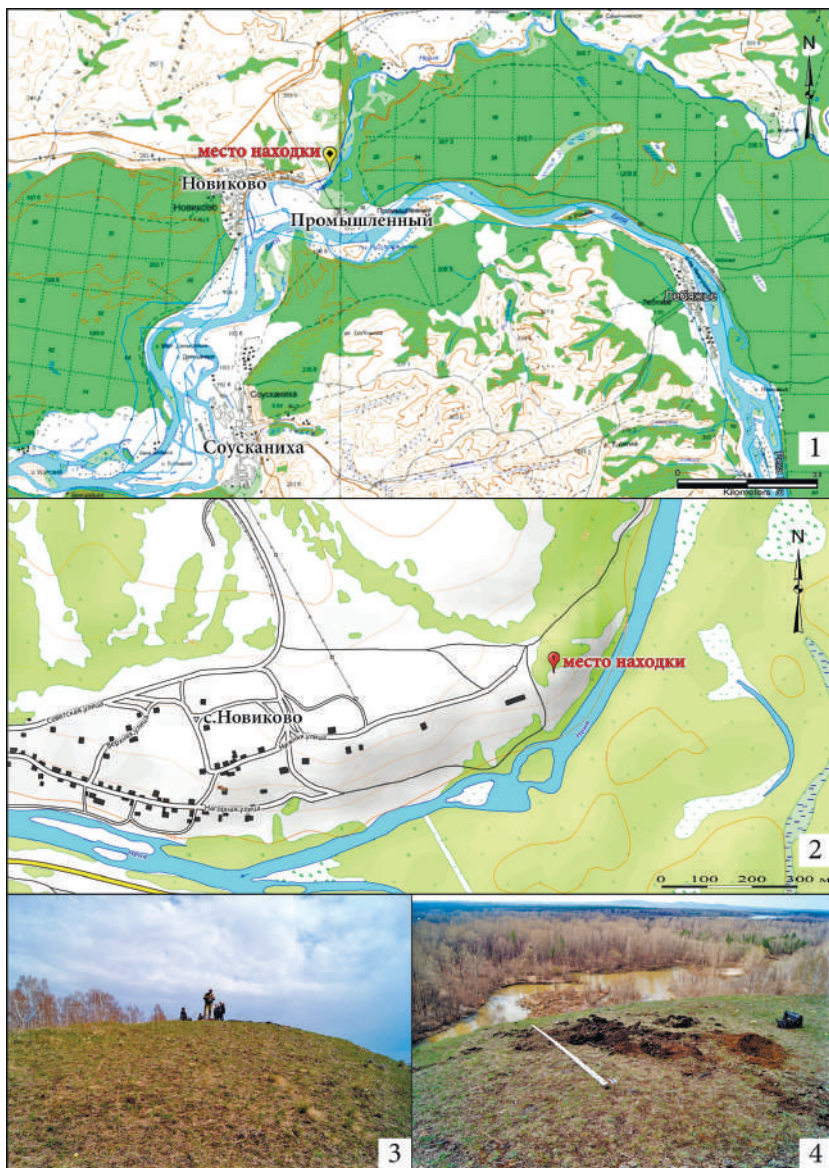

Рис. 1. Поселение Камешок-1 на карте-схеме (1, 2) и место деятельности «черного копателя» (3, 4)
 Fig. 1. Settlement Kameshok-1 on the map scheme (1, 2) and the place of activity of the “black digger” (3, 4)

наследия федерального значения «Камешок-1, поселение». Подобная ситуация уже имела место в Заринском районе Алтайского края, когда состоялось незаконная выемка раннесредневековых изделий, обнаруженных с помощью металлодетектора (Тишкин, 2021).

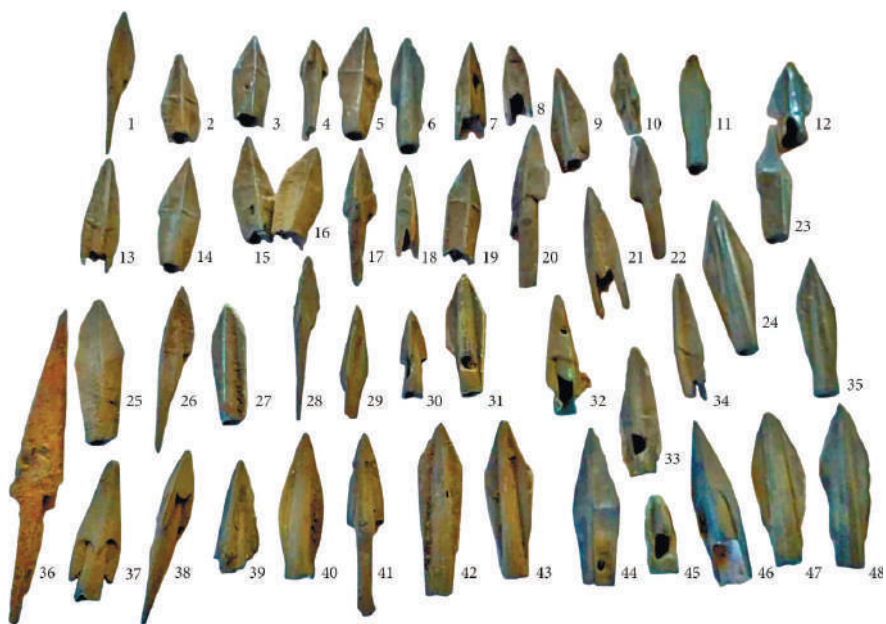

Рис. 2. Находки из культурного слоя поселения Камешок-1
Fig. 2. Finds from the cultural layer of the Kameshok-1 settlement

Археологический памятник Камешок-1 располагается в отрогах Салаирского кряжа на северо-восточном склоне горы Камешок, на правом берегу р. Неня (рис. 1.-1-2), в 200 м северо-восточнее окраины с. Новиково (Бийский район, Алтайский край), и хорошо известен специалистам. Он был открыт в 1964 г. Б.Х. Кадиковым и Б.И. Лапшиным (Лапшин, 1980, с. 10). В середине 1960-х гг. Б.Х. Кадиков заложил там три шурфа, в которых обнаружены фрагменты керамики и каменные изделия. Кроме этого, в осыпях берега реки собрана небольшая археологическая коллекция, которая хранится в Бийском краеведческом музее им. В. Бианки (кол. №209). Среди находок оказался бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы (Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 100, рис. 18.-2). Он типологически и хронологически близок аналогичным предметам, которые оказались добытыми в результате незаконных работ 2022 г. на указанном археологическом памятнике.

В последующее время на территории поселения Камешок-1 неоднократно проводились полевые исследования. В 1988 г. А.Л. Кунгуров там заложил

раскоп (площадью 10 кв. м), прирезав его к шурфу Б.Х. Кадикова. В 1998 г. М.М. Маркин далее продолжил раскопки на площади 64 кв. м. В результате были выделены четыре культурных горизонта периода палеолита, а также слой эпохи бронзы и раннего железного века (Кунгуров, Маркин 2001; Маркин, Платонова, Семибратов 2001). Еще 48 кв. м культурного слоя памятника вскрыто в 1998 г. на склоне горы Камешок, где зафиксированы материалы большемысской культуры, залежавшие на коре выветривания (Кирюшин, Шмидт, 1999). Кратко перечисленные результаты теперь дополнены наконечниками стрел раннескифского времени из цветного металла и одного железного изделия. Их описание представлено ниже. Стоит указать, что все они исследовались с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра. Полученные определения химического состава сплавов планируется опубликовать отдельно из-за ограниченного объема данной статьи.

1. Наконечник втульчатого способа насада, втулка скрытая, край ее неровный из-за неаккуратной отливки (рис. 2.-5). Перо ромбовидное в поперечном сечении. Абрис симметрично-ромбический (наибольшее расширение приходится на центр). Хорошо выделены лезвия, читаются литейные швы. На одной из сторон имеется брак в виде подовальной формы отверстия. Общая длина 4,1 см. Длина пера 4,1 см, ширина его 1,3 см, толщина 0,7 см. Диаметр втулки 0,6 см, глубина 1,5 см.

2. Изделие имеет втульчатый способ насада, скрытую втулку и симметрично-ромбический абрис, проступающие литейные швы (рис. 2.-15). На одном из лезвий отмечен небольшой скол, с одной из сторон есть овальное отверстие — литейный брак. Край втулки также имеет несколько дефектов. Размеры: общая длина — 3,7 см; перо — 3,7×1,3×0,7 см; втулка — 0,6×2,3 см.

3. Следующий экземпляр также обладает схожим набором признаков: втульчатый способ насада, скрытая втулка, симметрично-ромбический абрис, проступающие литейные швы (рис. 2.-10). Наконечник отлит неаккуратно — края неровные, с одной из сторон большое отверстие, имеющее форму полукруга. Размеры: общая длина — 3,7 см; перо — 3,7×1×0,7 см; втулка — 0,6×1,5 см.

4. Наконечник втульчатого способа насада, втулка выступающая, ее край неровный, со сколами и «заусенцами» (рис. 2.-47). Перо двухлопастное в сечении, асимметрично-листовидного абриса (наибольшее расширение приходится на нижнюю треть), на его окончании имеется небольшой дефект. На втулке с одной из сторон проходит тонкий литейный шов и имеется овальное отверстие — литейный брак. Размеры: общая длина — 4,1 см; перо: длина — 3,3 см, ширина — 1,3 см, толщина — 0,5 см; втулка: длина — 0,8 см, диаметр — 0,6 см, глубина — 2 см.

5. Этот экземпляр по ряду признаков аналогичен предыдущему: он втульчатый, втулка выступающая, перо двухлопастное в сечении (рис. 2.-48). Боевая часть отличается по абрису: он симметрично-листовидный (наибольшее расширение находится ближе к центру). Верхняя часть пера сильно повреждена — лопасти пера обломаны. Втулка незначительно расширяется в нижней части, по ней проходят тонкие литейные швы, на одной из сто-

рон овальное отверстие — литейный брак. Размеры: общая длина — 4,6 см; перо — 3,5×1,3×0,6 см; втулка — 1,1×0,6×1,2 см.

6. Наконечник втульчатого способа насада, втулка скрытая (рис. 2.-7). Сечение трехгранно-трехлопастное: в верхней части перо имеет сечение, близкое равнобедренному треугольнику, в нижней части поперечное сечение представляет собой трехлучевую звезду. Абрис пера килевидный (на ассоциативном уровне напоминает киль корабля — сначала стороны идут параллельно, а к окончанию сходятся). Наконечник имеет шипы, которые являются опущенными вниз лопастями. С одной из сторон — большое отверстие (литейный брак). Размеры: общая длина — 3,7 см; перо — 3,1×0,8×0,9 см; втулка — 0,7×0,6 см.

7. Наконечник втульчатого способа насада, втулка выступающая (рис. 2.-39). Перо трехлопастное в сечении, треугольного абриса. Хорошо читаются лезвия. На одной из сторон втулки горизонтальное отверстие — литейный брак. Размеры: общая длина — 3,1 см; перо: 2,7×1×0,9 см; втулка — 0,4×0,6×1,5 см.

8. Наконечник черешкового способа насада (рис. 1.-1). Черешок уплощенный, слегка подовальной формы. Перо трехлопастное в сечении, килевидного абриса. Лезвия изделия хорошо читаются, но отлиты неровно. Размеры: общая длина — 5,7 см; перо — 2,7×0,9×0,8 см; черешок: длина — 3 см, ширина — 0,6 см, толщина — 0,3 см.

9. Изделие аналогично по набору признаков предыдущему: черешкового способа насада, с трехлопастным пером, на котором хорошо читаются лезвия (рис. 2.-22). К отличительным чертам можно отнести: треугольный абрис пера, наличие небольших шипов, образованных лопастями. Общая форма черешка вытянуто-прямоугольная, часть его обломлена. Размеры: общая длина — 4,1 см; перо — 2,1×0,9×0,8 см; черешок — 2×0,5×0,4 см.

10. Наконечник втульчатого способа насада, втулка выступающая (рис. 2.-43). Перо двухлопастное в сечении. Абрис боевой части, вероятно, асимметрично-ромбический (из-за сильно поврежденного края он читается плохо). По втулке проходит с обеих сторон тонкий литейный шов. Размеры: общая длина — 4,7 см; перо — 3,8×1,3×0,6 см; втулка — 0,8×0,6×0,5 см.

11. Наконечник представляет собой уникальный образец. Он изготовлен из двух наконечников: черешкового и втульчатого (рис. 2.-20). Низ изделия включает черешок и часть двухлопастного пера, от которого сохранилась одна лопасть с шипом. Поверх него на втулку надет наконечник с ромбическим в сечении пером треугольного абриса. Размеры: общая длина — 5,9 см; перо — 3,8×1,1×0,6 см; черешок — 2,1×0,6×0,3 см.

12. Наконечник втульчатого способа насада, втулка выступающая (рис. 2.-11). Перо двухлопастное в сечении. Абрис боевой части листовидный. Лезвия сильно повреждены, имеют многочисленные сколы. По втулке проходит с одной из сторон тонкий литейный шов. Размеры: общая длина — 4,3 см; перо: длина — 3,4 см, ширина — 1,2 см, толщина — 0,5 см; втулка: длина — 0,7 см, диаметр — 0,5 см.

13. Наконечник втульчатого способа насада, втулка скрытая (рис. 2.-14). Перо ромбовидное в поперечном сечении с симметрично-ромбическим абрисом. Хорошо читаются литейные швы. Размеры: общая длина — 4 см; перо: длина — 4 см, ширина — 1,3 см, толщина — 0,6 см; втулка: диаметр — 0,8 см.

14. Изделие аналогично предыдущему экземпляру (рис. 2.-16), имеет втульчатый способ насада, скрытую втулку, ромбическое сечение и симметрично-ромбический абрис, проступающие литейные швы. Край втулки неровный. Размеры: общая длина — 3,5 см; перо — 3,5×1,3×0,6 см; втулка — 0,9 см.

15. Наконечник черешкового способа насада (рис. 2.-17). Перо трехлопастное в сечении, треугольного абриса. Лезвия изделия хорошо читаются. Размеры: общая длина — 4,5 см; перо — 2,1×1,1×0,8 см; черешок: длина — 2,4 см, ширина — 1 см, толщина — 0,9 см.

16. Образец втульчатого способа насада, втулка выступающая (рис. 2.-35). Перо двухлопастное в сечении, симметрично-ромбического абриса (наибольшее расширение приходится на центральную часть). Лезвия сильно повреждены, имеют многочисленные сколы. По втулке с обеих сторон проходят тонкие литейные швы, в одном месте брак, представляющий собой неровное отверстие. Размеры: общая длина — 4,3 см; перо — 3,7×1,2×0,5 см; втулка — 0,7×0,6 см.

17. Наконечник втульчатого способа насада со скрытой втулкой (рис. 2.-19). Край последней отлит неровно. Перо ромбовидное в поперечном сечении и с симметрично-ромбическим абрисом. Хорошо прослеживаются литейные швы. На одной из сторон небольшое овальное отверстие. Размеры: общая длина — 3,8 см; перо — 3,8×1,2×0,5 см; втулка — 0,7 см.

18. Экземпляр по набору признаков аналогичен предыдущему (рис. 2.-2). К индивидуальным особенностям можно отнести наличие значительного дефекта по краю втулки. Размеры: общая длина — 3,5 см; перо — 3,5×1,2×0,5 см; втулка — 0,7 см.

19. Наконечник с черешковым способом насада (рис. 2.-28). Перо трехгранно-трехлопастное в сечении, с килевидным абрисом. Размеры: общая длина — 4,5 см; перо — 1,8×0,8×0,8 см; черешок — 2,7×0,4×0,2 см.

20. Наконечник втульчатого способа насада со скрытой втулкой (ее диаметр 0,7 см). Перо и сечение ромбические (рис. 2.-9). Размеры: 4,4×1,9×0,5 см.

21. Железное изделие с черешковым способом насада (рис. 2.-36). Перо однолопастное, уплощенное в сечении, подтреугольного абриса. С одной из сторон на стыке черешка и пера имеются небольшие пропилы. Размеры: общая длина — 9,3 см; перо — 6×1,9×0,2 см; черешок — 3,7×0,6×0,3 см. Происхождение данной находки не выяснено. Вероятнее всего, она не относится к выше описанному комплексу бронзовых наконечников стрел, датировка которых может рассматриваться в рамках VIII–VI вв. до н.э.

Представленная коллекция, переданная по решению суда в Алтайский государственный краеведческий музей, ближайšie аналогии находит в материалах из поселения Боровое-III (Тишкин, Кунгуров, Лихачева, 2014). Предстоит дальнейшее ее изучение.

В заключение стоит отметить, что факты слаженной деятельности управления государственной охраны объектов культурного наследия, правоохрани-

тельных органов и специалистов-археологов в определенной мере стабилизировали ситуацию в Алтайском крае. Однако еще есть над чем работать.

Список источников

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 100–115.

Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В. Новое большемыское поселение Камешок-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул, 1999. С. 72–74.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Каменные индустрии многослойного памятника Камешок-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 3–7.

Маркин М.М., Платонова С.Г., Семибратов В.П. Комплекс памятников эпохи камня горы Камешок (южные отроги Салаирского кряжа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 8–12.

Лапшин Б.И. История исследования алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1980. С. 3–17.

Тишкин А.А. Комплект железных изделий периода раннего Средневековья из Заринского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2021. Вып. XXVII. С. 303–310. DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.46

Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Лихачева О.С. Рентгенофлюоресцентный анализ металлических наконечников стрел аржано-майэмирского времени с поселения Боровое-III (Верхнее Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 96–109. DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-07

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Ольга Сергеевна Лихачева, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, старший преподаватель; 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>, lihaolga@yandex.ru

Olga S. Likhacheva, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Senior Lecturer; 656049, Russia, Barnaul, Demitrova str., 66, Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>, lihaolga@yandex.ru

Владимир Петрович Семибратов, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, старший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, svp9039116217@mail.ru

Vladimir P. Semibratov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Senior Researcher; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Candidate of History, Professor, svp9039116217@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ГОРОДА ОШ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Рахима Тохтоназаровна Умарова

*Кыргызско-Узбекский Международный университет
имени Батыралы Сыдыкова, Ош, Республика Кыргызстан*

Резюме. Статья посвящена исследованию археологических памятников г. Ош и его окрестностей на Великом шелковом пути, так как сейчас из-за развития строительства разных объектов многие памятники исчезают навсегда. В настоящее время, когда народы многих стран мира стремятся изучать корни своей истории, причастность к мировой культуре, представляется актуальной разработка широкого комплекса научных исследований в области истории социально-экономических связей. Немаловажное значение в составе этих связей приобретали государства, находившиеся на территории Средней Азии.

Ключевые слова: памятники, археологический, окрестность, Великий шелковый путь, исчезают, развитие, стремится, актуальность, Средняя Азия

Для цитирования: Умарова Р.Т. Археологические исследования памятников города Ош и его окрестностей на Великом шелковом пути // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 288–292. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.44

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH INTO THE SITES SURROUNDING THE OSH CITY AND ITS SUBURBS ON THE SILK ROAD

Rakhima T. Umarova

*Kyrgyz-Uzbek International University Named after Batyraly Sydykov,
Osh, Republic of Kyrgyzstan*

Abstract. The article considers archaeological the sites surrounding the city of Osh and its suburbs on the Great Silk Way, which were researched by various archeologists. At present, when the peoples of many countries around the world strive to study the roots of their history and involvement in world culture, it seems relevant to develop a wide range of scientific research in the field of the history of socio-economic relations. The states located on the territory of Central Asia acquired considerable importance in the composition of these relations.

Keywords: sites, archaeological, suburbs, great Silk Road, disappear, development, intent, actual, Middle Asia

For citations: Umarova R. T. Archeological Research into the Sites Surrounding the Osh City and Its Suburbs on the Silk Road. *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai.* 2024;XXX:288–292. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.44

В истории каждого государства большую роль играли городские центры, где концентрировался культурный и интеллектуальный потенциал, они становились проводниками и символами прогресса. Развитие общества, возникновение государств, формирование городов, проходившие в различных географических, природно-климатических условиях с неравномерными запасами сырьевых ресурсов, с ранних эпох способствовали развитию обмена. Развернутое изучение памятников археологии открывает огромные научные и общественные перспективы. Археологическое изучение памятников г. Ош и его окрестностей даст огромный материал для выяснения развития ремесла, торговли, архитектуры (Аманбаева, Абдуллоев, 1999).

Ош — вторая столица Кыргызстана, административный, культурный и интеллектуальный центр страны. Он расположен на юго-восточной окраине Ферганской долины, у северного подножья Памиро-Алая, на берегах горной реки Ак-Бууры (Аманбаева, Абдуллоев, 2000).

История г. Ош уходит своими корнями в далекое прошлое. Об этом свидетельствуют археологические находки, памятники истории и культуры, сохранившиеся до наших дней. Кроме того, через Ош проходил Великий Шелковый путь из Китая в Среднюю Азию, на Ближний Восток и дальше в Европу, благоприятствующий длительным и интенсивным культурно-экономическим взаимосвязям между многими странами.

Памятники археологии г. Ош и его окрестностей изучались в разные годы А.Н. Бернштамом (Заднепровский, 1997).

Ош в IX–X вв., по сообщениям арабских и персидских географов, был важным центром и считался третьим по величине городом Ферганы.

Географы описывали г. Ош с царским дворцом и тюрьмой, Шахристаном, собственно городом и пригородом-рабатом. С того времени территория города Ош не изменилась, все описанные географами структуры и строения погребены под современными постройками, и только случайные находки, главным образом керамическая посуда и кирпич, свидетельствуют о значительной обжитой территории.

Не только город Ош, но и его окрестности богаты памятниками археологии, изучение которых очень важно (Бернштам, 1956).

К сожалению, многие памятники археологии г. Ош и его окрестностей, относящиеся к разным периодам, сейчас разрушаются, так как их используют под кладбища, под строительство домов, распахивают под посев сельскохозяйственных культур.

Поэтому авторы вынуждены были провести разъяснительную работу среди населения и в учреждениях местного самоуправления о важности сохранения исторических памятников.

Нами было зафиксировано семь археологических памятников, которые до сих пор были неизвестны науке. Они относятся к ранним периодам: от середины I тыс. до н.э. до начала XIII в. Памятники эти следующие: Беш-чокки, Джума-эчки, Бостон-добо, Джанат-добо, Безымянное-добо, Ак-тилек, Уч-добо.

1. Беш-чокки — I–VI вв. н.э.
2. Джума-эчки — IV–VIII вв. н.э.
3. Бостон-добо — I — начало XIII в.
4. Джанат-добо — IV — начало XIII в.
5. Безымянное-добо (новый автовокзал г. Ош) — IX–XVII вв.
6. Поселение Ак-Тилек — II в. до н.э. — VIII в. н.э.
7. Уч-добо — IV — начало XIII в.

Цель работы. Исследование памятников археологии г. Ош и его окрестностей имеет огромное значение для выяснения многих проблемных вопросов истории, экономики, культуры и религии не только Юга Кыргызстана, всей Ферганской долины, но и в целом Центральной Азии периода древности и средневековья.

Найденные археологические материалы будут использованы историками при написании обобщающих трудов по археологии Кыргызстана, а археологические находки будут передаваться в музей г. Ош и КУМУ, как уникальные частицы материального и культурного наследия.

Исследовав археологические памятники, пришли к следующим выводам.

1. Территория г. Ош и его окрестностей с древности была заселена жителями, так как ими было оставлено огромное количество предметов материальной и духовной культуры. Уникальными являются памятники Бостон-добо и Джума-эчки, материалы которых относятся к началу I в. н.э.

2. Обнаруженные остатки гончарных печей на Учдепе показывают, что в г. Ош в средние века было высоко развито гончарное дело, даже изготавливался определенный вид продукции, свидетельствующий о существовании специальных мастерских по выпуску керамических тандыров, кувшинов и котлов. В то время такую возможность имели только крупные города Средней Азии, такие как Самарканд, Ташкент, Ахсикент и Кува.

3. Найденная на Учдепе в г. Ош чернильница свидетельствует о развитии письменности и грамотности среди населения г. Ош в период утверждения ислама в Ферганской долине.

4. Огромное количество керамических изделий, найденных в Оше, свидетельствует о развитии гончарного ремесла в XV–XVI вв., а их качественное цветное оформление свидетельствует о том, что они были изготовлены для рынка.

5. Судя по находкам монет периода Саманидов, Караханидов и Тимуридов, в г. Ош и его окрестностях в IX–XII вв. было развито денежное обращение.

6. В г. Ош и его окрестностях также был налажен выпуск не только керамических, но и стеклянных изделий начиная с раннего средневековья, о чем свидетельствуют повсеместные их находки, относящиеся к разным периодам.

7. Уникальна находка из Безымянного-добе, около нового автовокзала на северо-востоке г. Ош, где сейчас расположено кладбище. В ходе раскопа могильной ямы были обнаружены на глубине 2,5 м керамические изделия. Среди находок уникальным является керамическое блюдо XVII в. огромного размера: высотой 46, шириной 44 см. В центре его, окруженное, голубыми

и коричневыми линиями, находится «древо жизни», или «мировое дерево», — мотив, уходящий корнями в глубокую древность. На Востоке этот мотив известен с зарождением оседло-земледельческой культуры. Общеизвестно его символическое значение, связанное с темой плодородия, производящих сил природы. Следует отметить, что изображение «древа жизни» широко использовалось в декоре разных видов памятников в Средней Азии в эпоху античности и средневековья.

В г. Ош и его окрестностях найдены единичные монеты и клады медных монет Саманидов, Караханидов и Темуридов. За последние годы зарегистрированы нами находки медной монеты, выпущенной в подражании монетам Гелиокла, другая, серебряная монета, относящаяся к так называемым бухархудатским, с арабской надписью ал-Махди, была обнаружена во время строительства дома по улице Ашхабадской г. Ош (Нуридинова, 1998).

В ходе исследования памятника Уч-добо были найдены две медные монеты: одна выбита от имени арабского эмира, имя стерто, а вторая — саманидская, IX в. До этого местными жителями случайно были найдены на памятнике Уч-добо два клада медных монет. В одном кладе 10 монет, а в другом — девять. На одной из монет нам удалось прочесть имя саманидского эмира Нуха II ибн Мансура, который правил с 976 по 997 г. Также в составе клада имеется монета караханидов. Монеты саманидов встречались в городе Ош и раньше. Так, клад, состоявший из монет саманидов, был найден в 1984 г. на территории Оша. Он состоял из 60–70 экземпляров, из которых 35 экземпляров были изучены известным нумизматом Б.Д. Кочевым. Все они чеканились в Ферганском городе Насрабаде в 950–953 г. Отдельные ранние находки с той же территории представлены несколькими саманидскими медными монетами Ахсикента и Ферганы 965–978 г. Эти факты позволяют допустить версию, что в IX в. Ош был обычным городом, и только в X в. он стал достаточно значительным торгово-экономическим центром. Клад монет Улугбека, найденный в городе, имеет большое значение для денежного обращения XV в. Судя по коллекции музея г. Ош, эта находка не первая, в разные годы были найдены также монеты Амира Темура и темуридов. Монеты, найденные в городе Ош и его окрестностях, представляют большой интерес для выяснения денежного обращения, торговых связей края в эпоху средневековья (Нуридинова, 2000).

Таким образом, мы считаем, что археологические находки за последние годы являются уникальными и помогут в изучении многих проблемных вопросов материальной и духовной культуры не только народов Кыргызстана, но в целом Центральной Азии. Кроме того, находки авторов будут ценным украшением экспозиции любого музея страны. Их необходимо ввести в научный оборот и использовать при чтении лекций по археологии, истории и культуре не только древнего города Ош, но и Кыргызстана в целом.

Список источников

Аманбаева Б.Э., Абдуллоев Д. Предарабский Ош в свете раскопок 1998 г. // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999. С. 44.

Аманбаева Б.Э, Абдуллоев Д.А. Доарабский Ош в свете раскопок Ак-бууринского городища // Ош и древности Южного Кыргызстана. Бишкек, 2000. С. 8–9.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1956. С. 33–34. (МИА. № 26).

Заднепровский Ю.А. Ошское поселение: к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997. С. 7–9.

Нуридинова Т.С. Монетные находки из Ошской области и ее окрестностей // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. С. 32.

Нуридинова Т.С. Средневековая керамика и светильники г. Ош и его окрестностей // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез. Бишкек, 2000. С. 84–86.

Информация об авторе / Information about the Author

Рахима Тохтоназаровна Умарова, Кыргызско-Узбекский Международный университет имени Батыралы Сыдыкова, Ош, Республика Кыргызстан, старший преподаватель, umarova45@mail.ru

Rakhima T. Umarova, Kyrgyz-Uzbek International University Named after Batyraly Sydykov, Osh, Republic of Kyrgyzstan, Senior Teacher, umarova45@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 902.3(517.3)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.45

EDN: TPDFSM

О ПРОБЛЕМАХ И ОПЫТЕ СОХРАНЕНИЯ «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОНГОЛИИ (на примере комплексов Дааган дэл и Ундур толгойн дэнж)

Эрдэнэпурэв Пурэвдорж

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В данной статье мы кратко рассмотрим, как исторические памятники, в том числе изваяния, доводятся до внимания общества, осознается их значимость и важность их сохранности. Природные и социальные факторы оказывают существенное негативное влияние на сохранность недвижимых памятников истории и культуры в сельской местности. Поскольку «оленный» камень находится в природе, он подвержен естественному влиянию стихии и постоянно подвергается повреждениям. Политика, проводимая правительством исходя из опыта защиты и изучения изваяний в Центральной Монголии, направлена на поиск путей и разработку методов сохранения данных материальных объектов истории и культуры. На основании вышеизложенного ставим перед собой задачу проанализировать сохранение и охрану «оленных» камней, расположенных в комплексах Дааган дэл и Ундур толгойн дэнж в юго-западной части Хангайских гор, а также изучение опыта защиты этих скульптур и решение возникших проблем, определение комплекса мер, которые можно принять в будущем.

Ключевые слова: Центральная Монголия, «оленный» камень, сохранение, проблемы, опыт, Дааган дэл, Ундур толгойн дэнж

Для цитирования: Эрдэнэпурэв П. О проблемах и опыте сохранения «оленных» камней в Центральной Монголии (на примере комплексов Дааган дэл и Ундур толгойн дэнж) // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. 2024. Вып. XXX. С. 292–298. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.45

ON THE PROBLEMS AND EXPERIENCE OF PRESERVING “DEER” STONES IN CENTRAL MONGOLIA (Using the Example of the Daagan Del and Undur Tolgoin Denzh Complexes)

Erdenepurev Purevdorj
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article briefly describes how historical sites, including statues, are brought to the attention of society, shows their significance and the importance of their preservation. Natural and social factors have a significant negative impact on the preservation of immovable historical and cultural monuments in rural areas. Since the “deer” stone is found in nature, it is subject to the natural influence of the elements and is constantly susceptible to damage. Based on the experience of protecting and studying sculptures in Central Mongolia, the government pursues the policy aimed at finding ways and developing methods for preserving these material objects of history and culture. Considering all above mentioned, in this article we set ourself the task of analyzing the preservation and protection of “deer” stones located in the Daagan del and Undur tolgoin denzh complex in the southwestern part of the Khangai Mountain, studying the experience of protecting these sculptures, solving the problem that arose, and identifying a set of measures that can be taken in the future.

Keywords: Central Mongolia, “deer” stone, conservation, problems, experience, Daagan del, Undur tolgoin denzh

For citation: Erdenepurev P. On the Problems and Experience of Preserving “Deer” Stones in Central Mongolia (using the Example of the Daagan Del and Undur Tolgoin Denzh Complexes). *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:292–298. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.45

В последние годы в научных работах все чаще поднимается вопрос о необходимости восстановления и сохранения памятников истории и культуры. При этом формирование и понимание исторических памятников в общественном сознании приобретает особое значение в деле их сохранения. Без знания и понимания истории предыдущих поколений людям будет трудно сохранить свои традиции и передать их следующему поколению, а также развивать свое мировоззрение. Поэтому после регистрации и документирования «оленных» камней, находящихся в Центральной Монголии, целесообразно провести работу по их сохранению. Изучение «оленных» камней в Монголии началось в конце XIX в. и продолжается до сих пор (Эрдэнэпурэв, 2023, с. 82–84). Когда исследователи приступают к изучению «оленных» камней, они выполняют такие задачи, как определение его местоположения и фиксация изображения путем фотографирования. Хотя это дает полную информацию

о памятнике, это принято использовать лишь как исследовательский ресурс. Исследователям важно самим принимать участие в сохранении памятников истории и культуры и сопутствовать передаче опыта будущим поколениям. С 1921 г. в Монголии проводится организованная государственная политика по сохранению недвижимых памятников истории и культуры.

Проводится большая работа по охране и восстановлению изваяний в Центральной Монголии, передаче необходимых памятников музеям. Одним из примеров тому является комплекс Жаргалантын ам в Ундур-Улаан сомоне Архангайского аймака. С 1970-х гг. в ходе монгольско-советских исследовательских экспедиций началось серьезное изучение исторического значения этого комплекса. С 2008 г. при финансировании посольства США начался процесс реставрации и восстановления указанного комплекса. В рамках этой работы всего был зарегистрирован 31 «оленный» камень, выявлены исходные положения 24 статуй, которые удалось реконструировать, проведено комплексное исследование и опубликована монография (Турбат и др., 2011, с. 142–143).

Важное событие произошло в сентябре 2023 г. — это успешная регистрация «оленных» камней и связанных с ними памятников бронзового века в качестве объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО. В него входят три крупных комплекса: в Центральной Монголии — Жаргалантын ам, изваяния в долине р. Северный Тамир и Уушгийн увур в Северной Монголии. Регистрация «оленных» камней в качестве объекта Всемирного наследия стала важным событием в деле их сохранения, расширения опыта, ознакомления с ними общественности и превращения их в центр туристических поездок. Также в рамках вышеуказанной работы были проведены важные исследовательские работы научными сотрудниками под руководством монгольского археолога Ц. Турбата. Так, в 2021 г. были опубликованы сведения о 1318 таких изваяниях в трехтомном иллюстрированном каталоге под названием «Культура оленных камней Монголии и соседних регионов» (Монгол ба бүс..., 2021).

Помимо трех вышеперечисленных комплексов, в Центральной Монголии имеется множество изваяний. Следующие два комплекса выбраны в качестве примеров с целью выяснения опыта их существования, сохранения и защиты. Эти два комплекса были выбраны потому, что осенью 2023 г. исследовательская группа под руководством заведующего кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, доктора исторических наук, профессора А.А. Тишкина провела повторные обследования этих двух памятников по пути в Архангайский аймак (рис. 1.-1).

Крупный комплекс «оленных» камней в юго-западной части Хангайских гор — Дааган дэл (Шилуустэй сомон, Завханский аймак). Данный памятник расположен в юго-западной части Центральной Монголии и имеет квадратное жертвенное сооружение с восемью «оленными» камнями, которое сохранило свой первоначальный вид. Географические координаты местонахождения Дааган дэл: N — 47°43'26.24'', E — 96°50'21.46''. Высота над уровнем моря 2345 м. Этот комплекс впервые зафиксировал и задокументи-

ровал А.М. Позднеев, русский исследователь, путешествовавший по Монголии в 1892–1893 гг. Он опубликовал фото в своей монографии (Позднеев, 1896, с. 228–232), и с тех пор комплекс неоднократно изучался (Волков, 2002, с. 69–71; Баярхуу, Энхбаяр, 2021, с. 486–495; и др.). Все изваяния, расположенные в Дааган дэле, относятся к монголо-забайкальскому типу. Есть некоторые отличительные особенности на этих изваяниях. На одном «оленном» камне на ожерелье изображена серповидная подвеска. Такие украшения есть всего на четырех изваяниях. Также при изображении ожерелий сделаны две параллельные тонкие линии овальной и круглой формы. Помимо изображения ножей, луков, щитов, мечей весьма характерны два-три типа поясов. Для этого комплекса характерно наличие жертвенных сооружений. Российский археолог В.В. Волков (2002, с. 178) провел тщательное исследование и нарисовал план памятника, который ценен до сих пор.

В 1994 г. указанный комплекс был включен в список недвижимых памятников истории и культуры, находящихся под особой охраной государства согласно «Закону об охране памятников истории и культуры» правительства Монголии (Анхсанаа, Энхбат, 2017, с. 23). В результате в 1998 и 2007 гг. неоднократно проводились такие важные работы, как укрепление памятников, строительство защитного ограждения, определение зоны воздействия. В результате комплекс снаружи был огорожен, а также были проведены инфраструктурные работы, облегчающие физический доступ к объекту (строительство дороги и парковки для автомобилей) (рис. 1.-2). Также была проделана важная работа по разъяснению туристам исторической ценности, смысла и значения комплекса путем написания на табличках пояснений на монгольском и английском языках.

Комплекс Ундур толгойн дэнж расположен в юго-западной части города Улиастай в центре Завханского аймака. Он находится неподалеку от частных жилых районов. Географические координаты местонахождения Ундур толгойн дэнж: N — 47°43'30.18'', E — 96°50'24.41''. Высота над уровнем моря 1784 м. Там в 2018 г. были обнаружены лежащими на земле три «оленных» камня. Работники краеведческого музея Завханского аймака их установили (Бүрэнтөгс, Цолмон, 2018, с. 57; Цэлхагарав, Батсүх, 2021, с. 271). Эти статуи относятся к монголо-забайкальскому типу. Хотя изображения на поверхности данных камней сохранились плохо, но можно разглядеть изображения ножей, кинжалов, серьги с подвесками, фигуры оленей. Вышеупомянутые исследователи поведали о результатах своей работы через краткое научное описание и опубликование фотографий. Однако эти первичные исследования не могут дать нам полной информации об «оленных» камнях, поэтому необходимо провести повторное исследование.

Вокруг этого памятника был возведен забор из металлической проволоки и установлена небольшая информационная табличка для его идентификации. Однако при обследовании оказалось, что забор был поврежден, а информационная доска удалена (рис. 2.-1). Это свидетельствует о непонимании местными жителями важности сохранения исторического объекта (рис. 2.-2).

Рис. 1. Дааган дэл. Состав исследовательской команды (1),
общее состояние и ограждение изваяний (2)
Fig. 1. Daagan del. Composition of the research team (1),
general condition and fencing of the statues (2)

Вокруг «оленных» камней имеются жертвенные сооружения и херексуры (рис. 2.-2). Необходимо подчеркнуть одну вещь: это место является новым жилым районом для жителей города Улиастай. Судя по состоянию памятников в этой местности, похоже, что никаких археологических раскопок здесь не проводилось. На частной территории граждан имеются десятки объектов. В этой ситуации высока вероятность того, что исторически ценные памятники будут уничтожены, и возникает острая необходимость в охране и изолировании памятников на этой территории.

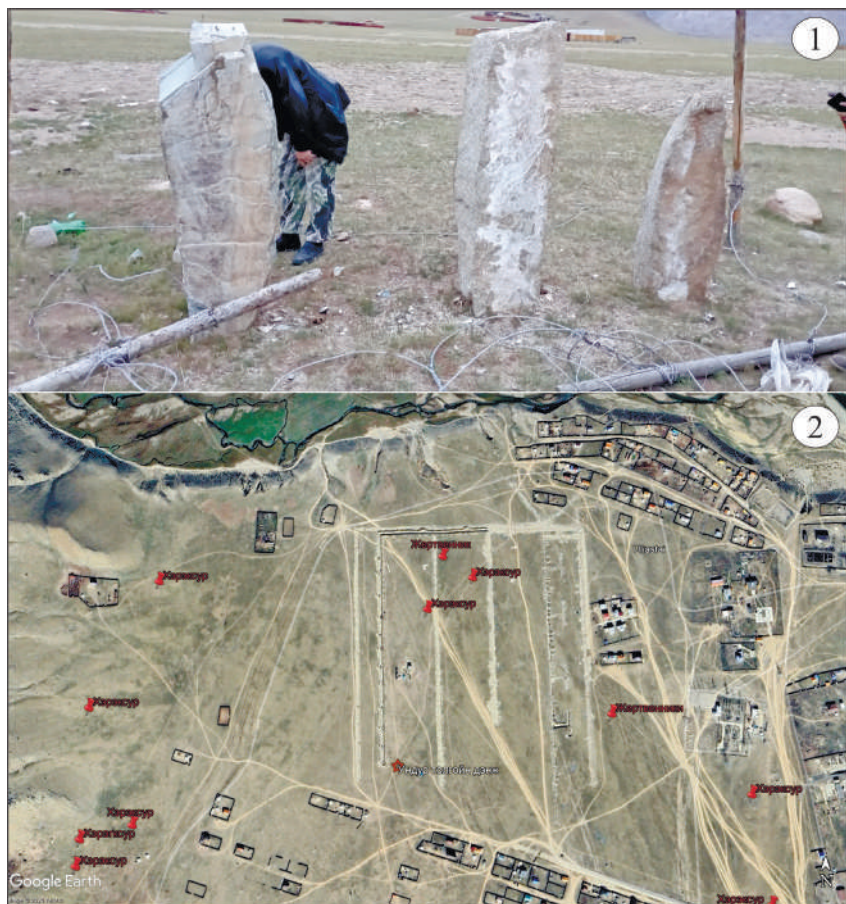

Рис. 2. Ундур толгойн дэнж, «оленные» камни (1), местонахождение комплекса (2)
 Fig. 1. Undur tolgoi denzh, “deer” stones (1), location of the complex (2)

Стоит отметить что опыт сохранения и защиты «оленных» камней Центральной Монголии в определенной степени используется и приумножается. Однако эти методы не могут полностью защитить изваяния в нынешнем их местонахождении, поэтому необходима иная комплексная и системная политика, о чем свидетельствуют рассмотренные примеры упомянутых выше комплексов. Хотя памятник Дааган дэл охраняется государством, он находится не в лучшем состоянии и не может быть адекватно защищен от жизнедеятельности людей, животных, а также природных явлений. Изваяния Ундур толгойн дэнж расположены в центральном городе аймака, но они не могут быть полностью защищены от воздействия окружающей среды и деятельности человека.

Поэтому целесообразно будет перенести статуи в выставочный зал краеведческого музея, что обеспечит лучшую сохранность этих материальных объектов.

Важно обеспечить защиту таких памятников, а также осуществить их документирование с помощью геоинформационных и цифровых технологий. Это опыт уже вошел в археологию, и успешная его реализация уже приносит плоды (Тишкин, Бондаренко, 2023, с. 241–244; Тишкин, Табалдиев, Бондаренко, 2023, с. 283–285; и др.). Применив эти технологии к «олненным» камням Центральной Монголии, можно будет получить полную информацию о памятнике. Это станет важным опытом во многих отношениях, таких как сохранение изображения и информирование общественности в видео- или виртуальной форме.

Список источников

Анхсанаа Г., Энхбат Г. Монгол нутаг дахь түүх соёлын, үл хөдлөх дурсгал. Дэвтэр XI. Завхан аймаг. Улаанбаатар, 2017. 120 н. (на монг. яз.).

Баярхүү Н., Энхбаяр Г. Завхан аймгийн буган хөшөөд. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл / Ред. Ц. Төрбат. Боть. I. Улаанбаатар, 2021. С. 428–495 (на монг. яз.).

Бүрэнтөгс Г., Цолмон Б. Улиастай сумын Өндөр толгойн дэнжид шинээр бүртгэсэн буган хөшөөд // Нүүдэлчдийн өв судлал. Т. XIX-II. Улаанбаатар, 2018. С. 57–62 (на монг. яз.).

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.

Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл: Эрдэм шинжилгээний каталог. Боть I-III / Ред. Ц. Төрбат. Улаанбаатар, 2021. 496 т.; 424 т.; 448 т. (на монг. яз.).

Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. I: Дневник и маршрут 1892 года. СПб., 1896. 696 с.

Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю. «Оленные» камни, использованные тюрками: новый взгляд на сохранившиеся изображения (по материалам Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2023. Вып. XXIX.. С. 239–247.

Тишкин А.А., Табалдиев К.Ш., Бондаренко С.Ю. Использование цифровых технологий при документировании «олненных» камней в Кыргызстане // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул, 2023. С. 281–286.

Төрбат Ц., Баярсайхан Ж., Батсүх Д., Баярхүү Н. Жаргалантын амны буган хөшөөд. Улаанбаатар, 2011. 192 с. (на монг. яз.).

Цэлхагарав Ц., Батсүх Д. Монголоос шинээр олдсон буган хөшөөд. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл / Ред. Ц. Төрбат. Боть. III. Улаанбаатар, 2021. С. 257–278 (на монг. яз.).

Эрдэнэпурэв П. История изучения «олненных» камней в Центральной Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Серия «Исторические науки и археология». 2023. №3 (131). С. 81–85.

Информация об авторе / Information about the Author

Эрдэнэпурэв Пурэвдорж, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, магистр истории, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>, eegiip48@gmail.com

Erdenepurev Purevdorj, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Master of History, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>, eegiip48@gmail.com

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

РАЗДЕЛ 3

МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Научная статья / Article

УДК: 338.48

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.46

EDN: NVTFVL

ПРОГРАММА «САКРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН» В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Аксункар Турсуновна Абдулина

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

Резюме. В 2017 г. в Казахстане была запущена государственная программа «Сакральный Казахстан», направленная на формирование исторического сознания у казахстанцев, сопричастности к национальной истории, национальной идентичности, популяризацию знаний о сакральных памятниках, в особенности родного края, привитие чувства патриотизма. Одновременно в качестве мультипликативного эффекта предполагалось активизировать туристический бизнес в стране. В области кино были сняты несколько документальных фильмов о национальной истории и святых местах, которые демонстрировались на казахстанском телевидении и телеканале BBC World News, участвовавшем в их создании в качестве партнера.

В области системы образования в статье предложены рекомендации по организации внеклассной работы с обучающимися, в том числе в рамках работы школьных музеев. Музеи должны играть ключевую роль в приобщении подрастающего поколения к внутреннему туризму.

Ключевые слова: культурное наследие, музей, Сакральный Казахстан, система образования, туризм

Благодарности: статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН BR20280975: «Исторические традиции казахской государственности и проблемы сохранения национальной идентичности».

Для цитирования: Абдулина А.Т. Программа «Сакральный Казахстан» в свете развития туризма // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 299–305. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.46

PROGRAM “SACRED KAZAKHSTAN” IN THE LIGHT OF TOURISM DEVELOPMENT

Aksunkar T. Abdulina

Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Kazakhstan

Abstract. In 2017, the state program ‘Sacral Kazakhstan’ was launched in Kazakhstan with the aim of fostering historical consciousness among Kazakhstani people, promoting

national history and identity, popularizing knowledge about sacred monuments, particularly those within the native land, and fostering a sense of patriotism. Simultaneously, the program aimed to stimulate tourism within the country to create a multiplier effect. In the realm of cinema, several documentaries focusing on national history and sacred sites were produced. These documentaries were aired on Kazakhstani television as well as on the BBC World News channel, which partnered in their creation.

Regarding the education system, the article proposes recommendations for organizing extracurricular activities with students, particularly through the establishment and utilization of school museums. Museums are envisioned to play a pivotal role in acquainting the younger generation with domestic tourism opportunities.

Keywords: cultural heritage, museum, Sacred Kazakhstan, education system, tourism

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the project IRN BR20280975: “Historical Traditions of Kazakh Statehood and Problems of Preserving National Identity”.

For citations: Abdulina A.T. Program “Sacred Kazakhstan” in the Light of Tourism Development. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:299–305. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.46

В 2017 г. в Казахстане началось осуществление государственной программы «Сакральная география Казахстана» («Духовные святыни Казахстана»), в задачи которой входило информирование каждого казахстанца об общенациональных святынях через средства массовой информации, музеи и учебную и внеучебную деятельность в системе образования. Одновременно популяризаторская деятельность в данном направлении благотворно отразилась на активизации внутреннего и внешнего туризма и пр. Осуществление указанных важных в деле патриотического воспитания молодежи проектов соответствует Концепции развития туристской отрасли Республики Казахстан на 2023–2029 гг. (утверждена Постановлением Правительства РК №262 от 28 марта 2023 г.). За годы независимости большое развитие получил внутренний туризм, соответственно улучшилась сфера услуг. Масштабная реконструкция исторических памятников и строительство новых сооружений привели к росту интереса к Казахстану во всем мире. Были заново отреставрированы древние памятники культуры, например, городища Сарайшык, мавзолеев Джучи-хана. Но самое значительное по масштабу строительство развернулось в городе Туркестане. Там были заново отстроены мавзолеев Ходжи Ахмеда Ясави, Караван-сарай, древняя библиотека.

В этой связи программа «Сакральная география Казахстана», осуществляемая как на общереспубликанском, так и местном уровнях, ставила целью изучение и популяризацию сакральных объектов для формирования общегражданской идентичности и исторического сознания (Модернизация общественного сознания..., 2017). Одновременно решались задачи по формированию любви к малой родине, к земле своих предков, росту интереса к локальной истории и культуре, изучению жизнедеятельности видных представителей своего края, внесших существенный вклад в его развитие. Имен-

но через познание малой родины будет заложен фундамент общегражданского патриотизма, готовности встать на защиту духовных ценностей своей нации, культивирования традиций, обычаев и обрядов народа, укрепления гражданской активности в деле сохранения историко-культурного наследия. В рамках реализации данного проекта в Национальном музее РК было создано новое учреждение — Научно-исследовательский центр «Сакральный Казахстан». В числе конкретных задач — организация краеведческой работы в сферах образования, средств массовой информации, документального кино, реставрации культурно-исторических памятников и культурных объектов местного масштаба. При этом Институт археологии им. А.Х. Маргулана при участии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова занимался реализацией научного проекта по формированию списка сакральных мест Казахстана (около 500 объектов). В качестве объектов были предложены памятники истории, этнографии, археологии, архитектуры и градостроительства, монументального искусства, природы, которые характеризовались определенным статусом — объекты Всемирного культурного наследия, республиканского, местного значения.

Перед кинодеятелями были выдвинуты масштабные задачи по созданию научно-популярных фильмов о Казахстане, которые инструментами визуальной и вербальной коммуникации должны доносить до подрастающего поколения важную информацию о культурном наследии нации, памятниках истории и культуры и важности их сохранения для потомков. По государственному заказу и на основе сотрудничества с телеканалом BBC World News были сняты документальные фильмы, снабженные субтитрами и дубляжом на шести языках ООН: «Сакральная география Казахстана», «Мавзолей Ходжа Ахмета Яссауи и Айша-Биби», «Золотой воин», «Кюльтегин. Новый взгляд». В игровых сюжетах фильма «Земля номадов» снимался звезда Голливуда Марк Дакаскос (Мухаметкалиев, 2018), уже известный зрителям по игре в историческом художественном фильме «Кочевник». В средствах массовой информации активно публиковались статьи о памятниках культуры и истории, уникальных природных объектах, культовых захоронениях предков, оставивших неизгладимый след в истории Казахстана, — Алаш-хан, Джучи-хан, Ч. Валиханов и др.

Важная роль в пропаганде культурного наследия должна отводиться образовательным учреждениям среднего и высшего звена, в которых можно предложить проведение следующих мероприятий:

1) на всех этапах *среднего образования* проводить внеклассную работу по воспитанию исторического сознания и национальной идентичности через познание сакральной географии Казахстана и краеведения посредством использования следующих форм работы с детьми:

- проведение классных часов;
- организация театрализованных представлений на темы истории и культуры Казахстана и родного края в связи с государственными праздниками

ми и памятными датами (День республики, День Независимости, День памяти жертв политических репрессий, День единства народов Казахстана и пр.);

- посещение музеев, объектов сакральной географии в виде внеклассных мероприятий;

- привлечение детей к охране объектов культурного наследия во время летних каникул в рамках организации летнего лагеря, в форме организации шефства над памятниками истории и культуры по соответствующим договорам с заинтересованными организациями;

- вовлечение детей в краеведческую деятельность через организацию школьных музеев и участие в пополнении их фондов;

- организация туристских походов по сакральным объектам;

2) в системе бакалавриата *высшего образования* рекомендуется проводить внеучебную работу по воспитанию исторического сознания и национальной идентичности через познание сакральной географии Казахстана и краеведения посредством использования следующих форм работы со студентами:

- проведение кураторских часов;

- организация театрализованных представлений на темы истории и культуры Казахстана и родного края в связи с государственными праздниками и памятными датами (День республики, День Независимости, День памяти жертв политических репрессий, День единства народов Казахстана и пр.);

- посещение музеев, объектов сакральной географии в виде воспитательных мероприятий;

- привлечение студентов, обучающихся по гуманитарным специальностям, к охране объектов культурного наследия во время учебной практики в виде организации шефства над ними по соответствующим договорам с заинтересованными организациями; организация волонтерского движения по восстановлению и необходимому благоустройству нарушенных сакральных природных и историко-культурных комплексов и объектов, осуществлению этноэкологического мониторинга объектов;

- вовлечение студентов в краеведческую деятельность через организацию музеев в вузах и участие в пополнении их фондов;

- организация туристских походов по сакральным объектам; оснащение образовательных учреждений необходимым оборудованием и инвентарем (картографический материал, средства навигации и связи, палатки и пр.).

При подготовке к туристскому походу руководитель группы обязан предоставить руководителю данного учебного заведения маршрутный лист, список участников похода, письменное разрешение родителей для участников похода до 18 лет, при походе свыше трех дней требуются медицинские справки учащихся. Далее руководитель образовательного учреждения, основываясь на предоставленных документах, издает соответствующий приказ о проведении туристского похода с указанием маршрута, сроков его проведения, руководителя и состава группы. Перед началом похода руководитель туристской группы должен провести целевой инструктаж участников похода

по соблюдению режима безопасности с записями в «Журнале регистрации инструктажа по технике безопасности в туристских походах» (Методические рекомендации..., 2015: 6).

При необходимости руководитель похода должен проверить умение учащих плавать, а также проинформировать участников группы о необходимости бережного отношения к природно-культурному ландшафту, в особенности к объектам сакральной географии. При проведении туристских походов через туристские фирмы руководитель группы обязан проверить лицензию данной фирмы, документы о техническом состоянии транспортного средства, уровень квалификации гидов-проводников. Руководитель похода должен иметь опыт по участию и организации подобных мероприятий, при необходимости проконсультироваться у опытных туристов и краеведов, поскольку он несет ответственность за жизнь и здоровье участников похода. Руководитель похода обязан обеспечить питание туристской группы и иметь в наличии аптечку первой помощи с необходимыми медикаментами и перевязочным материалом, а также обладать навыками оказания первой неотложной помощи.

Особое внимание следует уделить развитию патриотического воспитания подрастающего поколения на основе усиления краеведческой составляющей образования на базе школьного и вузовского музеев. Из разных видов музеев образовательных учреждений (археологические, военно-исторические, музей данного учебного заведения, этнографический, художественный, естественно-научный и пр.) рекомендуется открывать историко-краеведческие музеи, ориентированные на возрождение локальных культурно-исторических традиций и развитие детско-юношеского туризма.

К традиционным функциям музеев относятся: комплектование, изучение, учет, хранение коллекций, экспозиционная работа и информационная деятельность, а также использование музея в целях образования и воспитания. Музей становится центром личностного роста учащих, повышения их интереса к исследовательской и поисковой деятельности, воспитанию у них гражданской позиции и патриотизма, участвует в диалоге поколений и культур. В штатном расписании образовательного учреждения необходимо выделить ставку заведующего музеем.

Именно историко-краеведческие музеи могут быть встроены в учебно-образовательный процесс, являясь местом посещения при изучении определенных тем учебной программы. В историко-краеведческом музее можно сформировать следующие фонды: «История учебного заведения», «Историческое прошлое родного края», «Природный мир родного края», «Родной край в произведениях литературы и искусства», «Поисковая и научно-исследовательская деятельность музея» и др. На базе таких музеев могут проводиться различные выставки по теме «Семья и семейные реликвии»: «Наши славные предки», «Старая фотография», «Судьба семьи в судьбе страны», «Наши семейные реликвии», «Предметы старины в семейных коллекциях» и пр.

Музеи также должны широко презентовать свою деятельность путем проведения встреч с ветеранами войны и труда, выпускниками данных учебных заведений, родителями учащихся и др. В цикл деятельности музеев надо включать различные праздничные мероприятия (в государственные праздники и памятные даты, фольклорные, литературные, военно-исторические, профессиональные, по итогам работы музея и пр.), об их деятельности должны появляться публикации в прессе, а активные участники музейного дела должны участвовать в олимпиадах и конференциях. Музеи учебных заведений должны вовлекать обучающихся в проектную деятельность, что активизирует интерес учащихся к научно-исследовательской работе, а также опираться в своей деятельности на игровые методы, привлекательные для молодого поколения.

В работу по комплектованию фондов музея необходимо вовлечь весь коллектив данного учебного заведения и учащихся. При комплектовании фондов музея учащиеся должны использовать такие методы сбора информации, как: 1) беседа с родными, близкими и знакомыми людьми; 2) опрос населения методом стандартизированного интервью; 3) работа в библиотеках и архивах; 4) краеведческие экспедиции по окрестным сельским населенным пунктам, сакральным местам для сбора информации и фотофиксации; 5) встречи с интересными людьми; 6) информация из СМИ (телевидение, радио, сайты Интернета); 7) посещение антикварных и букинистических магазинов.

Краеведческие экспедиции как основная форма комплектационной работы должны быть тщательно подготовлены: от составления точного маршрута, плана и определения методов экспедиционной работы до материально-технического снаряжения (тетради для записей полевого дневника, рулетки для обмеров, GPS-приемник, миллиметровая бумага, канцелярские принадлежности, диктофоны, фото- и видеокамеры, палаточное снаряжение, пакеты и бирки для хранения фотографий и прочих предметов и др.), а также необходимых документов (письма от руководителя учебного заведения в местные исполнительные органы, акты о получении предметов в дар и пр.).

Научно-учетную документацию музея учебного заведения составляют: акты приема-сдачи документов; Книга поступлений; Инвентарная книга. Справочный аппарат музея состоит из системы картотек (карточной и электронной базы данных), позволяющих максимально быстро осуществлять поиск местонахождения в фонде музейного экспоната. Картотеки организуются по основным принципам: систематические и алфавитные. Существуют картотеки по географическому, топографическому, именному, хронологическому и другим признакам. Особое внимание в музее уделяется составлению экспозиционных текстов, которые подразделяются на оглаводительные, ведущие (эпиграфические), объяснительные (комментирующие) и этикетаж (собственно этикетки к экспонатам) (Методические рекомендации..., 2007, с. 27). Все тексты должны быть тщательно продуманы, содержать необходимую справочную информацию и активизировать внимание учащихся (с по-

мощью использования направляющих вопросов и заданий: «Найди...», «Подумай, почему...», «Сравни...» и пр.).

Коммуникативная модель музея предполагает использование экскурсий с целью не только информирования, но и общения с посетителями, при котором развиваются коммуникационные навыки учащихся и ораторское искусство. Каждая экскурсия должна носить адресный, т.е. рассчитанный на определенную аудиторию, и интерактивный (живой контакт с посетителями) характер. Экскурсовод должен не только глубоко знать все предметы экспозиции, но и уметь их грамотно показать, выбрав правильную точку обзора для группы.

Таким образом, развитие внутреннего туризма в любом государстве, в особенности обладающем большой территорией и уникальными сакральными объектами — рукотворными и природными, является перспективным направлением для экономического роста страны, популяризации национальной истории и культуры с ее традициями сакрализации пространства. Представленные в статье некоторые методические рекомендации, адресованные учреждениям образования, носят обобщенный характер и требуют дальнейшей детализации специалистами по отдельным направлениям учебной, внеучебной, музейной и туристской деятельности.

Список источников

Методические рекомендации по организации деятельности школьных музеев и развитию детских краеведческих объединений / Приложение к письму Департамента молодежной политики, воспитания и социальной защиты детей Минобрнауки России от 12 января 2007 г. №06-11. 56 с.

Методические рекомендации по организации и проведению туристских походов с обучающимися / Федеральный центр детско-юношеского туризма и краеведения Российской Федерации / под общ. ред. М.М. Бостонджогло. М., 2015. 22 с.

Модернизация общественного сознания: от теории к практике // Казахстанская правда. 2017. 29 мая. URL: <http://www.m.kazpravda.kz/articles/view/modernizatsiya-obshchestvennogo-soznaniya-ot-teorii-k-praktike/>

Мухаметкалиев Р. Документальные фильмы об истории и культуре Казахстана покажут по National Geographic и Discovery // Казахстанская правда. 2018. 13 июня. URL: <https://kazpravda.kz/n/dokumentalnye-filmy-ob-istorii-i-kulture-kazahstana-pokazhut-po-national-geographic-i-discovery/>

Информация об авторе / Information about the Author

Аксункар Турсуновна Абдулина, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, заместитель директора по связям с общественностью; 050002, Казахстан, г. Алматы, ул. Валиханова, 30, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-8556-3432>, abd_aksunkar@mail.ru

Aksunkar T. Abdulina, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Deputy Director for Public Relations; 050002, Almaty, Republic of Kazakhstan, st. Valikhanova, 30, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-8556-3432>, abd_aksunkar@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article
УДК: 069.5(571.15)
DOI: 10.14258/2411-1503.2024.47
EDN: OВРРVI

МУЗЕИ АЛТАЯ: ХРАНИЛИЩА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Назгул Кабылбековна Адышева

*Кыргызско-Узбекский Международный университет им. Б. Сыдыкова,
Ош, Киргизия*

Резюме. Музеи Алтая — живые свидетели богатой истории и культуры этого уникального региона. Как хранилища истории и культуры, они несут на себе бремя сохранения и передачи ценного наследия прошлого. Экспозиции музеев представляют удивительный мир древних артефактов, этнографических коллекций и художественных произведений, оживляя историю перед глазами посетителей. Образовательные программы, проводимые музеями, позволяют расширить знания о культурном наследии и погрузиться в атмосферу прошлого. Музеи становятся местом культурного диалога и взаимодействия, объединяя людей разных поколений и национальностей в общем стремлении сохранить и приумножить богатство культурного наследия Алтая.

Ключевые слова: культурное наследие, история региона, этнография, традиции, экспозиции, туризм, археологические находки, экскурсии, культурный диалог

Для цитирования: Адышева Н.К. Музеи Алтая: хранилища истории и культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 306–309. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.47

MUSEUMS OF ALTAI: STORAGE OF HISTORY AND CULTURE

Nazgul K. Adysheva

Kyrgyz-Uzbek International University Named after B. Sydykova, Osh, Kyrgyzstan

Abstract. Altai museums are living witnesses to the rich history and culture of this unique region. As repositories of history and culture, they bear the burden of preserving and transmitting the valuable heritage of the past. Museum exhibitions present a wonderful world of ancient artifacts, ethnographic collections and works of art, bringing history to life before the eyes of visitors. Educational programs conducted by museums allow you to expand knowledge about cultural heritage and immerse yourself in the atmosphere of the past. Museums become places of cultural dialogue and interaction, uniting people of different generations and nationalities in a common desire to preserve and enhance the wealth of Altai's cultural heritage.

Keywords: cultural heritage, history of the region, ethnography, traditions, exhibitions, tourism, archaeological finds, excursions, cultural dialogue

For citations: Adysheva N.K. Museums of Altai: Storage of History and Culture. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:306–309. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.47

Актуальность темы «Музеи Алтая: Хранилища истории и культуры» обусловлена несколькими факторами.

1. Сохранение культурного наследия. Музеи играют ключевую роль в сохранении и передаче культурного наследия Алтая будущим поколениям (Королева, 2008).

Они являются хранилищами исторических артефактов, документов, предметов быта, которые позволяют ознакомиться с историей и культурой региона.

2. Просвещение и образование. Музеи предоставляют возможности для образования и просвещения широкой аудитории. Они организуют выставки, лекции, мастер-классы, которые способствуют расширению знаний о культурном наследии Алтая и его значимости.

3. Туризм и развитие региона. Музеи Алтая привлекают туристов и способствуют развитию туристической индустрии региона. Экспозиции музеев являются важным туристическим ресурсом, который способствует развитию экономики и инфраструктуры (Ярцева, 2005).

4. Культурный диалог. Музеи становятся местами культурного диалога, где различные этнические группы, исследователи, художники и обычные посетители могут обмениваться опытом, идеями и взглядами на культурное наследие Алтая.

5. Социокультурное развитие. Музеи способствуют социокультурному развитию региона, формированию идентичности народов Алтая, укреплению социальной связи и патриотических чувств к своей истории и культуре.

Все эти аспекты подчеркивают актуальность и важность сохранения, изучения и популяризации музейного наследия Алтая в современном обществе. Музеи продолжают оставаться важными культурными институтами, способствующими сохранению и развитию культурного наследия региона.

Музеи Алтая являются неотъемлемой частью культурного ландшафта этого уникального региона, представляя собой не только хранилища исторических артефактов, но и центры, где живая история и культурное наследие оживают перед глазами посетителей. Эти учреждения играют важную роль в сохранении и продвижении богатого культурного наследия Алтая.

Музеи Алтая представляют множество аспектов истории и культуры этого региона. В их коллекциях собраны археологические находки, этнографические экспонаты, произведения искусства, а также предметы быта, отражающие жизнь и традиции местных народов. Они служат не только источником знаний для исследователей, но и окошком в прошлое для посетителей всех возрастов и интересов.

Важной чертой музеев Алтая является их разнообразие. От музеев, посвященных археологическим раскопкам и древним цивилизациям, до этнографических комплексов, демонстрирующих культурное разнообразие современных этнических групп: каждое музейное учреждение предлагает уникальный взгляд на историю и культуру региона.

Среди наиболее известных музеев Алтая стоит отметить «Музей археологии и этнографии Алтая», который раскрывает богатство археологических находок и этнических традиций региона. Здесь посетители могут увидеть уникальные предметы быта, украшения и орудия труда, а также ознакомиться с реконструкциями древних поселений.

Еще одним выдающимся музеем является «Музей истории города Горно-Алтайска», который погружает посетителей в историю столицы региона, начиная с ее основания и до современности. Экспозиция музея включает в себя фотографии, артефакты и документы, отражающие жизнь и развитие города (Мальцев, 2012).

Музеи Алтая также активно участвуют в организации образовательных программ, выставок, конференций и культурных мероприятий. Эти инициативы помогают привлечь внимание к культурному наследию региона, а также способствуют развитию туризма и просвещению местного населения.

Наконец, музеи Алтая играют важную роль в сохранении культурного наследия для будущих поколений. Они представляют собой не только хранилища артефактов, но и места, где культурное наследие оживает через образование, исследования и культурный диалог.

Таким образом, музеи Алтая — это неотъемлемая часть культурного богатства региона, которая не только сохраняет историю и традиции, но и вдохновляет нас своей красотой и мудростью. Визит в музей Алтая — это не только путешествие в прошлое, но и встреча с настоящим и будущим этого удивительного региона.

Алтайский край — это не только красивые горные пейзажи и диковинная природа, но и богатое культурное наследие, которое отражает многовековую историю и традиции этого уникального региона. Одним из наиболее значимых источников знаний о прошлом и культуре Алтая являются его музеи — уважаемые исторические институты, которые стали хранилищами настоящих исторических сокровищ (Рыбаков, 2018).

Сохранение культурного наследия. Музеи Алтая играют ключевую роль в сохранении культурного наследия региона. С их помощью археологические находки, этнографические коллекции, предметы быта и искусства становятся доступными для широкой публики и исследователей. Эти учреждения не только сохраняют материальные артефакты, но и передают историю и культуру Алтая следующим поколениям.

Окна в прошлое. Экспозиции музеев Алтая представляют уникальные взгляды на историю и культуру региона. Они оживляют прошлое через древние артефакты, редкие фотографии, рукописи и исторические документы. Посетители могут пройти через века, открывая для себя тайны древних цивилизаций, традиции местных народов и историю колонизации и развития региона.

Образование и просвещение. Музеи Алтая также являются центрами образования и просвещения. Они предлагают широкий спектр образовательных программ, экскурсий, лекций и мастер-классов, которые призваны расширить знания и понимание культурного наследия региона. Для многих школьников и студентов посещение музея становится незабываемым учебным опытом, который вдохновляет на новые открытия и исследования.

Культурные центры и места диалога. Музеи Алтая не только представляют культурное наследие, но и являются местами культурного диалога и взаимодействия. Они организуют выставки современного искусства, концерты, ли-

тературные вечера и другие мероприятия, которые объединяют людей разных поколений и культурных традиций в общении и творчестве (Баранов, 2010).

Музеи Алтая представляют собой неотъемлемую часть культурного ландшафта региона. Они не только сохраняют историю и традиции, но и вдохновляют, образуют и взаимодействуют с обществом. Их роль в сохранении и продвижении культурного наследия Алтая неопределима, их деятельность продолжит оставаться важной для будущих поколений, сохраняя память о прошлом и вдохновляя на созидание в будущем.

Список источников

Баранов А.А. Этнокультурный аспект музейного дела Алтая. Горно-Алтайск, 2010. 95 с.

Королева Т.А. Музейная деятельность на Алтае (исторический аспект). Горно-Алтайск, 2008. 37 с.

Мальцев В.М. Архитектура музейных зданий Алтая. Барнаул, 2012. 68 с.

Рыбаков В.В. Краеведческие музеи Алтая: история, современность, перспективы развития. Барнаул, 2018. С. 178–183.

Ярцева Е.В. Музейное дело на Алтае в XIX — начале XX вв.: история и современность. Барнаул, 2005. 210 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Назгул Кабылбековна Адышева, Кыргызско-Узбекский Международный университет им. Б. Сыдыкова, старший преподаватель; 723500, Киргизия, г. Ош, ул. Петрова, 7–24, n_adysheva@mail.ru

Nazgul K. Adysheva, Kyrgyz-Uzbek International University Named after. B. Sydykova, Senior Lecturer; 723500, Kyrgyzstan, Osh, st. Petrova, 7–24, n_adysheva@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 903`1(571.15):572

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.48

EDN: UTMNFG

ФОРМИРОВАНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ОДИНЦОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Валерия Евгеньевна Алексеева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена обобщению информации по истории формирования антропологических материалов из погребальных комплексов одинцовской археологической культуры Верхнего Приобья. Археологические исследования и работы на памятниках одинцовской культуры длятся уже на протяжении 90 лет и продолжаются в настоящее время. За этот период было выявлено 19 погребальных памятников.

ков, из которых в общей сложности были получены костные останки от 180 индивидов. В ходе данной работы было установлено, что антропологические коллекции хранятся в Государственном Эрмитаже (антропология 64 индивидов), Алтайском государственном краеведческом музее (антропология двух индивидов), Бийском краеведческом музее (антропология одного индивида) и в кабинете антропологии Музея археологии и этнографии Алтая АГУ (антропология 98 индивидов).

Ключевые слова: антропология, антропологические коллекции, кабинет антропологии АГУ, одицовская археологическая культура, юг Западной Сибири

Благодарности: работа подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Для цитирования: Алексеева В.Е. Формирование антропологических коллекций из погребальных комплексов одицовской культуры Верхнего Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 309–316. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.48

THE FORMATION OF ANTHROPOLOGICAL COLLECTIONS FROM THE BURIAL COMPLEXES OF THE ODINTSOVO CULTURE OF THE UPPER OB REGION

Valeria E. Alekseeva

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the generalization of information on the history of the formation of anthropological materials from the burial complexes of the Odintsovo archaeological culture of the Upper Ob region. Archaeological research and work on the sites of the Odintsovo culture have been going on for 90 years and continues at the present time. During this period, 19 funerary sites were identified, from which a total of bone remains from 180 individuals were obtained. In the course of this work, it was established that anthropological collections are stored in the State Hermitage Museum (anthropology of 64 individuals), Altai State Museum of Local Lore (anthropology of two individuals), Biysk Museum of Local Lore (anthropology of one individual) and in the anthropology room of the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai ASU (anthropology of 98 individuals).

Keywords: anthropology, anthropological collections, ASU Anthropology Room, Odintsovo archaeological culture, south of Western Siberia

Acknowledgments: the work was prepared within the framework of the state task of the Altai State University “The Turkic World of the Greater Altai”: Unity and Diversity in History and Modernity” (registry number 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

For citation: Alekseeva V.E. The Formation of Anthropological Collections from the Burial Complexes of the Odintsovo Culture of the Upper Ob Region. *Sokhranenie i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:309–316. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.48

С середины IV в. н.э. на территории Верхнего Приобья происходит образование археологической культуры — «одицовской», которая сформировалась в результате взаимодействия пришлого населения из Средней Азии и носителей булан-кобинской культуры из Горного Алтая с местным самодийским населением (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 42). В ходе

длительных работ на территории Верхнего Приобья было выявлено 19 погребальных памятников, которые датируются 2-й половиной IV — 1-й половиной VIII в. н.э. Но, несмотря на то, что накоплен большой массив археологических данных из одинцовских могильников, в то же время количество антропологического материала остается не известным. Палеоантропологические коллекции не всегда передавались в музеи, по этой причине в настоящее время нет единого свода данных по антропологическим коллекциям одинцовской культуры. Ситуация усугубляется и тем, что авторы работ в научных отчетах и публикациях по результатам исследований не указывают, куда были переданы палеоантропологические серии. Поэтому так важно изучить процесс накопления антропологических материалов, полученных за весь период археологических работ на памятниках одинцовской культуры. Цель данного исследования заключается в формировании единого свода данных по антропологическим коллекциям из погребальных комплексов одинцовской культуры Верхнего Приобья.

Изучение одинцовских памятников началось с работы на могильнике Одинцовка, который и дал название археологической культуре (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 42). В 1930 г. под руководством С.М. Сергеева и М.Д. Копытова было вскрыто одно разрушающееся погребение. Какие были получены антропологические материалы, не известно. В том же году полученные материалы были переданы в Бийский краеведческий музей (Грязнов, 1956, с. 109; Григоров, Казаков, 2018, с. 17).

В 1946 г. начались работы на могильнике Ближние Елбаны-ХІІ, которыми руководил М.П. Грязнов. В ходе полевого сезона зафиксировано и изучено 11 грунтовых могил, из них были извлечены семь мужских, три женских и один детский скелет. В том же году под руководством С.С. Сорокина были проведены археологические работы на памятнике Ближние Елбаны-ХІV. Им вскрыто 19 погребений, из которых получены антропологические материалы шести мужских, двух женских, шести детских черепов и два скелета без определения половозрастных признаков из-за плохой сохранности. Полученные материалы из этих двух памятников были переданы в Государственный Эрмитаж (Грязнов, 1956, с. 100–102).

В следующем 1947 г. М.П. Грязнов начал работы на могильнике Ближние Елбаны-ІІІ. Им зафиксировано и изучено 12 грунтовых могил, относящихся к одинцовской культуре. Всего получено четыре мужских, три женских и два детских черепа. Все эти антропологические материалы были переданы в Государственный Эрмитаж (Грязнов, 1956, с. 117).

В 1959 г. А.П. Уманский провел археологические работы на могильнике Тугозвонovo, в ходе которых было исследовано одно грунтовое погребение. Были обнаружены костные останки мужчины зрелого возраста с прижизненной кольцевой деформацией черепа. Антропологические материалы были переданы в Алтайский государственный краеведческий музей (Уманский, 1978, с. 160). В том же году А.П. Уманским было обнаружено захоронение взрослого мужчины с конем на памятнике Татарские Могилки, которое

исследователь отнес к IV–V вв. н.э. Место хранения антропологических материалов не известно (Уманский, 1974, с. 136; 1985, с. 59–60).

В 1961 г. А.П. Уманским случайно были обнаружены на памятнике Нечунаевский Елбан-2 три грунтовых могилы, в которых сохранились скелеты взрослых людей, никаких половозрастных определений не было проведено (Уманский, 1985, с. 57). В 1962 г. работы продолжились, зафиксировано еще два захоронения, которые также относились к IV–V вв. н.э. При их изучении были получены антропологические материалы пяти индивидов. Место хранения антропологических коллекций не известно (Уманский, 1985, с. 57–58).

В 1963 г. на памятнике Татарские Могилки, были продолжены аварийные работы под руководством А.П. Уманского. Им изучен курган №1, под насыпью которого зафиксировано три могилы, могилы №3 и 4 по сопроводительному материалу автором работ были отнесены к одицовской культуре. В ходе их изучения в могиле №3 обнаружен скелет подростка, а в могиле №4 — парное мужское погребение. Место хранения полученных антропологических материалов не известно (Уманский, 1985, с. 59; Ширин, 1994, с. 122–124).

В 1969 г. на могильнике Осинки проводились археологические работы под руководством Н.Л. Членовой, в результате чего были обнаружены два детских захоронения. Материал был передан в Государственный Эрмитаж (ГЭ. Колл. №2472). В 1970 г. работы были продолжены, уже под руководством Д.Г. Савинова. Им было изучено 77 могил, из которых 36 датируются I тыс. н.э. Из них 25 погребений относятся предположительно к одицовской культуре, при их изучении были получены пять мужских, шесть женских и 10 детских, а в четырех могилах сохранность костяка была очень плохой, поэтому пол и возраст первоначально определить не удалось. Все антропологические материалы были переданы в Государственный Эрмитаж в 1971 г. (ГЭ. Колл. №2473) (Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 10–19).

В 1985 г. в ходе земляных работ был разрушен курганный могильник рядом с с. Усть-Пустынка. В том же году материал был изучен М.Т. Абдулганеевым и Ю.П. Алехиным. В разрушенном погребении (или погребениях?) были обнаружены останки двух людей. Скелет №1 принадлежал мужчине 30–35 лет, скелет №2 — женщине 50–60 лет (Алехин, Гельмель, 1991). После археологических работ антропологические материалы были переданы в Краснощекровский народный музей (Краснощекровский районный краеведческий музей). Но, по словам автора работ Ю.П. Алехина, позже материалы были утеряны и настоящее их местонахождение не известно.

В 1988 г. на памятнике Малый Гоньбинский Кордон-1, могильник 2 (МГК-1/2) А.Л. Кунгуровым проводились аварийные археологические работы в связи со строительством дороги. Всего на территории памятника было вскрыто пять могил, но только могила №3 на основе интерпретации сопроводительного материала была отнесена к одицовской культуре. В ходе работ был обнаружен скелет подростка, сохранился череп, кости правой руки без кисти, позвоночный столб. Полученные антропологические материалы были

переданы в Музей археологии и этнографии Алтая АГУ (Горбунов, Кунгуров, 2018, с. 152; Кунгуров, 2018, с. 177–178).

В 1991 г. были проведены аварийные работы на могильнике Ераска сотрудником БГПИ В.Б. Бородаевым под руководством Я.В. Егорова. Ими было зафиксировано грунтовое погребение, которое разрушалось оврагом. В ходе его исследования были обнаружены кости человека (фрагменты черепа, зубы и ребра), на основе первичного осмотра было установлено, что это мужчина зрелого возраста. Полученные антропологические коллекции были переданы в Алтайский государственный краеведческий музей (Егоров, 1993, с. 77).

В период 1992–1993 гг. проводилась археологическая экспедиция на могильнике Троицкий Елбан-I, работы возглавлял В.В. Горбунов. Им было зафиксировано восемь погребений, совершенных по обряду кремации (Горбунов, 1993, с. 81–82; Горбунов, 1995, с. 148–149). Кальцинированные кости были переданы в Музей археологии и этнографии Алтая АГУ (Колл. №160).

С 1993–1994 гг. на могильнике Ближние Елбаны-XVI проводились археологические работы спасательной экспедицией Алтайского государственного университета под руководством М.Т. Абдулганеева, в ходе которых было зафиксировано пять могил одинцовской культуры. Из них было получено три скелета, которые принадлежали взрослым людям (пол не определен), и два детских черепа. Антропологические материалы хранятся в Музее археологии и этнологии Алтая АГУ (Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995, с. 243–245).

В 1994 г. проходило обследование памятника Золотное-I П.Л. Рудометовым. В ходе работ на территории могильника не осуществлялось археологических раскопок, только внешний осмотр. В местах выдува были зафиксированы фрагменты двух человеческих черепов (Горбунов, Рудометов, 2003, с. 52–54). Полученные антропологические коллекции предположительно были переданы в Музей археологии и этнографии АГУ.

В 1997 г. начались работы на могильнике Горный-10 под руководством М.Т. Абдулганеева. Им было зафиксировано и вскрыто четыре могилы, относящиеся к средневековью, в результате чего было обнаружено три целых мужских черепа и один женский (Серегин, Степанова, 2019, с. 219). Все материалы были переданы в Музей археологии и этнографии Алтая АГУ (ИН С–1371–1373, С–1282) (индивидуальный номер антропологии С — *calva* (лат. — череп), номер из инвентарной книги краниологического материала кабинета антропологии АГУ).

В 1998 г. были проведены археологические работы на памятнике Чекановский Лог-9 под руководством сотрудников лаборатории исторического краеведения БГПУ М.А. Демина и С.М. Ситникова. Ими были зафиксированы две мужские могилы, относящиеся к одинцовской культуре (Горбунов, Демин, Ситников, 2004, с. 18). Антропологический материал в том же году был передан в Музей археологии и этнографии Алтая АГУ (ИН С–1227–1228).

В 1999 г. проводились археологические работы на могильнике Страшный Яр. Сотрудником АГУ В.И. Авраменко на пашне была зафиксирована одна грунтовая могила, на дне которой был найден скелет мужчины (Горбу-

нов, Тишкин, Фролов, 2017, с. 107). Полученные антропологические материалы были переданы в том же году в Музей археологии и этнографии Алтая АГУ (ИН С-1298).

В 2000 г. археологические работы на памятнике Горный-10, были возобновлены также под руководством М.Т. Абдулганеева. Им было изучено 17 могил, из которых в кабинет антропологии АГУ поступило только два мужских (ИН С-1374–1375), два женских (ИН 1377–1378) и два детских черепа (ИН 1376, 1380) (Серегин, Степанова, 2019, с. 219). Затем в 2001 г. работы на могильнике снова продолжились, в ходе них было исследовано еще 31 средневековое погребение (Серегин, Степанова, 2019, с. 219). При их изучении было получено 11 мужских (ИН С-1379, С-1383–1385, С-1388–1389, С-1393, С-1395, С-1398, С-1401, С-1403), 12 женских черепов (ИН С-1381–1382, С-1390–1392, С-1396–1397, С-1400, С-1402, С-1405, С-1410–1411) и девять детских скелетов (ИН С-1380, С-1386–1387, С-1394, С-1399, С-1404, С-1406–1409). Все материалы были переданы в Музей археологии и этнографии Алтая АГУ.

В период 2002–2003 гг. на памятнике Горный-10 были возобновлены работы. М.Т. Абдулганеев исследовал еще 21 погребение, из которых было получено шесть мужских (ИН С-1421, С-1424, С-1425, С-1430, С-1434, С-1435), пять женских (ИН С-1422, С-1423, С-1428, С-1429, С-1432) и четыре детских (ИН С-1426, С-1427, С-1431, С-1433) черепа. В 2003 г. зафиксирована и вскрыта всего одна могила (Серегин, Степанова, 2019, с. 219). Полученные антропологические коллекции хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АГУ.

С 2015 по 2019 г. на могильнике Чумыш-Пережат проводились археологические работы под руководством А.В. Фрибуса и С.П. Грушина. Ими было зафиксировано 18 могил, относящихся к одинцовской культуре. В 2015 г. было зафиксировано одно средневековое погребение, из которого получен скелет мужчины. В 2016 г. было обнаружено девять могил, из них четыре детских, две женских, три мужских и три скелета без определения половозрастных признаков. В 2017 г. работы на памятнике продолжились, было вскрыто одно мужское захоронение. Затем в 2018 г. было зафиксировано шесть могил средневекового периода, из которых одно детское, три женских и одно мужское погребение, два скелета без определения половозрастных признаков. И в 2019 г. было изучено одно детское захоронение с кремацией. В общей сложности получено 19 скелетов, которые были переданы в Музей археологии и этнографии Алтая АГУ (Грушин и др., 2020, с. 128–129).

Таким образом, из погребальных комплексов одинцовской культуры суммарно было получено 180 единиц антропологического материала, общую сохранность которых можно описать как удовлетворительную, поскольку некоторые коллекции представлены лишь фрагментами или осколками костных останков. Не во всех случаях известно место хранения коллекций, во время анализа материалов удалось установить, что в кабинете антропологии Музея археологии и этнографии Алтая АГУ хранятся кости от 98 индивидов из могильников Ближние Елбаны-XVI, Горный-10, МГК-1/2, Золотное-1,

Страшный Яр, Троицкие Елбаны-I, Чекановский Лог-9, Чумыш-Перекаат. В Алтайском государственном краеведческом музее хранится антропология двух индивидов из памятников Ераска и Тугозвоново. В Бийском краеведческом музее хранится один скелет из могильника Одинцовка-I. В Государственном Эрмитаже хранятся костные останки 64 индивидов из памятников Ближние Елбаны-III, XII, XIV и Осинки. Таким образом, установлено место хранения антропологических материалов 165 индивидов и местонахождение антропологических материалов 15 индивидов не известно. Поэтому перспективой дальнейшего исследования данной темы является установление места хранения антропологического материала, их анализ и изучение.

Список источников

Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тыс. н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 243–252.

Алехин Ю.П., Гельмелъ Ю.И. Курган гунно-сарматского времени у с. Усть-Пустынка Краснощековского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 94–96.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-1 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 80–90.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник Троицкий Елбан-I (новые материалы) // Изучение памятников Алтайского края. Ч. II. Барнаул, 1995. С. 148–152.

Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М. Погребение воинов эпохи великого переселения народов на Верхнем Алее // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. С. 18–36. (Труды гуманитарного факультета НГУ. Серия II. Вып. 1).

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л. Памятники первой половины I тыс. н.э. археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 в Барнаульском Приобье // Известия Алтайского государственного университета. 2018. №2 (100). С. 150–157.

Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул, 2003. С. 52–57.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В. Редкое погребение одинцовской культуры на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск, 2017. С. 106–110.

Григоров Е.В., Казаков А.А. Барнаульско-Бийское Приобье в I–XII вв. (по данным погребального обряда). Барнаул, 2018. 230 с.

Грушин С.П., Фрибус А.В., Тишкин А.А., Сайберт В.О. Комплексный анализ раннесредневековых наборных поясов из могильника Чумыш-Перекаат (Верхнее Приобье) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. №67. С. 128–136.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М., 1956. 256 с. (МИА. №48).

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.

Кунгуров А.Л. Могильник 2 археологического комплекса МГК-1 в Барнаульском Приобье (по раскопкам 1988 г.) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. С. 177–182.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (ба-сандайская культура). Новосибирск, 2008. 424 с.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Могильник Горный-10 (предгорный Алтай): история исследований и перспективы изучения материалов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул, 2019. С. 218–227.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху Средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 136 с.: ил.

Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136–149. (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4).

Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.

Уманский А.П. Памятники эпохи «великого переселения народов» на Алтае // Урало-Алтайстика: археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 55–62.

Ширин Ю.В. Новые исследования многослойного памятника Степной Чу-мыш-2 // Кузнецкая старина. Вып. 2. Новокузнецк, 1994. С. 122–129.

Информация об авторе / Information about the Author

Валерия Евгеньевна Алексеева, Алтайский государственный университет, Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», лаборант-исследователь; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, магистрант кафедры археологии, этнографии и музеологии, alekseeva_2001_182@mail.ru

Valeria E. Alekseeva, Altai State University, Scientific and Educational Center of Altaic Studies and Turkology “Bolshoy Altai”, Laboratory Researcher; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Graduate Student of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, alekseeva_2001_182@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 069.5(571.52)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.49

EDN: VGPYNN

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОДНОЙ БУДДИЙСКОЙ ТХАНКЕ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА: ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА, АТРИБУЦИИ И ХРАНЕНИЯ

Ульяна Павловна Бичелдей, Солангы Александровна Хумбун

Тувинский институт гуманитарных прикладных и социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия

Резюме. Статья посвящена настенному религиозному свитку — «иконе» с изображением буддийского божества, исполненному в технике аппликации из лоскутков различных видов тканей, из коллекции фондов Национального музея Республики Тыва. Данная работа является результатом проведения дополнительного исследова-

ния указанного религиозного ритуального объекта, в ходе него удалось найти ответы на некоторые вопросы, которые ранее требовали более подробного разъяснения. Удалось также отследить историю ведения учета музейных предметов, выявить трудные моменты атрибуции музейных предметов, важность проведения правильного и точного распознавания каждого исторического артефакта, в особенности относящихся к буддийской культуре.

Ключевые слова: буддизм, буддийская тханка, буддийское искусство, буддийская икона, буддийская культура, музейная коллекция, буддийские культовые предметы

Для цитирования: Бичелдей У.П., Хумбун С.А. Еще раз об одной буддийской тханке из коллекции Национального музея Республики Тыва: проблемы учета, атрибуции и хранения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 316–321. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.49

ONE MORE TIME ABOUT ONE BUDDHIST THANGKA FROM THE COLLECTION OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF TYVA: PROBLEMS OF ACCOUNTING, ATTRIBUTION AND STORAGE

Ulyana P. Bicheldey, Solangy A. Khumbun

*Tuvan Institute of Applied Humanities and Socio-Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia*

Abstract. The article is devoted to a religious wall scroll — “Icon”, with painting a Buddhist deity, performed in the technique of applique of scraps of different various types of fabrics from the collection of the National Museum of the Republic of Tuva. This work is the result of additional research into the mentioned religious object, the study of which made it possible to find answers to the questions that previously required a more detailed explanation. It was also possible to trace the history of keeping records of museum items, to identify difficult moments of attribution of museum items, and also importance of correct and accurate recognition of each historical artifact, especially those related to Buddhist culture.

Keywords: attribution, thangka, Buddhist art, Buddhist icon, Buddhist culture, museum collection, Buddhist cult objects

For citation: Bicheldey U.P., Khumbun S.A. One More Time about One Buddhist Thangka from the Collection of the National Museum of the Republic of Tuva: Problems of Accounting, Attribution and Storage. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024; XXX:316–321. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.49

В фондах Национального музея Республики Тыва хранится достаточно богатая коллекция предметов, принадлежащих буддийской культуре тувинцев. Среди них имеются образцы настенной храмовой живописи, созданные на тканевой основе. Особый интерес представляют буддийские культовые атрибуты, выполненные с применением техники аппликации. К наиболее интересным и оригинальным иллюстрациям относятся следующие предметы из указанной коллекции:

- навес, в центре которого изображено «колесо учения»;
- изображение ритуального зонта, одного из восьми священных символов буддизма;

- навес с цветными полосками;
- тханка разных размеров, выполненная способом наложения;
- крупная тханка с изображением трехголового и четырехрукого божества, сидящего в алмазной позе, с телом белого цвета.

Исследований, посвященных храмовой живописи тувинского музея, не так много.

В 2005 г. научным сотрудником тувинского музея У.П. Опей-оол была осуществлена работа по идентификации тханка из указанной коллекции. По результатам этой работы опубликована статья, которая явилась первой попыткой атрибуции буддийской «иконы» — тханка достаточно большого размера (Опей-оол, 2005). В 2019 г. выходит работа этого же автора, где среди других изображений буддийских божеств упоминается и данная аппликационная тханка (Бичелдей, 2019).

Ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа Ю.И. Елихина в 2019 г. опубликовала научное изыскание на основе анализа предметов буддийского искусства из собрания тувинского музея, среди которых она описала тханка с изображением трех божеств (Елихина, 2019). Позднее в научном журнале Национального музея Тувы вышла статья хранителя религиозной коллекции данного музея А.-Х.М. Допай о коллекции тханка в фондах указанного музея (Допай, 2020).

В 2020 г. Национальным музеем Республики Тыва впервые был подготовлен альбом-каталог, «явившийся первым и важным шагом в деле каталогизации и публикации предметов буддийской скульптуры и иконографии Тувы» (Буддийское искусство Тувы..., 2020, с. 10). Составителем и автором описаний выступила Ю.И. Елихина.

В указанное издание включены более 100 предметов буддийской культуры из коллекции тувинского музея. Из них определению подвергнуты 81 тханка, из которых 59 единиц отнесены к предметам, изготовленным на территории Тувы (Буддийское искусство Тувы..., 2020, с. 75).

В статье рассматриваются некоторые аспекты, выявившиеся при дополнительном изучении буддийской тханка, особо выделяющейся из числа других живописных свитков внушительными размерами.

Указанная религиозная тканевая храмовая картина изготовлена из разноцветных шелковых лоскутов, соединенных специальными сложными швами. Тханка до сих пор хранится без наличия инвентарного номера. Ее высота, как это было указано в предыдущих исследованиях (Бичелдей, 2019, с. 163), составляет 4 м 35 см, ширина — 2 м 42 см. Высота самого изображения божества — 2 м 22 см, ширина — 1 м 83 см.

С целью дополнительного изучения данного объекта еще раз были изучены музейные книги поступлений. Порядковым номером 1672 также обозначена «тханка», которая помечена записью: «Танка — «Намжилма», очень большого размера, 3-х ликое, по 3 глаза (желтая голова, белая, синяя, 8-ми руками». Далее даны параметры тханка — «2 м × 4 м». Поиски среди предметов буддийской коллекции музея тханка с изображением божества Намжилма

(санскр. Ушнишавиджая — побеждающая ушниша; тиб. Намгьялма — победа, Победоносная; бур.-монг. Зугдер Намжилма), как указано в КП музея, не принесли результатов.

В экспозиционном зале буддизма, развернутом в головном здании Национального музея, размещена тканевая «икона», которой формат которой совпадает с обозначенным в книге поступлений предметом, указанным как «тханка».

В музейных документах какой-либо информации об этом крупном свитке не имеется. По этой причине до сих пор сохраняется проблема по определению времени поступления тханка в фонды музея, места ее изготовления и принадлежности. Изучив музейный альбом-каталог, на его 75-й странице

*Изображение тханка, экспонируемое в зале буддизма
Национального Музея Республики Тыва
The image of tkhanka, exhibited in the hall of Buddhism
National Museum of the Republic of Tuva*

удалось обнаружить ценную информацию об этой тханке, где Ю.И. Елихина идентифицировала, что в центре тханка изображен Авалокитешвара Амогхапаша, одна из манифестаций божества милосердия, и относит ее к предметам искусства, изготовленным в Урянхае (ныне Тува) в конце XIX — начале XX в. (Буддийское искусство Тувы..., 2020, с. 75).

По сведениям хранителя религиозно-культурных предметов фондов НМ РТ А.-Х.М. Допай, коллекционирование предметов буддизма началось в период Тувинской Народной Республики. Эта работа продолжилась после вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г.

В середине XX в. в областной музей Тувы поступало достаточно много предметов буддийской религии из разных уголков республики. По словам А.-Х.М. Допай, в это время по причине отсутствия специалистов по музейной деятельности работа по ведению учета музейных предметов не проводилась.

Согласно анализу учетных документов музея, к работе приема предметов по акту приемки и внесения их в соответствующие книги поступлений приступили в 1954 г.

Не выясненным остается вопрос, имелась ли в буддийской коллекции музея еще одна тханка крупных размеров, с изображением восьмимирукой бодхисаттвы Намжилмы. Или изначально в запасниках музея оказалась только одна аппликационная тханка, с изображением Авалокитешвары Амогхапаша, которую по многим атрибутам и цветовой символике ошибочно могли идентифицировать как бодхисаттву Намжилма.

Изучив все особенности указанной тханки, экспонируемой в зале буддизма музея, и опираясь на атрибуцию, осуществленную Ю.И. Елихиной в альбоме-каталоге тувинского музея, можно окончательно утверждать, что на ней действительно изображен Авалокитешвара с тремя головами Будды Амтабхи, а не Ушнишавиджая или Намжилма, как ошибочно было указано в учетных документах тувинского музея.

Во время проведения работ по повторной идентификации тханки авторами статьи были сделаны запросы о наличии подобного свитка в музеях и архивах других территорий России. Пока поиски аналогичного религиозного свитка не увенчались успехом.

Таким образом, подводя итог изучению одного музейного объекта, относящегося к буддийскому историко-культурному наследию Тувы, авторы пришли к выводу, что данное иконографическое изображение, выполненное особым, можно сказать, редким способом уникальной художественной техники, имеет собственную историю и является религиозной и культурной ценностью Тувы. В 2009 г. живопись буддийских тханок, в какой бы технике они ни были выполнены, особо отметив их культурное значение, ЮНЕСКО включила в список шедевров нематериального культурного наследия человечества. С учетом этого обстоятельства имеются веские основания обратить особое внимание на тханку значительного размера из коллекции Национального музея Тувы, а также принять решение о придании ей статуса ценнейшего охраняемого памятника художественной культуры народов Тувы.

Список источников

Бичелдей У.П. Самый большой аппликационный буддийский свиток из фондов Национального музея Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2019. №2. С. 161–169.

Буддийское искусство Тувы. Некоторые произведения буддийского искусства из собрания Национального музея Республики Тыва / сост. Ю.И. Елихина. Кызыл, 2020. 271 с.

Допай А.-Х.М. Коллекция буддийских тханок в фондах национального музея Республики Тыва // Ермолаевские чтения. Кызыл, 2020. С. 164–169.

Елихина Ю.И. Особенности тувинского буддийского искусства и живописного стиля в танга // Искусство Евразии. 2019. №3 (14). С. 258–271.

Опей-оол У.П. Об одной танка в фондах Национального музея Республики Тыва // Музей в XXI в.: проблемы и перспективы. Кызыл, 2005. Ч. II. С. 128–136.

Фонды НМ РТ, книга поступлений №2. №1641, 1643, 23-3575/23, №24-1641, №24-1643, №24-1672.

Информация об авторах / information about the Authors

Ульяна Павловна Бичелдей, Тувинский институт гуманитарных прикладных и социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, сектор религиоведения, заведующий сектором; 667001, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4, PhD религиоведения, <https://orcid.org/0000-0001-5588-9167>, opei-ool@yandex.ru

Ulyana P. Bicheldey, Tuvan Institute of Applied Humanities and Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Religious Studies Sector, Head of the Sector; 667001, Kyzyl, Russia, Kochetova street, 4, Doctor of Religious Studies, <https://orcid.org/0000-0001-5588-9167>, opei-ool@yandex.ru

Солангы Александровна Хумбун, Тувинский институт гуманитарных прикладных и социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, сектор религиоведения, главный специалист; 667001, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4, solangy.khumbun@mail.ru

Solangy A. Khumbun, Tuvan Institute of Applied Humanities and Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Religious Studies Sector, Chief Specialist; 667001, Kyzyl, Russia, Kochetova street, 4, solangy.khumbun@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 902.32

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.50

EDN: TYFYTY

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК В СОБРАНИИ НМРА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ

Роман Владиславович Куюков

Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина,

Горно-Алтайск, Россия

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В фондах Национального музея Республики Алтай имени А.В. Анохина хранится большое количество предметов амуниции верховых лошадей, использовавшихся в быту, начиная с периода ранних кочевников заканчивая этнографической современностью. Коллекция конского снаряжения раннесредневековых тюрков в фондах и экспозиционных залах музея насчитывает 367 единиц хранения, найденных в 27 объектах из 18 археологических памятников с территории Республики Алтай. История поступления рассматриваемой категории начинается с 1935 г. Собрание материалов данной категории является ярким дополнением экспозиции, посвященной тематике конского снаряжения тюрков в зале археологии «Горный Алтай в древнетюркское время».

Ключевые слова: конское снаряжение, коллекция, предметы, исследования, музей, комплекс

Для цитирования: Куюков Р.В. Конское снаряжение раннесредневековых тюрков в собрании НМРА: история формирования коллекции // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 321–329. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.50

EQUESTRIAN EQUIPMENT OF EARLY MEDIEVAL TURKS IN THE COLLECTION OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE ALTAI REPUBLIC: THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE COLLECTION

Roman V. Kuyukov

*Anokhin National Museum of the Altai Republic, Gorno-Altaiisk, Russia
Gorno-Altai State University, Gorno-Altaiisk, Russia
Altai State University, Barnaul, Russia*

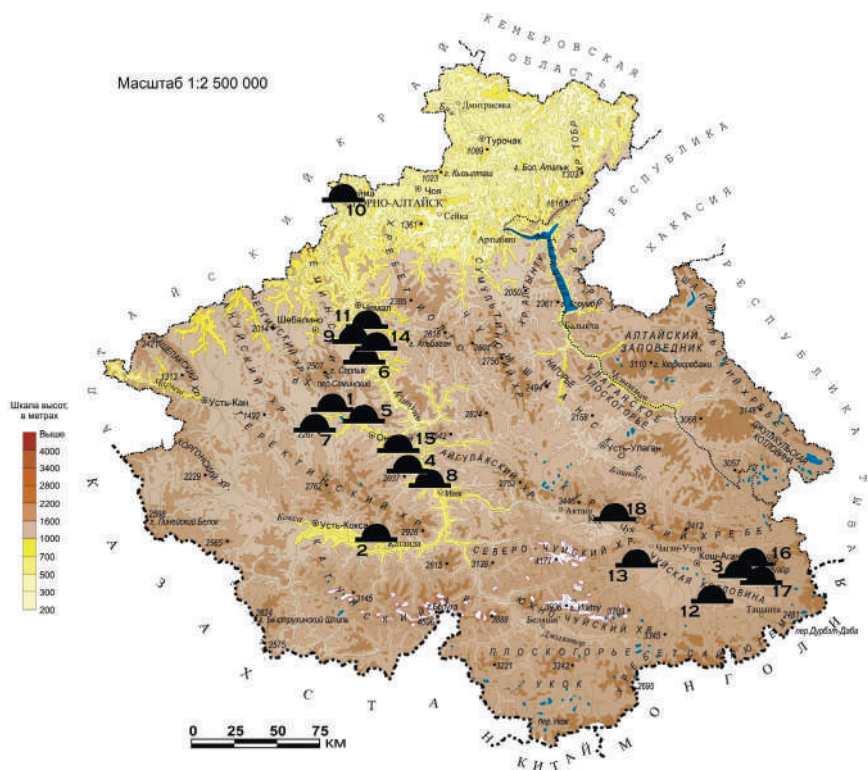
Abstract. The National Museum of the Altai Republic houses a large number of riding horse harness used in everyday life since the early nomads' times to the ethnographic modernity. The museum's collection of horse equipment of the early medieval Turks includes about 367 depository items found in 27 sites from 18 archaeological sites on the territory of the Altai Republic. These objects have been acquired by the museum since 1935. The collection augments the Turks' horse equipment displayed in archeology hall on Gorny Altai in ancient Turkic times.

Keywords: horse equipment, collection, objects, researches, burial ground, complex

For citation: Kuyukov R.V. Equestrian Equipment of Early Medieval Turks in the Collection of the National Museum of the Altai Republic: the History of the Formation of the Collection. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:321–329. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.50

Конь играл важную роль в военном, хозяйственном деле и религиозных представлениях тюрков. Согласно традициям кочевников Алтая, конь сопровождал человека не только в земном мире, но и в загробной жизни. Отмечены также случаи с отдельными захоронениями животных. Лошадей хоронили взнузданными или оседланными, в некоторых случаях — в полном комплекте снаряжения. С появлением конского убранства оно непрерывно менялось и совершенствовалось. К амуниции верховых коней раннесредневековых тюрков относятся: удила и псалии, уздечные наборы, седла, стремена,

подпружные пряжки, застёжки пут. Изучением предметов конского снаряжения тюрков занимались А.А. Гаврилова (1965, с. 80–87), Г.В. Кубарев (2005, с. 119–137), Б.Б. Овчинникова (1990, с. 86–129), Т.Г. Горбунова (2010) и др. Однако в этих исследованиях не учтен значительный объем данных из фондов Национального музея Республики Алтай имени А.В. Анохина (далее — НМРА). Рассматриваемая в данной работе коллекция предстает значительной серией предметов, найденных в 27 объектах из 17 археологических памятников со всей территории Республики Алтай (рис.).

Расположение памятников раннесредневековых тюрков с предметами конского снаряжения, хранящимися в НМРА: 1 — Туекта; 2 — Катанда-ТТ; 3 — Узунтал; 4 — Усть-Карасу; 5 — Курота-ТТ; 6 — Айрыдаш; 7 — Кара-Коба-ТТ; 8 — Большой-Яломан-ТТ; 9 — Бике-Т; 10 — Горно-Алтайск; 11 — Чобурак-Т; 12 — Чатыр; 13 — Елангаш-Булун-ТТ; 14 — Чоба-7; 15 — Балтарган; 16 — Джолин-ТТТ; 17 — Талдуаир-Т; 18 — Курайка-2
Location of the sites of the early medieval Turks with items of horse equipment stored in the NМРА: 1 — Tuekta; 2 — Katanda-TT; 3 — Uzuntal; 4 — Ust-Karasu; 5 — Kurota-TT; 6 — Airydash; 7 — Kara-Koba-TT; 8 — Bolshoi-Yaloman-TT; 9 — Bike-T; 10 — Gorno-Altaysk; 11 — Choburak-T; 12 — Chatyr; 13 — Elangash-Bulun-TT; 14 — Choba-7; 15 — Baltargan; 16 — Jolin-TTT; 17 — Talduair-T; 18 — Kuraika-2

История формирования коллекции предметов конского снаряжения в НМРА началась с С.М. Сергеева, который возглавлял один из двух отрядов Саяно-Алтайской археологической экспедиции С.М. Киселева (1936, с. 282). Исследования проводились на могильнике Туекта в 1935 г. Предметы конского снаряжения найдены в двух погребениях. Это два уздечных набора, изготовленных из серебра: первый состоит из 26, второй — из 23 предметов различных форм. Также восемь застежек от пут, двое железных удил, одно стремя, четыре костяные и одна железная подпружные пряжки. Материалы поступили в музей в 1935 г. Им присвоены инв. №283, 293–295, 415–426, 360–366, 10479. В 1954 г. А.А. Гаврилова исследовала курган 5 памятника Катанда-II. В захоронении найдены: орнаментированные накладки на луку седла, состоящие из шести фрагментов, три застежки от пут, два стремени, железные удила с роговыми псалями (Гаврилова, 1965, с. 61). Погребение датировано VII–VIII вв. н.э. (Гаврилова, 1965, с. 66). Предметы поступили в музей в 1963 г. и им присвоены инв. №5768–5776.

В 1972 г. Д.Г. Савинов провел исследование шести погребений тюркской культуры, отнесенных к VI–X вв. н.э. в комплексе памятников Узунтал в долине реки Бугузун (Савинов, 1982). Предметы поступили в музей в 1973 г. с присвоением инв. №7311–7316, 7319–7325, 7338–7344, 7350–7358, 7370–7378. В кургане №1 могильника Узунтал-I найдено: семь бляшек, два костяных псаля, одна накладка луки седла. В кургане №2 могильника Узунтал-I найдено: четыре бляшки, накладка на луку седла, состоящая из пяти фрагментов, четыре железных стремени, двое железных удил с псалями, две подпружные роговые пряжки. В кургане №1 могильника Узунтал-V найдены: уздечный набор из 34 предметов, изготовленных из серебра, удила, одна железная и две костяные подпружные пряжки. В кургане №2 могильника Узунтал-V найдены: железная подпружная пряжка, два стремени, одна серебряная пряжка. В кургане №1 могильника Узунтал-VI найдены: два стремени, две костяные застежки от пут, железная пряжка, удила с псалием. В кургане №1 могильника Узунтал-VIII найдено два стремени, двое удил с кольцами, одна железная подпружная пряжка.

В том же году А.С. Васютин, занимавшийся целенаправленными исследованиями объектов тюркской культуры, провел раскопки трех оградок в комплексе Усть-Карасу. В каменном ящике в центральной части объекта №1, отмеченного в полевом отчете как курган №1, найдены два петельчатых железных стремени с Т-образной подножкой. В оградке №А-1 обнаружены две железные пряжки, на одной из которых язычок отсутствует. В оградке №А-2 в каменных ящичках обнаружены железные удила, петельчатое стремя с плоской подножкой и железная пряжка (Серегин, Васютин, 2019, с. 35, рис. 4.-6). По характеристике обнаруженных изделий объекты могут относиться ко 2-й половине V — VI в. н.э. (Серегин, Васютин, 2019, с. 41).

В 1979 г. первый местный археолог из Горно-Алтайской автономной области (ныне Республика Алтай) А.С. Суразаков исследовал шесть объектов на могильнике Курота-II. В кургане №46 найдены фрагменты железной пряжки

ки и две застёжки от пут (Суразаков, 1990а, с. 69). По погребальному обряду и комплексу предметов курган датирован VIII–IX вв. н.э. (Суразаков, 1990а, с. 72). Предметы переданы в музей в 1997 г. и им присвоен инв. №10354. В 1980-е гг. А.С. Суразаков провел исследование разновременных памятников в местности Айрыдаш. В разные годы раскопано большое количество археологических объектов от эпохи энеолита до средневековья (Суразаков, 1990б, с. 197). Тюркское время представлено тремя объектами: оградка №121 могильника Айрыдаш-I, группы-I, курган №11-A и 34-A могильника Айрыдаш-I, группы-II. В 1984 г. раскопана оградка №121, где найдены железное стремя и удила. Предметы поступили в музей в 1994 г. и им присвоен инв. №12111. В 1987 г. раскопано погребение №11-A, где найдена роговая подпружная пряжка с язычком, два стремени, фрагмент рогового псаляя, костяная застёжка от пут и железные удила. Предметы переданы в музей в 1999 г. и им присвоен инв. №10958. Также из погребения №34-A поступили два стремени и железные удила. Установление подробностей поступления предметов из кургана №34-A имеет некоторые сложности, поскольку научной публикации результатов исследования не проводилось, информация в музее также отсутствует.

С 1977 г. под руководством В.А. Могильникова в течение нескольких полевых сезонов работала Алтайская экспедиция ИА АН СССР. В 1981 г. проведено исследование шести объектов в курганной группе Кара-Коба-II. К тюркскому времени относится курган №13, где найдено: два стремени, костяная застёжка от пут, уздечный набор из 11 предметов и бронзовая пряжка без язычка (Могильников, 1983, с. 68). Курган датирован VII–VIII вв. н.э. (Могильников, 1983, с. 69). Предметы переданы в музей в 1990 г. с присвоением инв. №10929. В 1989 г. В.А. Могильников вместе с А.С. Суразаковым исследовали шесть объектов на могильнике Большой-Яломан-II. В захоронении №4 помещалось погребение взнузданного, оседланного коня. В нем найдены удила, одна подпружная пряжка и два стремени. На спине лошади между двух костей барана обнаружены две берестяные орнаментированные накладки, которые могли служить украшением седла или переметной сумы (Могильников, Суразаков, 1994, с. 43). Погребение предварительно датировано VII–VIII вв. н.э. (Могильников, Суразаков, 1994, с. 47).

В 1988 г. В.Д. Кубарев, исследовавший большое количество памятников разных хронологических периодов и видов, совместно с музейным работником С.М. Киреевым провели раскопки более 30 объектов на комплексе Бике-I. В кургане №9 найдены: удила, два стремени и роговая подпружная пряжка с железным язычком (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 55, рис. 18). По комплексу предметов погребение датировано VIII–IX вв. н.э. (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 92). Предметы переданы в музей в 2004 г. и им присвоен инв. №11663. В том же году С.М. Киреев исследовал разрушенное захоронение человека с конем на окраине г. Горно-Алтайска. Из предметов конского снаряжения найдены две роговые подпружные пряжки и железные удила (Киреев, 1993, с. 231). Погребение датировано концом VIII — началом IX в. н.э. (Киреев, 1993, с. 235). Предметы переданы в музей в 2004 г. и им присвоен инв. №11408.

В начале 1990-х гг. начались исследования в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС. Одной из таких работ стали исследования А.П. Бородавского, проведенные в 1990 г. на погребально-поминальном комплексе Чобурак-I (Бородавский, 1994, с. 75, рис. 4). Предметы конского снаряжения найдены в кургане №1 — это две костяные подпружные пряжки, железная скоба уздечного крепления и застежка от пут. Курган датирован VIII–IX вв. н.э. (Бородавский, 1994, с. 82). Предметы переданы в музей в 1993 г. с присвоением инв. №10045.

В 1991 г. сотрудник музея и ГАНИИИЯЛ В.А. Кочеев доследовал разрушенное погребение в местности Чатыр около села Жана-Аул Кош-Агачского района. На черепе коня сохранились остатки около 15 сыромятных ремешков узды. Уздечный набор состоит из 60 предметов различных форм, изготовленных из бронзы. Погребение хорошо датируется и укладывается в рамки VI–VII вв. н.э. (Кочеев, Худяков, 2000, с. 119, рис. 1–5). Коллекция поступила в музей в 2000 г. с присвоением инв. №10807. Уздечный набор представлен в экспозиции НМРА. В 1993 г. В.А. Кочеев провел исследование на могильнике Елангаш-Булун-II. В 2006 г. в музей поступили материалы из погребений №3 и 4, с присвоением инв. №11663. В кургане №4 найдены два стремени и удила. На основе погребального обряда и по аналогиям предметов погребение предварительно датировано исследователем VIII–IX вв. н.э. Результаты исследования могильника Елангаш-Булун-II до настоящего времени не введены в научный оборот.

В 1992 г. А.С. Суразаков и сотрудник Центра археологических исследований О.В. Ларин провели исследование восьми объектов на могильнике Чоба-7. В погребении №1, где захоронен человек в сопровождении взнузданного коня, найдены: удила, одна железная и две роговые пряжки, четыре застежки от пут, три из которых имеют тамгообразные знаки в виде треугольников (Ларин, Суразаков, 1994, с. 86, рис. 3–5). Погребение датировано в широких хронологических рамках 2-й половины VII — 1-й половины IX вв. н.э. (Ларин, Суразаков, 1994, с. 91). Предметы переданы в музей в 1998 г. и им присвоен инв. №10478. Стремена и застежки с тамгообразными знаками из данной коллекции представлены в экспозиционных залах музея.

В 1992 г. около с. Купчегень в скальном гроте на перевале Балтарган обнаружено разрушенное скальное захоронение. Погребение вскрыто в 1995 г. местным жителем, который передал предметы в школьный музей села Купчегень. Далее коллекция передана в НМРА учителем истории Купчегеньской школы М.В. Моносовым. Предметам присвоен инв. №10336. Уздечный набор состоит из 35 предметов различных форм, железной пряжки и удила (Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, с. 48). По комплексу предметов и погребальному обряду захоронение датировано IX–X вв. н.э. (Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, с. 53). Комплекс предметов и особенности погребального обряда в гроте Балтарган, имеющие схожие черты с культурой кыргызов, послужили основой для выделения балтарганского этапа тюркской культуры Алтая 2-й половины X — XI вв. н.э. (Гишкин, Горбунов, 2002, с. 86).

В 1995 г. руководитель Восточно-Алтайского отряда ИАЭТ СО РАН В.Д. Кубарев провел исследование на памятниках Джолин-III и Талдуаир-1. Группа погребальных памятников Джолин-III включает четыре объекта. В кургане №2 найдены: железные удила, роговая подпружная пряжка с язычком, петельчатое стремя с плоской подножкой и деревянные остатки седла (Кубарев, 2005, с. 373). По комплексу предметов курган датирован VII–VIII вв. н.э. (Кубарев, 2005, с. 140). Коллекция поступила в музей в 1995 г. с присвоением инв. №10835. Могильник Талдуаир-1 состоит из 10 объектов. В захоронении №7 найдены: две роговые подпружные пряжки, железные удила с роговыми псалиями, железная пряжка, два железных стремени и миниатюрная роговая пряжка (Кубарев, 2005, с. 377). Курган датирован IX–X вв. н.э. (Кубарев, 2005, с. 140). Предметы поступили в музей в 1995 г. и им присвоен инв. №10836. Некоторые предметы представлены в экспозиции НМРА.

Последний этап поступления предметов тюркского времени связан с работами Н.А. Константинова на погребально-поминальном комплексе Курайка-2, проведенными в 2016 г. В погребении человека с конем найдено: два железных стремени, железные удила с псалиями, две костяные подпружные пряжки, две застёжки от пут, железная пряжка и уздечный набор из 27 предметов различных форм. В оградке найдено два звена железных удил (Константинов, Серегин, 2021, с. 232). Анализ погребальной обрядности, предметного комплекса и результатов, полученных в ходе радиоуглеродного датирования, позволил отнести объекты ко 2-й половине VII — 1-й половине IX в. н.э. Но присутствие предметов как начального этапа, так и более позднего времени позволило исследователям прийти к выводу о возможности более раннего датирования комплекса (Константинов, Серегин, 2021, с. 239). Коллекция поступила в музей в 2022 г. с присвоением инв. №13693.

История формирования коллекции конского снаряжения раннесредневековых тюрок 2-й половины V — XI в. н.э. в НМРА имеет довольно продолжительную историю. С 1935 г. по настоящее время проходили исследования археологов из разных городов страны. Общее количество предметов конского снаряжения в НМРА 367: 219 бляшек и наконечников ремней, 59 подпружных пряжек, 36 стремян, 24 удил, 18 застёжек от пут, 12 псалиев, три костяных накладки на луку седла и две берестяные орнаментированные накладки, служившие, возможно, накладками луки седла или украшением переметной сумы, и остатки деревянного седла. Собрание поступило из 27 объектов с 18 археологических памятников, разбросанных по всей территории Республики Алтай и имеющих широкие хронологические рамки.

Предметы конского снаряжения раннесредневековых тюрок, хранящиеся в НМРА, представляют большой интерес для дальнейшего изучения развития амуниции верхового коня со 2-й половины V — XI в. н.э. Имеется возможность реконструкции седел и узды с украшениями для дополнения постоянных экспозиционных залов новыми экспонатами, а также для проведения временных выставок.

Список источников

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на средней Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 75–82.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 145 с.

Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул, 2010. 136 с.

Киреев С.М. Погребение тюркского воина из Горно-Алтайска // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 230–235.

Киселев С.В. Саяно-алтайская археологическая экспедиция 1935 г. // Советская Археология. 1936. №1. С. 282–284.

Константинов Н.А., Серегин Н.Н. Погребально-поминальный комплекс Курайка-2 (Юго-Восточный Алтай): новые материалы к истории тюрков в эпоху Уйгурского каганата // Сибирские исторические исследования. 2021. №4. С. 229–248.

Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 117–127.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Кубарев Д.В., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-7 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 86–91.

Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 52–90.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 38–48.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. 223 с.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.

Серегин Н.Н., Васютин С.А. Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина // Поволжская археология. 2019. №2. С. 32–46.

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курота-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990а. С. 56–96.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990б. С. 197–200.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. №9. Горно-Алтайск, 2002. С. 82–91.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 46–53.

Информация об авторе / Information about the Author

Роман Владиславович Куюков, Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина, отдел истории, научный сотрудник; 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 46; Горно-Алтайский государственный университет, кафедра истории и археологии, ассистент; 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1;

Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, kuyukov.roman@mail.ru

Roman V. Kuyukov, A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic, Department of History, Researcher; 649000, Gorno-Altaysk, 46 Choros-Gurkina str., Russia; Gorno-Altaysk State University, Assistant of the Department of History and Archaeology; 649000, Russia, Gorno-Altaysk, Lenkina str., 1; Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Graduate Student; 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russia, kuyukov.roman@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 902.3(516)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.51

EDN: XWOZBK

«ОЛЕННЫЕ» КАМНИ В МУЗЕЯХ СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА КИТАЯ

Цилэ Му

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. С момента открытия в Монголии «оленных» камней такие изваяния привлекали внимание исследователей своим особенным оформлением, а также изображениями, которые демонстрировали определенный смысл. Процесс их изучения уже имеет большую историю. В Синьцзяне статуи, сделанные древними кочевниками, были обнаружены во время археологических обследований в начале 1960-х гг. С того времени число «оленных» камней с каждым годом увеличивалось. По состоянию на 2011 г. в указанном регионе насчитывалось более 100 изваяний. Часть из них находится в музеях, а некоторые расположены в природных и городских парках Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. В статье представлено несколько музейных экспонатов для дальнейшего формирования базы данных имеющихся источников. Последующий анализ станет важным аспектом в изучении «оленных» камней.

Ключевые слова: Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, культурное наследие, «оленные» камни, музей, экспозиция

Для цитирования: Му Цилэ. «Оленные» камни в музеях Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 329–333. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.51

“DEER” STONES IN THE MUSEUMS OF THE XINJIANG UYGHUR AUTONOMOUS REGION OF CHINA

Qile Mu

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. Since the discovery of “deer” stones in Mongolia, such sculptures have attracted the attention of researchers with their peculiar design as well as images that

reflected a certain meaning. The process of studying them already has a long history. In Xinjiang, statues made by ancient nomads were discovered during archaeological surveys in the early 1960s. Since then, the number of “deer” stones has increased every year. As of 2011, there were more than 100 statues in the region. Of these, some are in museums and some are located in natural and urban parks in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China. This article will introduce a few museum pieces to further build a database of available sources. Subsequent analyses will be an important aspect in the study of “deer” stones.

Keywords: Xinjiang Uygur Autonomous Region of China, cultural heritage, “deer” stones, museum, exposition

For citation: Mu Qile. “Deer” Stones in the Museums of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China. *Sohranenie i izuchenie kul’turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:329–333. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.51

В 1995 г. в статье «Обзор оленных камней Синьцзяна» китайский исследователь Ван Бо представил обнаруженные изъявия древних кочевников, а также упомянул о некоторых образцах из музейных коллекций. В музее Синьцзян-Уйгурского автономного района (г. Урумчи) находится часть «оленного» камня высотой 105 см, шириной 33 см и толщиной 20 см. На одной стороне его есть изображение человека, а на другой — двух оленей, изображение одного оленя относительно целое, а у второго отсутствует голова (номер XBL-1) (Ван Бо, 1995, с. 252).

В погребении памятника Цяэргээр были обнаружены три «оленных» камня (под номерами FQL-1–3). Они, согласно учету, проведенному в 1995 г., хранились в выставочном зале национальных культурных реликвий округа Алтай (г. Алтай). Один из них был целым, а два изъявия оказались поврежденными. В настоящее время целый «оленный» камень находится в выставочном зале №7 музея Синьцзян-Уйгурского автономного района в г. Урумчи (рис. 1).

«Оленный» камень из памятника Шэньбаэркулэ (под номером QSL-4) представлен в выставочном зале национальных культурных реликвий округа Алтай. В 1996 г. он был перенесен из поселка Чаганголэ уезда Цинхэ в Музей округа Алтай. «Оленный» камень под номером QBL-1 из памятника Басыкэажаэнь также представлен в выставочном зале национальных культурных реликвий округа Алтай, как и древнее изъявие под номером QBSL-1 из памятника Бесытежэктаву.

Музей в округе Алтай был основан в 1991 г. В 1993 г. открылся выставочный зал национальных культурных реликвий округа Алтай (рис. 1). В 1996 г. он был переименован в Музей округа Алтай. В коллекции музея находится более 30 «оленных» камней (Ван Бо, Ци Сяошань, 2016, с. 322).

В 2007 г. в Китае официально стартовала третья национальная перепись культурных реликвий. В 2011 г. ее результаты частично нашли отражение в книге под названием «Каменные бабы и оленные камни степей Синьцзяна». В ней зафиксирована коллекция изъявий в музеях Синьцзян-Уйгурского автономного района и изменена нумерация «оленных» камней (Синьцзян вэйуэр..., 2011).

Рис. 1. «Оленные» камни в экспозиции Музея округа Алтай (фото А.А. Тишкина)
Fig. 1. "Deer" stones in the exposition of the Altai County Museum (photo by А.А. Tishkin)

«Оленный» камень из Хунтуэр-2 был получен Музеем округа Фуюнь в 2001 г. «Оленные» камни из Тебукэньвусань находятся в Музее Хобоксар-Монгольского автономного уезда. «Оленные камни» есть музею Мулей уезда. «Оленные» камни из Синьюаня сейчас располагаются в Мемориальном зале Танцзялэкэ в уезде Синьюань.

В 1994 г. один «оленный» камень из погребения памятника Аологашэли вошел в коллекцию музея Боро-Тала-Монгольского автономного округа (Синьцзян вэйуэр..., 2011). Музей Боро-Тала-Монгольского автономного округа был основан в 1984 г., а новый был открыт в 2011 г.

На площади Синьчжэн в г. Цинхэ установлено 11 каменных изваяний древних кочевников (Дун аэртай-шань..., 2011, с. 56). Все они собраны сотрудниками бюро культурных реликвий округа Цинхэ и были обнаружены в разных исторических местах. «Оленные» камни вкопаны (рис. 2), относятся к самому распространенному («общевразийскому») типу (Тишкин, Чжан, 2014).

В ходе предыдущих исследований некоторые «оленные» камни в Синьцзяне были перевезены в музей, а другие оказались размещены в городских

Рис. 2. «Оленные» камни в Музее округа Фуюнь (фото А.А. Тишкина)
Fig. 2. "Deer" stones in the Museum of Fuyun County (photo by Я.Я. Tishkin)

Рис. 3. «Оленные» камни в парке г. Цинхэ (фото А.А. Тишкина)
Fig. 3. "Deer" stones in a park in Qinghe (photo by Я.Я. Tishkin)

(например, на площади г. Цинхэ) и природных парках. Музей округа Алтай имеет относительно богатую коллекцию, ведь большая часть синьцзянских «оленных» камней сосредоточена именно в долинах ближайших гор.

Список источников

Ван Бо. Синьцзян луши цзуншу = Обзор оленных камней в Синьцзяне // Каогусюе цзикань цзю. 1995. 252 (王博. 1995. 新疆鹿石综述 // 考古学集刊九, 252) (на кит. яз.).

Ван Бо, Ци Сяошань. Сычоу чжи лу-Синьцзян гудай вэнхуа (хой) = Шелковый путь. Древняя культура Синьцзяна (продолжение). Урумчи, 2016. 553 с. (王博, 祁小山. 2016. 丝绸之路·新疆古代文化 (续). 新疆人民出版社) (на кит. яз.).

Дун аэргтай-шань дэ гудай вэнхуа ишунь = Древние культурные реликвии Восточного Алтая / Центр исторических антропологических исследований Университета Чжуншань, Бюро культурных реликвий округа Фуюнь, Бюро культурных реликвий округа Цинхэ // Сяньцзянь вэнью ди 1 цзю. 2011. С. 56 (东阿尔泰山的古代文化遗存·中山大学历史人类学研究中心·富蕴县文物局·青河县文物局 / 新疆文物第1期 2011年, 56页) (на кит. яз.).

Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэнью цзюй [Бюро культурного наследия Синьцзян-Уйгурского автономного района]. Синьцзян цаоюань шижэнь юй луши [Каменные бабы и оленные камни степей Синьцзяна]. Пекин, 2011. 202 с. (新疆草原石人与鹿石 // 新疆维吾尔自治区文物局编辑, 科学出版社·北京·2011年 202页) (на кит. яз.).

Тишкин А.А., Чжан Л. «Оленные» камни в западных отрогах Монгольского Алтая (Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул, 2014. С. 131–134.

Информация об авторе / Information about the Author

Цилэ Му, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; магистр истории, <https://orcid.org/0009-0009-3003-9890>, muxel123@163.com

Qile Mu, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61, Master of History; <https://orcid.org/0009-0009-3003-9890>, muxel123@163.com

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 902

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.52

EDN: WUAITX

БОЛЬШАЯ РЕЧКА: МАТЕРИАЛЫ АРХИВА М.П. ГРЯЗНОВА

Сергей Семенович Тихонов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия

Резюме. Автор рассматривает материалы из личного архива известного отечественного археолога М.П. Грязнова, касающиеся памятников близ с. Большая Речка Алтайского края. Он собрал сведения о находках в окрестностях села, найденных в конце XIX — начале XX в. К ним были добавлены фотографии, рисунки, планы,

созданные самим ученым во время раскопок памятников в 1947–1948, 1949 гг. Материалы, большей частью не опубликованные, хранятся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета и существенно дополняют монографию М.П. Грязнова, вышедшую в свет в 1956 г. Использование архивных сведений позволяет скорректировать представления об этом комплексе и использовать их для разработки тем современных археологических исследований, касающихся археологических микрорайонов, системы распространения памятников археологии, использования архивных данных в научной работе.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Верхнее Приобье, эпоха поздней бронзы, архивные материалы, музейные коллекции

Благодарности: статья подготовлена в рамках Госзадания FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Для цитирования: Тихонов С.С. Большая Речка: материалы архива М.П. Грязнова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 333–340. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.52

THE VILLAGE OF BOLSHAYA RECHKA: MATERIALS FROM THE ARCHIVE OF M.P. GRYAZNOV

Sergey S. Tikhonov

Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Omsk, Russia

Abstract. The author examines materials from the personal archive of the famous Russian archaeologist M.P. Gryaznov, concerning sites near the village of Bolshaya Rechka in the Altai region. He collected information about finds in the vicinity of the village, found at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries and supplemented with the photographs, drawings, plans created by the scientist himself during excavations of sites in 1947–1948, 1949. The materials, mostly unpublished, are stored in the Museum of Archaeology and Ethnography of Omsk State University and significantly complement the monograph by M.P. Gryaznov, published in 1956. The use of archival information makes it possible to correct ideas about this complex and use them to develop topics for modern archaeological research related to archaeological microdistricts, the system of distribution of archaeological monuments, and the use of archival data in scientific work.

Keywords: Western Siberia, Upper Ob region, Late Bronze Age, archival materials, museum collections

Acknowledgments: the article was prepared as part of the State Assignment FWZG-2022-0005 “Research of Archaeological and Ethnographic Sites in Siberia in the Era of the Russian State”.

For citation: Tikhonov S.S. The Village of Bolshaya Rechka: Materials from the Archive of M.P. Gryaznov. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:333–340. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.52

Введение

В 1925 г. М.П. Грязнов в составе экспедиции Государственного Русского музея, руководителем которой был С.А. Теплоухов (Руденко, 1926, с. 62–63),

изучал берега Оби от Бийска до Барнаула и возле деревень Камышенка, Угренево, Фоминское, Чеканиха, Клепиково и других нашел археологические памятники (Грязнов, 1930). Обследовал он и устье Большой речки, и окрестности одноименного села, где в 1898, 1903, 1908 гг. древности находил Н.С. Гуляев, а в 1915 — В.П. Михайлов.

Предположу, что именно последние заинтересовали М.П. Грязнова более всего, поскольку именно там, близ с. Большая Речка, руководимая им Северо-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа в 1946–1947, 1949 гг. вела интенсивные раскопки. Материалы от андроновского времени до развитого средневековья были обобщены в монографии, ставшей классикой отечественной археологии (Грязнов, 1956). Судя по тексту книги, основные работы были проведены в 15 пунктах на дюнах (в местной огласовке — елбанах) — возвышениях в пойме Оби. Местные жители выделяли две группы дюн, называя их Ближние Елбаны и Дальние Елбаны. Оказалось, что на этих дюнах расположены памятники (поселения и могильники). Ученый, как и было принято в те годы, охарактеризовал природно-географическую ситуацию, затем памятники и наконец каждый культурно-хронологический этап. В итоге исчезло еще одно белое пятно с археологической карты страны.

Данные о культурно-хронологической принадлежности памятников сведены в таблицу, из которой видно, что наиболее активно местность осваивало население, оставившее памятники большереченской (14 комплексов) и верхнеобской (12 комплексов) археологических культур, а также эпохи развитого средневековья (7 комплексов). Большее количество объектов находится на елбане под номером VII.

Культурно-хронологическая атрибуция памятников Cultural and chronological attribution of the sites

Культуры и этапы	Пункты «Ближние Елбаны»														
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV
Андроновская												+			+
Карасукская				+					+						
Большереченская	большереченский этап	+						+				+			+
	бийский этап		+			+		+		+	+				+
	березовский этап	+		+				+		+		+	+		
Верхнеобская	одинцовский этап										+				+
	переходный этап			+				+			+				
	фоминский этап				+			+		+					
Сросткинская					+	+	+	+							
II тыс. н.э.	+						+		+	+	+		+	+	

Задачи работы. Интерес к этим памятникам у меня возник в связи с работой по направлениям «Археологические микрорайоны Западной Сибири» (Матющенко и др., 1992, с. 104–141), «Закономерности распространения археологических памятников Западной Сибири» (Тихонов, 2015, с. 420–423), и «Архивные материалы в археологических исследованиях» (Тихонов, 2023, с. 65–71) в рамках Госзадания FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства». Поэтому автор ставит своей задачей показать возможность изучения каждого из направлений на материалах комплекса Большая Речка.

Источниками стали публикация материалов М.П. Грязновым в 1930 (Грязнов, 1930) и 1956 гг. (Грязнов, 1956), а также материалы (фотографии, полевые записи, рисунки, чертежи) из личного архива ученого, хранящиеся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета (Архив Музея археологии. ..., д. 10). В этом деле хранятся 17 папок, содержащих сведения о памятниках Ближние Елбаны-I и 2, Большереченское-III, Дальние Елбаны-II и III, Усть-Большая Речка, а также о других комплексах, найденных М.П. Грязновым в разведке 1925 г. (Камышенка, Усть-Ануйское, Большое Угренево, Клепикова, Фоминское и т.д.). В папках находятся рисунки, фотографии, чертежи, сделанные ученым в разное время, а также рисунки предметов, хранящихся в музеях Барнаула, Бийска, Горно-Алтайска, Санкт-Петербурга.

Обсуждение

Село Большая Речка (ныне Чаузово, Топчихинский район, Алтайский край) находится на правом берегу Оби в 60 км к югу от Барнаула. Памятники располагаются в затопляемой пойме Оби (ширина около 7 км) на дюнах, подверженных процессу выветривания. Судя по данным сервисов Яндекс-карты и GoogleEarth, пойма изобилует старицами, отчасти заболочена, покрыта древесной и кустарниковой растительностью и, возможно, труднодоступна.

Беспорно, памятники близ Большой Речки являются археологическим микрорайоном (АМР), поскольку они расположены довольно компактно, и отстоят на значительном расстоянии от других групп памятников. М.П. Грязнов считал, что Ближние Елбаны были одним из «наиболее удачных мест для поселения» (Грязнов, 1956, с. 5), где было возможно вести комплексное хозяйство. Однако описание природно-географических условий этого АМР довольно скудное. Впрочем, в те годы ее изучению не уделяли особого внимания. Что касается описания собственно памятников, создается впечатление, что М.П. Грязнов взял за образец работы своего старшего коллеги С.А. Теплоухова по Минусинской котловине (Теплоухов, 1927, с. 57–112; 1929).

В принципе, Большереченский АМР может быть довольно полно охарактеризован по публикации. Однако часть полученных М.П. Грязновым находок в книгу не вошла. Имею в виду результаты раскопок на Дальних Елбанах, и в Усть-Большой Речке. Поэтому архивные материалы совместно с публикациями и полевыми отчетами дадут возможность описать этот АМР более полно. Но в более далекой перспективе видится изучение особенностей расположения АМР и русских деревень (фактически этнографо-археологических

комплексов) в интересном природно-географическом районе на правом берегу Оби хотя бы от Чеканихи до Чаузово, а в идеале — от Фоминского до Чаузово.

Как пример приведу некоторые материалы из описываемого дела. Это рисунок и описание одной из могил на выдуве на Дальнем Елбане-II (рис. 1) и ситуационный план расположения с. Большая Речка, Ближних и Дальних Елбанов, мест раскопок (рис. 2).

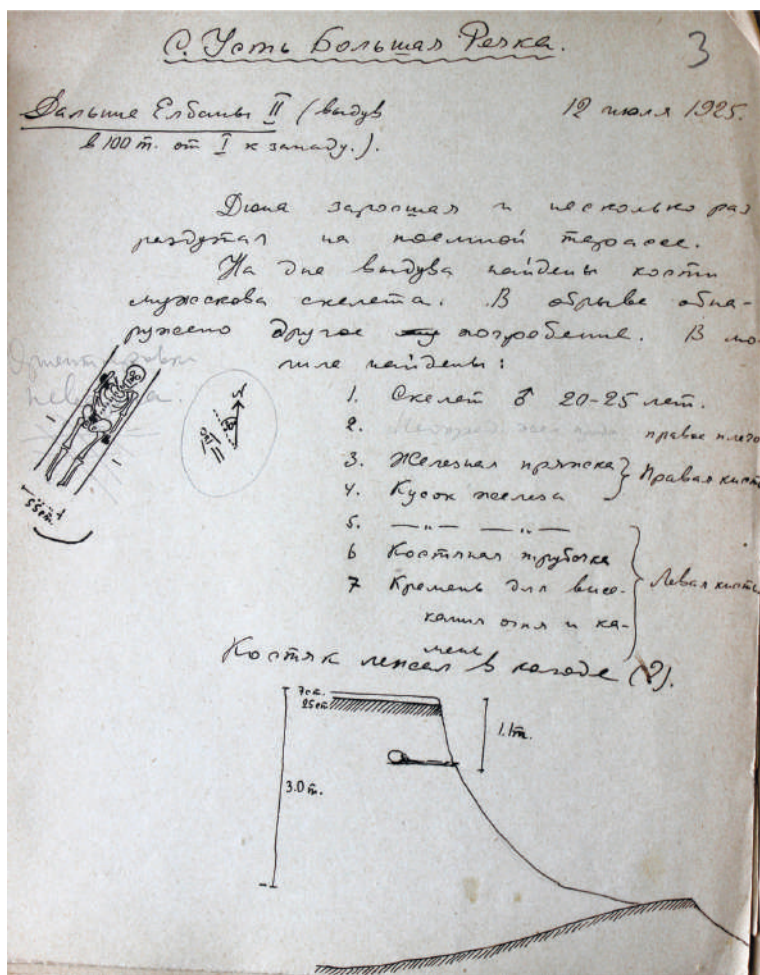

Рис. 1. Описание могилы на памятнике Дальние Елбаны-II
(Архив МАЭ ОмГУ, д. 10, л. 3)

Fig. 1. Description of the grave at the site 'Dalnie Elbany-II'
(Archive of МАЭ Omsk State University, No. 10, p. 3)

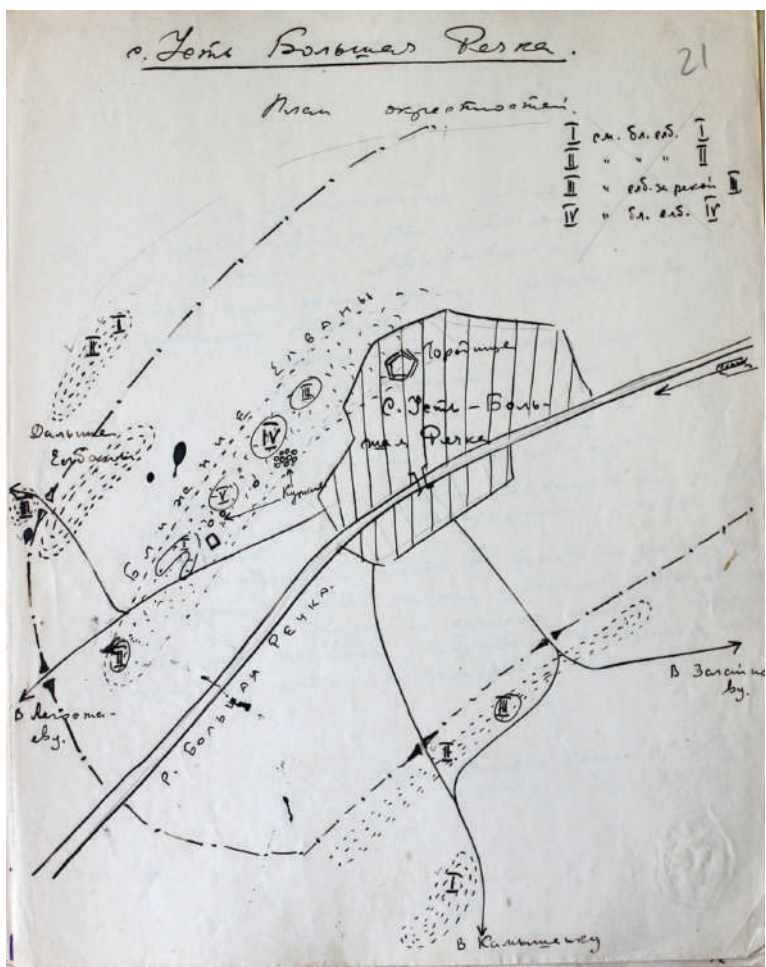

Рис. 2. Ситуационный план села Большая Речка и расположение археологических памятников в его окрестностях (Архив МАЭ ОмГУ, д. 10, л. 21)

Fig. 2. Situational plan of the village of Bolshaya Rechka and the location of archaeological sites in its vicinity (Archive of MAE Omsk State University, No. 10, p. 21)

Что касается закономерностей распространения археологических памятников, то полагаю, что они характерны для всех западносибирских памятников. Однако некоторые из них приурочены к поймам больших рек, как, например, на Иртыше на участке от Артына до Тары (Муромцевский, Большереченский и Тарский районы Омской области), на Таре (правый приток Иртыша) от устья до границ Омской области (Муромцевский район) при-

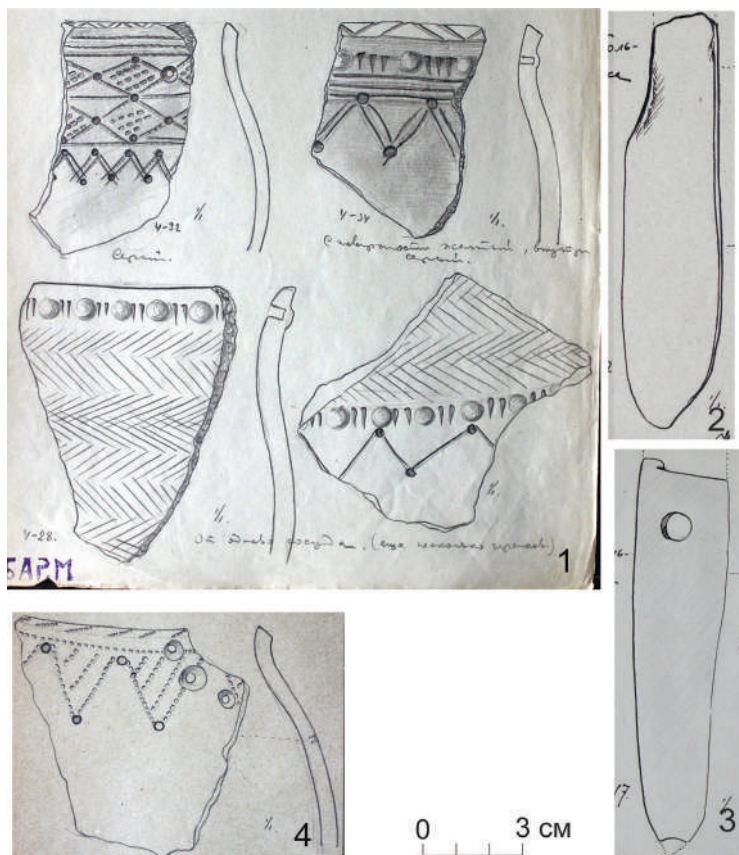

Рис. 3. Рисунки предметов, найденных близ с. Большая Речка:

1–3 — материалы, собранные Н.С. Гуляевым в разные годы; 4 — керамика из комплекса Усть-Большая Речка (Архив МАЭ ОмГУ, д. 10, л. 4, 6, 7, 11)

Fig. 3. Drawings of objects found near the village of Bolshaya Rechka:

1–3 — materials collected by N.S. Gulyaev in different years; 4 — ceramics from the Ust-Bolshaya Rechka complex (Archive of МАЭ Omsk State University, No. 10, p. 4, 6, 7, 11)

мерно на 130–150 км течения реки. В других случаях к пойме приурочены русские деревни XVII–XVIII вв.: на Оми в Куйбышевском районе Новосибирской области и на Томи в Новокузнецком, Крапивинском и Кемеровском районах Кемеровской области¹. Это позволяет ставить вопрос об особом зна-

¹ При подготовке автором кандидатской диссертации (защищена в 1993 г.) были отмечены общие закономерности расположения позднебронзовых памятников еловской, корчажкинской и ирменской культур в Верхнем Приобье, Салаире и Притомье. Однако, этот сюжет был оставлен как побочный, не имеющий отношения к диссертации.

чении припойменных участков в жизни древнего и средневекового населения и рассматривать пойму как внезональный ландшафт.

Наконец, использование архивных материалов в археологических исследованиях. Полагаю, что наши старшие коллеги и их предшественники собрали гигантское количество материалов, которые используются не всегда. Этим самым уменьшается полнота источниковой базы и, возможно, достоверность исследований.

Заключение

Думаю, что фраза философа-платоника Бертрана Шартского «*Nanos gigantum humeris insidentes*», за прошедшее тысячелетие не устарела, поскольку вольно или невольно мы обращаемся к опыту и знаниям учителей. Но, к сожалению, какие-то их разработки, идеи, мысли остаются лежать в архивах, хотя могут пролить свет на насущные проблемы археологии.

Список источников

Архив Музея археологии и этнографии ОмГУ. Ф. III (М.П. Грязнова). Д. 10. Верхняя Обь. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1930. 11 с.: ил.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 164 с.: ил.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Татауров С.Ф. Нижнетарский археологический микрорайон (проблемы археологических микрорайонов и перспективы использования) // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск, 1992. С. 104–141.

Руденко С.И. Алтайская экспедиция // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л., 1926. С. 61–78.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 2. Л., 1927. С. 57–112.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л., 1929. С. 41–62.

Тихонов С.С. Археолого-исторические объекты Тары и их картографирование // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск, 2015. С. 420–423.

Тихонов С.С. Материалы об алтайских рудниках и культурное наследие русских Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XXIX. Барнаул, 2023. С. 65–71. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.11

Информация об авторе / Information about the Author

Сергей Семенович Тихонов, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения, старший научный сотрудник; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15/1, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>, semchi957@gmail.com

Sergey S. Tikhonov, Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the RAS, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology, Senior Researcher; 644024, Russia, Omsk, Karl Marx pr., 15/1, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>, semchi957@gmail.com

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

ЧУЙСКИЙ «ОЛЕННЫЙ» КАМЕНЬ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И НЕОБХОДИМОСТЬ СОХРАНЕНИЯ УНИКАЛЬНОГО ИЗВАЯНИЯ

Алексей Алексеевич Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлены основные сведения о фиксации и изучении хорошо известного древнего изваяния, получившего такое обозначение, как Чуйский «оленный» камень. На протяжении многих лет этот объект археологического наследия испытывает существенную природно-климатическую и антропогенную нагрузку. В настоящее время его состояние вызывает серьезные опасения из-за увеличения неконтролируемого туристического потока. Повреждения задокументированы при получении эстампажа и в ходе осуществления фотограмметрии. Опираясь на эти данные, автор статьи предлагает план сохранения уникального изваяния. Наиболее эффективными действиями станут реставрация и перемещение Чуйского «оленного» камня в Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина.

Ключевые слова: Алтай, археологическое наследие, Чуйский «оленный» камень, эстампаж, фотограмметрия, музей

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Тишкин А.А. Чуйский «оленный» камень: история изучения и необходимость сохранения уникального изваяния // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 341–348. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.53

CHUYSKY 'DEER' STONE: HISTORY OF STUDY AND NEED FOR PRESERVATION OF THE UNIQUE STATUE

Alexey A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents basic information about the fixation and study of a well-known ancient statue, which has received such a designation as the Chuysky “deer” stone. For many years, this object of archaeological heritage has been under considerable natural and climatic and anthropogenic pressure. Its condition is currently of great concern due to an increase in uncontrolled tourist traffic. The damage has been documented in the receipt of the estampage and in the implementation of photogrammetry. Based on these findings, the author suggests a plan for preserving the unique statue. The most effective action would be the restoration and relocation of the Chuysky “deer” stone to the National Museum of the Altai Republic named after A.V. Anokhin.

Keywords: Altai, archaeological heritage, Chuisky “deer” stone, estampage, photogrammetry, museum

Acknowledgments: this work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”)

For citation: Tishkin A.A. Chuisky ‘Deer’ Stone: History of Study and Need for Preservation of the Unique Statue. *Sokhranenie i izuchenie kul’turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:341–348. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.53

Различные сведения о Чуйском «оленном» камне уже нашли отражение в ряде научных трудов (Ядринцев, 1883; Потанин, 1885; Кубарев, 1979а, б; Бородавский и др., 2005, с. 64; Марсадалов, 2007, с. 27–28; и др.). Они были уточнены в ходе обобщения опубликованной информации и при рассмотрении выявленных архивных материалов (Тишкина, 2010, с. 67–69; и др.). В данной статье такой обзор отражает основные моменты фиксации и изучения важного объекта археологического наследия, а также дополняется другими фактами, в том числе о произведенных работах по современному документированию древнего изваяния. В результате появилась возможность для объективной оценки нынешнего состояния Чуйского «оленного» камня и разработки мер по его сохранению.

Одним из первых исследователей, который целенаправленно занимался изучением археологических памятников Алтая, был В.В. Радлов (1837–1918). В его дневниках нашли отражение сведения о путешествиях разных лет и осуществленных раскопках (Радлов, 1989). Однако в них нет упоминания о рассматриваемом изваянии, хотя маршрут Василия Васильевича неоднократно пролегал по долине Чуи, и он не мог не обратить внимания на хорошо заметную стелу. Данное обстоятельство требует дополнительного прояснения.

Судя по всему, первым, кто открыл и попытался научно зафиксировать Чуйский «оленный» камень, был Г.Н. Потанин (1835–1920), который в 1879 г. совершил поездку через Алтай в Северо-Западную Монголию. К сожалению, основная часть полученных тогда материалов погибла при пожаре. Тем не менее Григорий Николаевич в своей публикации указал на местоположение древнего изваяния, дал описание менгира и изображений на нем (Потанин, 1885, с. 53). Очень важно, что текст сопровождался демонстрацией рисунков двух сторон статуи (лицевой и боковой), а вот фотографии указанной экспедиции, к сожалению, не получились (Тишкина, 2010, с. 72–73, рис. 18.-12–13).

Известный исследователь Н.М. Ядринцев (1842–1894), который по заданию Западно-Сибирского отдела ИРГО в 1878 и 1880 гг. в том числе фиксировал археологические объекты на Алтае, знал о работах Г.Н. Потанина. «Каменный идол», ранее обнаруженный в долине Чуи, также привлек его внимание, что нашло отражение в одной из публикаций (Ядринцев, 1883, с. 195), вышедшей раньше статьи Г.Н. Потанина (1885). Правда, рисунки к ней были изданы позже (Древности..., 1886, табл. IV). Они отличаются схематичностью, но позволяют распознать рассматриваемый памятник. Стоит отметить указание Н.М. Ядринцева (1883, с. 195) на наличие монгольских надписей на одной из поверхностей.

Следующим ученым, кто мог обратить внимание на Чуйский «оленный» камень, был И.-Р. Аспелин (1842–1915). В поисках рунических надписей он в 1888 г. предпринял поездку на Алтай, где осматривал разные археологические памятники (Тишкин, 2002). Среди зарисовок художника экспедиции К. Вуори имеется пейзаж узкой горной долины, в центре которого находится высокий каменный столб с изображением человеческого лица («Steinpfiler bei Nausku-Wseken») (Alt-Altäische Kunstdenkmaler..., 1931, abb. 315). Однако расположение изваяния (примерно в 30 верстах от Онгудая») и лишь условное сходство не позволяет соотнести его с Чуйским «оленным» камнем. При этом важно было бы идентифицировать данный археологический объект, который также зафиксировал Н.М. Ядринцев (Тишкина, 2010, с. 63, рис. 15.-2). Могло бы помочь указание места на немецком языке (bei Nausku-Wseken), но пока оно не соотнесено с имеющимися топонимическими обозначениями.

В 1897 г. на Алтае вместе с мужем, проводившем статистико-экономическое исследование, работала Мария Васильевна Швецова (1856 (?) — после 1901). Она собрала различные материалы, среди которых есть существенная информация о Чуйском «оленном» камне (Тишкина, 2010, с. 68, рис. 20). В опубликованной статье дано краткое описание древнего изваяния и приведены два более-менее достоверных карандашных рисунка, выполненных одним из участников экспедиции (Швецова, 1898, с. 4, рис. 4, 5). Именно эта публикация послужила основанием считать М.В. Швецову одним из первооткрывателей Чуйского «оленного» камня (Кубарев, 1979б, с. 10; в ссылке указано: М. Швецов. — А.Т.). Из вышеизложенного текста понятно, что это не совсем так, хотя В.Д. Кубарев упоминал и Г.Н. Потанина, и Н.М. Ядринцева, а также В.В. Сапожникова, но без указаний на конкретные публикации (Кубарев, 1979б, с. 10).

Об обследовании интересующего нас археологического объекта в последние годы пока имеется мало информации. Более конкретные сведения могли бы дать изыскания, проводившиеся в связи со строительством современного Чуйского тракта. Однако в представленных публикациях и отчетах они почему-то не отложились (Тишкина, 2010, с. 188–190, рис. 91 и др.) или пока не обнаружены. Не стоит исключать, что изваяние осматривалось, так как оно находится рядом с проложенной дорогой государственного значения. Данная страница истории требует дальнейшего изучения. При этом стоит изложить небольшой сюжет, связанный с фотографией, которую нам любезно продемонстрировала Р.М. Еркинова, директор Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. На ней слева стоит А.В. Анохин (в кадр попала только часть его фигуры) и указывает на лицо *кожого-таиш* (Чуйский «оленный» камень). Рядом на земле лежит Л.Н. Терентьева, а неподалеку стоит спиной к фотографу А.И. Новиков и, по всей видимости, разговаривает с другими присутствующими, которых трудно различить. Этот фотоснимок датируется 1930 г., и он важен не только для истории изучения изваяния, но и для оценки его состояния на указанное время. Например, видно, что вокруг основания есть задернованное углубление, а угол наклона отличается от

современного положения. Представленная ситуация позволяет более внимательно относиться к сохранившимся зарисовкам и фотографиям, связанным с деятельностью путешественников, ученых и других людей, работавших на Алтае в разные годы. Особенно это касается работ Г.И. Чорос-Гуркина.

Сведения о Чуйском «оленном» камне и истории его изучения нашли отражение в первой и единственной монографии об «оленных» камнях Алтая, написанной В.Д. Кубаревым (1946–2011). Особого внимания заслуживает краткий анализ выявленных неточностей и искажений в опубликованной информации, а также новая прорисовка изваяния, попытка дать культурно-хронологическое определение и отразить семантическое осмысление своеобразной статуи (Кубарев, 1979б, с. 10–12, 28, 85, рис. 29, табл. I). Важно отметить, что Владимир Дмитриевич предложил, наряду с другими признаками, рассматривать наличие «оленных» камней в качестве маркеров древних святилищ (Тишкина, 2010, с. 69).

Стоит также отметить вышедшую в 1980 г. статью В.А. Могильникова (1932–2002), в которой дается описание древнего изваяния из урочища Адыр-Кан, уже известного к тому времени как Чуйский «оленный» камень (Могильников, 1980, с. 69–70). Более конкретное внимание исследователь обратил на тамгообразный знак, на «надпись в три строки на древнемонгольском языке» и подобные знаки у крупа схематично изображенной лошади (Могильников, 1980, с. 69, рис. 5). В публикации даны фотографии только двух плоскостей (лицевой и боковой) (Могильников, 1980, рис. 3 и 4). Отдельное место было отведено хронологии Чуйского «оленного» камня и имевшимся аналогиям. Указанная статья существенно дополняла сведения о рассматриваемом объекте культурно-исторического наследия.

Отдельные констатации наличия Чуйского «оленного» камня позже неоднократно имели место (см., например, Бородовский и др., 2005, с. 64). Специальные исследования проводились Л.С. Марсадоловым (2007, с. 27–29, рис. 100–176) в урочище Адыр-Кан с позиций изучения древнего святилища. В ходе этих работ была предпринята новая прорисовка изваяния, с использованием отдельных протирок наиболее ранних изображений. Однако полностью этот замечательный памятник таким образом не копировался. Данное обстоятельство определило задачу применения эстампажного метода, разработанного красноярским художником В.Ф. Капелько (1986). Такая работа впервые за всю историю исследовательской практики осуществлена под руководством автора статьи в августе 2010 г. Полученная микалентная копия (рис. 1) создала возможность для дальнейшего изучения «оленного» камня с реалиями раннего и более позднего времени. Детальная работа с полученной копией и с множеством сделанных фотографий потребовала значительного объема времени. Следует отметить, что изваяние местами сильно покрыто лишайниками. В ходе осуществленного копирования они не удалялись. Дело в том, что в настоящее время разрабатывается метод датирования объектов по изучению колоний лишайников. Существует возможность для лихенометрических определений и получения относительных хронологических показателей.

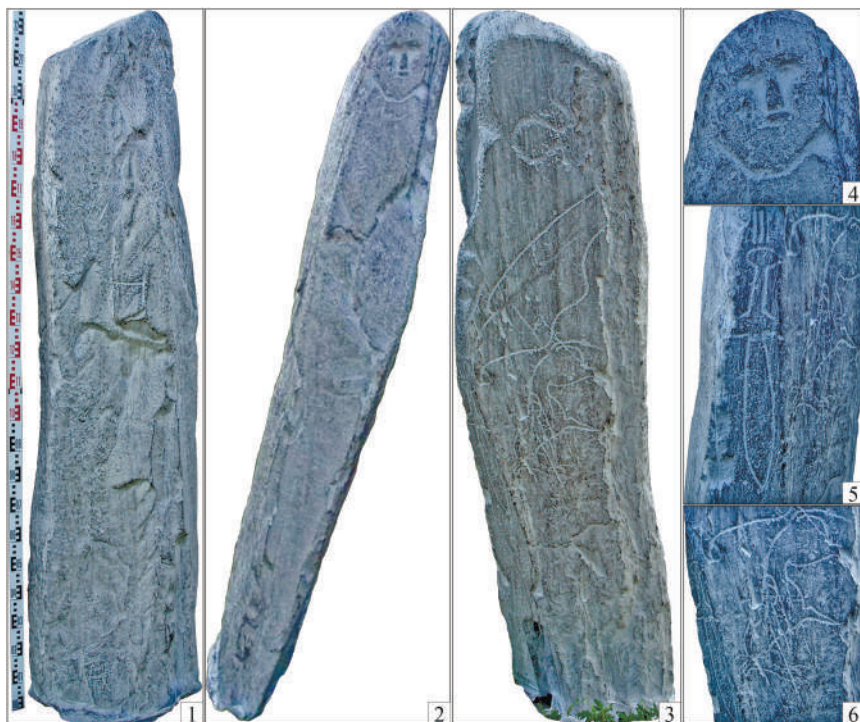

Рис. 1. Чуйский «оленный» камень. Отдельные детали эстампажа, выполненного А.Н. Мухаревой (фотоснимки автора)

Fig. 1. Chuysky "deer" stone. Selected details of the print by А.Н. Mukhareva (photos by the author)

Рис. 2. Чуйский «оленный» камень. Процесс фотограмметрии изваяния, июль 2020 г. (фотоснимки автора)

Fig. 2. Chuysky "deer" stone. The process of photogrammetry of the statue, July 2020 (photos by the author)

Анализ микалентной копии позволил констатировать, что на ней недостаточно четко отразились отдельные начертанные изображения и надписи. Данное обстоятельство определило необходимость создания 3D-модели с помощью фотограмметрии (рис. 2). Полученные результаты в контексте с местом расположения отражают высокую детальность объекта и его современное состояние.

Осуществленное документирование современными методами обозначило проблему сохранения уникального памятника. Этому древнему изваянию в ближайшее время грозит разрушение, так как стела сильно наклонилась (надломлена у основания), имеет многочисленные трещины и покрыта интенсивно разрастающимися лишайниками (рис. 3). Ситуацию усугубляют нахождение «оленного» камня на открытом воздухе у Чуйского тракта (постоянные природные воздействия и вибрации от проезжающих крупных автомобилей) и поток неорганизованных туристов, которые уже полностью исчеркали одну из сторон и постоянно соприкасаются с поверхностью менгира. Замерзающая в трещинах вода способствует активной деградации изваяния, имеющего важную историческую и культурную значимость.

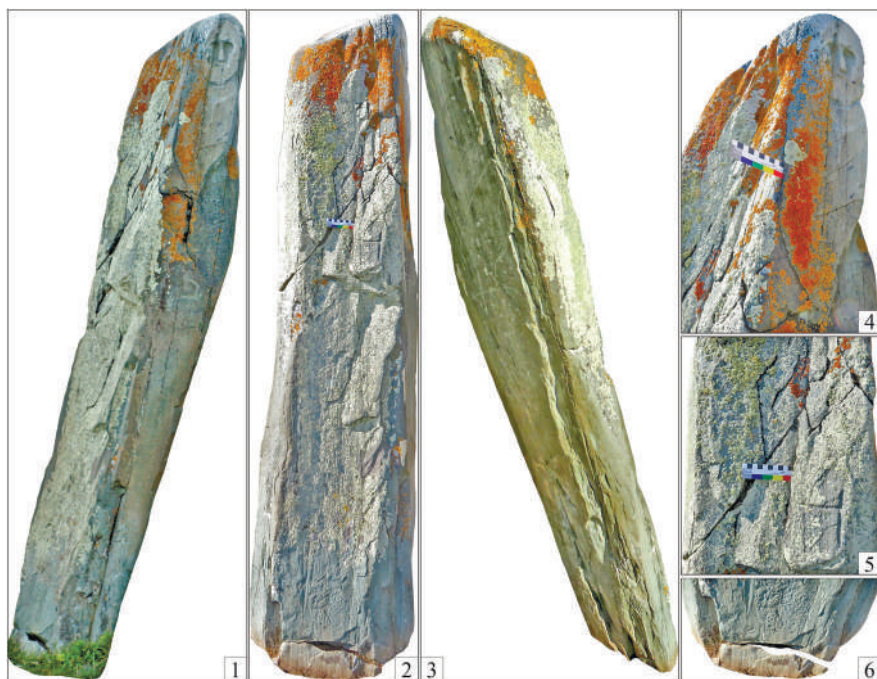

Рис. 3. Чуйский «оленный» камень. Современное состояние и наиболее разрушающиеся участки (фотоснимки автора)
Fig. 3. Chuysky "deer" stone. Current state and most deteriorating areas (photos by the author)

В связи с вышеуказанными обстоятельствами в заключение данной статьи сформулирую предложения по сохранению и музеефикации Чуйского «оленного» камня:

1) осуществить детальное документирование изваяния, ближайшей территории святилища и других археологических памятников, выполнить лихенометрические определения;

2) получить необходимые разрешения на работы по демонтажу и перемещению объекта культурно-исторического наследия в музей;

3) по возможности провести раскопки территории вокруг изваяния;

4) очистить поверхность от лишайников и выполнить первичные реставрационные работы, закрепив разрушающиеся участки;

5) извлечь изваяние из земли и произвести анализ состояния в нижней части стелы, а также получить данные о длине каменного блока;

6) перевезти «оленный» камень в Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск);

7) в музее закончить реставрационные работы, а потом сделать точную и прочную копию изваяния;

8) установить Чуйский «оленный» камень в зале музея на фоне фотопанорамы реального ландшафта святилища, сопровождая небольшой витриной об истории изучения памятника, его реставрации, интерпретации и датировки, а также демонстрируя виртуальную модель на экране монитора;

9) на месте древнего изваяния разместить его копию, оформить информационную площадку для туристов и обеспечить условия для их пребывания (место для автостоянки, санитарная зона и др.);

10) подготовить и издать монографическое исследование о Чуйском «оленном» камне, а также выпустить буклет с научно-популярной информацией;

11) разработать и реализовать линейку сувенирной продукции (значки, уменьшенные копии изваяния, сумки (пакеты) с изображениями, магниты и др.);

12) результаты реализации проекта отразить в средствах массовой информации, социальных сетях и на сайте музея.

Данный перечень может быть частично реализован в виде гранта. Однако для выполнения всей программы требуется поддержка государственных учреждений.

Список источников

Бородовский А.П., Ойношев В.П., Сойнов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В. Древности Чуйского тракта. Горно-Алтайск, 2005. 103 с.

Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1886. Т. XI. Вып. II. Табл. I–VII.

Капелько В.Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов (открытие и разработка метода) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 105–111.

Кубарев В.Д. Оленный камень с реки Чуи // Древние культуры Сибири и тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979а. С. 163–169.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск, 1979б. 120 с.

Марсадолов Л.С. Отчет об исследовании древних святилищ в 2003–2005 годах. СПб., 2007. 278 с.

Могильников В.А. Два оленных камня с Алтая // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 162: Ранний железный век. М., 1980. С. 68–72.

Потанин Г.Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 г. // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1885. Т. X. С. 50–57.

Радлов В.В. Из Сибири (Страницы дневника). М., 1989. 718 с.

Тишкин А.А. О пребывании И.-Р. Аспелина на Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 124–130.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. 288 с.: ил.

Швецова М.В. Алтайские калмыки // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1898. Кн. XXIII. С. 1–34, табл.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 г. // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1883. Т. IX. Вып. II–III. С. 181–205.

Alt-Altische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildmaterial von J.R.–Aspelins Roisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Hrsg von. Hjalmar Appelgren-Kivalo. Hfors, 1931. 47 s. + 76 kuvas.

Информация об авторе / Information about the Author

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 069.5(571.150-25)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.54

EDN: ZDRVMF

ВЫСТАВКИ В МУЗЕЯХ БАРНАУЛА, ПОСВЯЩЕННЫЕ 85-ЛЕТИЮ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Татьяна Владимировна Тишкина, Дарина Евгеньевна Шорина
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Проанализированы выставочные проекты государственных, муниципальных музеев, арт-галереи Барнаула, посвященные празднованию 85-летия Ал-

тайского края. Представлена характеристика экспозиционных методов и приемов построения, конкретизированы тематические разделы и подразделы выставок. Определены цели и задачи создания, композиционные особенности выставочных экспозиций, формы культурно-образовательной деятельности, сопутствующие выставкам.

Приведены примеры музейных выставок, которые имеют разнообразную структуру и содержание, разный стиль архитектурно-художественного оформления экспозиционно-выставочного пространства. Указаны формы представления экспозиционного материала, потенциал данных выставок в презентации историко-культурного развития региона, а также в расширении познавательной, образовательной и воспитательной функций, в формировании коммуникации с поливозрастной аудиторией.

Ключевые слова: музей, выставка, экспозиция, Алтайский край, историко-культурное наследие

Для цитирования: Тишкина Т.В., Шорина Д.Е. Выставки в музеях Барнаула, посвященные 85-летию Алтайского края: презентация историко-культурного наследия // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 348–358. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.54

EXHIBITIONS IN BARNAUL MUSEUMS DEDICATED TO THE 85TH ANNIVERSARY OF THE ALTAI TERRITORY: PRESENTATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

Tatyana V. Tishkina, Darina E. Shorina
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The exhibition projects of state and municipal museums and art galleries of Barnaul dedicated to the celebration of the 85th anniversary of the Altai Territory have been analyzed. The characteristic of exposition methods and techniques of construction is presented, thematic sections and subsections of exhibitions are specified. The article defines the goals and objectives of creation, compositional features of exhibition expositions, forms of cultural and educational activities accompanying exhibitions.

The article gives examples of museum exhibitions that have a diverse structure and content, different style of architectural and artistic design of the exposition and exhibition space. The forms of exposition material presentation, the potential of these exhibitions in the presentation of historical and cultural development of the region, as well as in the expansion of cognitive, educational and educational functions, in the formation of communication with a multi-age audience of visitors are stated.

Keywords: museum, exhibition, exposition, Altai Territory, historical and cultural heritage

For citation: Tishkina T.V., Shorina D. E. Exhibitions in Barnaul Museums Dedicated to the 85th Anniversary of the Altai Territory: Presentation of Historical and Cultural Heritage. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:348–358. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.54

Постановлением ЦИК СССР 28 сентября 1937 г. Западно-Сибирский край был разделен на Новосибирскую область и Алтайский край (Борблик и др., 1995, с. 173). На территории Алтайского края располагались пять городов, 55 районов и Ойротская (с 1948 г. — Горно-Алтайская) автономная область (Разгон, 2019, с. 99–100). В настоящее время в составе края находятся

девять городов и 59 районов. Сформировалась традиция проведения торжеств, посвященных юбилейным датам со времени образования Алтайского края, в которых активно участвуют учреждения культуры, в частности, музеи. В фондовых собраниях музеев Барнаула находятся предметы и коллекции, связанные со значимыми этапами в истории края (Ермошина, 2023, с. 9). В 2022 г. отмечалось 85-летие основания Алтайского края. Этому событию были посвящены выставки в музеях Барнаула.

В Алтайском государственном краеведческом музее с 9 июня по 14 августа 2022 г. действовала выставка «Алтай. Ритм жизни». Выставочная экспозиция была подготовлена на основе тщательно отобранных материалов основного и вспомогательного фондов музея, включала около 200 фотографий и более сотни экспонатов (Юбилейный год, 2022, с. 22). Цель проекта заключалась в демонстрации истории региона через судьбы людей различных профессий, которые своим трудом способствовали экономическому, социальному и культурному развитию края.

Структура выставки состояла из нескольких разделов. В первом разделе повествовалось об успехах и достижениях в сельском хозяйстве. Демонстрировались фотографии и наградные удостоверения передовиков — чабана П.И. Абашевой, пчеловода Е.З. Зотеева, птицевода О.В. Гавриленко, доярки М.Г. Анисимовой и др. Эти материалы были дополнены макетом четырехкорпусного улья, разнообразными предметами молочной аппаратуры (доильный аппарат, подойник, фляга для молока, кружки), чучелами животных (ягненка алтайской тонкорунной породы, курицы, размещенной у лукошка с яйцами), искусными восковыми муляжами фруктов и ягод, введенных в культуру учеными НИИ садоводства Сибири имени М.А. Лисавенко.

Во второй выставочный раздел были включены экспонаты и вспомогательные материалы, дающие представление о развитии на территории Алтайского края добычи полезных ископаемых и различных отраслей промышленности. Среди черно-белых фотографий, запечатлевших ткацкое производство и работников, ярким цветовым пятном выделялись образцы тканей, сотканых на Барнаульском хлопчатобумажном комбинате в 1970–1980-х гг. Листовки, фотографии, модели, призы отразили работу Алтайского тракторного завода в г. Рубцовске.

В следующем разделе выставки были представлены выдающиеся достижения жителей Алтайского края в науке, образовании, медицине.

Большая часть музейных материалов размещалась в трех витринах. Значительное место было отведено предметам из мемориальных коллекций лиц, достигших значительных результатов в профессиональной деятельности: известного хирурга, заслуженного врача РСФСР, кандидата медицинских наук Г.А. Колпакова; заслуженного учителя РСФСР, организатора первого на Алтае компьютерного класса О.Р. Львова и др. (Катренко, 2022а, с. 15). В каждом разделе экспозиционного пространства на небольших подиумах (100×50×20; 80×50×20 см) были установлены манекены с предметами рабочей одежды Героя Социалистического труда, доярки А.Я. Дробот, ткачихи Т.М. Журавле-

вой, лауреата Государственной премии, бригадира сварщиков А.Ф. Кабардина; костюм первого из жителей края доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации А.П. Уманского.

Разделы экспозиции были объединены несколькими десятками фотокопий снимков, значительная часть которых была выполнена с видовых и сюжетных фотографий А.Н. Каспришина. Фотокопии размещались по периметру белых стен экспозиционного зала в виде яркого, многоцветного фриза. Его нижняя граница была расположена на расстоянии 114 см от пола, что удобно посетителям для осмотра. Размещение в центре зала конструкции из стилизованных цифр «85», символизирующих юбилейную дату основания Алтайского края, стало удачным решением экспозиционеров. На одной стороне (171×200 см) устройства были расположены 85 черно-белых копий фотографий из музейного собрания, иллюстрирующих жизнь региона в разные годы его истории (рис. 1). На другой стороне конструкции посетителям предлагалось написать маркером свои впечатления от выставки. Тематическая выставка была адресована различным категориям музейных посетителей.

Рис. 1. Фрагмент выставочной экспозиции «Алтай. Ритм жизни» в Алтайском государственном краеведческом музее (фотоснимок Т.В. Тишкиной)
Fig. 1. A fragment of the exhibition "Altai. Rhythm of Life" in the Altai State Museum of Local Lore (photo by T.V. Tishkina)

Тема 85-летия Алтайского края была представлена на музейном фестивале занимательного досуга «Человек играющий» (HomoLudens), организованного сотрудниками Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА) 17 сентября 2022 г. (Как статья благородным барнаульцем, 2022, с. 4). На нескольких площадках в здании и на территории усадьбы музея посетителям было предложено более 50 мероприятий (Ермошина, 2022, с. 4), среди которых — кукольный спектакль «Сказ о том, как град Бийск строился», интерактивная программа «Кольванские мастера-камнерезы» с подготовленными для детей листами для раскрашивания и танграммами, игра-викторина «"Не факт": Какая информация об истории Барнаула неверна», интерактивная программа с настольной электровикториной «Алтайский горный округ. Страницы истории и культуры», игра — путешествие в прошлое «Фанты — светская забава благородных барнаульцев», складывание пазлов «Сибирь — Алтай — Барнаул. Геральдические символы», викторина-бродилка для взрослых «Двенадцать стульев», игровая программа «Настольные игры народов мира разных времен» от школы настольных игр Константина и Ольги Задоянчук (Бийск), мастер-класс по сборке экоигрушек и др. Следует отметить, что мероприятия фестиваля были разработаны для различных возрастных категорий музейных посетителей — от дошкольников до лиц «серебряного возраста».

Помимо участия в мероприятиях фестиваля, посетители имели возможность осмотреть постоянные экспозиции музея и фотовыставку «Старинные окна Барнаула: Деревянные резные наличники конца XIX — начала XX века», размещенную в Белом зале. Выставка стала одним из результатов работы по изучению и фотофиксации объектов деревянной архитектуры, осуществленной на средства гранта Губернатора Алтайского края в сфере культуры (Катренко, 2022б, с. 10). С целью демонстрации ценности и значимости архитектурного наследия Барнаула и привлечения внимания граждан к «... необходимости коллективных усилий в общем деле сохранения архитектурных достопримечательностей города...», в экспозиции были представлены современные фотографии С.В. Семенова и фотоматериалы, выполненные О.Н. Поляковым в 1990-е гг. (Старинные окна Барнаула..., 2022, с. 2). Организаторы выставки подготовили для посетителей уменьшенные изображения наличников на листах бумаги, которые можно было использовать при осмотре экспозиции или для раскрашивания. Для продолжения работы по изучению наследия деревянного зодчества и пополнению фотоархива ГМИЛИКА был объявлен фотомарафон «Старинные окна Барнаула». Лицам, пожелавшим принять участие в мероприятии, предлагалось до 15 октября направить на электронную почту музея фотографии деревянных наличников (Наследие деревянного зодчества, 2022, с. 22).

К юбилею Алтайского края сотрудники ГМИЛИКА также организовали передвижную выставку «Кинопанорама Алтая» (Кино на Алтае, 2022, с. 4). На стендах, размещенных на третьем этаже ТРЦ «Пионер», в течение ноября — декабря 2022 г. демонстрировались материалы о творчестве 36 зем-

ляков-кинематографистов (актеров, сценаристов, режиссеров, кинооператоров, художников) (Иванов, 2022, с. 4).

В рамках программы празднования 85-летия Алтайского края в Государственном художественном музее Алтайского края (ГХМАК) с 30 августа по 23 октября 2022 г. был реализован межрегиональный художественно-выставочный проект «В земле Российской просиявшие» из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (Москва). Цель проекта — продемонстрировать посетителям музея историю русской святости через образы преподобных мучеников, князей, святителей, юродивых, живших в X–XIX вв. и канонизированных православной церковью за их духовные подвиги. Кураторами выставки выступили сотрудники Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева О.В. Смирнова (главный хранитель), С.А. Кирьянова (заведующий отделом учета и комплектования) и старший научный сотрудник ГХМАК Е.В. Школина.

В музейном зале площадью 36 кв. м были установлены конструкции, содержащие ступеньки, тумбы для обеспечения сохранности экспонатов и возможности их созерцания. В экспозиции были представлены 25 памятников русского православного искусства XVII — начала XX в. (Искусство Рублева, 2022, с. 22). Ранними из показанных икон являлись «Святой Василий Блаженный» (начало XVII в. с прописями XIX в., Москва), «Святитель Стефан Пермский, с деисусом и избранными святыми на полях» (1717 г., Зырянский край), «Преподобный Сергей Радонежский, с житием» (последняя четверть XVII в., Поволжье), «Благодарные князья Константин, Михаил, Федор, Петр и Феврония Муромские, праведная Иулиания Лазаревская» (конец XVII — начало XVIII в., Муром). Другие иконы были выполнены в XVIII — начале XX в. в мастерских Москвы, Холуя, Вологды и других иконописных центров России. В экспозицию были включены иконы с изображениями праведников сибирской земли. Впервые демонстрировалась икона «Святители Петр, Иона, и Алексий Московские» (конец XVIII — начало XIX в., Центральная Россия), недавно поступившая в собрание музея (Катренко, 2022в, с. 16). В состав выставочной экспозиции вошли акварель В.М. Васнецова «Святитель Алексий, митрополит Московский» (1907 г.) и хромолитография «Священномученик Гермоген Московский» (1913 г.), выполненная по оригинальной работе художника.

Помимо обозрения пантеона святых лиц, ставших примером духовного служения родной земле, экспозиция демонстрировала публике разнообразие творческих приемов изографов, изобилие иконографических типов, цветопередачу подлинных иконописных памятников. Сотрудники музея осуществляли экскурсии для организованных групп посетителей, предоставлялась также возможность для индивидуального осмотра (рис. 2). 20 октября 2022 г. искусствовед, доктор философских наук, академик РАХ М.Ю. Шишин в рамках лектория «Искусство понимать произведения искусства» выступил с лекцией, посвященной иконе, обратившись к экспонатам выставки «В земле Российской просиявшие» (Как понять икону, 2022, с. 4).

Рис. 2. Фрагмент выставочной экспозиции «В земле Российской просиявшие» в Государственном художественном музее Алтайского края (фотоснимок Т.В. Тишкиной)

Fig. 2. Fragment of the exhibition exposition "Those who shone in the land of Russia" in the State Art Museum of the Altai Territory (photo by T.V. Tishkina)

С 3 по 27 ноября 2022 г. в ГХМАК прошла выставка «Алтай на полотнах» (Катренко, 2022г, с. 4), которая была реализована под эгидой Министерства культуры Алтайского края, Российской академии художеств, отделения «Урал, Сибирь и Дальний Восток» Российской академии художеств, Союза художников России, Творческого Союза художников России и мецената, почетного члена Российской академии художеств А.В. Ковалева. Кураторами выставки выступили доктор философии, академик РАХ М.Ю. Шишин и кандидат искусствоведения Н.С. Царева. Вниманию посетителей было представлено более 50 полотен, созданных столичными и местными художниками по результатам совместных творческих пленэров, реализованных на Алтае с 2018 г. Пленэр 2022 г. осуществился при поддержке гранта Губернатора Алтайского края.

На выставке демонстрировались полотна В.Г. Калинина «Катунь близ Усть-Коксы» (2022), «Вечер. Уймонская долина» (2022); В.П. Куксы «Осень на Чуе» (2022), «Уймонская долина» (2022); Е.В. Ромашко «Алтай. Тюнгур. Место, где Рерих увидел гору Белуху» (2022), «Церквушка в Акташе. Горный Алтай» (2022); И.И. Хрипченко: «В Тюнгуре» (2022), «Осеннее спокойствие» (2022) и др.

В МБУ г. Барнаула «Музей “Город”» выставки, приуроченные к юбилею края, действовали в Выставочном зале (проспект Ленина, 111). Здесь с 1 по 25 сентября 2022 г. была реализована ежегодная отчетная выставка Алтайской краевой организации Союза художников России «Арт-Алтай — 2022». На вернисаже состоялась церемония вручения юбилейных медалей края руководителю Алтайского отделения Союза художников России Д.А. Петренко и заслуженному художнику России А.П. Щетинину (В Барнауле открылась выставка...).

На выставке экспонировались работы членов Союза художников России как из городов (Барнаул, Новоалтайск, Бийск), так и районов края (Поспелихинского, Шелаболихинского, Тальменского и др.). В данной экспозиции было представлено почти 250 работ около 95 художников, разнообразных по жанру, стилю и технике исполнения (живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство). На выставке демонстрировались пейзажи, созданные мастерами по результатам пленэров, организованных в Косихе, Кольвани, Павловске, Сростках. Значительное место в экспозиции уделялось портретам алтайских писателей (Л. Квина, М. Юдалевича, П. Бородкина и др.), выполненных по заказу ГМИЛИКА и алтайской краевой писательской организации (Катренко, 2022д, с. 19).

Художественные произведения, расположенные по классическому принципу развески, образовали цветовое пространство в пастельных тонах, придающих легкость и объем, что было отмечено многими посетителями выставки (Карпова, 2022).

5 октября 2022 г. в Выставочном зале состоялось открытие III Международной молодежной биеннале дизайна «PRO БУДУЩЕЕ». Вниманию посетителей представлялось около 500 работ отечественных и зарубежных молодых дизайнеров. Мероприятие осуществилось за счет гранта Президентского фонда культурных инициатив и гранта Губернатора Алтайского края в сфере культуры (Биеннале дизайна, 2022, с. 4).

В Выставочном зале 3–15 ноября 2022 г. также проводилась краевая выставка «Веруем в мастерство!», организованная Министерством культуры Алтайского края, Алтайским государственным Домом народного творчества. Этот проект направлен на экспонирование и презентацию изделий 29 народных мастеров края, участвующих в фестивальных и конкурсных программах. На выставке посетители могли увидеть предметы декоративно-прикладного искусства и творчества: керамика, лоскутное шитье, роспись, авторская кукла, традиционная вышивка и кружевоплетение, валяние из шерсти, изделия камнерезов и др. (Краевая выставка изделий..., 2022).

Под каждый вид декоративно-прикладного искусства, например, ковроткачество, отводилось отдельное пространство (сектор) с разными по размеру подиумами (подставками) открытого доступа, в центрах выставочных секторов размещались разноуровневые подиумы с керамическими вазами для сквозного экспонирования и просмотра. В оконных проемах секторов установлены подставки с расписной деревянной посудой, народными музыкальными инструментами. Доминантой дизайна выставочного пространства стал белый цвет с акцентными красными, черными, коричневыми, синими оттенками.

В «Арт-галерее Щетининых» с 10 августа по 10 октября 2022 г. действовала выставка «Семейный вернисаж», на которой демонстрировались работы представителей известной творческой династии Щетининых, внесших значительный вклад в развитие культуры Алтайского края (Семейный вернисаж, 2022, с. 22).

Основной раздел экспозиции объединил более 30 живописных работ, выполненных в различных жанрах членом Союза художников России П.А. Щетининым («Кромка бора», 1960-е гг., «Молодежная улица», 1960 и др.); заслуженным художником Российской Федерации А.П. Щетининым («Степные просторы», 1982, «На родине Германа Титова», 2011, «Рассвет на озере Горьком», 2022 и др.); членом Союза художников России И.В. Щетининой («Золотая земля Змеиногорска», «Дорогие реликвии. Вспоминая деда М.И. Морина — участника Великой Отечественной войны», 2012, «Дом Захаровых на улице Захарова», 2020 и др.). Ведущей темой экспозиции стало обращение к природе, стремление мастеров отразить разнообразие мотивов алтайского пейзажа. При развеске живописных экспонатов был применен прием линейного расположения. Картины размещались в один-два ряда, что способствовало их обозрению и восприятию.

Следующий раздел экспозиции составили 19 скульптурных работ П.А. Щетинина: «Модель памятника П.И. Чайковскому», 1950-е гг., «Портрет академика М.А. Лисавенко», 1962; «Портрет отца», 1962; «Эскиз к памятнику Зое Космодемьянской», 1975, «Автопортрет» 1975 и т.д.

Третий раздел экспозиции сформировали разнообразные материалы, размещенные в двух витринах: научные публикации кандидата искусствоведения Н.А. Щетининой, каталоги персональных и краевых выставок, Почетная грамота И.В. Щетининой от правительства Алтайского края и др. Экспонаты выставки «Семейный вернисаж» были снабжены этикетками, что немаловажно для посетителей.

В музее редкой книги Центральной городской библиотеки им. Н.М. Ядринцева с 8 декабря 2022 г. по 15 января 2023 г. действовала выставка «Алтай: вехи истории», на которой были представлены различные модели фотоаппаратов и около 200 фотографий из частного собрания А.В. Шмелева. Фото снимки, выполненные в первой половине XX в., запечатлели виды городов края (Барнаула, Бийска, Змеиногорска, Камня-на-Оби, Рубцовска) и Республики Алтай. Значительное количество фотоснимков было посвящено истории Барнаульского кожевенного завода. Одним из интересных экспонатов являлся фотоальбом, сформированный по итогам путешествий по территории Горного Алтая скульптора, заслуженного мастера спорта СССР по альпинизму Е.М. Абалакова (1907–1948) (Вехи истории, 2022, с. 4).

В 2022 г. музеи Барнаула, обладая ценными собраниями предметов, документирующих историю создания, современное состояние и развитие Алтайского края, реализовали тематические выставочные проекты, приуроченные к празднованию 85-летия региона. Большая часть указанных «юбилейных» выставок открылась и работала для посетителей с июня по ноябрь

2022 г., распространению информации о музейных мероприятиях способствовало систематическое анонсирование на официальных сайтах и пабликах музеев, Министерства культуры Алтайского края, на портале «Культура РФ», в средствах массовой информации.

Коллекции и предметы, представленные на данных музейных выставках, посредством экспозиционного инструментария, техник, приемов и дизайна демонстрировали различные общественно-политические и историко-культурные процессы и события, происходившие в регионе. Следует отметить, что часть выставочных комплексов была сформирована на основе коллекций, отражающих жизнь и профессиональную деятельность жителей края, традиционную и современную материальную культуру региона, что имеет воспитательное воздействие на посетителей, в частности, на подрастающее поколение.

Список источников

- Биеннале дизайна // Вечерний Барнаул. 2022. №146. С. 4.
- Борблик Е.М., Соболева Т.Н., Ковалева Л.Г., Разгон Н.И. Административно-территориальное устройство Алтая // Энциклопедия Алтайского края: в двух томах. Барнаул, 1995. Т. 1. С. 169–175.
- В Барнауле открылась выставка, посвященная 85-летию Алтайского края // Алтайская правда. 2022. 09 сент.
- Вехи истории // Вечерний Барнаул. 2022. №181. С. 4.
- Ермошина С. История Алтая в игре // Вечерний Барнаул. 2022. №138. С. 4.
- Ермошина С. Приметы времени: история развития Алтайского края в музейных экспонатах // Вечерний Барнаул. 2023. №144. С. 9.
- Иванов Н. Кинопанорама Алтая // Алтайская правда. 2022. №185. С. 4.
- Искусство Рублева // Вечерний Барнаул. 2022. №124. С. 22.
- Как понять икону? // Алтайская правда. 2022. №196. С. 4.
- Как стать благородным барнаульцем // Алтайская правда. 2022. №170. С. 4.
- Карпова Л. В Выставочном зале музея «Город» работает краевая художественная выставка «Арт-Алтай» // Алтайская правда. 2022. 11 сент.
- Катренко Н. В ритме жизни Алтая // Вечерний Барнаул. 2022а. №85. С. 15.
- Катренко Н. А на окне наличники // Вечерний Барнаул. 2022б. №133. С. 10.
- Катренко Н. Особо ценный груз // Вечерний Барнаул. 2022в. №125. С. 16.
- Катренко Н. «Алтай на полотнах» // Вечерний Барнаул. 2022г. №162. С. 4.
- Катренко Н. Посвящение краю // Вечерний Барнаул. 2022д. №132. С. 19.
- Кино на Алтае // Вечерний Барнаул. 2022. №150. С. 4.
- Краевая выставка изделий народных мастеров Алтайского края «Веруем в мастерство!» открылась 3 ноября в выставочном зале музея «Город» // Алтайский государственный Дом народного творчества. 2022. 3 ноября. URL: <https://cntdaltai.ru/?p=34616> (дата обращения: 07.02.2024).
- Наследие деревянного зодчества // Вечерний Барнаул. 2022. №132. С. 22.
- Разгон В.Н. Алтай в 1930-е гг. // История Алтая: в 3-х томах. Т. 3: Алтай в новейшую эпоху (XX — начало XXI века). Барнаул, 2019. С. 81–103.
- Семейный вернисаж // Вечерний Барнаул. 2022. №120. С. 22.
- Старинные окна Барнаула: Деревянные резные наличники конца XIX — начала XX века / сост. Е.В. Огнева. Барнаул, 2022. 20 с.
- Юбилейный год // Вечерний Барнаул. 2022. №92. С. 22.

Информация об авторах / Information about the Authors

Татьяна Владимировна Тишкина, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, доцент, tvtishkina@mail.ru

Tatyana V. Tishkina, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Associate Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave. 61, PhD (historical sciences), Docent, tvtishkina@mail.ru

Дарина Евгеньевна Шорина, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат культурологии, shorinadarina@mail.ru

Darina E. Shorina, Altai State University, Chair of Archaeology, Ethnography and Museology, Associate Professor; 61, Lenin ave., Barnaul, 656049, Russia, Ph. D. in Cultural Studies, shorinadarina@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 902(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.55

EDN: ZKRLZG

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ: ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

**Ольга Григорьевна Филиппова¹, Николай Николаевич Головченко²,
Николай Александрович Чуваев³**

¹*Алтайский государственный краеведческий музей,
АНО «Многоликий Алтай», Барнаул, Россия*

²*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия*
³*Лицей №52, Барнаул, Россия*

Резюме. Статья посвящена введению в научный оборот результатов реализации поддержанного грантом Губернатора Алтайского края в сфере деятельности СО НКО проекта «Археологический десант». Рассматриваются концептуальные и культурно-исторические основы реализованного проекта. Охарактеризована его смысловая и источниковая составляющая. Особое внимание уделено организации педагогического процесса на археологическом материале, включая как эффективные формы практического взаимодействия с источником в полевых условиях, так и способы его популяризации и активной демонстрации. В ходе исследования авторы приходят к выводу о перспективности метапредметных форм волонтерской деятельности в археологии, сочетающей в себе музейную и экспедиционную работу обучающихся различных образовательных организаций, составляющих единую команду, нацеленную на реализацию конкретной научной или прикладной задачи.

Ключевые слова: археология, культурное наследие, школьная археология, педагогическая археология, музей, выставка, популяризация

Благодарности: работа выполнена с использованием гранта Губернатора Алтайского края в сфере деятельности СО НКО (№М-104/2023).

Для цитирования: Филиппова О.Г., Головченко Н.Н., Чуваев Н.А. Археологический десант: итоги реализации проекта по популяризации археологии Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 358–365. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.55

ARCHAEOLOGICAL LANDING: THE RESULTS OF THE PROJECT TO POPULARIZE THE ARCHAEOLOGY OF THE ALTAI REGION

Olga G. Filippova¹, Nikolay N. Golovchenko², Nikolay A. Chuvaev³

¹Altay State Museum of Local Lore, ANO “Multifaceted Altai”, Barnaul, Russia

²Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

³Lyceum No. 52, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the introduction into scientific circulation of the results of the implementation of the project “Archaeological Landing” supported by a grant from the Governor of the Altai Territory in the field of activities of the SONKO. The conceptual and cultural-historical foundations of the implemented project are considered. Its semantic and source component is characterized. Special attention is paid to the organization of the pedagogical process based on archaeological material, which includes both effective forms of practical interaction with the source in the field, as well as ways to popularize and actively demonstrate it. In the course of the study, the authors come to the conclusion about the prospects of meta-subject forms of volunteer activity in archaeology, combining museum and expedition work of students from various educational organizations that make up a single team aimed at implementing a specific scientific or applied task.

Keywords: archaeology, cultural heritage, school archaeology, pedagogical archaeology, museum, exhibition, popularization

Acknowledgments: the work was carried out using a grant from the Governor of the Altai Territory in the field of SONKO’s activities (No. M-104/2023).

For citations: Filippova O.G., Golovchenko N.N., Chuvaev N.A. Archaeological Landing: the Results of the Project to Popularize the Archaeology of the Altai Region // *Sohranenie i izuchenie kul’turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:358–365. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.55

В настоящее время в педагогике вновь набирает популярность тренд на практикоориентированность и установление метапредметных связей, в связи с чем активно развивается проектная деятельность и «археологическая педагогика». Способствует этому и активизация государственной просветительской политики — возрождение российского общества «Знание», открытие сети мультимедийных исторических парков «Россия — моя история», организация различных грантовых фондов.

Школьная археология в России имеет более чем 100-летнюю историю. Можно сказать, что ее институализация в Сибири начиналась с создания археологического кружка в Красноярске (Китова, 2008). В советский период это движение, как социокультурное явление, носило яркий и массовый характер. Однако после формализации школьной археологической деятельности в конце 1990-х — нача-

ле 2000-х гг. наметился определенный спад интереса к ней. Сейчас же данное направление научно-педагогической и популяризаторской активности начинает возрождаться как в традиционных, так и инновационных форматах.

Организаторами этого процесса, в ходе осуществления тематических проектов зачастую выступают сразу несколько организаций — вузы и научные институты, общеобразовательные учреждения и учреждения дополнительного образования, музеи и некоммерческие организации. На Алтае школьная археология существует уже не одно десятилетие. Во 2-й половине XX — начале XXI в. школьники становились участниками различных экспедиций, проводимых под руководством ученых-археологов, историков, музейных работников — С.П. Грушина, М.А. Демина, Э.М. Медниковой, В.А. Могильникова, А.А. Тишкина, А.П. Уманского, А.Б. Шамшина, П.И. Шульги и многих других. Нередко этими отрядами выполнялись основные работы при исследовании комплекса памятников в течение нескольких лет. При этом такие экспедиции включали в свой состав участников сразу из нескольких районов Алтайского края, а их количество могло в сезон превышать 150 человек (Демин, Демина, 2001; Демин, 2016; Шульга, Демин, 2021, с. 7).

В настоящее время исследователи относят к основным формам педагогической деятельности в археологии несколько составляющих: археологический кружок, различные формы исторической реконструкции и археологического эксперимента, а также археологическое волонтерство (Милованова, 2021, с. 149). В Алтайском крае наибольшее распространение получили две из них — объединения школьников и волонтерство.

С 2021 г. по инициативе АНО «Многоликий Алтай» и при поддержке Алтайского государственного краеведческого музея (далее — АГКМ) и кафедры археологии, этнографии и музеологии Института истории и международных отношений АлтГУ создано объединение школьников в формате студии «Юный археолог» (руководитель О.Г. Филиппова).

В 2021 г. при МАОУ «Лицей №52» создан школьный археологический отряд «Спасатель» из числа активистов школьного Народного музея истории органов государственной безопасности (руководитель Н.А. Чуваев).

Помимо различных форм работы с участниками этих объединений, у них есть опыт проведения общих проектов. В качестве примера можно привести участие совместного волонтерского отряда в работе Катандинского отряда Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук (далее — ИАЭТ СО РАН) в августе 2022 г. (Республика Алтай), а также участие детей в качестве волонтеров в проведении экскурсии на выставке «Кочевники. Покорители пространств и времен» в 2022 г. в АГКМ в рамках Всероссийской акции «Ночь музеев».

В Краснощековском районе имеется свой музейный клуб при Харловской СОШ, в котором активно развивается археологическое направление. Так, совместно с педагогом В.А. Нартовой учащиеся реализовали интересный проект — подготовили интерактивную карту с указанием археологических памятников Краснощековского района и их кратким описанием.

Аналогичный проект в р.п. Тальменка был осуществлен под кураторством краеведа Л.А. Смирновой (школьное бюро ТальТур, Тальменская СОШ №5), масштабированный совместно с Алтайским государственным педагогическим университетом в рамках реализации гранта Президента РФ «Наука в школу» в фотовыставку «Сокровища Новотроицких курганов» и ряд фотонатурных археологических реконструкций (Головченко, Труевцева, 2020, 2021).

Однако систематическое участие подростков в полевых археологических изысканиях в данное время осуществляется только Алтайским краевым педагогическим лицеем при взаимодействии с педагогическим университетом (Демин, Демина, 2001; Демин, 2016) и профессиональными археологами из других организаций.

В 2023–2024 гг. авторы настоящей публикации входили в команду проекта, поддержанного Правительством Алтайского края, Алтайским государственным университетом, Алтайским государственным педагогическим университетом, АГКМ в рамках деятельности АНО «Многоликий Алтай», направленного на привлечение школьников Алтайского края к изучению и популяризации археологических памятников региона, под названием «Археологический десант». Финансирование осуществлялось в рамках гранта Губернатора Алтайского края в сфере деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций.

В реализации проекта принимали участие более 20 школьников Барнаула, большая часть которых занималась в указанных объединениях под руководством О.Г. Филипповой и Н.А. Чуваева. Часть ребят уже имели опыт экспедиционных поездок. Первая часть «Археологического десанта» включала непосредственное знакомство с практикой проведения археологических работ на объектах культурного наследия. Сформированный волонтерский отряд школьников г. Барнаула принял участие в Предгорной археологической экспедиции под руководством к.и.н., Д.В. Папина, организованной Алтайским государственным университетом совместно с ИАЭТ СО РАН и Алтайским государственным педагогическим университетом в июле 2023 г.

После завершения экспедиционного выезда участники занялись разработкой научной концепции передвижного выставочного комплекса «Древнее прошлое Алтая» (рис. 1). В городских условиях школьники продолжили изучение тонкостей археологической науки на площадке одного из главных партнеров проекта — АГКМ. На основе полученных теоретических знаний и практических навыков археологических исследований под руководством профессиональных наставников в ходе совместной деятельности была разработана информационная составляющая мобильной выставки, которая в научно-популярном и доступном формате, рассчитанном на школьников, представляла основные этапы развития древних сообществ на территории края. В ходе подготовки выставки ребята познакомились с подлинными археологическими артефактами из музейной коллекции, подготовили их описание, которое вошло в виртуальную часть передвижного выставочного проекта «Древнее прошлое Алтая». Содержательная часть выставки вклю-

чает шесть разделов, построенных на основе современной культурно-хронологической концепции археологии Алтая, разработанной археологами Алтайского государственного университета. Они выстроены в хронологической последовательности и включают вводную часть с общей информацией о проекте, раздел по эпохе камня, эпохе палеометалла, поздней древности, раннему и развитому средневековью. Помимо текстовой информации о знаковых памятниках различных эпох, в иллюстративном формате и фотоматериалах представлены изображения уникальных артефактов из погребальных и поселенческих комплексов Алтайского края. Посредством переходов через QR-коды, которые размещались в каждом разделе, можно ознакомиться с дополнительной информацией об археологических артефактах, изображения которых размещены на выставке.

Выставка сопровождалась показом видеоролика о школьной археологии, снятом в ходе экспедиции, где школьники делились своими мыслями и впечатлениями об участии в реальной научной деятельности.

Презентация передвижной выставки состоялась в октябре 2023 г. в пространстве постоянной экспозиции АГКМ в Доме купца Зубова. Участники проекта не только получили благодарности от организаторов, но и смогли увидеть непосредственный результат совместной деятельности в течение нескольких месяцев.

Завершающим этапом проекта стала его демонстрация в школах г. Барнаула. Основной состав волонтерского отряда был сформирован из учащихся Лицея №52 г. Барнаула, поэтому он стал первым образовательным учреждением, учащиеся которого смогли познакомиться с проектом. Активисты школьного музея сами готовились и самостоятельно проводили экскурсии по выставке, а также разработали интерактивную викторину к ней.

С октября 2023 по март 2024 г. с проектом познакомилось более 2000 человек, в том числе учащиеся Лицея №129 и Лицея №3 г. Барнаула, а также обучающиеся Барнаульской классической школы, где помимо этого были реализованы и другие активности для детей в рамках специального организованного «Дня археологии» (рис. 2).

Кроме того, с результатами проекта «Археологический десант» смогли познакомиться участники Молодежной археологической конференции «АрхеологияPRO_TED», состоявшейся в октябре 2023 г. в рамках XVI научно-практической конференции «Актуальные проблемы и перспективы реализации молодежной политики города Новосибирска» (г. Новосибирск), а также участники XVIII Международной научно-практической конференции «Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение)», прошедшей в ноябре 2023 г.

Особое значение проект приобрел в рамках Года педагога и наставника, который проходил в России в 2023 г. Его уникальность заключается не только в возможности непосредственного знакомства школьников Барнаула с практикой проведения археологических изысканий в ходе участия в экспедиции,

*Рис. 1. Процесс подготовки выставки. Октябрь 2023 г.
Fig. 1. The process of organizing the exposition. October 2023*

*Рис. 2. Презентация выставки в Барнаульской классической школе. Январь 2024 г.
Fig. 2. Presentation of the exposition at the Barnaul Classical School. January 2024*

но и создание общей командой проекта интересной выставки, которая оказалась весьма востребованной в школах города.

Таким образом, в ходе реализации проекта его участники смогли объединить две основные формы волонтерской деятельности в археологии — музейную и экспедиционную. Приведенный опыт археологического волонтерского движения является одним из успешных примеров педагогической работы со школьниками. Он получил высокую экспертную оценку от специалистов АГКМ — к.и.н., заместителя директора по научной работе О.С. Мамонтовой и заведующего кафедрой археологии, этнографии и музевологии АлтГУ, д.и.н., профессора А.А. Тишкина, а также от педагогов образовательных учреждений, в которых экспонировалась выставка.

Список источников

Головченко Н.Н., Труевцева О.Н. Проект «Наука в школу»: интеграция археологического наследия Новотроицкого некрополя в образовательное пространство Тальменского района Алтайского края // Краеведение и туризм. Барнаул, 2020. С. 240–247.

Головченко Н.Н., Труевцева О.Н. Иммерсивные технологии в популяризации археологического наследия Новотроицкого некрополя // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, №7. С. 9–20.

Демин М.А. Хроника археологических экспедиций Алтайского государственного педагогического лицея (1995–2014 гг.) // Алтайский краевой педагогический лицей: неограниченные возможности. Барнаул, 2016. С. 34–43.

Демин М.А., Демина М.Е. Историко-краеведческая практика: цели, хроника экспедиций, некоторые итоги // Алтайский краевой педагогический лицей: история, опыт, проблемы. Вып. III. Барнаул, 2001. С. 56–64.

Китова Л.Ю. Формирование в Красноярске центра изучения археологических памятников Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4-2 (60). С. 85–93.

Милованова М.П. Педагогическая археология как форма популяризации археологической науки // Археология евразийских степей. 2021. №6. С. 148–155.

Шульга П.И., Демин М.А. Курганы Сентелека. Новосибирск, 2021. 188 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ольга Григорьевна Филиппова, Алтайский государственный краеведческий музей, отдел развития музея, заведующий отделом; АНО «Многоликий Алтай», директор; 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 39, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7859-0942>, ogfilippova@yandex.ru

Olga G. Filippova, Altai State Museum of Local Lore, Department of Museum Development, Head of the Department; ANO “Multifaceted Altai”, director; 656043, Russia, Barnaul, Polzunova str., 39, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-7859-0942>, ogfilippova@yandex.ru

Николай Николаевич Головченко, Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение», старший научный сотрудник; 656037, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Nikolay N. Golovchenko, Altai State Pedagogical University, UNIL “Historical Local Lore”; 656037, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Николай Александрович Чуваев, МАОУ «Лицей №52», учитель истории, руководитель Народного музея истории органов государственной безопасности; 656023, Россия, г. Барнаул, ул. Тимуровская, д. 33, kolja1979@rambler.ru

Nikolay A. Chuvayev, Lyceum №52 Named after F.E. Dzerzhinsky, Head of the National Museum of the History of State Security Agencies; 656023, Barnaul, Timurovskaya str., 33, History Teacher, kolja1979@rambler.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article

УДК: 796.51(571.151)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.56

EDN: ZZPRIL

ОТЗЫВЫ РАННЕСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ О ТУРИСТИЧЕСКИХ МАРШРУТАХ ГОРНОГО АЛТАЯ

Татьяна Петровна Шастина

Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия

Резюме. Ойротская автономная область, созданная в Горном Алтае в 1922 г., типичная советская восточная национальная окраина, в раннесоветскую эпоху становится местом притяжения пролетарских туристов. В статье рассматриваются журнальные публикации «золотого десятилетия» советского краеведения, рассказывающие о трех разных пройденных по Алтаю маршрутах: о тщательно подготовленной экспедиции старшеклассников по маршруту Барнаул — Чемал — Барнаул (1923); об экстремальном переходе молодых новониколаевских рабочих из Чемала на Телецкое озеро (1925); о движении организованной группы столичных туристов, из Чемала отправившихся через Катунский хребет на Берель и далее по Иртышу к железной дороге (1929). При разности позиций авторов отзывы о маршрутах совпадают в одном: сюда влечет дикая красота горного пространства и практически первобытная культура местного населения; у Горного Алтая есть все для развития туризма.

Ключевые слова: Горный Алтай, Ойротия, национальная окраина, экскурсия, путевой дневник

Для цитирования: Шастина Т.П. Отзывы раннесоветской эпохи о туристических маршрутах Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 365–370. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.56

REVIEWS OF THE EARLY-SOVIET EPOCH OF TOURIST ROUTES IN GORNY ALTAI

Tatyana P. Shastina

*National Library of the Altai Republic Named after M. V. Chevalkov,
National Museum of the Altai Republic Named after A. V. Anokhin,
Gorno-Altaiisk, Russia*

Abstract. Oïrot Autonomous Oblast that was founded in Gorny Altai in 1922 is a typical eastern national territory at the border of Russia. In the early-Soviet time it becomes a place of attraction of working-class tourists. The article studies some journal publications that refer to the “ten golden years” of the Soviet local country studies and that tell about three different routes across the Altai, which are a Barnaul–Chemal–Barnaul expedition of high school students (1923), an extreme Chemal–Teletskoye trip of young workers from Novonikolaevsk (1925), and a trip of an organized group of Moscow tourists from Chemal, across the Katun Range towards Berel and by the Irtysh to reach the railroad (1929). The three tours pursued different tasks and individual intentions. Their reviews note one feature in common being the reason of why Gorny Altai attracts tourists — its wild beauty of the mountainous territory and almost primitive culture of the local population. The publications also mention that Gorny Altai has all what it has to develop tourism.

Keywords: Gorny Altai, Oïrotia, national periphery, excursion, traveler’s diary

For citation: Shastina T.P. Reviews of the Early-Soviet Epoch of Tourist Routes in Gorny Altai. *Sohranenie i izučenie kul’turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:365–370. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.56

В раннесоветскую эпоху Горный Алтай приобретает статус административно-территориальной единицы РСФСР — 1 июня 1922 г. был подписан декрет ВЦИК о создании автономной области ойротского народа с центром в селе Улалинском (ныне г. Горно-Алтайск). В системе советских идеологов населяющие ее коренные народы, обобщенно называемые с этого времени ойротами, были отнесены к категории восточных, т.е. отсталых. Нам уже приходилось писать о том, что в литературе в это время Горный Алтай в очередной раз становится образом terra incognita (Шастина, 2014), открывать ее и бороться с вековой отсталостью сюда направляются партийные и советские функционеры, писатели, журналисты (Шастина, 2013), отряды альпинистов (Шастина, 2016) и юных мичуринцев, киноэкспедиции и экспедиции научные, первые группы организованных туристов, школьники-экскурсанты и отпускники.

Рассматривая 1922–1948 гг. как завершённый период исторического развития региона (в январе 1948 г. область была переименована в Горно-Алтайскую автономную), мы подготовили малотиражную антологию «Ойротия в зеркале литературы» (Горно-Алтайск, 2021; сост., подгот. текстов Э.П. Чинина, Т.П. Шастина, вступ. ст. Т.П. Шастина, подбор илл. М.М. Алушкина), наполнив годовую сетку текстами на русском и алтайском языках. В процессе сбора материалов для этой книги в отдельную тематическую группу были выделены дневники, записки и очерки туристов, позволяющие реконструировать восприятие территории и населения Ойратии/Ойротии при взгляде извне. В данной статье проанализируем три таких публикации, относящиеся к «золотому десятилетию советского экскурсоведения и краеведения»: «Экспедиция Барнаульской школы III Коминтерна в горный Алтай» А. Красноусова (1923), «Горные экскурсии рабочей молодежи» В. Шемелева (1925), «Образы Алтая: дневник путешествия» Б. Айхенвальда (1929).

Деятельность Алтайской школы имени III Коминтерна — яркая страница развития образования в Алтайском крае — см. анализ первых достижений

и системных просчетов этого коллектива (Из истории..., 1923); документы по ее истории до нашего времени вводятся в научный оборот (Тишкина, Куликова, 2022, с. 460). Летом 1923 г. школа организовала экспедицию, длившуюся с конца мая до конца августа, в Горный Алтай — «удивительный край, где еще сохранились остатки первобытной культуры, где блещет яркими цветами природа и бегут говорливые реки» (Красноусов, 1923, с. 107); в ней участвовали 32 ученика, заведующий школой А.М. Красноусов и учителя А.В. Анохин и А.Г. Парамонов.

Представить базовый объем знаний участников похода о Горном Алтае мы можем по опубликованному А.В. Малиновым «Лекциям по алтаеведению», прочитанным Анохиным в том числе и в школе имени III Интернационала (Анохин, 2011). Готовясь к экспедиции, еще зимой школьники разбились на исследовательские группы (ботаники, энтомологи, орнитологи, этнографы) и составили группу культурников, разработали планы работы. 25 мая экспедиция выехала из Барнаула в Бийск на пароходе, далее к месту дислокации, в Чемал, шли почти две недели пешком. В Барнауле, Бийске, Улале для привлечения интереса к экспедиции и получения финансовой поддержки школьники давали концерты «дикой алтайской и монгольской музыки», исполняли произведения Анохина, под его руководством на местах собирали большие сводные хоры. Из базового лагеря совершались выходы в Уожан (для описания алтайской свадьбы и шаманского камлания), к истоку реки Анос (для изучения своеобразной культуры шаманистов), на Каракольские озера и Чемальские белки (для ботанической съемки альпийской и субальпийской растительности). В Чемале группа культурников организовала учительские курсы, выставку по реформе школы, партийную школу-передвижку для местных работников.

Пейзажные зарисовки в тексте практически отсутствуют, как и описания эмоциональных переживаний, вскользь упоминаются трудности реально пройденных дорог, например: «Некоторые экскурсии были чрезвычайно трудны. Приходилось бродить босиком через бурные горные реки. Десятки верст проходить пешком ежедневно» (Красноусов, 1923, с. 109). С наибольшей полнотой представлены этнографические материалы, алтайский фольклор, в качестве приложения дана запись алтайской сказки «Воробей и боярка» — эта работа направлялась А.В. Анохиным, ранее изучавшим Нижнюю Катунь.

В ином ключе рассказывает об экскурсии в Горный Алтай профсоюзный деятель, историк и краевед Алтай В.И. Шемелев, организовавший активный отдых рабочей молодежи летом 1924 г. Планируя поход, он мог опираться на единственный туристический справочник — «Пути по Русскому Алтаю» В.В. Сапожникова, вышедший в 1912 г. Хотя в раннесоветскую эпоху все дореволюционные труды о Горном Алтае подпадали под категорию буржуазных, но для книг Сапожникова, Верещагина, Крылова, Пелипенко делалось исключение (Гордиенко, 1931, с. 5).

Главная мысль Шемелева — «Пешеходная экскурсия в горы — один из дешевых и наиболее выгодных, в отношении здоровья, способов использо-

вания отдыха» (Шемелев, 1925, с. 230). Во вступительной части автор анализирует опыт Международной пролетарской ассоциации туристов «Друзья природы» (Германия, Дюссельдорф), пространно цитирует одну из недавних статей «Советской Сибири» на эту же тему (Орлов, 1924), обращается к дореволюционному опыту организации экскурсий, описанному в журнале «Русский экскурсант». Подчеркнем, это ярославское издание, ставившее перед собой задачу «раскрыть глаза подрастающему поколению на эту дивную картину нашей родины, дать им почувствовать все обаяние русской природы, приблизить их к бесконечно-любопытным сторонам ее многоплеменного быта» (Цель и задачи..., 1914, с. 3), считало экскурсии молодежи «могучим средством для развития любви к родине, интереса к жизни природы, истории и художественного вкуса» (Цель и задачи..., 1914, с. 4). Шемелев же подчеркивает предназначение советских экскурсий: «Это — один из верных путей вовлечения широкой рабочей массы в краеведческую работу» (Шемелев, 1925, с. 233). Горный Алтай для этого подходит наилучшим образом: «Там широко раскрыта книга природы, чтобы проследить по ней жизнь земли. А жизнь человека — в аулах алтайцев — так еще близка к первобытной культуре» (Шемелев, 1925, с. 234).

Рабочие-отпускники, вышедшие на маршрут в Ново-Николаевске и поездом доехавшие до Бийска, отправились пешком до Чемала, далее по горам к Телецкому озеру, надеясь на местных проводников. Проводники подвели, заблудились так, что экскурсанты съели все припасы и вынуждены были забивать на мясо лошадей; только случайно встретившийся охотник вывел их в нужную долину. От Чемала до Телецкого озера шли 18 дней (!), затем два дня по озеру на баркасах, шесть дней по Бие на плотках, в итоге пробыли на маршруте 10 лишних дней.

Основное внимание автора публикации сосредоточено на специфике пройденного в горах пути. Пролетарский энтузиазм даже в самых экстремальных ситуациях подчеркивается песнями, складывавшимися на маршруте. Текст разбит на тематические части, в скобках указываем их основное содержание: 1) «За здоровьем в горы» (идеологическое и теоретическое обоснование использования только что введенных в СССР трудовых отпусков для оздоровительных целей); 2) «В горах Алтая» (выезд, пребывание в Барнауле, знакомство с музеем; Бийск, пеший путь вдоль Катуня от Бийска до Чемала); 3) «Через белки к Алтын-Колю» (блуждание по безлюдному высокогорью); 4) «На Башкаусе и Чулышмане» (среди теленгитов, смычка — устроили мытье местных ребятишек и стирку их одежды; спуск к Чулышману по Кату-Ярыку); 5) «По Алтын-Колю и Бие» (водная часть маршрута); 6) «По домам» (расставание, заключение врача «у всех без исключения экскурсантов обнаружены значительные улучшения общего состояния организма» (Шемелев, 1925, с. 250)); 7) Что же дальше? (отказ от подчеркнутого Сапожниковым эстетического наслаждения от путешествий в горах Алтая в пользу «охраны здоровья нашей молодежи», постановка перед краеведческими организациями вопроса о разработке маршрутов по Горному Алтаю и их научном обеспе-

чении, варианты маршрутов, которые могут уложиться в отпускной месяц, и пожелание оборудовать в Чемале для туристических групп дом отдыха).

Описание экспедиций барнаульцев и новониколаевцев свидетельствует о том, что в раннесоветскую эпоху «туристические практики превратились из увлекательного метода рекреации и познания в действенный механизм строительства нового общества» (Оборина, 2010, с. 111), или, как писал современник Красноусова, «мы, желая изжить обывательский характер прогулки, облакаем ее в такие формы, которые органически сливаются с ее назначением и вытекают из запросов пролетариата» (Воробьев, 1923, с. 71).

Путевой дневник Бориса Айхенвальда интеллектуально и эмоционально отличается от двух описанных выше. Выскажем предположение, что его автор — поэт и переводчик, внештатный научный сотрудник философского отделения Государственной академии художественных наук, мог оказаться в одной из первых организованных в Москве туристических поездок в Горный Алтай, потому что хотел почувствовать себя «каплей в зеленой крови естества» (Айхенвальд, 1922, с. 8), как цивилизованные персонажи повести Павла Низового (Тупикова) «Язычники», оказавшиеся среди дикой природы на берегах Телецкого озера, о которых в предисловии к этому произведению писал его отец Юлий Айхенвальд.

Путевые записки Б. Айхенвальда — чисто имагологический взгляд на Алтай столичного путешественника, вначале радующегося новому пространству, где «все мягкое, нежное, целомудренное... Быть может, именно целомудренное — нет сотен туристов (плечи Элен и Нагаши)» (Айхенвальд, 1929, с. 155) и снисходительно оценивающего его насельников — «века нищеты, гнета, унижений сделали этот народ примитивным и жалким. Но в своих обрядах он так же целомудрен, как природа. Он умеет смаковать жизнь. Великое искусство играть иногда в жизнь — удел детей и отсталых народов» (Айхенвальд, 1929, с. 155), затем в усталости от всей экзотики и абсолютного отсутствия комфорта пытающегося найти объяснение увиденному в ассоциативных рядах мировой художественной культуры: «Катунь декоративна. Так, в таких декорациях должен был бы ставить Большой театр какой-нибудь фантастический балет. Стрела Сартакпая, легендарного богатыря, просекла здесь, среди картонных утесов, путь Катунь. Насыщенность декоративной красотой, — но утонченной, культурной. Не таковы ли сады Черномора?» (Айхенвальд, 1929, с. 156). Но путешествие стоило того — после него привычное Подмосковье «теряет свою будничную пошловатость и выглядит по другому *sub specie* Сибири и Азии, овеванное их романтикой» (Айхенвальд, 1929, с. 172).

Летом 1929 г. акционерное общество «Советский турист», уже предлагавшее поездки по 29 маршрутам, в том числе и на Алтай, организовало рекогносцировочную экскурсию своих столичных специалистов из Бийска через Катунский хребет в Семипалатинск с целью изучения экскурсионных возможностей региона. Группой был пройден практически тот же маршрут, который описан Б. Айхенвальдом, но их путевой дневник отличался про-

стотой и непредвзятостью оценок. Горы стали для них своими, их покидали с чувством хорошо выполненной работы — она «поможет сотням и тысячам туристов двинуться в далекий Алтай» (Яцунская, 1929, с. 40).

Проведенный нами краткий обзор отзывов туристов 1923–1929 гг. позволяет наметить новую тему исследования — «Горный Алтай в описаниях туристов: константы образа и черты времени».

Список источников

- Айхенвальд Б. Образы Алтая. Дневник путешествия // Новый мир. 1929. №12. С. 154–172.
- Айхенвальд Ю. Предисловие // Низовой П. Язычники. 1922. С. 5–13.
- Анохин А.В. Лекции по алтаеведению. Бийск, 2011. 152 с.
- Воробьев И. Экскурсия в живую природу как метод научной популяризации // Сибирский педагогический журнал. 1923. №3. С. 67–79.
- Гордиенко П.Я. Ойротия. Новосибирск, 1931. 144 с.
- Из истории одной школы-коммуны // Сибирский педагогический журнал. 1923. №1. С. 76–82.
- Красноусов А. Экспедиция Барнаульской школы III Коминтерна в горный Алтай // Сибирский педагогический журнал. 1923. №3. С. 107–113.
- Оборина Е.А. «Пролетарский» туризм 1920-х — середины 1950-х гг. как социально-культурное явление // Вестник Пермского университета. 2010. №1. С. 110–113.
- Орлов Н. Перелетные птицы: письмо из Берлина // Советская Сибирь. 1924. №254. С. 2.
- Тишкина Т.В., Куликова Т.А. Собрания по истории всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина в музеях Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022. Вып. XXVIII. С. 454–462.
- Цель и задачи «Русского экскурсанта» // Русский экскурсант. 1914. №1. С. 3–4.
- Шастина Т.П. Горный Алтай в очерках столичных журналистов 1920-х годов: опыт репрезентации национальной окраины // Журналистский ежегодник. 2013. №2. Ч. 1. С. 43–47.
- Шастина Т.П. Об «идеологической» и «художественной» стратегиях репрезентации Горного Алтая в русской литературе 1920-х гг. // Вестник ТГУ. 2014. №378. С. 53–65.
- Шастина Т.П. Альпиниада 1935 года: раннесоветская интерпретация мотива восхождения на вершину // Культура — путь в будущее. Кемерово, 2016. С. 144–149.
- Шемелев В. Горные экскурсии рабочей молодежи // Сибирские огни. 1925. №1. С. 230–253.
- Яцунская О. По Алтаю. Записки экскурсанта // Экскурсант и турист. 1929. С. 27–40.

Информация об авторе / Information about the Author

Татьяна Петровна Шастина, Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова, научно-методический отдел, научный сотрудник; 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, пр-т Коммунистический, 32; Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина, научный сотрудник; Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 46, кандидат филологических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-2687-8036>, tshliteratura@mail.ru

Tatiana P. Shastina, National Library of the Altai Republic Named after M.V. Chevalkov, Research and Methodological Department, Researcher; 649000, Russia, Gorno-Altai, Kommunistichesky Prospekt, 32; National Museum of the Altai Republic n. a. A.V. Anokhin, researcher; Gorno-Altai, Choros-Gurkin str, 46, Candidate of Sciences in Philology, Docent, <https://orcid.org/0000-0002-2687-8036>, tshliteratura@mail.ru

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

Научная статья / Article
УДК: 069.5
DOI: 10.14258/2411-1503.2024.57
EDN: XHDMNJ

**«50+»: ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЮБИЛЕЮ
ОТДЕЛОВ АРХЕОЛОГИИ И ПАЛЕОНТОЛОГИИ
В МУЗЕЕ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА**

Александр Викторович Шмидт, Константин Евгеньевич Протодряконов
Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия

Резюме. В данной статье раскрываются концептуальные основы выставочного проекта «50+», приуроченного к 25-летию создания отделов палеонтологии и археологии в Музее Природы и Человека. Главная идея выставки — представление подлинных музейных предметов в своеобразной хронологической последовательности. Экспозиционное пространство, разделенное на три специальных тематических блока, отражает основные вехи истории деятельности двух научных отделов. Предметный ряд выставки дополняется фотографиями, информационными стендами и видеороликами. Проект направлен на привлечение внимания широкой общественности, жителей и гостей г. Ханты-Мансийска к природному и культурному наследию региона.

Ключевые слова: Музей Природы и Человека, палеонтология, археология, выставка, наука, юбилей

Благодарности: авторы выражают искреннюю благодарность своим коллегам за помощь в подготовке и оформлении данного выставочного проекта. За показ процесса 3D сканирования бивня мамонта крайне признательны педагогу дополнительного образования детского технопарка «Кванториум» А.И. Кожедерову.

Для цитирования: Шмидт А.В., Протодряконов К.Е. «50+»: выставочный проект, посвященный юбилею отделов археологии и палеонтологии в Музее Природы и Человека // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 371–378. DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.57

**«50+»: EXHIBITION PROJECT DEDICATED TO THE ANNIVERSARY
OF THE DEPARTMENTS OF ARCHAEOLOGY AND PALEONTOLOGY
AT THE MUSEUM OF NATURE AND MAN**

Alexander V. Schmidt, Konstantin E. Protodyakonov
Museum of Nature and Man, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract. This article reveals the conceptual basis of the exhibition project “50+”, dedicated to the 25th anniversary of the creation of the departments of paleontology and archaeology in the Museum of Nature and Man. The main idea of the exhibition is to present authentic museum objects in a peculiar chronological sequence. The exposition space, divided into 3 special thematic blocks, reflects the main milestones in the history of the activities of the two scientific departments. The exhibition items are supplemented with photographs, information stands and video clips. This project is aimed at attracting the attention of the general public, residents and guests of Khanty-Mansiysk to the natural and cultural heritage of the region.

Keywords: Museum of Nature and Man, paleontology, archaeology, exhibition, science, anniversary

Acknowledgments: The authors express their sincere gratitude to their colleagues for their help in preparing and designing this exhibition project. For showing the process of 3D scanning of the mammoth tusk, we are extremely grateful to A.I. Kozhderov, a teacher of additional education of the children's technopark "Quantorium".

For citation: Schmidt A.V., Protodyakonov K.E. «50+»: Exhibition Project Dedicated to the Anniversary of the Departments of Archaeology and Paleontology at the Museum of Nature And Man. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024;XXX:371–378. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2024.30.57

В этом году отделы археологии и палеонтологии отметили очередной юбилей. Приказ о создании двух новых структурных подразделений в стенах Музея Природы и Человека (МПЧ) был подписан 25 лет назад, 9 февраля 1999 г., директором организации Л.В. Степановой. Первыми заведующими стали соответственно выпускник ТГУ (г. Томск) Д.О. Стародумов и бывший преподаватель вуза, кандидат биологических наук А.Ф. Павлов.

Данное событие было решено отметить созданием совместной тематической выставки под названием «50+», которая стала своеобразным отчетом о проделанной работе за четвертьвековой период деятельности отделов. Это уже третий подобный опыт организации выставочного проекта. Предыдущие два были реализованы в 2014 г. — «30 лет на двоих» и в 2019-м — «Археопалеологично, или 20 лет спустя...».

В этом году пространство выставочного зала площадью ≈ 40 м² разделено между отделами на две части. Предметный ряд расположился по кругу в витринах и на подиумах вдоль стен, подчиняясь своеобразной хронологической последовательности. Левый полукруг представлен экспонатами из палеонтологической коллекции музея в геохронологическом порядке — от девона, юры и мела (разнообразные морские организмы прошлого) до четвертичного периода (представители мамонтовой фауны). Правый полукруг заполнили предметами археологии: от наиболее ранних — эпохи верхнего палеолита до артефактов нового времени с первого русского города Югры.

В настоящее время палеонтологическая коллекция Музея Природы и Человека насчитывает более 5588 единиц хранения и является одной из крупнейших среди музеев Западной Сибири. Значительную часть этой коллекции составляют остатки ископаемых животных позднего неоплейстоцена, найденных на местонахождениях Луговское, Семейкинский Яр, Чембакчино, Горнофилино, Бобровское, Субботино, Туталово, Юровское, Кирпичное, Елизаровское, Урманное, Горнореченское и Сергино. Коллекции палеозойского и мезозойского возраста были собраны в ходе научных экспедиций на р. Северная Сосьва и ее притоках — Манье, Ятрии, Лопсии и Толье.

К наиболее интересным экспонатам выставки относятся отпечатки многощетинкового червя и семенного папоротника с р. Манья (350 млн лет назад), позвонки ихтиозавра с р. Лопсия (150 млн лет назад.), отпечаток фрагмента скелета окунеобразной рыбы (25 млн лет назад) и скелет трогонтериевого слона (600 тыс. лет назад) с р. Иртыш.

В собрании музея археологическая коллекция занимает ведущее место, составляя 47,73% от общего объема единиц хранения. На начало 2024 г. она на-

считывала 90 202 предмета: 82 023 — это основной фонд; 5187 — научно-вспомогательный фонд; 2992 — фонд массовых археологических поступлений, созданный только в 2023 г. В основном это материалы научного изучения с 413 археологических памятников различного типа, расположенных на территории округа. Здесь сдатчиками выступают археологи Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, в том числе сотрудники МПиЧ, а также специалисты из Екатеринбурга и Тюмени. Кроме этого, часть артефактов переданы в дар музею от местных жителей. Следует отметить, что в эти расчеты не вошло более 171 тыс. археологических предметов, которые находятся сейчас в музее на временном хранении, и еще только ждут своей очереди пополнить наши фонды.

Экспозиционный ряд палеонтологов открывают предметы палеозойской эры — отпечатки губки, многощетинкового червя, дикранофитона и птеридоспермового растения, ракообразного, скелета рыбы. Далее идут представители мезозоя — раковины двустворчатых моллюсков, брахиоподы, белемнита, аммонита, септариевая конкреция, зубы акулы, позвонки ихтиозавра. Финальной частью экспозиции являются представители кайнозоя — отпечатки скелетов и отдельных костей рыб палеогенового возраста, а также зубы и кости животных позднего неоплейстоцена (мамонт, шерстистый носорог, первобытный бизон, древняя лошадь, северный олень, пещерный лев, бурый медведь, волк, грызуны). Прекрасным дополнением этого ряда являются кости шерстистого мамонта с патологическими признаками и образцы горных пород и минералов из геологической коллекции — кварц, аметист, киноварь, галенит, серпентин, лимонит и многие другие.

Точкой соприкосновения обоих полукругов стала центральная часть экспозиции, посвященная местонахождению Луговское. Оно является своеобразным завершающим хронологическим пунктом для палеонтологов, за пределы которого их научные интересы не распространяются. Здесь обнаружены многочисленные остатки животных мамонтовой фауны, датированные от 16 до 10 тыс. л.н. (Макаров, Резвый, 2009, с. 26).

В основном это кости шерстистого мамонта (~95%), а также остатки шерстистого носорога, северного оленя, лося, бизона, овцебыка, зайца, полевки, волка, лисицы и песка. Находки с мамонтового «кладбища», а именно так можно охарактеризовать Луговское, позволили реализовать мечту первого заведующего отделом палеонтологии А.Ф. Павлова — собрать полные сборные скелеты взрослого и детеныша *Mammuthus primigenius* из остатков зубов и костей с данного местонахождения. Сейчас этот экспонат занимает одно из центральных мест в основной части экспозиции музея «Ритм биосферы».

В то же время Луговское — это отправная точка во временной шкале археологической коллекции музея. Наряду с палеофауной на памятнике выявлены артефакты эпохи верхнего палеолита, оставленные здесь древними охотниками на мамонтов, первыми заселившими территорию Югры после отступления ледника. Археологи и палеонтологи Музея Природы и Человека неоднократно организовывали на Луговское совместные экспедиции для изучения этого уникального объекта. Всего за несколько полевых сезонов здесь выявлен слабо выраженный культурный слой с остатками зольника, более

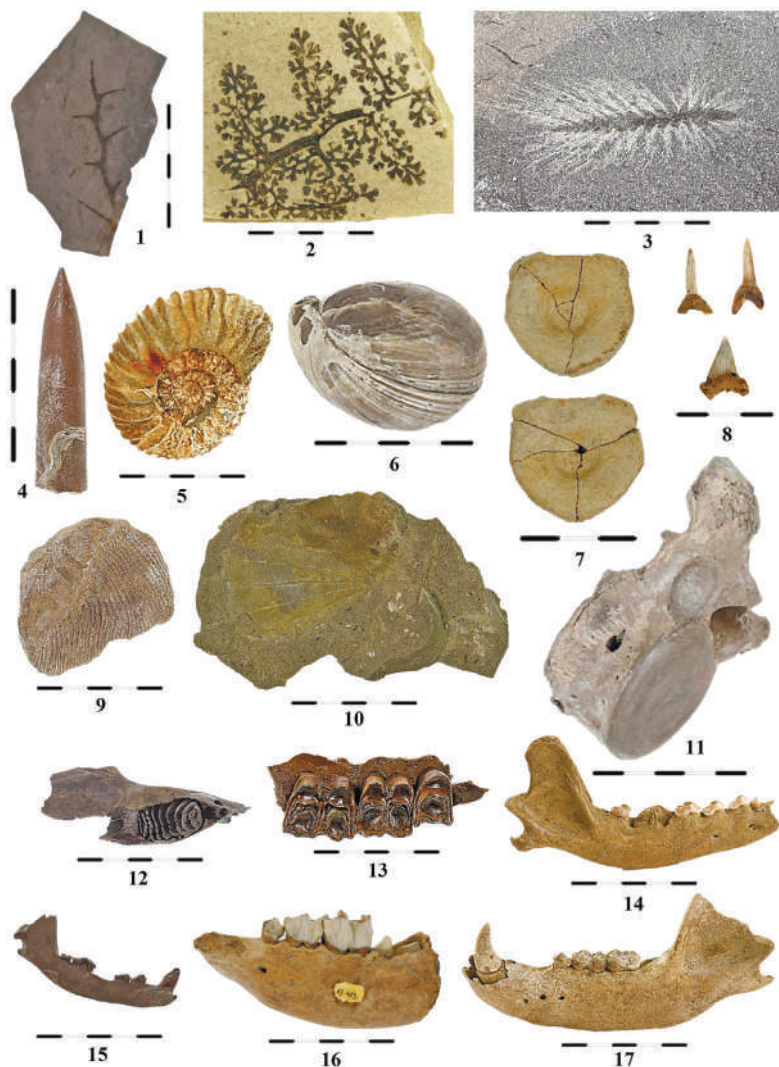

Рис 1. 1 — отпечаток дикранофитона; 2 — отпечаток веточки птеридиспермового растения; 3 — отпечаток тела многощетинкового червя; 4 — раковина белемнита; 5 — раковина аммонита; 6 — раковина брахиоподы; 7 — позвонки ихтиозавра; 8 — зубы акулы; 9 — отпечаток плавника костистой рыбы; 10 — отпечаток конулярии; 11 — пробитый грудной позвонок мамонта; 12 — фрагмент нижней челюсти мамонтенка; 13 — фрагмент верхнечелюстной кости бизона; 14 — фрагмент нижней челюсти волка; 15 — фрагмент нижней челюсти песца; 16 — фрагмент нижней челюсти шерстистого носорога; 17 — фрагмент нижней челюсти бурого медведя

Fig 1. 1 — Imprint of dicranophyton; 2 — Imprint of a twig of Pteridospermatophyta; 3 — Imprint of the body of polychaete worm; 4 — Shell of belemnite; 5 — Shell of ammonite; 6 — Shell of brachiopoda; 7 — Vertebrae of ichthyosaur; 8 — Teeth of shark; 9 — Imprint of fin of Teleostei; 10 — Imprint of Conulata; 11 — Mammoth thoracic vertebra with traces of ancient human impact; 12 — A fragment of the lower jaw of a mammoth; 13 — A fragment of the upper jaw bone of a bison; 14 — A fragment of the lower jaw of a wolf; 15 — A fragment of the lower jaw of an Arctic fox; 16 — A fragment of the lower jaw of a woolly rhinoceros; 17 — A fragment of the lower jaw of a brown bear

5000 артефактов из камня, а также несколько костей и бивней со следами обработки. Анализ каменной индустрии показал, что она ориентирована на мелкопластинчатое производство. Это доказывает серия нуклеусов и ножевидных пластин, часть которых представлены в экспозиции выставки. Украшением предметного ряда стал позвонок мамонта, пробитый вкладышевым наконечником копыя (рис. 1.-11). Геологический возраст этой уникальной находки, полученный в трех разных лабораториях, показал, что столкновение животного и охотника произошло $\approx 13,5$ тыс. л.н. (Макаров, Резвый, 2009, с. 26).

Эпоху мезолита иллюстрируют материалы двух крупных поселенческих комплексов: Балинское-73 (2-я половина VIII — 1-я половина VII тыс. до н.э.) и Большой Салым-4 (середина VIII — VII тыс. до н.э.), соответственно более 10 и 8,5 тыс. предметов. Несмотря на территориальную и хронологическую близость, направленность каменной индустрии памятников диаметрально противоположна, что свидетельствует о существовании в мезолите региона двух разных традиций. Балинское-73 ориентировано на галечное расщепление (так называемая «кварцево-сланцевая индустрия»), с преобладанием в орудийном наборе шлифованных орудий, прежде всего топоров и тесел. Крупная абразивная плита (инвентарный номер ХМ-17486/512) со следами длительной эксплуатации (рис. 2.-6) и рубящее орудие вошли в предметный ряд выставки. Для Большого Салыма-4 характерно мелкопластинчатое производство, ориентированное на изготовление вкладышевых орудий (Балуева, Коноваленко, 2016, с. 252). Здесь типичными экспонатами стали миниатюрные нуклеусы, резцы и изделия на ножевидных пластинах.

Неолит на выставке представлен так называемой «неолитической триадой» с поселения Чэс-тый-яг (середина VI — середина V тыс. до н.э.). В триаду входят шлифованные топоры/тесла, ножи и наконечники стрел. Эти изделия являются своеобразной «визитной карточкой» региона, которые подчеркивают индивидуальность неолитической индустрии севера Западной Сибири (Косинская, 2010; Васильев, Косинская, 2022). Кроме этого, экспозицию дополнили нуклеусы и керамика, украшенная внутренним валиком, с памятника Няксимволь.

Эпоху энеолита демонстрируют артефакты с уже упомянутого археологического комплекса Большой Салым-4. В течение 2014–2015 гг. здесь изучено семь погребений, совершенных по обряду кремации (пять) и ингумации (два). Могильник датируется последней третью IV тыс. до н.э. (Коноваленко, Балуева, 2019). Разнообразный сопроводительный инвентарь представлен в том числе уникальными предметами: объемная неполная фигурка зверька (ХМ-18796/1) семейства куньих(?) из обожженной глины (рис. 2.-2); обломок крупного листовидного клин-

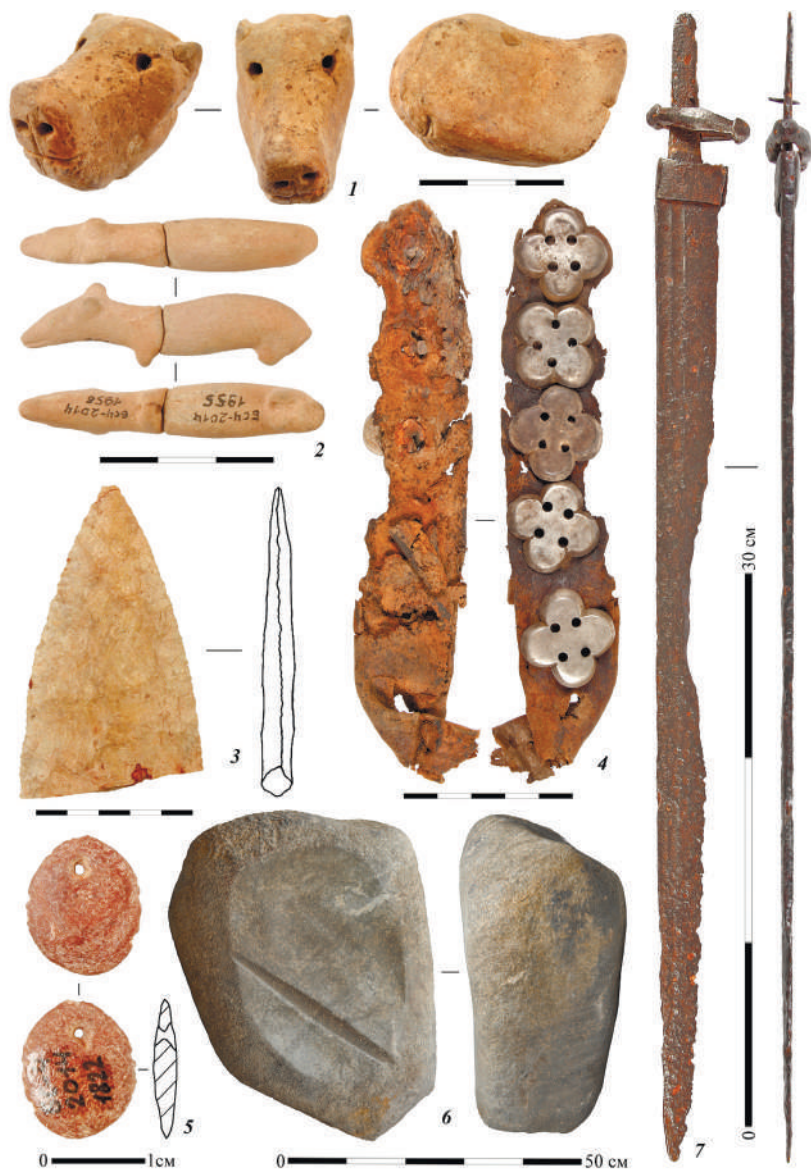

Рис. 2. 1 — Большая Сага-25; 2, 3, 5 — Большой Салым-4;
 4, 7 — Священная Кедровая Роща; 6 — Балинское-73
 Fig. 2. 1 — Bolshaya Saga-25; 2, 3, 5 — Bolshoi Salym-4;
 4, 7 — Svyaschennaya Kedrovaya Roscha; 6 — Balinskoye-73

ка (ХМ-18796/2) из кварцитовидного сливного песчаника, обработанный по всей поверхности стелющейся ретушью (рис. 2.-3); каменная шлифованная подвеска (ХМ-18796/29) овальной формы с отверстием под верхней дугой (рис. 2.-5). Кроме этого, в могилах обнаружены целые и фрагментированные керамические сосуды, наконечники стрел, абразивы, шлифованные топоры, острие на пластине и т.п.

Одни из самых ярких находок эпохи бронзы региона происходят с памятников сейминско-турбинского типа — это могильник Сатыга-ХVI (конец III — рубеж III–II тыс. до н.э.) и поселение Пашкин Бор-I (Сатыга-ХVI..., 2011). Наиболее представительные экспонаты выставлены в основной экспозиции музея (бронзовые ножи, кремневые орудия, двухстворчатые литейные формы и т.п.). Выставку «50+» украсило открытое блюдо — «миска» (ХМ-10826/171) и фрагменты костяных изделий с могильника Сатыга-ХVI. Кроме этого, материалы выставки по эпохе дополнила глиняная голова медведя (ХМ-18404/1) с поселения Большая Сага-25 (рис. 2.-1), обнаруженная в 2019 г. (Собольникова, Кузина, 2021, с. 382).

Эпоха РЖВ представлена экспонатами с памятника Няксимволь-1, который сотрудники отдела археологии музея исследовали на протяжении пяти полевых сезонов (Собольникова, Кузина, 2018). Прежде всего, это материалы кулайской культуры: миниатюрный керамический сосуд; бронзовые перстни с крупным орнаментированным щитком; костяной гребень с орнитоморфным навершием; глазчатые бусины; бронзовая антропоморфная фигурка, «одетая» в ткань; изделие из трубчатой кости с антропоморфной гравировкой; кельт и втульчатый наконечник стрелы, отлитые из бронзы.

Наиболее уникальные экспонаты эпохи средневековья извлечены из Спецхрана музея, где, помимо прочего, хранятся археологические артефакты из драгоценных металлов. Выставку украсила серебряная чаша предположительно IX–XII вв. (случайная находка) с рукоятью и вызолоченным рельефным медальоном на дне. На медальоне изображен мужчина, сидящий «по-турецки» и прижимающий к себе животное, напоминающее бобра (ХМ-12548).

Другим экспонатом стал фрагмент кожаного пояса (ХМ-15923/62) с серебряными фигурными шпеньковыми накладками (рис. 2.-4) с могильника Священная Кедровая Роща, датированный концом VI — VII в., Предметный ряд с этого же памятника дополнили: железный однолезвийный палаш — ХМ-15923/157 (рис. 2.-7) и бронзовая поясная накладка с изображением медведей в жертвенной позе (Кардаш, Слесаренко, Родин, 2021). А также миниатюрная глиняная фигурка с памятника Большая Сага-39, отображающая сидящего человека. Накальчатые линии на антропоморфные повторяют контуры и декоративный орнамент одежды. Подобная мелкая пластика известна в комплексах IX–XII вв. севера Западной Сибири и Зауралья (Собольникова, Кузина, 2021, с. 383, рис. 59.-2).

Завершают экспозиционный ряд отдела археологии предметы с первого русского города Югры — Березовского городища (основан в 1593 г.) — это шахматные фигурки, выполненные из бивня мамонта, и берестяная грамота, найденная на памятнике в 2018 г. (ХМ-17317/205). Предположительно, документ представляет собой фрагмент договора между «Григори Сосипетр» (возможно, это два человека) и Овдокимом, заключенный ими в 1721(?) г.

Уникальность данной выставки заключается в совмещении музейных предметов с фотодизайном и информационным контентом. Экспозиционное пространство, разделенное на специальные тематические блоки, подробно раскрывает все основные вехи деятельности двух научных отделов, что позволяет посетителям получить как новые знания, так и яркие впечатления.

Список источников

Балуева Ю.В., Коноваленко М.В. Археологический комплекс на р. Большой Салым (по материалам исследований 2014 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 14. Томск; Ханты-Мансийск, 2016. С. 232–258.

Васильев Е.А., Косинская Л.Л. Кремневая индустрия поселения Чэс-тый-яг в контексте урало-западносибирского неолита // XXII Уральское археологическое собрание. Курган, 2022. С. 24–25.

Кардаш О.В., Слесаренко И.В., Родин С. Священная Кедровая Роща: формирование и развитие религии салымских хантов в VI–XX веках. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 19. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2021. 170 с.: ил.

Коноваленко М.В., Балуева Ю.В. Новые данные о погребальном обряде эпохи раннего металла в Сургутском Приобье (по материалам комплекса Большой Салым-4) // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург, 2019. С. 133–135.

Косинская Л.Л. Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников севера Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2010. №2 (27). С. 13–24.

Макаров С.С., Резвый А.С. Освоение территории центра Западной Сибири в позднем плейстоцене (по материалам стоянки Луговское) // Уфимский археологический вестник. 2009. Вып. 9. С. 22–27.

Сатыга-ХVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург, 2011. 192 с.: ил.

Собольникова Т.Н., Кузина А.В. Археологические исследования в с. Няксимволь в 2017 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 16. Томск, 2018. С. 313–327.

Собольникова Т.Н., Кузина А.В. Археологические исследования в нижнем течении р. Конды в 2018–2019 гг. // Археологические открытия. 2019 год. М., 2021. С. 380–384.

Информация об авторах / Information about the Authors

Александр Викторович Шмидт, Музей Природы и Человека, заведующий отделом археологии; 628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 11, кандидат исторических наук, tison172@mail.ru

Alexandr V. Schmidt, Museum of Nature and Human, Department of Archaeology, Head of the Department; 628011, Russia, Khanty-Mansiysk, Mira st., 11, Candidate of Sciences (History), tison172@mail.ru

Константин Евгеньевич Протодяконов, Музей Природы и Человека, отдел палеонтологии, заведующий отделом палеонтологии; 628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 11, <https://orcid.org/0009-0003-2121-0824>

Konstantin E. Protodyakonov, Museum of Nature and Man, Department of Palaeontology, Head of the Palaeontology Department; 628011, Russia, Khanty-Mansiysk, Mira Street, 11, <https://orcid.org/0009-0003-2121-0824>

*Статья принята к публикации 25.03.2024.
The article approved after reviewing 25.03.2024.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ (АлтГУ) — Алтайский государственный университет.
АлтГПУ (АлтГПА) — Алтайский государственный педагогический университет (академия).
АН — Академия наук.
АНО — Автономная некоммерческая организация.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БГПУ (БГПИ) — Барнаульский государственный педагогический университет (институт).
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет.
ГААК — Государственный архив Алтайского края.
ГАНИИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГЭ — Государственный Эрмитаж.
ИА — Институт археологии.
ИАЭ (ИАЭТ) — Институт археологии и этнографии.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии.
ИПОС — Институт проблем освоения Севера.
КДААКР — Комитет по делам архивов администрации Каменского района.
КНДР — Корейская Народно-Демократическая Республика.
КН МНВО РК — Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).
МАЭА — Музей археологии и этнографии Алтая.
МБУ — Муниципальное бюджетное учреждение.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НАН КР — Национальная академия наук Кыргызской Республики.
НГУ — Новосибирский государственный университет.
НМ РТ — Национальный музей Республики Татарстан.
НМРА — Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина.
НОА — Научно-отраслевой архив.
НПЦ — Научно-производственный центр.
ОмГУ — Омский государственный университет.
РАН — Российская академия наук.
РАХ — Российская академия художеств.
РНФ — Российский научный фонд.
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
СА — Советская археология.
СО — Сибирское отделение.
СО НКО — Социально ориентированная некоммерческая организация.
СОШ — средняя общеобразовательная школа.
СССР — Союз Советских Социалистических Республик.
ТГУ (ТомГУ) — Томский государственный университет.
УНИЛ — учебно-научно-исследовательская лаборатория.
ЦИК — Центральный исполнительный комитет.

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Выпуск XXX

Редактор: Н.Ю. Ляшко

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Редактор англоязычных аннотаций: Е.А. Россинская

Дизайн-обложки: А.А. Тишкин

*Для оформления обложки использован фотоснимок «царского» кургана
на памятнике Урочище Балчикова-3 в Чарышском районе Алтайского края,
предоставленный С.П. Грушиным*

Подписано в печать 15.04.2024. Выход в свет 24.04.2024.

Бумага офсетная. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 22,09. Тираж 100 экз. Заказ №201.

Издательство Алтайского государственного университета:

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66